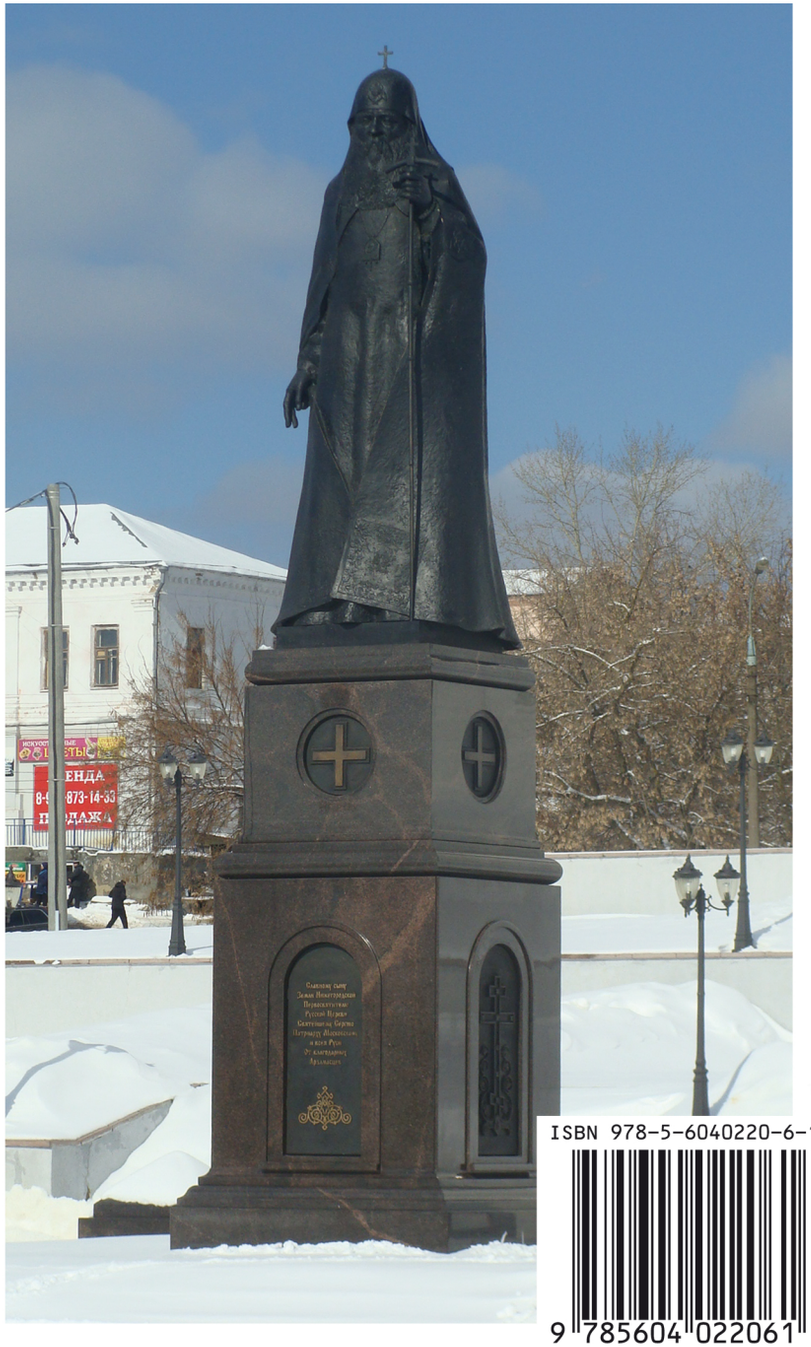

ISBN 978-5-6040220-6-1

9 785604 022061

14

ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

2018

Государственная
АРХИВНАЯ СЛУЖБА
Нижегородской области

ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Выпуск XIV

АРЗАМАС 2018

**Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО»
Арзамасский филиал**

**Государственное казенное учреждение
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ,
г. Арзамас**

ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

***Сборник статей участников
XV Региональной научно-практической конференции
(7 декабря 2017 г.).***

Выпуск XIV

**Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2018**

УДК 930.1/2 (093)
ББК 63.211 я43+79я43
В74

Рецензенты:
Доктор исторических наук, профессор Е.П. Титков;
Директор ГАНО, г. Арзамас А.А. Гурьянов

Редакционная коллегия:
В.И. Грубов (ответственный редактор), А.А. Исаков (научный редактор)

В74 ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: сборник статей участников XV Региональной научно-практической конференции (7 декабря 2017 г.). Выпуск XIV / Отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – 258 с. + 12 с. ил.
ISBN 978-5-6040220-6-1

В сборнике представлены доклады участников XV Региональной научно-практической конференции «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе», проведенной на базе Арзамасского филиала Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского 7 декабря 2017 г. Участниками конференции были сотрудники архивов и музеев, краеведы, преподаватели, аспиранты и студенты вузов и средних учебных заведений, работники и учащиеся школ Нижегородского региона. В их докладах рассматриваются различные аспекты локальной истории с древнейших времен до наших дней.

Сборник адресован преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам, школьникам и всем интересующимся историей родного края.

УДК 930.1/2 (093)
ББК 63.211 я43+79я43

ISBN 978-5-6040220-6-1

© Арзамасский филиал ННГУ, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ С ДРЕВНОСТИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Свистунова Е.С. Металлические элементы в составе ожерелий средневековой арзамасской мордвы по материалам могильников ……... 6

Петряшин А.С. Пьянское побоище: новый взгляд на старые мифы 11

Варенцова Л.Ю. К вопросу о развитии дворцового хозяйства в России XVII века (царские поля в Нижегородском крае) 20

Сочнев Ю.В. Критические заметки по поводу локализации Турунова оврага в Нижнем Новгороде и методов краеведческого исследования ……..... 23

Клюшина А.Е. «Село Кремёнки на речке на Кремёнке» ..…….. 33

Неупокоева В.Ю. Основные орнаментальные мотивы резьбы по дереву у арзамасской мордвы ……. 39

Инжутов А.А. К вопросу о христианизации мордвы в Арзамасском уезде в XVII – первой половине XVIII века …….. 44

Арясов Н.В. Предварительные итоги археологических исследований на территории города Арзамаса …….. 52

Кузьмина А.И. Статистический анализ керамического материала культурного слоя Арзамаса XVIII-XIX вв. ……..... 57

Андронов А.С. Арзамасский городовой магистрат …… 64

Николаев Д.А. Медико-санитарное обеспечение нижегородского ополчения 1855 г. ……..…….. 67

Скрябина С.А. Методы преподавания естественнонаучных дициплин в России рубежа XIX-XX вв. (на примере Арзамасского реального училища) ……..... 72

Раздел II. ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Кудряшова А.С. Численность, профессиональный состав и условия труда промышленных рабочих Арзамаса и Арзамасского уезда в начале XX века …….. 77

Кузнецова О.В. Забастовка как основная движущая сила революционных событий начала XX века в России (на примере предприятий г. Арзамаса) …….. 81

Балахонова И.Н. Арзамас в условиях Февральмской буржуазно-демократической революции 1917 г. ……. 88

Гурьянов А.А. Развитие революционных событий 1917 г. в Арзамасе …… 92

Коннова О.Н., ***Косолапова И.С.***	Документальные, изобразительные и вещевые источники периода революционных событий 1917 г. в Арзамасе в экспозиционно-выставочном проекте историко-художественного музея г. Арзамаса	97
Давыдова Е.А., ***Субботина И.А.***	Личность в революционных событиях 1917 г. в Нижегородской губернии: М.И. Сумгин ……	104
Смирницкий А.Е., ***Кузнецова А.И.***	Политическая деятельность Ариадны Тырковой-Вильямс в 1917-1918 гг. …….	107
Потанин С.Н.	Чему учат уроки истории? К 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции (обзор архивных документов и СМИ). …….	113
Ефимов О.В.	Историография крестьянского движения в России в период Гражданской войны и интервенции ..……	124
Потороев А.В.	Арзамасский уезд в период «военного коммунизма» …….....	130
Смирницкий А.Е., ***Никифорова В.В.***	Развитие системы общественного питания в Нижегородском (Горьковском) крае в период индустриализации ……...	140
Исаков А.А.	Хлебопекарная промышленность Арзамаса в 20-30-е годы XX века ……...	144
Смирницкий А.Е., ***Смирнов А.Ю.***	Роль Шахунского молокозавода в развитии г. Шахуньи в 1934-1992 гг. ……	151
Ляпин Д.А.	Реализация указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 июля 1940 г. на судостроительных и судоремонтных заводах Горьковской области в предвоенные месяцы …….	157
Подрепный Е.И., ***Титков Е.П.***	Эвакуация самолетостроительных заводов СССР в 1941-1942 гг.: опыт современной историографии	163
Краснов А.А.	Проблемы организации производства на авиазаводах СССР в первые послевоенные годы (1946-1948 гг.): опыт источниковедческого анализа	174
Нагорных О.С.	Источники по истории апробации методов китайской медицины в СССР в фондах ЦАНО (1950-1990-е гг.) …….	180
Саечников В.С.	Применение информационных технологий в создании баз данных ……...	185

Раздел III. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Пакшина Н.А.	Нижегородские Демидовы в революционные и послереволюционные годы ……	189

Кауркин Р.В.	Член-корреспондент АН СССР С.И. Архангельский (1882-1958): новые факты биографии ……..	194
Архипова В.В.	Память арзамасцев о выдающемся земляке: к 150-летию со дня рождения Патриарха Сергия (Страгородского) ……..	200
Родина Г.И.	«Арзамасская правда» на страницах областной периодики 1920-1930-х гг. (к 100-летию газеты) ……	204
Колосунин Е.В.	Об истории звания «Почетный гражданин города Арзамаса» ……..……...	210
Маслова Е.И., Щетинин А.И.	К истории церкви села Виняево Арзамасского района ……	215
Соколов Д.А., Хорева Н.В.	К истории строительства Владимирского собора в Сергаче …….	220
Хорева Н.В., Шаматова Ю.Ю.	Специфика воспитания и образования в старообрядческой культуре (на материалах села Чернуха Арзамасского района) …….	224
Харчевников А.В., Харчевникова Н.А., Завьялова С.В.	Духовная жизнь Сокольского района Нижегородской области (XX-XXI вв.) …….……	228
Дмитриев Ю.М., Завьялова С.В.	Исторический экскурс по страницам семейного альбома ……..……...	233
Новикова Т.О., Завьялова С.В.	Железная дорога: жизнь и судьба одной трудовой династии ……...	238
Сергачёва К.В.	Советский период истории в экспозиции школьного музея поселка Мухтолово ……..	241
Воробьёва О.В.	Организация исследовательской деятельности учащихся в обучении истории ……...	246
Петрунина А.Д., Седова В.Ю.	Исследование документов Арзамасского госархива на выявление биологических вредителей …….	250

НАШИ АВТОРЫ……... 256

Приложение 1 (к статье А.С. Петряшина)
Приложение 2 (к статье Ю.В. Сочнева)
Приложение 3 (к статье В.Ю. Неупокоевой)
Приложение 4 (к статье Н.В. Арясова)
Приложение 5 (к статье А.И. Кузьминой)
Приложение 6 (к статье О.Н. Конновой и И.С. Косолаповой)
Приложение 7 (к статье Р.В. Кауркина)
Приложение 8 (к статье Е.И. Масловой и А.И. Щетинина)
Приложение 9 (к статье Н.В. Хоревой и Ю.Ю. Шаматовой)

Раздел I
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ С ДРЕВНОСТИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 902

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СОСТАВЕ ОЖЕРЕЛИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРЗАМАССКОЙ МОРДВЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ

METAL ELEMENTS IN THE COMPOSITION OF MEDIEVAL NECKLACES ARZAMAS MORDOVIANS ON THE MATERIALS OF BURIAL GROUNDS

Е.С. Свистунова
E.S. Svistunova
Арзамасский филиал ННГУ,
историко-филологический факультет, магистрант
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: svistunova.k@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу комплексов шейных украшений – ожерелий средневековой мордвы-эрзи – по материалам погребений трех крупных могильников, расположенных на территории Арзамасского края (Заречное II, Красное I и Стёксово II). Детально рассматриваются и классифицируются металлические элементы, входившие в состав ожерелья. Дается сравнение с находками ожерелий на близлежащих памятниках Восточной Европы.

Ключевые слова: средневековая мордва, погребальный костюм, ожерелья, металлические элементы.

Summary: The article is devoted to the analysis of necklaces complexes of the medieval Mordva-erzya, based on the three large burial grounds, located in the Arzamas territory (Zarechnoye II, Krasnoye I and Styoksovo II). The metal elements that were part of the necklace are examined and classified in detail. This gives a comparison with other finds of necklaces on nearby monuments of Eastern Europe.

Key words: Medieval Mordva, burial costume, necklaces, metal elements.

Средневековые памятники мордовского населения, в большей степени некрополи, дают обширный материал для изучения и реконструкции внешнего облика человека, жившего в ту эпоху. Среди погребального инвентаря большим массивом выделяются многочисленные атрибуты женского и мужского костюма и его украшения. Помимо этнических специфичных украшений, в погребениях могильников арзамасской мордвы присутствуют и другие элементы, в целом характерные для всего средневекового мира Восточной Европы. К ним относятся и ожерелья, преимущественно состоящие из бус и других деталей (металлические и неметаллические элементы – обереги, подвески, пронизки и др.).

Ожерелья были весьма распространены в женском костюме мордвы. Но большое количество разрозненных бус, найденных на дне погребений или в их засыпке, весьма трудно бывает причислить к тому или иному украшению. Вариантов использования стеклянных и металлических бус, пронизок, шумящих подвесок достаточно много. Разрозненные на дне погребения или найденные в засыпке элементы (бусы, привески, пронизки), которые по характеру крепления могли бы находиться в составе ожерелья, не рассматривались. В данной статье нами рассмотрены преимущественно отдельные комплексы сложносоставных ожерелий, расположенных в районе шеи и груди погребенного, в женских и в мужских погребениях, а также в составе дарственного комплекса. В качестве основного источника материала взяты такие крупные могильники арзамасской мордвы, как Заречное II, Красное I и Стёксово II.

Все металлические элементы ожерелий нами классифицированы, в первую очередь, по их форме и составу, в отдельных случаях рассмотрены и другие характеристики (способ крепления, датировка, аналоги и пр.).

Металлические детали ожерелья можно разделить на две большие группы – одинарные и составные. К ***одинарным элементам*** относятся:

* бусы полые, бронзовые, со сквозным отверстием, округлой формы. Нанизывались на нить ожерелья или крепились с помощью продетой в отверстие бусины металлической проволоки с утолщением с одной стороны (для закрепления бусины) и крючком для привешивания к нити;

* бусы полые, бронзовые, округлой формы, с двуполуовальным пояском посередине, с двумя ушками для крепления на противоположных полушариях. Соединяются металлическими звеньями цепочки.

Медные полые бусы известны в небольшом количестве на марийских памятниках, но более сложного оформления (одночастные и двух-, трехзвеньевые, с зубчатым кольцом у отверстия или вытянутыми в форме раструба концами). Металлические бусы на муромских могильниках редки и в целом для муромы не характерны, так же как и не характерны для мери [1, с. 25; 2, с. 25; 3, с. 166-169]. На среднецнинских могильниках доля металлических бус весьма мала (всего три экземпляра, что составляет 0,008% от всей массы бус, где преобладают стеклянные). Все три экземпляра имеют круглое поперечное сечение. Среди них две бусины шаровидной формы, усеченные дважды с ободком по краям, и одна цилиндрическая с валиками по краям [4, с. 82, 83].

* тонкие спиральные бронзовые пронизки. Нанизываются на нить ожерелья. Являлись разделителями между другими типами привесок и подвесок. Имеют широкое распространение и датировку, использовались в составе ожерелий и в других составных украшениях на финских памятниках средневековья.

* трапециевидные привески из цветного металла, состоящие из тонкой пластины, вытянутой формы, с кольцом для подвешивания, продетым в отверстие верхней части пластины. Известны варианты с двумя-тремя шишечками по нижнему краю – «лапчатые». Трапециевидные подвески И.Г. Розенфельдт делит на три группы. Подвески первого вида неустойчивой трапециевидной фор-

мы, близкой к подтреугольной, с нечеткими пропорциями и зачастую с закругленными углами. Датируются VI – началом VIII вв. Подвески второго вида имеют более четкие пропорции и углы, датируются VIII – первой половиной IX вв. Третий вид имеет высокие пропорции с узким основанием, иногда орнаментированы. Подвески третьего вида наиболее близки к тем, что найдены на могильниках Арзамасской мордвы. И.Г. Розенфельдт датирует их IX-XI вв. Такие подвески имеют широкое распространение на позднедьяковских памятниках и на памятниках прилегающих территорий [5, с. 25-30].

* конусовидные привески. Имеют вытянутую форму полого конуса, гладкие и с рядами валиков по нижнему краю. Подвешиваются на нить ожерелья при помощи кольца из тонкой проволоки, продетого в отверстие верхней части конуса. Единичные конусовидные привески – бронзовые и серебряные – известны на муромских могильниках (Желтухинском, Максимовском, Нижневерейском, Подболотьевском, Чулковском); они зачастую входили в комплексы ожерелий. Подобные конусовидные привески найдены на Лядинском могильнике в составе сложных нагрудных привесок. Также конусовидные привески использовались в качестве украшений пластинчатых серповидных гривен. Такая серебряная гривна известна на могильнике Притёшской мордвы – Выползово IV, в погребении № 25. Найдены такие гривны с конусовидными привесками по нижнему краю в Лядинском, Томниковском, Втором Журавкинском, Шокшинском, Перемчалкинском могильниках, в могильнике у поселка Красный Восток и в целом были характерны для мордвы IX-X вв. [2, с. 56; 6, с. 80; 7, с. 13, 18; 8, с. 229].

* бубенчики линейнопрорезные. Встречаются двух форм – шаровидные гладкие и грушевидные с тройным рельефным пояском. Территориально являются широко распространенным украшением в составе различных украшений на финских и древнерусских памятниках. М.В. Седова указывает, что в древней Руси бубенчики выполняли двойную функцию: использовались в качестве привесок к украшениям костюма, а иногда – в роли пуговиц. М.В. Седова по Новгородским слоям датирует бубенчики X-XIV вв., указывая, что шаровидные бубенчики с линейной прорезью появились несколько позже (в XI веке), нежели грушевидные. Г.Н. Белорыбкин отмечает, что бубенчики в Среднем Поволжье начинают изготавливаться с IX века под воздействием салтовской моды [9, с. 156; 10, с. 110].

* бронзовый колокольчик простой полусферической формы, с ушком для подвешивания, выходящим из тела колокольчика, диаметром основания около 1 см. Найден в составе ожерелья на могильнике Заречное II, в погребении № 71 вместе с янтарными, гагатовыми и другими бусами, датированными В.Н. Мартьяновым на памятниках Арзамасской мордвы концом X – XIII вв. [8, с. 46, 264]. Аналог известен на Троицком городище, датируется И.Г. Розенфельдт VI-VII вв. [5, с. 19]. В муромских могильниках в VII-IX вв. чаще встречаются колокольчики подобной формы, но без ушка, с отверстием для продевания шнурка [2, с. 56].

* дирхем с отверстием (Насра ибн Ахмеда (914-943)) найден в женском погребении № 125 могильника Заречное II, в районе черепа. Отверстие в монете свидетельствует о его использовании в качестве подвески [8, с. 54]. Монетовидные привески, в том числе и дирхемы с отверстием или с ушком для подвешивания, известны на муромских могильниках – Малышевском, Максимовском, Подболотьевском [2, с. 52; 11, с. 131]. Монеты в составе ожерелья найдены и на мерянских памятниках – в культурном слое Сарского городища и в комплексе клада 1930 г. В основном, это дирхемы VIII века со следами от ушка для подвешивания [3, с. 166-169].

* единичной находкой культового христианского типа среди металлических украшений ожерелья является нательная иконка-подвеска, найденная на могильнике Заречное II, в погребении № 16. Иконка из цветного металла имеет форму квадратного щитка с выпуклым полуокруглым рубчатым обрамлением и с ушком для подвешивания. На лицевой стороне изображение богоматери с младенцем. Подобные иконки известны на русских памятниках – в городе Ярополч Залесский и несколько в пределах Владимиро-Суздальского княжества [8, с. 37].

К ***составным элементам*** относятся:

* трубчатые (полуцилиндрические) шумящие подвески; они не многочисленны в могильниках мордвы Притёшья. Вариации таких украшений представлены более широко на могильнике Стёксово II. В основе таких украшений полуцилиндрическая основа с петлями для подвешивания на оборотной стороне. Внешняя поверхность орнаментирована поперечными одинарными или тройными полуовальными перемычками, иногда с зернью на верхней части или же встречается трубчатая часть с ложновитым орнаментом. От трубчатой части отходят по три или четыре кольца, на которые подвешены трапециевидные привески гладкие или с двумя шишечками по углам («лапчатые») [8, с. 12, 129, 148, 137: Табл. 55, 62, 81, 70]. Трубчатые шумящие подвески широко распространены на муромских памятниках. В качестве привесок к ним использовали бутыльчатые, ромбические, колокольчатые привески, «привески-лапки» и др. [2, с. 52-53]. Известны и на среднецнинских могильниках мордвы [7, с. 15-16].

* ажурная шумящая подвеска найдена в составе ожерелья в мужском погребении № 60 могильника Стёксово II вместе с трубчатыми шумящими подвесками. В основе подвески – ажурный прямоугольный щиток, состоящий из рядов прямых и волнистых линий и тройными полуовальными поясками по бокам. В нижней части подвески восемь колец с подвешенными к ним привесками. Каждая привеска состоит из трех звеньев цепочки и «лапчатой» привески ромбовидной формы с шишечками по трем углам. Ажурные подвески характерны для муромских могильников, чаще для женских погребений. В.В. Гришаков и Ю.А. Зеленеев указывают, что в IX – первой половине X века у муромы существовало характерное только для нее «подгрудное ожерелье», состоящее из двух прямоугольных ажурных щитков с привесками по центру и полуцилиндрическими (трубчатыми) шумящими подвесками по бокам.

Вся эта конструкция нанизывалась на кожаный ремешок или полотняный поясок [2, с. 53; 12, с. 106].

Среди соединительных элементов можно выделить звенья цепочки из тонкой проволоки в форме «восьмерки», цепочки из проволоки круглого сечения с кольцами, развернутыми в разные, перпендикулярные плоскости.

Реконструкция всего состава элементов ожерелий и их различные вариации – достаточно сложная и порой невыполнимая операция. Сложность заключается в том, что разрушенные костяки и тление тканей в погребениях с ингумацией не дают полной картины расположения определенных украшений. Та же сложность и в погребениях с кремацией. Одни и те же украшения могли располагаться в разных местах погребения. Похожие элементы могли быть в составе ожерелья, привешиваться к височным кольцам или входить в состав накосника, пришиваться к подолу платья и т.д. Дары, приносимые умершим, тоже могут вносить некую путаницу вследствие того, что разные виды украшений находились в одном скоплении. Та же путаница складывается и с украшениями и их деталями, найденными в засыпке погребений. Поэтому очень важно учитывать аналоги, где сами комплексы погребений с более хорошей сохранностью и более ясным расположением украшений. Подобные и аналогичные украшения мы находим как на памятниках изучаемой культуры, так и на памятниках родственных и территориально близко расположенных культур.

Так, металлические элементы в ожерельях – распространенное явление на памятниках мордвы-мокши. Например, чередующиеся бронзовые пронизки с другими типами металлических привесок найдены в 50% всех женских погребений Лядинского могильника [7, с. 15]. Та же картина наблюдается и на муромских, марийских памятниках. Ожерелья на могильниках мери редки, но, учитывая немногочисленность погребальных памятников, утверждать о степени их распространенности было бы неверно, так как большое количество бус и различных металлических деталей известны по поселенческим памятникам.

Основываясь на написанном выше, можно сказать, что металлические элементы в составе ожерелья притёшской мордвы были знакомы многим племенным образованиям близлежащих территорий. Различаются они, в основном, степенью распространения и незначительными деталями оформления. Это свидетельствует о некой культурной общности, торговых связях и обмене опыта ювелирного мастерства, что на фоне специфичных этнических атрибутов сохраняется единый облик финского мира Восточной Европы, на который уже с конца I тысячелетия активно начинает влиять западная славянская культура, не говоря о более ранних связях и влиянии юга и востока.

Источники и литература

1. Архипов Г.А. Марийцы IX-X вв. К вопросу происхождения народа. – Йошкар-Ола, 1973.

2. Бейлекчи В.В. Древности Нижнего Поочья: погребальный обряд и поселения летописной муромы. – М., 2005.

3. Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. – М., 1996.

4. Терехова Н.В. Бусы среднецнинской мордвы как исторический источник: дис. канд. истор. наук. – М., 2014.

5. Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. – М., 1982.

6. Гришаков В.В. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1988. Вып. 85.

7. Воронина Р.Ф Лядинские древности: Из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века. – М., 2007.

8. Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. – Арзамас, 2008.

9. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). – М., 1981.

10. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. – Пенза: ПГПУ, 2003.

11. Зеленцова О.В., Милованов С.И. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. – М.-Вологда, 2015.

12. Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. Мурома // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.

УДК 908

ПЬЯНСКОЕ ПОБОИЩЕ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ МИФЫ

THE MASSACRE AT THE RIVER PYANA:
A NEW LOOK AT OLD MYTHS

А.С. Петряшин
A.S. Petryashyn
Кандидат исторических наук, член Союза архитекторов России,
архитектор-реставратор
607220, Нижегородская область, г. Арзамас
E-mail: arh1949@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается сражение татарских и русских войск на реке Пьяне под Сергачём в 1377 г. Анализируются путь движения войск Араб-шаха, место расположения русского военного лагеря и причины гибели русских воинов.

Ключевые слова: река Пьяна; русский лагерь; движение войск Араб-шаха; сражение; гибель русских воинов.

Summary: The article discusses the battle of Tatar and Russian troops at the river Pyana under Sergach in 1377. Analyzed the path of movement of Arab Shah' troops, the location of Russian military camp and the death of Russian soldiers.

Key words: the river Pyana; Russian camp; the movement of Arab Shah' troops; the battle; the death of Russian soldiers.

С начала 40-х гг. XIV века Великое Нижегородское княжество росло и бурно развивалось. Этому способствовало и удачное (как в торговом, так и в военном отношении) географическое положение – на слиянии рек Оки и Волги. Общее положение Московской Руси тоже укреплялось. Молодой московский князь Дмитрий Иванович (впоследствии Донской), продолжая дела своих предков, упорно и кропотливо собирал из разрозненных княжеств Русь в единый мощный «кулак», готовясь сбросить ненавистное ордынское иго. Вот и Нижегородское княжество, старейшее и богатейшее, по совету мудрого митрополита Московского Алексия, Дмитрий Иванович по-родственному присоединил к Москве, взяв в жены Евдокию – дочь нижегородского князя.

Дмитрию в его большом и благородном деле постоянно мешали: то новгородские ушкуйники-разбойники, в 1371 г. пограбившие Поволжье и Засурье, то отряды Мамая (1375 г., 31 марта): *«…пришли татары из Мамаевой орды, взяли и сожгли Кишь и боярина Парфения Фёдоровича убили и Запьянье все пограбили… людей посекли, а иных в плен увели»* [1, с. 38]. И вот новая тревожная весть – ордынский царевич Араб-Шах (Арапша) переправился через Волгу и с несколькими туменами стоял в мордовских лесах, готовый к нападению.

Дмитрий Иванович, собрав полки, спешно выдвинулся в Нижний Новгород, чтобы на рубежах Русской земли дать отпор врагу. Каким путем – летопись, к сожалению, не сообщает, но с большой долей уверенности можно предположить, что по суше. Некогда было на лодках петлять по извилистым рекам Клязьме и Оке. Прямой, а значит, и самый быстрый путь: Москва – Муром – Павловский Перевоз – Нижний Новгород, по правому берегу Оки, по Берёзополью. По левому берегу Оки пройти в те времена было невозможно – топи и болота, низинный берег Оки и пойма Клязьмы. Ездили во Владимир и Москву, делая крюк через Городец-Радилов.

Войско прибыло в Нижний и готовилось к бою, а воевать-то не с кем. Ордынцы где-то потерялись. Что называется, ни слуху ни духу. Не появились татары ни через день, ни через неделю, ни через месяц. Неотложные дела ждали московского князя. Оставив сильный заслон из нижегородцев, суздальцев, владимирцев, муромцев и воинов других смежных княжеств, Дмитрий с главными силами ушел в Москву.

Вот как об этом сообщает летопись: *«Того же лета перебежа из Синей Орды за Волгу некоторыи царевич именем Арапша и восхоте ити ратию к Новугороду Нижнему в силе тяжьце, и не бысть вести про царевича Арапшу, и возвратися* [Дмитрий Иванович] *на Москву, а посла на них воеводы своя, а с ним рать Володимерьскую, Переяславскую, Юрьиевскую, Муромьскую, Ярославьскую, а князь Дмитрий Суждальскыи посла сына своего князя Ивана да князя Семена Михайловича, а с ними воеводы и воя многи.*

И бысть рать велика зело, и поидоша за реку Пиану, и прииде к ним весть, поведоша им царевича Арапшу на Влчии воде (Волчьи воды за рекой Сурой – ***А.П.***)*, они же оплошишася и небрежением хожаху, доспехи свои въскла-*

доша не на телеги, а иные в сумы, а у иных сулицы еще и не насажены бяху, а щиты и копиа не приготовлены, а ездят, порты своя с плечь спущав, а петли ростегав, аки роспрели, бяше бо им варно, бе бо в то время зноино. А где наехаху в зажити мед или пиво и испиваху до пиана без меры и ездят пианы, поистине за Пианою пиани (за рекой Пьяной сами сделались пьяные – ***А.П.***). *А старейшины или князи их, или бояре старейшии и велможи, или воеводы, те все поехаша ловы деюще* (на охоту – ***Авт.***)*, утеху си творище, мняцееся, акы дома. А в то время погани князи Мордовстии подведоша а таю рать Татарьскую из Мамаевы Орды на князей наших, а князем не ведущим, и про то им вести не было, и доидоша наши пару* (река Пара возле Сергача – ***А.П.***)*, абии погани разделишася на 5 плъков* (полков – ***А.П.***) *и внезапу из невести удариша на нашу рать в тыл, биюще и колюще и секуще без вести. Наши же не успеша ничто же, что бы им створити, побегоша к реце к Пиане, а Татарове после, биюще, и ту убиша князя Семена Михайловича и множъство бояр, князь же Иван Дмитриевич побежа въторопе к реце к Пиане, гоним напрасно, и вержеся* (упал – ***А.П.***) *на коне в реку и ту утопе и с ним истопоша в реце множъство бояр и слуг и народа бещисленно. Си же злоба сдеяся месяца августа 2 день, на память святого мученика Стефана, в неделю в шестый час дне, о полудне. Татарове же одолевше христианом и сташа на костех, полон весь и грабежь ту оставиша, а сами поидоша к Новугороду к Нижнему изгоном без вестию Князю же Дмитрию Костянтиновичу не бысть силы стати противу и на бои, но побежа в Суждаль, а люди горожане Новгородстии разбежашася в судех в верх по Волзе к Городцу. Татарове же приидоша к Новугороду Нижьнему месяца августа 5 день, в среду на память святого мученика Еусегния, в канун Спасову дни, остаточных людеи гражан избиша, а град весь и церкви и монастыри пожгоша, и сгорело церквей в граде 32. Отоидоша же погани от града в пятницу иноплеменници волости Новгородскыя воюючи, а селы жгучи, и множьство людей посекоша, а жены и дети и девицы в полон бещисла поведоша. Того же лета пришед преже реченыи царевич Арапша и пограби Сурие и огнем пожьже и тогда того же месяца августа и приеха князь Василии Дмитриевич из Суждаля Новъгород Нижнии, посла и повеле выняти из рекы изо Пианы брата своего князя Ивана, и привезоша его в Новъгород и плакашася над ним и положиша его в церкви каменои Святого Спаса в притворе на правой стороне за неделю по Оспожине дни, в тьи де день, месяца августа в 23»* [2, с. 15].

Это трагическое событие, произошедшее на Нижегородской земле, довольно тщательно разобрано как в общероссийской историографии, так и в литературе краеведческого плана. И все авторы, комментируя текст, вторят летописцу, который, с вполне понятным чувством укоризны и обиды за русских, пишет об их беспечности, граничащей с глупостью, низкой дисциплине русского воинства, которое порубили как капусту и потопили в реке как слепых котят. Русское воинство заняло заранее проигрышную военную позицию – имея в своем тылу достаточно полноводную реку. Разнагишались и напились пьяными. Разомлели и купались в речке. Военачальники разъехались по соседним ле-

сам гонять оленей. Воины побросали, где попало, оружие и наивно доверились каким-то мордовским обманщикам. В итоге было убито и уведено в рабство огромное количество народа, сгорел большой прекрасный город, в котором одних только храмов было 32. Целое княжество запустело, так и не возродившись как самостоятельное.

Конечно, небрежности и беспечности, а также дружбы с хмельным зельем русским не занимать. Тем не менее, необходимо более тщательно проанализировать каждое слово летописи и взглянуть на это событие с несколько иной точки зрения. Неужели все были такими наивными дураками – воеводы, не раз водившие свои войска в бой; профессиональные воины, практически не выпускавшие оружия из рук!? Разберем ситуацию по пунктам.

1. Русские полки расположились за рекой Пьяной, оставив ее у себя в тылу. Выбор позиции и искусство передвижения в бою знали как «Отче наш». Оценки за учебу ставила сама жизнь. Не выучил урока – погибаешь. Поэтому, если смотреть на географическую карту места сражения ***(Приложение 1, рис. 1)***, а не от руки нарисованную схему, то мнение будет меняться.

Место это точно установлено. Рядом ныне располагаются такие деревни, как Семёновка, Пошатово, Акузово, Вязовка, Овечий Овраг, Рыбушкино, Кузминка, Уразовка, а если двигаться на север, в сторону Нижнего, то село Кочко-Пожарки и через реку, на левом берегу Пьяны, город Сергач, известный по летописям с XIV века. Итак, русское войско расположилось на правом берегу Пьяны, рядом с уже тогда существовавшей большой посольской дорогой (Царской Сакмой), идущей из Мурома в Заволжье. В этом месте, где в настоящее время располагается поселок Уразовка, Сакму пересекала дорога, идущая на северо-запад, на Сергач и далее через Пьяну на Нижний Новгород. В обратную сторону, в юго-восточном направлении, – через Сеченово на Курмыш. Судя по важности городов, к которым она идет, пересекающая Сакму дорога тоже торная, а следовательно, это был хорошо известный и удобный брод через Пьяну прямо в тылу русского войска.

Читаем летопись дальше: *«…и доидоша наши пару».* Куда они дошли? Смотрим на двухкилометровую карту и видим небольшую реку Пары, которая на протяжении 32 км течет с юга-запада на северо-восток и впадает справа в Пьяну недалеко от деревни Вязовка. В свою очередь, в реку Пары слева впадает небольшая речушка (на карте безымянная) по довольно глубокому, с крутыми берегами, оврагу. Кроме того, от истока этой безымянной речушки, возле деревни Трёхозёрки, через водораздел, возле деревни Карга, берет свое начало другая небольшая речка – Пица, текущая с юго-востока на северо-запад и впадающая в Пьяну возле деревни Яново. По этому последнему водоразделу и шла Царская Сакма. Таким образом, поле, на котором расположилось русское войско, было прикрыто естественными преградами со всех сторон, образуя замкнутый круг. Войско контролировало перекресток – Царскую Сакму и пересекавшую ее дорогу на Нижний Новгород и в другую сторону (на Алатырь), брод через Пьяну, за которым на левом низком берегу находился, очевидно, обоз. Вто-

рая половина лета, жара – следовательно, самый низкий уровень воды в Пьяне и на переправе.

Выше к Волге, по реке Суре, нижегородский князь Борис Константинович в 1372 г. построил крепость Курмыш. Окраина Великого Нижегородского княжества в то время проходила по рекам Суре, Пьяне и Серёже. Границы укреплялись устройством засечных полос. В засечных полосах прокладывались тайные тропы и наблюдательные пункты на ключевых высотах, на дорогах оборудовались охраняемые ворота. Засечная полоса проходила по правому высокому и лесистому берегу, создавая дополнительную линию обороны с юга.

На расстоянии 25-30 верст (это примерно два часа пути всаднику на резвой лошади) по направлению на юго-восток – большая водная преграда (река Сура), на юго-запад – высокий берег реки Пьяны. На этих рубежах, откуда ожидалось нападение врагов, опытные воеводы по военным правилам, законам самосохранения и здравого смысла, надо полагать, тоже выставили посты наблюдения. Вот позиция сборных дружин. Чем она плоха? С точки зрения военной науки – грамотная и очень хорошая! Если учесть еще и то, что русские воины, сознавая свою силу, пришли сюда, в открытое поле биться с давно ненавистным врагом, а не отсиживаться за стенами укреплений. Кстати сказать, позиция, которую займут русские полки через три года, в 1380 г., на Куликовом поле была почти такой же, даже хуже. В тылу реки Непрядва и Дон, справа Нижний Дубровник, слева Смолка. К сожалению, результаты сражений разные: на Дону – радость победы, на Пьяне – горечь поражения.

2. *«А где наехаху в зажитии мед или пиво и испиваху до пианы без меры и ездят пианы, поистине за Пианою пианы»*. Летописец в этих строках язвительно обвиняет воинов в чрезмерном потреблении хмельного зелья, и, вроде бы, все становится ясно. Пьяный человек на ровном месте сам себе лоб расшибет и утонуть может в любой луже. Много могут выпить и три русских мужика, а если их несколько тысяч?.. Это сколько нужно медовухи, чтобы напоить их допьяна? Винокуренных заводов не было в чистом поле, да и с собой столько хмеля не везли, на войну все же ехали. К тому же, в такую жару трудно было выпить много медовухи – потогонное средство. В местных мордовских селениях, которые проезжали, тоже вряд ли могли столько наготовить меда и пива. Может быть, и было несколько случаев, когда воины в дороге медовуху пили и дисциплину нарушали, но маловероятно, чтобы это было масштабным и решающим в этом событии. И река Пьяна получила свое название все-таки от тех изгибов и «кренделей», которые она выписывает при своем течении по равнинной местности, а не от «Пьянского побоища».

3. *«…А ездят, порты своя с плечь спущав, а петли ростегав, аки роспрели»*. В жару под +40°С в тени, когда на солнце все +70°-80°, в металлическом шлеме можно варить похлебку, а на щите, обитом металлическими пластинами, – жарить яичницу, о кольчуге и говорить нечего. Поэтому постоянно носить их на себе не было никакой возможности, да и необходимости. Ну, разделись. Из обмундирования остались в одних льняных рубахах, а купались, что естественно и вероятно, – голыми. Что в этом необычного и предосудительного? Оружие

во время стоянок держат в пирамидках или в телегах под рукой, чтобы во время тревоги можно было быстро облачиться в доспехи и вооружиться.

4. *«…Воеводы, те все поехаша ловы деюще, утеху си творще, мнящееся, акы дома»*. Вероятно, все-таки воеводы не все сразу, а по очереди ездили на охоту. В такую жару продукты портятся быстро, а холодильников тогда, как известно, не было. Здоровым мужикам-воинам для питания нужно свежеприготовленное мясо. Тем более, что в окрестных лесах было много разной дичи. Поэтому полководцы со своими приближенными промышляли пропитание для войска, а заодно и дальние секретные посты проверяли. Самим посмотреть окрестности и изучить местность очень важно. Следовательно, эти действия не только не предосудительные, но и необходимые. И, наконец, главное. Если бы «набольшие», т.е. главные князья Иван Дмитриевич и Семен Михайлович были на охоте, как сообщает нам летопись, а услышав шум боя, осторожно выглядывали бы из-за деревьев, утирая скупую мужскую слезу по брошенному войску, то они бы остались живы. И, думается, впоследствии летопись об этом событии сообщила бы иначе. Однако у победы много героев, а у поражения – один или два!? Погибли русские витязи вместе со своим войском. Недаром потом их канонизировали как местночтимых святых.

5. *«…Князи Мордовьстии подведоша в таю рать Татарьскую из Мамаевой Орды на князей на наших»*. Жадность, глупость и предательство – три порока человеческих, от которых много бед случилось. Жадность мордовских князей, которые захотели «чужими руками жар загрести». Глупость – доверчивость русских князей, поверивших мордовским князькам. Как же надо было обмануть и распалить при этом русских незлопамятных мужиков, чтобы они во время карательного похода по мордовским зимникам, уже зимой того же года, на льду Оки травили собаками и топили предателей в проруби?

6. Как же все случилось? *«…Абии погани разделишася на 5 плъков и внезапу из невести удариша на нашу рать в тыл»*. Думается, слова «в тыл» здесь ключевые. Необходимо было очень хорошо знать местность и тайные тропы в засечной полосе для того, чтобы обойти скрытые наблюдательные посты русских, быстро провести большое войско и с ходу, не останавливаясь, сокрушительно ударить в тыл. К сожалению, летопись не сообщает нам, каким путем прошли татарские отряды, откуда был нанесен удар, но из топографической ситуации ясно, что, вероятнее всего, это можно было сделать с юго-запада. С все той же Сакмы, идущей из Мурома со стороны арзамасских мест.

Автор летописи по рассказам воинов, чудом спасшихся из этого ужаса, сообщает нам, что враги разделились на пять полков – частей. Для этого, как нам кажется, необходимы проемы в какой-то преграде. Очень подходит здесь засечная полоса. Трое ворот на трех дорогах и две тайные тропы, через которые предатели и провели врагов.

Последние сообщения о войске Арапши пришли с места «Волчьи воды», что за рекой Сурой. После этого он затаился. И долгое время о нем не было вестей. Значит, шел с опаской, без особой наглости, чувствовал силу окрепших русских дружин. И даже для ордынцев здесь нужен был мордовский провод-

ник. Пройти в обход можно следующим образом. С Волчьих вод обогнуть район города Алатырь, Мансыров угол, пройти до нынешней Пузской слободы, перейти здесь реку Алатырь, выйти в пойменные луга реки Тёши и под прикрытием высокого правого берега дойти до нынешнего села Силино (в этом месте до сих пор мост через Тёшу носит название Симбирский) – недалеко от деревни Поя. Далее, обязательно ночью, выйти на Сакму, в районе Юрьево переправиться через Пьяну, а рано утром ударить по спящему русскому войску.

Еще раз обратимся к летописи: *«…Наши же не успеша ничто же, что бы им створити, побегоша к реце к Пиане, а Татарове после, бююще, и ту убиша князя Семена Михайловича и множество бояр, князь же Иван Дмитриевич побежа въторопе к реце к Пиане, гоним напрасно, и вержеся на коне в реку и ту утопе и с ним истопоша в реце множество бояр и слуг и народа бещислено»*. «Разговорим» эти строки. Если бы воины, по сообщению летописца, беззаботно плескавшиеся в реке, неожиданно подверглись нападению врага, как бы они поступили? С голыми руками по скользкому берегу полезли бы на острые сабли ордынцев? Вряд ли. Поняв, что дело проиграно, а спасительный противоположный берег рядом, переплыли не слишком широкую реку и засверкали голыми пятками в ближайший лес. Была бойня, русских воинов рубили, гнали к реке и топили в давке и суматохе. Очень похоже, что напали на еще спящих людей. *«…Си же злоба сдеяся месяца августа 2 день, … в неделю в шестый час дне, о полудне»*. В какой половине дня? О второй половине дня обычно говорят «пополудни», т.е. после полудня. В первой – тогда получается около полудня. Рано утром, что наиболее вероятно, произошло это событие.

Разбирая подробно детали этого широко известного кровавого события общероссийского масштаба, хочется, вопреки сложившемуся мнению, изменить точку зрения и взглянуть на эту трагедию под другим углом. И хотя бы через 640 лет сделать попытку реабилитировать очерненных летописцем русских воинов. Легко свалить вину на мертвых – они ответить не могут. Воины погибли на поле, все-таки, сражения за родную землю. Да, на поле брани бывают как яркие победы, так и горькие поражения. Обыграл, обманул Арапша русских князей на реке Пьяне. Но через три года объединенные русские дружины под командованием московского князя Дмитрия Ивановича на Куликовом поле отомстили ордынцам и за Пьянское побоище, и за годы унижения под игом. Возможно, кто-то из воинов, спасшихся на Пьяне, сражался с ордынцами на Куликовом поле, плечом к плечу со своими братьями. Летопись сообщает нам: *«Сказал после битвы князь великий Дмитрий Иванович: “сосчитайте, братья, сколько воевод нет, сколько служилых людей”…, да 50 бояр Новгорода Нижнего,… да 35 бояр владимирских, да 50 бояр суздальских, да 40 бояр муромских»*.

В заключение хочется привести яркие строки из исторического романа Михаила Каратеева «Русь и Орда». Вот как он описывает сражение на Пьяне. *«…По-иному развивались события у брода, где стоял звенигородский полк. Здесь не было заметно растерянности и все мужественно сражались, повинуясь руководящей воле князя Федора, который сохранял полное хладнокровие и*

всегда вовремя оказывался там, где натиск татар особенно усиливался, и люди его начинали сдавать.

Благодаря тому, что отряд, посланный Араб-шахом для овладения бродом, подошел сюда на несколько минут позже, чем другие напали на суздальский лагерь, – звенигородцы успели приготовиться и налетевших ордынцев встретили дождем стрел и сулиц. Федор Андреевич приказал целить не во всадников, а в коней, и это распоряжение сразу себя оправдало: раненные лошади падали на землю, некоторые начинали метаться, внося расстройство в ряды татар. Это настолько ослабило стремительность первого, самого страшного натиска, что, доскакав до ограды из телег, всадники не смогли взять ее с налету и, пораженные в упор русскими стрелами и копьями, вынуждены были отхлынуть.

Только один из них, видимо начальник, – желая увлечь остальных, а может быть, просто зарвавшись, на быстром как птица коне подлетел к телегам и с победным криком перемахнул через них в русский стан. Но никто не последовал его примеру, и минуту спустя смельчак пал, пронзенный несколькими копьями сразу.

– За коня ему спасибо, – промолвил подошедший сюда князь Федор, – такого не вдруг найдешь. Ну, а сам он тут не надобен! – С этими словами он поднял тело татарина, с которого один из воинов только что снял кольчугу, и, взмахнув им над головой, перебросил обратно через телеги. Федор Андреевич сделал это с умыслом: богатырская сила русского воеводы произвела должное впечатление и на его собственных людей, и на татар, ободрив первых и внушив страх вторым.

В течение получаса звенигородцы держались стойко. Татары, окружив их слабое укрепление полукольцом, засыпали его стрелами, но защищенные телегами воины несли мало потерь и, в свою очередь, метко били из-за укрытий по осаждающим. Дважды ордынцы с устрашающим воем бросались на приступ, но оба раза были отбиты.

Федор Андреевич хорошо видел, что происходит у соседей, и понимал, что как бы храбро ни сражались его собственные воины, – им не устоять, когда татары управятся с суздальцами и перебросят сюда все свои силы. Но он решил, пока в том будет надобность, любой ценой удерживать брод, чтобы дать возможность отойти за реку всем уцелевшим от разгрома. Поначалу эта мера себя оправдывала, и тысячи две муромцев и владимирцев, стоявших ближе к броду, успели перейти на другой берег, прежде чем татары отрезали этот путь.

…Самая злая сеча шла возле той группы бойцов, где сражался князь Федор Андреевич. Его исполинская фигура, в кольчуге и шлеме шишаке, на две головы возвышалась над другими, – татары уже знали, что это русский князь и душа столь жестокого сопротивления, а потому все свои усилия направили на то, чтобы с ним скорее покончить. Но это было нелегко: тяжелый меч князя Федора, – в полтора раза длиннее обычных, – был в непрестанном движении и

разил насмерть всех, до кого мог достать. Не прошло и нескольких минут, а вокруг него земля была усеяна трупами татар, сам же он оставался невредим.

...Он быстро окинул взглядом поле сражения. Его людей оставалось уже совсем мало: только в двух или трех местах, спинами друг к другу, стояло еще несколько русских воинов, из последних сил отбиваясь от ордынцев.

Возле князя в живых оставалось пятеро. Одного из них Федор Андреевич хорошо знал: это был звенигородский кузнец Митяйка, мужик лет сорока, славившийся своей медвежьей силой. Ростом он был ниже князя на добрых поларшина, но в плечах едва ли не шире. На него не влезала ни одна кольчуга, и он вышел в поход в доспехе своего собственного изготовления. Это была длинная, почти до колен, кожаная рубаха, сверху донизу обшитая всевозможным железным хламом: тут были и сломанные подковы, и старые болты, и куски колесных ободьев, и все прочие виды металлических отбросов, которыми была богата Митяйкина кузница. Весило это сооружение немало, и таскать его на себе обычному бойцу было не под силу, но кузнец, казалось, нисколько не был обременен такою тяжестью и знатно работал мечом: по количеству лежащих вокруг него татарских тел он смело мог потягаться со своим князем.

– Держишься, Митяй? – участливо спросил Фёдор Андреевич, смазывая кровь с лица. Рубанувший его татарин все же задел ему щеку, чего в пылу схватки он и не заметил.

– Стою, княже! Господь пособляет, да и доспех хорош, – сверкнул Митяйка белыми зубами. – Кажись, еще и не ранен.

... – Что, княже, кажись, мы последними остались? – спросил он, тяжко дыша и тоже озираясь вокруг.

– Будто так... Все христианство полегло, подходит и наш черед. Но, пока Господь не призвал, будем биться еще. Пусть басурманы покрепче запомнят нынешний день!

– Вестимо, княже! Только, ежели мы останемся стоять на месте, одни среди поля, они нас копьями и стрелами враз забьют. Давай лучше сами на них ударим!

– То и я думал. Ну, Митяюшка, брат мой во Христе и во брани, прощаться не будем: вместе идем к престолу Божьему. А теперь вперед, за Святую Русь!

И два русских богатыря – князь и кузнец, – глянув на небо и перекрестившись, бок о бок бросились на вражье войско» [3, с. 322-329].

Источники и литература

1. Кузнецов Е.В. Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях. Хрестоматия. – М., 1992.

2. Филатов Н.Ф. Нижегородский край. Хрестоматия (История в документах с древнейших времен до 1917 года). – Арзамас, 2001.

3. Каратеев М.Д. Русь и Орда. Т. 2. – М., 1992.

УДК 908

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ДВОРЦОВОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ XVII ВЕКА (ЦАРСКИЕ ПОЛЯ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ)

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF THE PALACE ECONOMY IN RUSSIA OF THE XVII CENTURY (ROYAL FIELDS IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION)

Л.Ю. Варенцова

L.Yu. Varentsova

Нижегородская академия МВД РФ, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент

603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

E-mail: l_varentsova65@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о развитии дворцового хозяйства в Нижегородском крае в XVII веке. Особое внимание уделяется такой повинности дворцовых крестьян, как работа на царских полях.

Ключевые слова: дворцовые вотчины, повинности дворцовых крестьян, царские поля.

Summary: The article deals with the development of the palace economy in the Nizhny Novgorod region in the 17th century. Particular attention is paid to such an obligation of the palace peasants as work on the royal fields.

Key words: palace estates, duties of palace peasants, royal fields.

Особое место в сфере феодального землевладения Российского государства занимал царский домен (фр. *domaine*, от лат. *dominimum* – *владение*) – царские наследственные земельные владения, состоявшие из вотчин в разных уездах, городов, волостей, сел, слобод, деревень, лесов, рек, озер, лугов. Московскому государю принадлежало право на обладание недвижимым имуществом для содержания себя, своего семейства и царского двора. Эти владения носили название дворцовых и состояли в ведении придворных приказов [1, с. 181]. В XVII веке на территории царского домена развивалось самостоятельное дворцовое хозяйство, включавшее различные отрасли производства, пахотные земли, лесные массивы, угодья, сады, постройки, инвентарь. Оно обслуживалось, в основном, трудом дворцовых уездных и посадских людей. Дворцовое землевладение относится к частному землевладению [2, с. 65]. Одной из основных повинностей государевых крестьян считалась работа на десятинной пашне, либо вместо нее – на дворцовых поташных промыслах [3, с. 155-158].

Государева десятинная пашня упоминается в документах с начала XVII века. В «Обозрении историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа» отмечено, что еще при царе Борисе Годунове существовала *«десятня государевой десятинной пашни»* в Белогородском, Елецком, Курском, Старооскольском уездах [4, с. 362-363]. При Михаиле Федоровиче Романове расширились географические рамки территорий, где возделывалась государева десятинная пашня. К 1619 г. в их разряд во-

шли земли Воронежского и Новгородского уездов [4, с. 364-365]. К обработке десятинной пашни стали привлекать дворцовое крестьянство. В хозяйстве Тайного приказа (1660-1670-е гг.) десятинные пашни играли важную роль. Их заводили подмосковные царские села. Обычно под десятинную пашню отводились лучшие земли. Дворцовые крестьяне подмосковных сел – Коломенского [5, д. 1362, л. 2], Воробьёва [5, д. 1362, л. 7 об.], Братовщины [6, д. 1293, л. 7 об.], Пахрина, Екатерининской Рощи и Ермолина [7, д. 53158, л. 44-44 об.] – трудились на государевой десятинной пашне.

В 1668-1669 гг. по распоряжению из Тайного приказа на дворцовые поля в Домодедовскую волость поставлялись лошади из Нижегородского уезда [8, с. 157]. В 1663-1664 гг. десятинную пашню обустроили в Нижегородском уезде в селе Популово, в Терюшевской волости, в селе Смерды и Лычево Юрьевского уезда. В делах Хлебного приказа, тесно связанного с приказом Тайных дел, отмечалось, что в указанный период имели место побеги крестьян с царских полей [8, с. 23]. Хлебные запасы поступали в Москву из городов Богородицкий, Скопин, Романов [8, с. 23], сел Чашниково, Мурашкино, Лысково, Гридино [8, с. 28]. В Хлебном приказе велись сметные списки и росписи о том, *«сколько в городех и во всех пашенных селех десятинного хлеба родилось»*, сколько по факту находилось в сельских житницах, в каменных зернохранилищах в приказе [8, с. 22]. Были известны книги «посевные», «ужинные», «умолотные» ржаному, яровому, всякому хлебу. Показателен пример деятельности царя Алексея Михайловича, который развивал хозяйство Тайного приказа. По данным 1675 г., на территории, подведомственной Тайному приказу, располагалось свыше 5,8 тыс. десятин в одном поле, т.е. почти 18 тыс. десятин в трех полях [9, с. 170]. Государеву десятинную пашню возделывали крестьяне Курмышского уезда (села Лысково, Мурашкино, Гридино) [10, с. 143], Городецкой волости [11, с. 21].

В «Делах Тайного приказа» за 1666 г. имеется *«столп о пашенных заводах и о хлебных делах… Городецкой волости, Романовской, Скопинской, Лысковской, Мурашкинской и тех сел Хлебного приказу 174* (т.е. 1666 – ***Л.В.***) *г.»* [8, с. 715]. Лысковские крестьяне пахали на великого государя десятинную пашню в селе Мурашкино по 240 десятин в поле, *«а в дву потому ж»* [10, с. 144]. В Лыскове на берегу реки Волги был житный двор великого государя с 17-ю житницами [10, с. 144]. Весь урожай хлеба поступал на государевы кружечные дворы и винное куренье [10, с. 144]. *«Под Лысковом на ключах две винокурни со всеми винокуренными заводы…, а вино курят и пиво варят на великого государя на Лысковский кружечный двор. А хоромное строение и всякие заводы строены казною великого государя»* [12, с. 128]. В селе Мурашкино государевой десятинной *«середней»* земли было 560 десятин, а крестьянской земли – всего лишь 144 десятины [6, д. 1520, л. 8]. Для управления дворцовыми пашнями в селе Мурашкино Курмышского уезда, кроме приказчика, был направлен особый человек из дворцовой администрации – *«засевщик»* [6, д. 1520, л. 8]. Среди дворов крестьян и бобылей Мурашкина выделялись особо *«двор приказчиков да двор съезжей, да двор засевщиков»* [6, д. 1520, л. 3 об.].

В государевой запашке применялась трехпольная система. Удобрение полей считалось необходимым. Очень осмотрительно относились к выбору места под различные хлеба. Хлеб с десятинной государевой пашни поступал в казну, шел на жалованье служилым людям, на корм лошадей ратных людей, на царские винокурни. В связи с увеличением десятинной пашни барщинные повинности крестьян выросли. Дворцовые крестьяне отвечали на увеличение повинностей массовыми побегами и активным сопротивлением, для подавления которого Тайный приказ прибегал к военной силе. В обязанность крестьянам вменялось поставлять десятинный хлеб в Москву. В 1667 г. группа крестьян из дворцовой Городецкой волости Балахнинского уезда сбежала со стругов во время возки государева хлеба. На весь Городец возложили ответственность за поведение беглых работников, наказав штрафом за невыполнение царского указа в 429 рублей 16 алтын 4 деньги [13, с. 815]. Таким образом, расцвет дворцового пашенного хозяйства наблюдался в годы функционирования Тайного приказа. Подбор территорий определялся с тем расчетом, где можно было завести *«десятинную пашню большую»*.

Источники и литература

1. Загоскин Н.П. История права Московского государства. – Казань, 1871. – Т. 1.

2. Маньков А.Г. Государство и право России второй половины XVII в. – СПб., 1998.

3. Варенцова Л.Ю. Дворцовые поташные промыслы в XVII в. // Вопросы истории. – 2014. – № 5.

4. Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающееся в книгах Разрядного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1884. – Кн. 4.

5. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1239. Оп. 52.

6. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2.

7. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 36.

8. Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией (далее – РИБ). – СПб., 1907. Т. 21. – Кн. 1.

9. Буганов В.И. Мир истории. Россия в XVII столетии. – М., 1989.

10. Водарский Я.Е. Опись владений Хлебного приказа как источник по социально-экономической истории и исторической географии России второй половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1970 г. – М., 1971.

11. Заозерский А.И. Царская вотчина в XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. – М., 1937.

12. Писцовая книга села Лыскова и Лысковского уезда К.И. Данилова и подьячего Г. Михайлова 1680-1681 гг. // Памятники писцовых описаний двор-

цовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII в. / сост. А.И. Комисаренко, Н.Ю. Болотина, А.Ю. Кононова. – М. - СПб., 2010.
13. Дела Тайного приказа // РИБ. – СПб., 1904. – Т. 23. – Кн. 3.

УДК 908

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ЛОКАЛИЗАЦИИ ТУРУНОВА ОВРАГА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ И МЕТОДОВ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

CRITICAL NOTES CONCERNING LOCALIZATION OF TURUNOV OVRAG IN NIZHNY NOVGOROD AND METHODS OF THE LOCAL HISTORY RESEARCH

Ю.В. Сочнев
Yu.V. Sochnev
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент
603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12
E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

Аннотация: В статье разбирается дискуссионный вопрос о местонахождении в Нижнем Новгороде в XVII веке Турунова оврага, от которого зависит правильное определение расположения стен Нового острога.

Ключевые слова: Нижний Новгород в XVII веке, Писцовая книга 1621-1622 гг., Турунов овраг, Новый острог.

Summary: The article addresses a debatable question of the precise location of Turunov ovrag in Nizhny Novgorod in the 17th century, which determines the correct location of the Noviy Ostrog walls.

Key words: Nizhny Novgorod in the 17th century, Pistsovaya Kniga of 1621-1622, Turunov ovrag, Noviy Ostrog.

В Писцовой книге по Нижнему Новгороду 1621-1622 гг. в связи с описанием Нового острога, построенного (или отремонтированного) в 1618 г., упоминается Турунов овраг, к которому *«через Почайну поперег Ямское улицы»* выходила одна из его стен [1, стб. 15]. Второе упоминание связано с указанием рва у Нового острога: *«А отъ Почайны до Турунова врага выкопанъ ровъ большой…»* [1, стб. 16]. Эти сведения были известны предшествующим исследователям истории развития нижегородских укреплений. Именитый краевед И.А. Кирьянов описал этот участок обтекаемо, без конкретизации применительно к современному ландшафту: *«Далее линия стен проходила вдоль современной ул. Урицкого* (ныне ул. Сергиевская – ***Ю.С.***) *и упиралась в овраг (существующий и сейчас), носивший название "Турунов". На месте существовавшего здесь выхода рва развился небольшой отрог оврага. Вдоль края оврага линия стены спускалась вниз к берегу Оки, пересекая современную ул. Маяковского»* [2, с. 39-40]. На схеме укреплений, составленной автором, названия оврагов не

указаны, и на берегу р. Оки изображено всего лишь два оврага, а не три, как в действительности. Историк и архитектор С.Л. Агафонов отождествлял Турунов овраг с Успенским оврагом, никак не аргументируя свои соображения, и на этом основании выводил стену Нового острога от р. Почайны к р. Оке по склону именно последнего [3, с. 31, 40]. Приоритетными в этом вопросе оказываются представления археолога В.Ф. Черникова, хотя и их нельзя назвать безупречными [4, с. 109, 112-113]. Таким образом, определилась неясность в истории создания Нового острога, связанная с прохождением завершающего участка стены от р. Почайны к р. Оке и порожденная отсутствием четких указаний на расположение упомянутых в Писцовой книге оврагов (***Приложение 2, рис. 1 и 2***).

В 2013 г. появилась статья А.В. Данилова, где в ходе определения местонахождения в Нижнем Новгороде так называемых «Дятловых гор» давалась локализация Гремячего и Святого ручьёв, а также упомянутого только в Писцовой книге Турунова оврага [5]. Выводы этого автора вызвали возражения пишущего данные строки, в результате чего в 2016 г. появилась критическая статья, где разбирались некоторые ошибочные положения и приводились контраргументы [6][1]. Здесь необходимо сделать разъяснение. После того как эта критическая статья была подготовлена и отправлена составителю сборника «Нижегородский краевед», по всей видимости, текст еще не опубликованной работы был предоставлен А.В. Данилову, который подготовил ответ. Эта контрстатья, по решению составителя и научного редактора Ф.А. Селезнёва, была размещена в сборнике перед критической статьей автора данных строк [7]. Такая ситуация в академических кругах традиционно расценивается как консолидация с публикуемыми результатами, тем более, что в выпуске 2 «Нижегородского краеведа» отсутствует указание на возможность несовпадения мнения автора статьи с позицией редакционной коллегии. Точка зрения автора сих строк на результаты исследования А.В. Данилова не изменилась, а вышеозначенные обстоятельства сделали принципиально необходимым подготовку настоящей статьи.

Рассмотрим аргументы, выдвинутые А.В. Даниловым в защиту своей версии локализации Турунова оврага в Нижнем Новгороде. Делать это будем в порядке изложения оппонентом.

П. 1. Он считает, что точное местоположение «Турунова врага» можно определить: *«По соотношению Ильинских ворот “Нового острога” с прилегающими территориями»* [7, с. 78].

Используя сведения из Писцовой книги (*«Едучи из-Ыльинских ворот, из Нового острогу, Болшою ж Ильинского улицею на право к Петушкову в первой переулок...»* [1, стб. 160]), автор определяет, *«что линия стен у Ильинской проездной башни “Нового острога” не охватывала район “Петушково”. Единственным оврагом, отделяющим “Петушково” от той части Ильинской горы,*

[1] Воспользуемся случаем, чтобы исправить досадные описки, допущенные в этой статье. На стр. 95 во втором абзаце название улицы следует, разумеется, читать не Ильинской, а Рождественской. Хотя истинное название улицы определяется по контексту, автор признает свою вину за допущенную ошибку и приносит читателю извинения.

что была защищена "Новым острогом", был современный Почтовый съезд (бывший Успенский съезд). Следовательно, это и есть искомый "Турунов враг"» [7, с. 78]. К сожалению, этот аргумент выглядит как очевидная подгонка сведений под уже имеющийся вывод, а не результат конкретно-исторического анализа.

Во-первых, нужно отметить, что есть большая проблема с интерпретацией и локализацией такой микроместности на территории Нижнего Новгорода XVII века, как «Петушково». В своих статьях А.В. Данилов исходит из постулата, им же самим и сформулированного, что это *«отвершек Ильинской горы»*, но точно его не локализует. Далее определяет, что *«средний отрог* (Ильинской горы – ***Ю.С.***) *именуется как "Петушково", но без приставки "гора". Отмечается и отличающееся от такого понимания описание местности "Петушково"»* [5, с. 45-46], но оно произвольно истолковывается в нужном автору ключе. Из схемы, прилагаемой к статье, видно, что А.В. Данилов район «Петушково» помещает, применительно к современной топографии Нижнего Новгорода, между улицей Суетинской, набережной Федоровского и Почтовым съездом. В целом, такая локализация выглядит достаточно расплывчатой и неубедительной, поскольку во многом вытекает из ошибочных трактовок данных Писцовой книги [См.: 6, с. 98-99]. Но именно из этого понимания источника и исходит А.В. Данилов, выдвигая свой первый аргумент в защиту своих выводов о расположении Турунова оврага. В действительности, в Писцовой книге вышеозначенный район вблизи набережной Федоровского вообще не упоминается, поскольку, вероятнее всего, во время проведения переписи не был заселен.

Большая часть имеющихся в Писцовой книге определенных упоминаний «Петушкова» и Петушковой улицы связаны с Сергиевским монастырем: *«Монастырь Сергиевской, что на Петушкове…»* и т.п. [1, стб. 36, 160, 161, 279]. При таком понимании этой микроместности XVII века первый аргумент А.В. Данилова ничего не подтверждает из его построений и выглядит как-то не логично. Из описи дворов ямских охотников в Старом остроге ясно видно, что Петушкова улица, Домрачев переулок и Телячья улица находились в верхней части этого городского укрепления [1, стб. 295-298], и пройти к ним с Большой Ильинской улицы было достаточно легко.

П. 2. Второй способ, предложенный А.В. Даниловым для определения местоположения «Турунова врага», читается так: ***«По упоминаниям стен "Нового острога" при описании торговых рядов и "зарядья"»*** [7, с. 78]. Далее в его статье приводится перечень сведений Писцовой книги из девяти пунктов, где упоминается Новый острог на нижнем посаде. После этого делается вывод: *«Косвенно это указывает на то, что вся западная половина современной ул. Рождественской в прошлом находилась за пределами "Нового острога"»* [7, с. 79]. С таким выводом никто, собственно говоря, и не спорил, он вполне очевиден. Но вот как приведенные сведения подтверждают предлагаемое А.В. Даниловым месторасположение Турунова оврага, он не объясняет. Судя по содержанию сообщений, никак. Возьмем для примера п. 6 из приводимого им перечня сведений Писцовой книги: *«Да за новым острогом на берегу Волги*

реки по песку анбарики, и лавочки, и шелаши...» [1, стб. 272]. Как упоминание стены Нового острога на берегу даже не Оки, а Волги (т.е как минимум в 0,5 км от спорного места) может подтвердить тождественность Успенского и Турунова оврагов, на чем настаивает А.В. Данилов, понятно только ему. Такой метод доказательства можно оценить как отвлекающий, направленный на размывание предмета спора и создающий видимость научности.

П. 3. Третий аргумент оппонента гласит: *«По соотношению двора и амбара Олексея Маслухина с "Новым острогом"»* [7, с. 79].

Амбар *«посадцкого человека Олексея Маслухина»*, поставленный *«на дворовом месте для запасу»,* располагался *«против новые острожные стены»* в переулках Большой Кузьмодемьянской улицы (с оговорками условно ее можно отождествить с современной ул. Рождественской) в нижнем посаде Нижнего Новгорода, а рядом зафиксирован *«Маслухин колодезь под Ильинскою горою»* [1, стб. 114]. *«Двор с огородом и с садом»* этого нижегородца действительно записан на *«Успенской улице»* [1, стб. 105], но совсем не вблизи церкви *«Успенья Пречистые Богородицы»* [1, стб. 104], как пишет А.В. Данилов. Таким способом, автор, по всей видимости, хотел указать на расположение стены Нового острога (как это видно из размещенной в статье схемы) на гребне правого склона Успенского оврага. Но, во-первых, двор Маслухина находился не вблизи оврага и Успенской церкви, а в некотором отдалении от них по Успенской улице в направлении к церкви Ильи пророка [1, стб. 104]. Во-вторых, вблизи этого двора, как, впрочем, и вблизи Успенской церкви, и находящихся около нее строений стены Нового острога не зафиксированы. В итоге вновь вынужденно повторим вопрос: как это все подтверждает тождественность Успенского и Турунова оврагов? По всей видимости, никак. А вот реально присутствующая опись посадских дворов: *«Отъ Бобаевского възвозу отъ Гремячего ручья к новому жъ острогу на верхней на Большой улице, отъ Свияжского подворья в пригоръ…»* [1, стб. 171] подтверждает локализацию, которая противостоит мнению А.В. Данилова.

Еще большие претензии есть к нему по поводу использования информации из описи *«солодянных амбаров и мыльных поварен»*, находившихся в *«Успенском враге»* [1, стб. 278-279]. Он пишет: *«Пять из этих десяти* ***дворов с амбарами*** *отмечены в указателе между подворьем Свияжского монастыря, что на Гремячем ручье и "Новым острогом", что на нижнем посаде на "Большой улице на вымле"»* [7, с. 79]. На поверку все это оказывается совсем не так. Утверждение *«пять из этих десяти* ***дворов с амбарами****»* оказывается ошибочным, если не сказать ложным. В описи дворов посадских людей *«отъ Бобаевского възвозу отъ Гремячего ручья к новому жъ острогу на верхней на Большой улице, отъ Свияжского подворья в пригоръ…»* и в переулках амбары не зафиксированы [1, стб. 171-174]. Приведем реальные сведения о находившихся в этом районе домовладениях собственников амбаров, переписанных в Успенском овраге: *«Дворъ посадцкого человека Потапка Конаева оханщика»*, *«дворъ посадцкого человека Дейка Тарабукина»*, *«дворъ посадцкого человека Степана Федорова Березина»* [1, стб. 172], *«дворъ не служивого торгового Немчина*

Ивана Барнаря», «дворъ посадцкого человека Ивашка Ширяева солоденика», «дворъ посадцкого человека Стенки Тимофеева солоденика» [1, стб. 173]. Как видим, амбары при дворах отсутствуют! Повторим, они зафиксированы только в Успенском овраге! Зачем же понадобилось А.В. Данилову представлять картину в искаженном виде? Да все для того же, чтобы путем подмены понятий искусственно создать псевдооснование для своих выводов. Этой же цели служит и следующее утверждение: *«…под термином "овраг" следует понимать достаточно обширную прилегающую к* (Почтовому – ***Ю.С.***) *съезду территорию до современной ул. Рождественской»* [7, с. 79]. Как под оврагом можно понимать значительную часть улицы XVII века с густо застроенными переулками, хоть и расположенными *«в горе»* и *«на буграх»*, совершенно непонятно. Данное утверждение выглядит абсолютно голословным, никаких дополнительных сведений и данных защищающийся оппонент не приводит.

Есть еще один интересный аспект в анализе рассматриваемой информации. В целом, следует согласиться, как с достаточно очевидной, следующей локализацией А.В. Данилова: *«Применительно к современной застройке здесь явно подразумевается квартал при спуске с Почтового съезда по левой стороне до пересечения с ул. Рождественской»* [7, с. 79]. Сейчас не будем говорить о величине и границах этого квартала, только обратим внимание – по левой стороне! При этом автор даже не замечает возникающего в результате его источниковедческих манипуляций логического противоречия. Далее он правильно пишет: *«Исходя из этих данных, следует, что линия стен "Нового острога" проходила в непосредственной близости от современного Почтового съезда (Успенского оврага)»* [7, с. 79]. Но если, судя по его описаниям, амбары вместе с дворами находились в квартале слева от Успенского оврага (Почтового съезда), то и стена Нового острога с горы к р. Оке должна проходить так же. Однако, после рассмотрения размещенной в статье А.В. Данилова схемы возникает вопрос, как же эта стена могла проходить по гребню правого склона Успенского оврага? Натяжки и ошибки в анализе материала Писцовой книги здесь совершенно очевидны.

П. 4. Не лучше обстоит дело и со следующим аргументом, предлагающим осуществлять определение местоположения «Турунова врага» *«по двору Богдана Суботина»* [7, с. 79].

Эта часть статьи А.В. Данилова представляет собой своеобразный «микс» парадоксальных логических утверждений и неверных текстологических трактовок. Автор пишет: *«Соседом Олексея Маслухина на Успенской улице был посадский человек Богдан Суботин, двор которого был "взят под новой острог". Та же участь постигла его избу "на Болшой улице против нового острогу" (т.е. на перекрестке современных ул. Рождественской и Почтового съезда), что стояла рядом с дворами вышеописанных солодеников, чьи амбары локализованы, как находящиеся в "Успенском враге"»* [7, с. 79]. Как обычно, А.В. Данилов не поясняет, каким образом изложенная информация может помочь определить место Турунова оврага, но уверенно констатирует: *«Благодаря этим данным тождественность "Турунова" и "Успенского" оврагов не вызы-*

вает сомнения» [7, с. 79]. Давайте разберемся, что в действительности содержит Писцовая книга и как понимать ее сведения.

В описи посадских дворов на Успенской улице вслед за двором Алексея Маслухина действительно идет запись о дворе посадского человека Богдана Суботина, а также характеризуется его податной и социальный статус: *«В тягле з дву денегъ, молотчей»* [1, стб. 105]. И все, больше никаких записей нет! В вышеприведенном изложении А.В. Данилова фигурируют дополнительные сведения: *«Двор которого был "взят под новой острог"»*. На самом деле эта дополнительная информация изложена совершенно в другом разделе Писцовой книги и относится не ко двору на Успенской улице, а к имуществу Богдана Суботина, которого уже не было, поскольку оно было конфисковано административными властями Нижнего Новгорода и, по всей видимости, разрушено в связи со строительством Нового острога. Присутствует она в описи дворов *«На Болшой улице противъ нового острогу»*, где зафиксирована *«изба посадцкого человека Богдана Суботина»*, но не в Новом остроге, как утверждает А.В. Данилов, а в Старом остроге. При этом поясняется: *«А Богдан жилъ на Ильинской горе для промыслу, а те избы в дворовое место взято подъ новый острог»* [1, стб. 174]. Из этого видно, что конфискован был не двор Богдана Суботина, а всего лишь изба, используемая для какой-то хозяйственной деятельности, взамен которой он, по всей вероятности, получил (или сам построил) новую – *«на Болшой улице противъ нового острогу»*.

В XVII веке амбар Алексея Маслухина и изба Богдана Суботина на Большой улице в нижнем посаде находились по разные стороны стены Нового острога, которая действительно проходила где-то вблизи Успенского оврага. Это отчетливо определяется, если анализ сведений о посадских строениях осуществлять не только локально-конкретно, а комплексно, учитывая порайонный аспект излагаемых в Писцовой книге сведений. Например, в столбцах 112-124 Писцовой книги последовательно фиксируются строения на *«Большой Кузьмодемьянской улице с переулками»*, а далее в столбцах 124-126 в *«Зарядье»*, а в столбцах 171-174 – на *«Большой безымянной улице»* в нижнем посаде и т.д.

Завершая разбор очередного аргумента А.В. Данилова, констатируем, что и на этот раз он не является результатом объективного анализа сведений Писцовой книги, а, скорее, предстает попыткой искусственного конструирования оснований для защиты своих критикуемых позиций. Как и предыдущие выдвинутые им положения никак не могут «без сомнения» подтвердить тождественность Турунова и Успенского оврагов.

П. 5. С пятым аргументом А.В. Данилова дело обстоит еще сложнее и запутаннее. Если предыдущие позиции этого автора выглядели более-менее оформленными и имели четкость изложения, то последний разбираемый аргумент в реальности предстает некой громоздкой компоновкой обильных мыслей и предположений автора, перемежаемых далеко не всегда ясными и определенными ссылками на Писцовую книгу. В итоге не только разбирать этот материал с рациональных и научных позиций крайне сложно, но порой даже предметно понять, что же имелось в виду, не просто.

Однако попробуем это сделать, сосредоточившись только на положениях, напрямую относящихся к предмету спора, рассматриваемому в данной статье. Общий посыл А.В. Данилова осуществлять определение местоположения «Турунова врага» в данном случае выглядит так: *«По соотношению линии стен "Нового острога" с дворами Степана Хохолкова и Ивана Кириллова с Козьмодемьянской церковью»* [7, с. 80].

По сути заявленного тезиса следует отметить, что предложенные А.В. Даниловым ориентиры помогают определить расположение в первой четверти XVII века башен и стен Нового острога на нижнем посаде. Эти сведения давно и хорошо известны, их использовали предшествующие исследователи, изучавшие историю развития укреплений средневекового Нижнего Новгорода. Они уже до А.В. Данилова, хотя и без детальной конкретизации и чрезмерной уверенности, локализовали нахождение этой части городских укреплений в районе современной площади Маркина. Сами по себе эти выводы, даже с расчетами оппонента, ничего не проясняют в расположении Турунова оврага. Нужны разъяснения, комплексный анализ сведений, содержащих информацию о данном природном объекте, но ничего это в статье оппонента нет. Даже предметные критические замечания автора данных строк, изложенные в предыдущей статье, не рассмотрены. Как и в вышеуказанных случаях, такая стилистика направлена на размывание предмета спора и создание видимости научности. В то же время, подобная манера вести дискуссию позволяет оппоненту по ходу изложения материала вбрасывать новые удобные для него тезисы (чаще всего, просто предположения), создавая, таким образом, пусть фактологически и не аргументированную, но логически уже как-то обоснованную почву для своих выводов. Зато спорный вывод всегда четко сформулирован: *«Несмотря на все условности, приведенные расчеты убедительно доказывают, что "Турунов враг" мог находиться только на месте современного Почтового съезда (Успенского оврага)»* [7, с. 81]. При этом применяемые А.В. Даниловым методы источниковедческого анализа сведений Писцовой книги по-прежнему вызывают много нареканий и возражений. Не будем голословными и рассмотрим пару примеров.

Используя сообщение: *«По берегу Оки реки по Болшой Кузмодемьянской улице, от новых от острожных ворот идучи к Кузмо-Демьяну и в ряд: ... »* [1, стб. 112], А.В. Данилов констатирует: *«То есть под "берегом Оки" следует понимать Нижний посад, а не речную береговую кромку»* [7, с. 80]. Вывод не только не обоснованный, но даже странный. В анализируемом отрывке явно обнаруживается направление, в котором дается перечень строений, но не специфика района. На это указывает и помета в описи приходских церквей Нижнего Новгорода: *«Церковъ святыхъ чюдотворецъ Козмы и Дамьяна древяна клетцки с трапезою и с папертьми, на берегу Оки реки»* [1, стб. 38]. Против расширительного и произвольного толкования выражения *«по берегу Оки реки»*, предложенного А.В. Даниловым, свидетельствуют и другие примеры из Писцовой книги: *«По берегу Оки жъ реки, подле нового острогу, а от нового острогу по зарядью къ Большой Кузмодемьянской улице…»*; *«На берегу Оки ре-*

ки на дворовомъ месте анбаръ Илейки Рязанова…» [1, стб. 124; см. также: стб. 122, 123, 134. 167].

Еще один яркий образец ошибочных объяснений и локализаций связан с определением местоположения двора Степана Хохолкова. Из-за ограниченного объема статьи не будем останавливаться на истолковании А.В. Даниловым описания самого двора Степана Хохолкова, хотя и здесь обнаруживаются субъективные моменты. Рассмотрим, как используются сведения о соседском дворе рядом с домом посадских людей *«Логинка да Пашки Степановых детей Хохолкова»*, которых оппонент объявляет наследниками самого Степана. Его владельцем был посадский человек *«Митка Романов, с полушки худ»* [1, стб. 112]. Далее А.В. Данилов пишет: *«В следующем указателе, близ церкви "Козмы и Дамьяна через Болшую улицу в переулок, что позади Болшие улицы, к новому острогу" мы находим двор Кузмодемьянского попа Микиты Романова, "по скаске изстари бывало тяглое место". Разница в написании имен не должна смущать, поскольку в Писцовой книге подобное встречается часто. Вероятно, это один и тот же человек, но в разном налоговом состоянии»* [7, с. 83]. Автор считает это результатом повтора описания одного и того же дворового места. И на основании не доказанного, а только декларируемого им самим наличия подобных повторов и неких неведомых до сего «приправочных книг» в дальнейшем формулирует вывод: *«Надо полагать, что название "Успенский враг" (будущего Успенского и Почтового съезда) в 20-х гг. XVII века пришло на смену "Турунову", и это проявилось благодаря разновременным включениям приправочного материала в тексте Писцовой книги»* [7, с. 83]. Надо ли разъяснять, что для любого специалиста, ориентированного на развернутую, предметную систему доказательств, лежащих в основе формулируемых выводов, приведенный тезис выглядит не убедительно.

Объявление однофамильцев – посадского человека «Митки Романова» и Кузмодемьянского попа «Микиты Романова» – одним человеком представляется явно натянутой и заведомо неверной трактовкой. Во-первых, сразу обращает на себя внимание разница имен – «Митька» это не «Никита». Это против построений оппонента, хотя он и пытается защититься специальной оговоркой. Во-вторых, против их отождествления свидетельствует также разница социального статуса: один «худой» (обедневший) посадский человек, а другой поп. Учитывая, что священнический чин в средневековье на Руси был практически повсеместно наследственным, представить дело как результат изменения социального статуса, зафиксированного в разновременных источниках Писцовой книги, нельзя. В-третьих, внимательное прочтение текста анализируемого источника обнаруживает отчетливое и полное территориальное несовпадение дворов «Митки Романова» и «Микиты Романова», на что А.В. Данилов не обращает никакого внимания. Двор посадского человека зафиксирован при описании нижнего посада *«подле самого* (Нового – ***Ю.С.***) *острогу по левой стороне отъ воротъ»* [1, стб. 112], а двор Кузмодемьянского попа отмечен в описи строений нижнего посада *«отъ церкви Козмы и Дамьяна черезъ Большую улицу въ переулокъ, что позади Большие улицы, к новому острогу…»* [1, стб. 113].

Далее оппонент безапелляционно приписывает Митке Романову еще один двор на Ильинской улице *«по левой стороне, против кузниц на бугре»* [1, стб. 108], не указывая, на каких основаниях [7, с. 83], хотя разница в сумме тягловых платежей, возложенных на их владельцев, все же свидетельствует против такого отождествления. Кроме того, можно отметить наличие однофамильцев не только в современном российском обществе, но и в средневековом. Однако никакие альтернативные толкования даже не упоминаются. Разбор некорректных и ошибочных истолкований А.В. Даниловым сведений Писцовой книги можно было бы продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы оценить представленный им материал, претендующий на статус исследования, как не соответствующий необходимым критериям.

Разобрав позиции оппонента, есть смысл обозначить собственные. Всестороннее и детальное изложение всех имеющихся в распоряжении исследователя сведений о Туруновом овраге в Нижнем Новгороде было представлено в предыдущей статье автора данных строк. Оценки и выводы с тех пор не изменились, новые материалы не появились, поэтому здесь лишь коротко повторим наиболее важные моменты предыдущих изысканий [См.: 6].

В Нижнем Новгороде в XVII веке на территории так называемого Започаинния, являвшейся частью верхнего посада, существовали три оврага, с течением веков менявшие свои названия. Эти овраги сохранились до сих пор, хотя не в прежнем виде и объеме. Расположены они на высоком (горнем) берегу р. Оки, разделяя его на отдельные возвышенности, которые в нижегородской историко-топографической традиции принято называть горами. В Писцовой книге из них упомянуты два – Успенский и Турунов. Успенский овраг упомянут в Писцовой книге только один раз в связи с переписью амбаров нижегородских жителей, которыми он и был застроен [1, стб. 278]. Совершенно очевидно, что в период создания Писцовой книги один и тот же овраг никак не мог иметь два названия. Овраги являлись важными топографическими ориентирами для жителей города, выполняли определенные полезные функции, и спутать их было просто невозможно. В итоге констатируем, что Турунов овраг не может быть Успенским, получившим свое название, как совершенно справедливо писали нижегородские краеведы, по расположенной по близости церкви Успения Божией Матери. В предыдущей статье было доказано, что не мог носить название Турунов и Похвалинский (Гремячий) овраг. Вывести стену Нового острога к его склонам невозможно. Соответственно, в Писцовой книге Туруновым именовался овраг, расположенный между Похвалинским (Гремячим) и Успенским, восточнее горы Гремячей. Именно к нему и выходили укрепления Нового острога, идущие от р. Почайны, а затем по гребню этого оврага спускались к р. Оке. Выяснить место их расположения в прибрежной зоне без дополнительных комплексных историко-археологических изучений практически невозможно. Позже, в XIX веке, когда к этому оврагу стала выходить улица Сергиевская, он получил одноименное с ней название. Под названием Сергиевского его знают и нижегородские краеведы [8, с. 214; 9, с. 180]. Проиллюстрируем это ссылкой на полузабытые записки корифея нижегородского краеведения П.И. Мель-

никова, подтверждающие, кстати, и выше сформулированные «антиданиловские» выводы.

При подготовке предыдущей статьи они остались вне поля зрения автора данных строк, но сейчас цитату из них вполне уместно привести: *«Въ 1619 г. Лыкову предстояло наскоро укрепить старый острогъ, пришедший въ ветхость; онъ, чтобы выиграть время, поставилъ новый острогъ отъ Коровьяго взвоза по Малой Печерской или Осыпной къ церкви Варвары по Дворянской и Лыкову мосту, а за Почайной къ Сергиевскому оврагу.*

Вотъ изъ Сотной грамоты на 204-205 или 206 листахъ, после описания домовъ Ильинки:

1) Едучи отъ Ильинскихъ воротъ изъ новаго острога (т.е. пяти угловъ, где Сергиевская персекаетъ Ильинку) большою-жъ Ильинского улицей направо къ Петушкову (монастырю – церковь Серия) въ первый переулокъ такие-то дворы. – Это Сергиевская.

2) Идучи въ Большия же Ильинския улицы на-право въ другой въ Жихаревъ переулокъ – такие-то дома (это Вознесенская улица).

3) Съ большой Ильинской улицы, идучи въ Домрачеевъ переулокъ, такие-то дома. Это Вознесенский переулокъ…

6) На святомъ ручье, то-есть подъ Благовещенскимъ монастыремъ, винокурни и большой домъ Патокина и за-нимъ идетъ описание Нижняго города» [10, с. 254].

После проверки аргументов и анализа выводов А.В. Данилова складывается впечатление, что в рассматриваемой публикации цель защиты собственного мнения возобладала над научными задачами. В целом же, вся сложившаяся вокруг этого ситуация не способствует укреплению авторитета нижегородского исторического краеведения.

Источники и литература

1. Писцовая книга по Нижнему Новгороду изданныя Археографической комиссией. 1621-22 г. // Русская историческая библиотека (РИБ). – Т. 17. – СПб., 1896.

2. Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1961.

3. Агафонов С.Л. Горький. Балахна. Макарьев. – М.: Искусство, 1987.

4. Черников В.Ф. К вопросу о датах строительства дерево-земляных укреплений в Новгороде Нижнем // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Выпуск 12. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. – С. 104-122.

5. Данилов А.В. Дятловы горы // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей. Выпуск 13. – Н. Новгород: Амиго Принт, 2013. – С. 39-53.

6. Сочнев Ю.В. О Гремячем ручье и Туруновом овраге // Нижегородский краевед: сборник научных статей / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнёв. Выпуск 2. –

Н. Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ, 2016. – С. 87-101.

7. Данилов А.В. Турунов овраг // Нижегородский краевед: сборник научных статей / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнёв. Выпуск 2. – Н. Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ, 2016. – С. 76-87.

8. Храмцовский Н. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. В 2-х частях. – Н. Новгород, 1995.

9. Мельников П.И. О Старомъ и Новомъ городахъ въ Нижнемъ Новгороде // Труды IV Археологического съезда в России. – Т. I. – Казань, 1884. – С. 178-182.

10. Три заметки изъ архива А.С. Гацисскаго, писанныя рукой П.И. Мельникова (Нижний-Новгородъ въ 1664 году, выписки П.И. Мельникова изъ архивнаго материала, материалы для статистики раскола въ Нижегородской губернии) // Действия НГУАК. Т. IX. Сборник в память П.И. Мельникова. – Н. Новгород, 1910. – С. 249-257.

УДК 908

«СЕЛО КРЕМЁНКИ НА РЕЧКЕ НА КРЕМЁНКЕ»

“THE VILLAGE OF KREMENKI ON THE RIVER KREMENKA”

А.Е. Клюшина

A.E. Klyuschina

Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики, архивист

607188, Нижегородская обл., г. Саров, пр. Мира, д. 37

E-mail: aleksa.clyuschina2010@yandex.ru

Аннотация: Благодаря инициативе архивных работников и современным технологиям архивные источники публикуются в электронном виде. В частности, это позволяет заранее подготовиться к посещению архивов. Предварительное изучение источников, необходимых при личных генеалогических изысканиях, позволило выделить нам информацию о владельцах села Кремёнки Дивеевского района Нижегородской области в XVI – начале XVII вв., церковных приходах села и его административной приписке.

Ключевые слова: архивные документы, генеалогия, административное деление России.

Summary: Thanks to the initiative of archivists and technology archival sources published in electronic form. In particular, it allows you to prepare in advance to visit the archives. A preliminary study of sources required in personal genealogical research, has allowed us to isolate information about the owners of the village of Kremenki, the Diveevo district of Nizhny Novgorod region in the XVI – first third of the XVII centuries, the parishes of the village and its administrative registration.

Key words: archival documents, genealogy, administrative division of Russia.

При самостоятельной работе по составлению родословного древа, генеалогических изысканиях наиболее легкими по описанию для нас являются XIX и XX века. Далее исследователю придется столкнуться с более трудными для изучения архивными документами.

К посещению архивов следует максимально подготовиться, чтобы потратить минимум времени и денег. Архивисты приветствуют исследователей, «вооруженных» точной информацией и в идеале знающих, какой архивный фонд и документ им нужен. Поэтому архивные службы проводят работу по популяризации архивных источников. В доступных информационных сетях публикуются справочники, документы, организуются поисковые системы для самостоятельной подготовительной работы исследователей.

При изучении предварительной информации по истории местности, в которой отложились архивные документы по вашей семье, набирается столько информации, доселе не использованной в открытых публикациях, что при ее оформлении в логически последовательный текст может получиться неплохое историческое исследование. В данной работе мы и приведем пример такого совмещения «приятного с полезным».

Исследование местечка Кремёнки нынешнего Дивеевского района Нижегородской области для определения местонахождения архивных документов по переписи населения для последующего их изучения выявило следующие изменения статуса административной единицы и ее административно-территориальной приписки с 1590 по 1931 гг.:

- 1590 г. – Мещера (упоминается в Описи десятен 1626 г.) [1, с. 212];
- 1616 г. – Мещерский уезд, Замокшанский стан, деревня Кременок на речке Кремёнке;
- 1626 г. – Шацкий уезд, Замокшанский стан, село Кременок на речке Кремёнке;
- 1645 г. – село Кремёнки с деревнями и пустошами Крутая и Поляна Тёплая;
- 1710 г. – Азовская губерния, Шацкий уезд, Замокшанский стан, Богоявленская сторона, село Кремёнки;
- 1719 г. – Воронежская губерния, Шацкий уезд, Замокшанский стан, Богоявленская сторона, село Кремёнки;
- 1762 г. – Шацкий уезд, Замокшанский стан, село Кремёнки;
- 1789 г. – Ардатовская округа, село Кремёнки;
- 1799 г. – Нижегородская губерния, Ардатовский уезд, Кремёнковская волость, село Кремёнки;
- 1923 г. – Нижегородская губерния, Арзамасский уезд, Кремёнковская волость, село Кремёнки;
- 1929 г. – Нижегородская область, Глуховский район, село Кремёнки;
- 1931 г. – Нижегородская область, Дивеевский район, село Кремёнки.

Первый изученный документ – Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах: Подлесном, Борисоглебском и Замокошском за подписью дьяка Бажена Степанова 1626 г. [2]. Запись 454 гласит: *«За Васильем за Олексеевым сыном Аргамакова, что было за Замятнею за Тютчевым, да за немчином за Иваном Акольтом жеребей* ***села Кременок на речке на Кременке*** (выделено нами – ***А.К.***)*, а жеребей тово села за Васильем же в вотчине, а в поместье в жеребье: десять мест дворовых; пашни перелогом и лесом порос-*

ло, середние земли, двесте сорок семь чети с осминою в поле, а в дву по тому ж; селище Тергоманово на речке на Вазгилей, пашни перелогом и лесом поросло, середние земли, дватцать девять чети с третником в поле, а в дву по тому ж; сена по обе стороны речки Вазгилей двесте копен. Поляна Круглая на речке на Вазгилей: пашни перелогом и лесом поросло, середние земли, тринатцать чети в поле, а в дву по тому ж; сена на речке на Вазгилей пятьдесят копен. Поляна Долгая: пашни перелогом и лесом поросло, середние земли, дватцать шесть чети в поле, а в дву по тому ж. Поляна Березова: пашни перелогом и лесом поросло, середние земли, одиннатцать чети бес третника в поле, а в дву по тому ж. Поляна Сосновая: пашни перелогом и лесом поросло, середние земли, шесть чети в поле, а в дву по тому ж. И всего за Васильем жеребей села, да селище, да 4 поляны, а в них 10 мест дворовых, пашни перелогом и лесом поросло, середние земли, 332 чети с осминою, а доброю землею с наддачею 266 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 250 копен; лесу непашенново вдоль верста с третью, а поперег тож, лесу ж большово бортново семь десятин бес трети, а ходят тот лес кадомская мордва розных деревень, а Василью тем лесом владеть же и на пашню присекат. А сошново письма впусте треть сохи и не дошло в сошное письмо одной чети без третника. А межа учинена Васильеву поместью Аргамакова жеребью села Кременок с ево ж Васильевою вотчиною, з жеребьем села Кременок же, выехав из лесу от Арзамаса налеве в черном лесу дуб на враге, а на нем две грани, а у него яма, а в ней иве- рене з бересты, а от дуба прямо на сосну з делью, а на ней две грани, у ней яма с угольем, а от сосны на столб на дубовый, а на нем две грани, а у нево яма с ыверенем з дубовым, да з бересты, а от столба ко врагу на сосну на кляпую з делью, а на ней две грани, а у ней яма с угольем, а от сосны через враг Большой позади усадища на столб на дубовой, а на нем две грани, а у нево яма с ыверенем з дубовым, да з бересты, а от столба прямо на сосну з делью, а на ней две грани, а у ней яма с угольем, а от сосны через вершину на столб на дубовой, а на нем две грани, а у нево яма, а в ней уголье с ыверенем з дубовым, да з бересты, а от столба меж дву врагом на стрелке на дуб з делью, а на нем две грани, а у нево яма с угольем, а от дуба в черной лес на вершине врага на дуб, а на нем две грани, а у нево яма с ыверенем, да з бересты, направе земля поместная, а налеве земля вотчинная и церковная» [2, с. 283].

В записи 502 сказано: «*За Васильем за Олексеевым сыном Оргамакова, что ему дано за Московское осадное сидение, что было в поместье за Замятнею за Тютчевым, да за немчиною за Иваном за Колтом, жеребей села Кремянок на речке на Кремянке, а жеребей тово ж села в поместье за ним же за Васильем, а в селе церковь Знамение Пречистые Богородицы, да предел Николы чюдотворца, древяна, клецки, (в) поп Тихон Иванов, в том же дворе другой поп Ондрей Тихонов; двор вотчинников; восмь дворов люцких; тритцать одно место дворовое; пашни перелогом и лесом поросло, середние земли, сто шестьдесят две чети с осминою, а доброю землею с наддачею сто тритцать чети в поле, а в дву по тому ж; лесу непашеново вдоль верста бес трети, а поперег тож; лесу большово бортново три десятины с третью, а ходят тот лес кадомская мордва розных деревень. А Василью тем лесом владеть же и на паш-*

ню присекать. А сошново письма впусте полтрети сохи и не дошло в сошное письмо трех четвертей с третником. В селе ж в Кременках церковные пашни дватцать четвертей в поле, а в дву по тому ж. А межа той вотчинной земле учинена с ево ж Васильевою поместию землею и писана выше сего под ево ж поместью землею» [2, с. 316].

Процитированный документ подтверждает предполагаемое [3, с. 368] наличие церкви в селе в XVII веке. Во время разинского восстания в 1626 г. в Кремёнках уже была деревянная церковь Знамения Пресвятой Богородицы с пределом Николая Чудотворца. По переписи 1710 г. «*в селе Краменках»* за стольником князем Василием Федоровичем Долгоруковым обозначены *«двор помещиков да крестьянских 30 дворов и церковь Знамения Пресвятыя Богородицы в том же селе»* [4, д. 467, л. 426]. В 1754 г. здесь была построена также деревянная церковь Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла [3, с. 368]. По списку населенных мест Нижегородской губернии 1863 г. в селе Кремёнки Ардатовского уезда по почтовому тракту из Арзамаса в Шацк (Тамбовской губернии) значатся две православные церкви и почтовая станция [5, с. 55].

До 1626 г. село Кремёнки было разделено на три жеребия (части). Одной частью села на правах поместья владел Замятня Михайлович Тютчев – боярский сын из Суздаля [6, л. 116], получивший здесь 200 четей (четвертей) земли в 1590 г. за участие в войне со Швецией [7, с. 15]. Владельцем второй части (на правах поместья) был немчин Иван Аскольт – иноземец, служивший вместе с московскими дворянами и получивший эти земли, видимо, в то же самое время, что и Замятня, за возвращение Москве берега Балтийского моря. Третья часть земли принадлежала Василию Алексеевичу Аргамакову на правах вотчины (т.е. земля досталась ему по наследству).

Старинный дворянский род Аргамаковых за службу Русскому государству был жалован поместьями и вотчинами. Впервые они упоминаются в конце XIII столетия, территориально это междуречье Сатиса и Алатыря, где с конца XIII века находились владения князей Аргинских, Аргамаковых, Аргудяевых, Аргуновых – вероятнее всего, потомков общего предка: мещерского степного князя Аргина или влиятельного татаро-монгольского клана Аргун(ов) [8, с. 72]. В десятне «новиков» (т.е. юных детей боярских) 1559 г. значится Андрей Алексеев сын Аргамаков из Ростова, получивший 100 четей поместной земли [9, с. 121].

В тяжелое время Смуты братья Аргамаковы остались верны царю Василию Шуйскому. В числе прочих лиц, награжденных царем за воинскую службу в Смутное время, были и братья Аргамаковы. По двум грамотам царя Михаила Федоровича в награду *«за Московское осадное сидение при царе Василии и за Московское осадное сидение 127-го года»* (т.е. за участие в обороне Москвы при Василии Шуйском и в 1618 г.) Ивану Алексеевичу Аргамакову в вотчинное владение были даны Шатки [10, с. 128], а Василию Алексеевичу – две части поместной земли на границе с его вотчинной землей в Кремёнках.

О Василии Алексеевиче Аргамакове – *«московском жильце»* (1609, 1627 гг.), воеводе в Сольвычегодске в 1619-1621 гг., воеводе в Енисейске в 1626-1629 гг. – найдено следующее: *«Присланный в Енисейский острог архи-*

епископом Макарием десятильник, софийский сын боярский Богдан Матвеев, в январе 1629 г. сказал на енисейского воеводу Василия Аргамакова "государево слово", обвинив его в том, что тот впал в ересь и претендует на царские почести: в съезжей избе сидя по конец стола называетца государем и хочет царить и место в церкви устроил по-царски и по-царски ставитца». Таким образом, воевода Аргамаков был обвинен сразу и в духовном, и в политическом преступлениях.

Восстановленная картина событий выглядит следующим образом. Десятого октября 1628 г. в Енисейск приехал из Маковского острожка от Я. Хрипунова серебряный плавильщик его экспедиции Ивашка Репа, который попытался заняться изготовлением фальшивых денег*: "стал в одинокую избу и схотел делать воровские деньги".* Для этого Репа хотел у избы поставить кузницу для плавки меди. В Маковском острожке к тому времени воровские деньги *"его дела"* уже объявились. В. Аргамаков для предотвращения незаконной деятельности И. Репы поставил к нему в избу енисейского служилого человека Гришку Ярославца, но Репа посланца воеводы *"от себя выбил, чтобы ему воровские денги делать",* а самого Аргамакова *"за то лаял, позорил всякою неподобною лаею".* Когда же в Енисейский острог приехал сам Я. Хрипунов, то вместо наведения порядка в своем *"полку",* наоборот, способствовал падению дисциплины у служилых людей*: "...учал полку своего служивым людем давать варить пива и браги безъявочно".* А И. Репа, *"сходясь"* со служилыми людьми *"Яковлева полку",* начал замышлять на В. Аргамакова разные *"составные умыслы".*

Восьмого января 1629 г. была *"братчина пивная"* у *"подьячево у Максимка Перфирьева",* который к тому времени был назначен подьячим к Я. Хрипунову и вышел из подчинения енисейского воеводы, и *"в той братчине пил архиепископль сын боярской Бориско Матвеев". Его и "наговорили"* И. Репа, М. Перфирьев со служилыми людьми по наущению Я. Хрипунова: *"велели ево Василью лаеть всякою лаею".* После этого Б. Матвеев, *"напився в братине",* по их наущению пошел в съезжую избу в вечерню и В. Аргамакова *"заочно лаял", "говорил непригожее слово, бутто он в съезжей избе сидя за столом называетца государем",* а от кого он это слышал или *"собою затеял",* того не сказал. На следующий день Б. Матвеев в съезжей избе перед воеводой Аргамаковым в присутствии многих людей был расспрошен, но все отрицал: ничего он не говорил и ничего не слышал. Аргамаков расспросные речи Матвеева и имена присутствующих за их подписями подклеил под своей отпиской и отослал в Тобольск. Однако, как сообщил Я. Хрипунову гулящий человек Сергушка Иванов, уже 10 января в той же съезжей избе Бориско Матвеев в присутствии нескольких человек заявил, что *"ведает... он за собою... государево слово". При этом "...не сказал, какое он... государево слово и на кого ведает".* Тогда же *"Бориско говорил, что Василью де Аргамакову Енисейской острог не в вотчину дан, а хочет де он в Енисейском остроге царить".* После чего Б. Матвеев, *"идучи по острогу улицею",* продолжал принародно говорить про известное ему *"государево слово".*

А 12 января в съезжей избе группа тюменских служилых людей, участников *"серебряной"* экспедиции, извещала Я. Хрипунова, что *"пили они у подья-*

чево у Максима Перфирьева, а с ними пил тобольской сын боярской Борис Толбузин", когда пришел к ним Б. Матвеев и обвинил Б. Толбузина в нерадении государеву делу и получении взятки*: "за што он за ... государево дело не стоит – али... посул взял?"* И в этот раз Б. Матвеев стал обвинять енисейского воеводу в разных злоупотреблениях, называя его еретиком и изменником. Кроме обвинения в том, что тот устроил себе место *"по-царски*", звучали обвинения и в том, что он отпускает захваченных служилыми людьми тунгусов, которые по рекам *"государевых людей побивают",* а за них набирает себе из тунгусской молодежи холопов – *"в их место емлет себе у тунгусов робят и девок тунгусских и, крестя их, у себя во дворе держит",* берет взятки и занимается незаконной торговлей, в том числе запрещенными товарами – *"емлет себе посулы великие и продает по землицам иноземцом пансыри и шеломы и сабли и всякими русскими товары и табаком торгует".*

На основании енисейских отписок, речей Толбузина и по явке енисейских служилых людей тобольские воеводы велели Б. Матвеева пытать. Только *"у пытки" десятильник "винился":* когда он приехал в Енисейский острог, то В. Аргамаков *"учал в духовные дела вступатца",* а его, настаивал Матвеев, велел енисейским стрельцам убить. Поэтому он, Бориска, *"по сердцу досажаючи воеводе Василью Аргамакову по недружбе и бояся от нево убойства в съезжей избе... государево дело за собою сказывал и такие речи".* Во всем признавшись, Б. Матвеев заявил, что все это он *"затеял с пьянства"* и перед государем виноват. *"...А ставитца В. Аргамаков, приходя в церкви на крыласе и поет, а еретиком В. Аргамакова называл с пьянства ж потому, что в Енисейском остроге в церкве Введения Пречистые Богородицы стоит местной образ Пречистые Богородицы, а на той же и<ко>не по полям писаны святые Зосима и Саватея, да Флор и Лавр, Козма и Дамьян и иные святые. И В. Аргамаков говорил, что де тому образу поклонятца не пристоит, потому что писмо плохое. Опричь де тово на В. Аргамакова никакова еретичества не ведает...»* После этого воеводы и архиепископ одновременно и независимо друг от друга постарались сообщить в Приказ Казанского дворца о происшедших событиях [11].

Сведения о более ранней службе Василия Алексеевича Аргамакова содержатся в приходно-расходных книгах московских приказов 1619-1621 гг. В них В.А. Аргамаков в 1619 г. значится жильцом Устюжской четверти и воеводой *«Соль Вычегоцкой»* с 1619 по 1621 год [12, с. 146, 326, 327, 330, 355, 356, 358-360, 362-371, 375, 384, 390, 392].

В конце XVII – XVIII вв. владельцами села Кремёнок установлены помещики Татищевы, Леонтьевы и Долгоруковы. Документальное подтверждение этого, как и причины перехода прав владения, мы рассмотрим в следующих материалах.

Источники и литература

1. Лихачев Н.П. Любовниковы. Известия Русского генеалогического общества. – М., 1909, вып. III.

2. Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / сост. И.П. Алябьев. – Ульяновск, 2014.

3. Пять веков дивеевской земли. XVI-XX столетия: Из истории населенных пунктов Дивеевского района // Серия «Дивеевские колокола». – Н. Новгород, 1998.

4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1. Д. 467.

5. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. [Вып. 25]: Нижегородская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года / обраб. Е. Огородниковым. – СПб., 1863.

6. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. – М.-Л., 1950.

7. Готье Ю.В. Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. – М., 1910.

8. Баязитов Р.Ж., Макарихин В.П. Восточная Мещера в средние века (К вопросу этногенеза татар в Нижегородском крае). – Н. Новгород, 1996.

9. Известия Русского генеалогического общества. – СПб., 1900-1911. Т. 4.

10. Писцовая книга Арзамасского уезда (1621-1623 гг.). Ч. I. Станы Тешский, Ичаловский, Иржинский и Подлесный // Действия НГУАК. Т. XV. Вып. VIII. – Н. Новгород, 1915.

11. Бродников А.А. Первые духовные дела в Енисейском остроге: к вопросу о взаимоотношениях светской и духовной власти в Сибири XVII столетия // Города и остроги земли Сибирской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ostrog.ucoz.ru/

12. Приходно-расходные книги московских приказов 1619-1621 гг. / сост. С.Б. Веселовский. – М., 1983.

УДК 391.984

ОСНОВНЫЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ У АРЗАМАССКОЙ МОРДВЫ

THE MAIN ORNAMENTAL MOTIVES OF THE WOODCARVING FROM ARZAMAS MORDOVIANS

В.Ю. Неупокоева

V.Yu. Neupokoeva

Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, студентка

607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

E-mail: valya.neupokoeva@mail.ru

Аннотация: В статье речь пойдет об одном из традиционных для мордвы видов декоративно-прикладного искусства – резьбе по дереву. Мордва-эрзя, по всей видимости, заимствовала орнаментальные мотивы у соседних народов, а также использовала собственные оригинальные узоры для украшения бытовых предметов.

Ключевые слова: этнография, мордва, мордва-эрзя, резьба по дереву, декоративно-прикладное искусство.

Summary: The article deals with one of the traditional kinds of applied arts of Mordovians – wood carving. Apparently, Mordva-Erzya borrowed ornamental motives from neighboring Nations, and used their own original patterns for decorating household items.

Key words: Ethnography, Mordva, Mordva-Erzya, woodcarving, arts and crafts.

Нижегородский край уже с начала нашей эры был местом расселения мордвы – самого крупного с России финно-угорского народа. Древняя мордва, предки современной мокши и эрзи, проживали с севера на юг – от современного Нижнего Новгорода до лесостепи, с востока на запад – от реки Волги до реки Цны [1, с. 73].

С начала I тыс. н.э. территория древней мордвы не являлась глушью, а имела культурные связи со своими соседями, а через них – с культурными центрами того времени. Области, окружающие мордву, были этнически неоднородными [2, с. 76]. Термин «арзамасская мордва» – условный. Еще в 1930-х гг. А.А. Гераклитов опубликовал сборник документов по истории мордвы «Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв.», где и был введен этот термин [3, с. 7-8], поскольку Арзамасский уезд в то время занимал территорию нескольких современных районов. Причем здесь была расселена в основном мордва-эрзя.

Сложная и многогранная этническая история мордвы нашла свое отражение в декоративно-прикладном искусстве. Мордовский народ не только создавал сам, но и творчески осваивал культурные достижения соседних народов. Яркое представление об уровне древнемордовских мастеров дают искусно украшенные орнаментом бытовые предметы, найденные в ходе археологических раскопок. У мордвы в XVIII-XX вв. древние традиции прикладного искусства не были забыты и получили воплощение в высокохудожественной вышивке, узорном ткачестве, шитье бисером и художественной обработке дерева [4, с. 3].

Декоративная резьба по дереву – традиционный вид художественного творчества мордовских мужчин, наносивших орнаменты на наличники, карнизы, фронтоны, фризы, лобовые доски, ворота изб, пари (свадебные сундуки, долбившиеся из толстых липовых бревен), ткацкие станы, прялки и другую утварь.

Исследователи, в большинстве своем, принимаясь за описание прикладного мордовского искусства, занимались народным костюмом эрзян и мокшан [5, с. 271]. Поэтому долгое время такой пласт мордовской культуры, как художественная резьба по дереву, не был описан в научной литературе. Но в конце 1960-х – начале 1970-х гг. вопросом занялся В.Н. Мартьянов. Огромная заслуга Владимира Николаевича в изучении этого вопроса состоит в своевременном сохранении информации о резьбе на парях – ранее не описанном, уникальном виде резьбы. Мартьяновым описан орнамент парей. Наиболее характерными его мотивами были зигзаг, елочка, квадраты с диагональю. В основе всех этих узоров лежат простейшие элементы: линия и треугольник. Однако, несмотря на столь небогатые изобразительные средства, народные резчики сумели создать

уникальные произведения декоративного искусства [6, с. 125]. Орнамент на парях был своеобразным показателем его принадлежности женщине. Он, как ритуальный предмет, имевший к тому же большую бытовую ценность, передавался по наследству.

Резьба широко применялась для украшения не только бытовых предметов (хотя не все они украшались), но и фасада жилища. Но широко распространенная, особенно в сельской местности, домовая резьба по составу орнаментальных мотивов и технике резко отличается от резьбы на бытовых предметах, мотивы которой В.Н. Мартьянов условно разделил на семь групп. Рассмотрим каждую в отдельности.

Первая группа – вертикальные, горизонтальные и наклонные полосы. Наиболее характерным узором первой группы является «елочка» [4, с. 29]. Елочка – это две полосы наклонных линий, каждая из которых заключена между двумя параллельными прямыми. Узоры этой группы выполнялись только контурной резьбой, а изменение направления штриховки образовывало ряд новых мотивов (***Приложение 3, рис. 1***).

У ***второй группы*** узоров основой является треугольник. Бордюр из треугольников, обращенных вершинами как вверх, так и вниз, встречается почти на всех парях [4, с. 29]. Здесь же появляется мотив ромба, как выпуклый, так и углубленный. Основу другого характерного узора этой группы составляет зигзаг, а именно – зигзагообразная линия, заключенная между двумя параллельными прямыми. Образовавшиеся в результате этой операции треугольники заштриховывались в различных направлениях (***Приложение 3, рис. 2***).

Простейшие мотивы вышеприведенных групп встречаются у всех народов Среднего Поволжья и Прикамья. Наибольшее количество сходных мотивов можно найти у удмуртов, коми, русских и башкир. Усложненные варианты второй группы узоров редко встречаются у марийцев, татар и чувашей.

Третья группа узоров представлена более сложными геометрическими фигурами. Основной ее мотив – диагонально пересеченный квадрат. При кажущейся простоте можно получить несколько десятков вариантов подобного узора. По всей видимости, создавались такие узоры следующим образом: пространство между двумя горизонтальными линиями делилось на квадраты вертикальными перпендикулярами. Затем внутри квадратов проводились диагонали, а образовавшиеся треугольники заштриховывались в разных направлениях (***Приложение 3, рис. 3***).

Позднее появляется еще и квадрат с одной диагональю [4, с. 30]. Штриховка четвертей квадрата в разных направлениях стала исходным моментом в образовании иных узоров. Узор неустойчив. Нередко в квадрате исчезают диагонали, но он заполняется трехгранными выемками.

Если для мордвы, удмуртов и коми третья группа узоров характерна во всем ее многообразии, то для других поволжских финнов характерен только первоначальный вариант этого орнамента – диагонально пересеченный квадрат.

Четвертая группа довольно специфична и характерна исключительно для мордвы. Орнамент выглядит почти как зигзагообразные узоры второй

группы, но выделяется размерами, поскольку высота такого узора составляет около 30 см. На таком расстоянии проводились две параллельные линии, а между ними чертился зигзаг. Образовавшиеся треугольники резчик заштриховывал в разных направлениях или заполнял уменьшающимися в размерах углами. Как уже отмечалось выше, узоры четвертой группы неизвестны народам Поволжья и Приуралья. Но есть исключение – узколокализованная группа башкир, проживающих в горно-лесной части юго-восточной Башкирии [7, с. 244]. Исследователи башкирского орнамента предполагают, что появление геометрических узоров в резьбе по дереву у башкир связано с влиянием финно-угорских народов, обитавших в этой местности до прихода тюрков-кочевников. Отсюда и наибольшее сходство между мордовскими и башкирскими орнаментами представленных выше четырех групп узоров (***Приложение 3, рис. 4***).

Вышеперечисленные мотивы встречаются на территории Арзамасского уезда повсеместно. К ***пятой группе*** узоров, менее распространенной, В.Н. Мартьянов относит круглые розетки различного строения [4, с. 33]. Здесь и восьмилучевая розетка в круге, и вихреобразная розетка, и круг, поделенный на четыре, шесть или восемь частей. Такие узоры имеют довольно широкий ареал распространения на Русской равнине. Розетки различного строения встречаются у удмуртов, коми, марийцев, чувашей, башкир, татар и русских. Вполне вероятно, что такое распространение подобного орнамента связано с культом солнца. Почитание небесных светил и неба вообще занимало огромное место у всех без исключения как земледельческих, так и скотоводческих и охотничье-рыболовецких племен Восточной Европы [8, с. 186-187].

Большой интерес представляют мотивы ***шестой группы***, поскольку ее составляют изображения украшений, встречающихся в мордовских могильниках I-XVI вв. и в близких к ним по времени этнографических материалах. Эти изображения присутствуют, в основном, на парях, поскольку это место хранения женского платья. С помощью украшений передавалась информация о половозрастных изменениях в организме женщины, ее социальном статусе; украшениям отводилась роль оберегов [9, с. 12]. Поэтому украшениям придавалась особая роль.

В орнаменте арзамасской мордвы нашла свое отражение система подвесок женского мордовского национального костюма. Некоторые орнаментальные мотивы ведут свое происхождение от лапчатых подвесок, другие – от трубчатых. Такие подвески наиболее характерны для погребального комплекса мордвы на протяжении всего I и начала II тысячелетия, как для эрзи, так и для мокши [2; 9]. От комплексов нагрудных украшений ведут свое происхождение мотивы, состоящие из крупных треугольников, обращенных вершиной вниз. Во многих могильниках мордвы встречаются пояса с нашитыми на них бляшками. Некоторые описанные В.Н. Мартьяновым пари имеют узоры, почти точно повторяющие орнамент металлических поясных наборов из могильников Красное III, Стёксово II и Заречное II [4, с. 36].

Отметим, что узоры шестой группы расположены всегда внизу орнаментальной композиции, они завершают общую картину, как любая подвеска, завершающая композицию украшения.

Изображения ***седьмой группы*** носят, как правило, пиктографический характер. Это изображения предметов труда или антропоморфные фигуры (чаще всего стилизованное изображение женщины в национальном головном уборе и традиционной одежде). Часто такие изображения не образовывали орнаментального мотива, а располагались группами в различных местах.

Итак, из семи групп резного орнамента, как уже было упомянуто, наиболее общими являются мотивы первых трех групп, по причине своей простоты. Такие мотивы встречаются у многих народов. Но в процессе усложнения простейших узоров появляются орнаментальные мотивы, характерные для определенного народа. У мордвы это группы с четвертой по седьмую.

Таким образом, резной орнамент мордвы говорит нам, с одной стороны, об общих корнях с обширным финно-угорским населением прилегающих территорий, а с другой – о самобытности декоративно-прикладного искусства.

Источники и литература

1. Поляков О.Е., Левина М.З. Культура и язык древней мордвы (предков мокши и эрзи) // Вестник Мордовского университета. – Саранск, 2015. – С. 73-80.

2. Мартьянов В.Н., Егошин А.Л. Могильник Стексово II // Поволжская археология. – 2014. – № 4 (10). – С. 82-96.

3. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв. – Саратов, 1930.

4. Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва. Резьба по дереву: монография. – Арзамас, 2000.

5. Деникаева Е.А. К проблеме историографии изучения орнаментики финно-угорских народов (на примере орнаментальных мотивов мордвы-эрзи и мокши) // Вестник ЧГПУ 12. – Челябинск, 2011. – С. 271-280.

6. Мартьянов В.Н. Материалы по резному орнаменту мордвы // Советская этнография. – 1974. – № 1. – С. 125-130.

7. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. – Уфа, 1964.

8. Сумцов Н.Ф. Народный быт и обряды / сост., предисл., примеч. А.Д. Каплина; отв. ред. О.А. Платонов. – М., 2014.

9. Мартьянов В.Н. Древняя история Арзамасского края. – Арзамас, 2004.

УДК 908

К ВОПРОСУ О ХРИСТИАНИЗАЦИИ МОРДВЫ В АРЗАМАССКОМ УЕЗДЕ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

TO THE QUESTION OF THE CHRISTIANIZATION OF THE MORDOVIANS IN THE ARZAMAS DISTRICT IN XVII – FIRST HALF XVIII CENTURY

А.А. Инжутов

A.A. Inzhutov

Шатковский районный историко-краеведческий музей, директор

607700, Нижегородская обл., р.п. Шатки, ул. Центральная, д. 24

E-mail: al.injutow2010@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности процесса христианизации мордовского народа, проживавшего на территории Арзамасского уезда в XVII – первой половине XVIII века.

Ключевые слова: мордва, христианизация, православие, Арзамасский уезд.

Summary: The article discusses the features of the process of Christianization of Mordvinians who lived on the territory Arzamas district in XVII – first half XVIII century.

Key words: Mordvinians, christianization, Orthodoxy, Arzamas district.

Исследователи, изучавшие процесс христианизации мордвы, отмечают его как сложный и противоречивый, сопряженный с процессом присоединения мордовского народа к Российскому государству и последующим его развитием в составе России. Несомненно, это был еще и длительный процесс. Частью этого процесса была христианизация мордовского народа, проживавшего на территории старинного Арзамасского уезда, существовавшего в XVI – начале XVIII вв. и занимавшего значительную территорию юга современной Нижегородской области.

Хотя элементы христианской религии проникали в край с древних времен, христианизация мордвы Арзамасского уезда как полноценный процесс началась во второй половине XVI века, с созданием административного центра края – города Арзамаса. Основанный в 1556 г. Спасский мужской монастырь, являясь оплотом православия в крае, осуществлял и миссионерскую деятельность. Последующее интенсивное заселение русскими земель Арзамасского уезда вело к распространению юридических, общественных, торговых и бытовых контактов мордвы и русских. Уже к 1628 г. среди 59 мордовских деревень, существовавших в Арзамасском уезде, в 14 из них (24%) проживали русские бортники [1, с. 197; 2, д. 8, л. 119 об.]. Существование деревень, населенных мордвой и русскими бортниками, сходство хозяйственно-бытового уклада мордвы и русских, повседневные связи способствовали ассимиляционным процессам. По переписи 1628 г. встречается несколько деревень (Вторусская Новая Волчиха тож, Личадеева, Пасьянова), где наряду с бортниками упоминаются новокрещены. Причем, новокрещены в итоговом списке числятся как *«русские*

люди бортники» [2, д. 8, л. 119 об.], что указывает на то, что принятие православия приравнивалось к утере национальной идентичности.

Из упомянутых смешанных по населению 14 деревень подавляющее большинство располагалось на западе Арзамасского уезда, под Муромским лесом, т.е. на границе с Муромским уездом – территории, наиболее близкой к русским центрам расселения. Именно в этих деревнях в течение XVII века увеличивалось число русских бортников, а возникшие по соседству новые деревни были основаны совместно русским и мордовским населением.

Шестнадцатого мая 1681 г. царем Федором Алексеевичем был подписан указ, в котором, среди прочего, предоставлялись льготы мордве в случае крещения: *«…А как они крестятся, и им во всяких податях дано будет льготы на шесть лет; а буде они креститься не похотят, и им сказать, что они отданы будут в поместья и в вотчины некрещеным мурзам и татарам»* [3, т. 2, № 861, с. 40]. Ускорение принятия православия мордвой произошло при Петре I. Среди дел Арзамасской приказной избы за начало XVIII века встречаются дела, касающиеся принятия мордвой христианства [4, д. 1538]. Вместе с тем, принятие православной веры еще не означало коренного изменения обычаев. Есть примеры, когда представители крестившейся мордвы по-прежнему справляют свадьбы *«увозом»* [4, д. 951].

Первая перепись населения и первая ревизия показывает произошедшие необратимые перемены в деле христианизации и фиксирует не только массовое появление новокрещеных дворов в мордовских деревнях, но и становление сел, т.е. строительство собственных храмов. Прежде всего, массово новокрещены упоминаются именно на западе Арзамасского уезда (радиус в 25-30 км с центром в Ардатове), т.е. в тех деревнях, где в течение XVII века увеличивалось число русских бортников. К 1719 г. эта территория в массе своей уже являлась христианской. Общее число христианизированных деревень составило 30 (половину всех ясачных мордовских и бортничьих деревень Арзамасского уезда того времени). Девять из них к первой ревизии стали селами (Ардатово, Атемасово, Вторусская Новая Волчиха тож, Котовка, Кудлей, Кужендеи, Овтодеева, Сычесева, Старое Череватово) [1, с. 245-342]. На оставшейся части уезда лишь в единичных деревнях наблюдаем увеличение русских бортников, а также отдельные дворы принявшей православие мордвы. Например, в 1716 г. по одному новокрещеному двору было в Великом Враге и Новом Иванцеве; в 1719 г. один новокрещен проживал в Старом Иванцеве, два новокрещена в Корине, три – в Новом Иванцеве [1, с. 257, 268, 270, 291].

В «Указе о льготах новокрещенам от всяких сборов и податей на три года» от 1720 г. не только подтверждались льготы новокрещенам, но оговаривалось их индивидуальное представление только лицам, принявшим православие [3, т. 6, № 3637, с. 234-235].

1740-е гг. стали переломными в процессе христианизации всех народов Поволжья. Не исключением был и процесс христианизации, проходивший в Арзамасском уезде. В первую очередь, для побуждения принятия православия предлагалось предоставление привилегий и льгот, что имело большое значение,

так как экономическое положение населения мордовских деревень в первой трети XVIII века было бедственным. Рост прямых и косвенных налогов, возрастание недоимки, падение и исчезновение бортного промысла – все это приводило к тому, что в деревнях не хватало хлеба до будущего урожая, вынуждая население питаться корой, лебедой и цветом орешника. Так, в книге сказок о наличных хлебных запасах в мордовских деревнях, поданных в 1723 г., приводятся многочисленные сведения о том, как выживали те, кто не имел хлеба от неурожаев: по Селёме – *«питаются деревянною корою»*, по Костянке – *«кормятся работою своею также лебедой и мякиной»*, по Старому Иванцеву – *«ходят по миру»,* по Атингееву – *«покупают хлеб на торгах и мешают с мякиной и травой»*, по Малому Макателёму – *«покупают копеешниками и четвертками и мешают с травою и мякиною и с ореховыми пучками и с желудками»* [1, с. 347].

Началом переломных событий можно считать всеподданнейшее прошение новокрещена Федора Догады, происходившего родом из мордовской деревни Камкино (современная Кошелиха Первомайского района – ***А.И.***), входившей в дворцовую ясачную волость Арзамасского уезда.

Федор Догада еще 20 июня 1731 г. в Троицко-Сергиевской лавре принял святое крещение от духовного отца императрицы Анны Иоанновны – архимандрита Варлаама, после чего был отпущен домой для крещения детей и родственников. Через девять лет после своего крещения, 23 апреля 1740 г., в своем прошении Анне Иоанновне он указывал, что *«ныне оной же волости Мордва, познав путь к спасению, желают многие воприять святое крещение, токмо за убожеством своим к построению церковной утвари по Христианскому обычаю весьма недовольно: понеже на оной волости состоит Вашего Императорского Величества несколько доимки»*. Эта недоимка, по свидетельству Ф. Догады, возросла пустотою от побегов, так как фактически в волости проживала только половина жителей, указанных в переписи, а также от неурожаев хлеба, *«от чего пришли в крайнее убожество»* [3, т. 11, № 8075, с. 86].

Обращает внимание то, что Догада просит от всей дворцовой волости, одновременно сообщая о крайне тяжелом экономическом положении мордвы: *«Того ради, от всего общества оной волости мордвы, хотящих восприять веру православную, прислан я нижайший Вашего Императорского Величества всенижайшее просить, дабы указом Вашего Императорского Величества повелено было, по желанию их, просветить светом Святаго Крещения…»* [3, т 11, № 8075, с. 86]. В награду за принятие крещения Ф. Догада от имени мордвы просит вознаграждение или списание недоимок, как уже было с ранее принявшей православие мордвой.

В ответ на обращение 1 мая 1740 г. последовал Высочайший указ о крещении мордвы, о посылке к ним ученого священника и о постройке деревянной церкви. Второго мая 1740 г. Синод указал архимандриту Арзамасского Спасского монастыря Иоасафу определить в переводчики двух церковников, знающих мордовский язык. Одновременно епископу Нижегородскому Иоанну было указано для наблюдения над новокрещенами определить ближайшего сельского священника, который рапортовал бы ежемесячно. После постройки и освяще-

ния церкви, на службу должен был быть направлен священник со знанием мордовского языка [5, с. 200].

Между тем, 25 августа 1740 г. архимандрит Иоасаф самовольно отъезжает в Москву, не исполнив указов по обращению мордвы в православие. Оставленный на месте исполнять обязанности по управлению Арзамасский поповский староста Яков Афанасьев вскоре рапортовал, что для учения и обращения к вере и крещения мордвы отправлены, по выбору городских священников, города Арзамаса Троицкий поп Яков Афанасьев и из дворцовых волостей и разных сел три церковника [5, с. 200-201].

Резолюция на прошение Ф. Догады исходила 23 апреля 1740 г., а уже 11 сентября 1740 г. по именному указу императрицы Анны Иоанновны для ускорения христианизации на территориях Казанской, Астраханской, Сибирской, Нижегородской и Воронежской губерний учреждается Контора новокрещенских дел. Главой конторы назначается архимандрит Дмитрий Сеченов. В указе повелевалось давать новообращенным льготы от податей и других чрезвычайных поборов на три года, от работы на поташных и других казенных заводах, от платежей венечных денег при браке, освобождать их от рекрутской повинности. Каждого из новообращенных должны были снабжать медным крестом весом по пять золотников, давать рубаху с портами, сермяжный кафтан с шапкой и рукавицами, обувь (чирики с чулками). Тем, кто познатнее, при крещении полагались серебряные кресты по четыре золотника, кафтан из крашеного сукна, вместо чириков сапоги. Женщинам полагались волосники, очельники и холщовая рубаха. Денежные суммы новокрещенам определялись следующие: мужскому полу в возрасте до 10 лет – по 50 копеек, от 10 до 15 лет – по рублю, свыше 15 лет – по рублю 50 копеек; женскому полу в возрасте до 12 лет – 50 копеек, от 12 лет и выше – по рублю [3, т. 11, № 8236, с. 248-256].

В указе, среди прочего, оговаривалось, что не пожелавшие принять крещения, не должны подвергаться принуждению и угрозам, поступать с ними было велено по образу апостольской проповеди, со всяким смирением, тихостью и кротостью. Но, вместе с тем, одним из существенных положений указа являлось определение взыскивать неполученные из-за предоставляемой льготы подати с лиц, не желавших принимать православие. Эта мера, ухудшая положение тех, кто не хотел креститься, одновременно вносила социальную напряженность между сторонниками и противниками принятия православия.

Восьмого декабря 1740 г. Московская синодальная канцелярия отправила в Арзамас для крещения мордвы иерея Архангельского собора Антипу Мартинианова. Приехав на место, Мартинианов приступил к объезду деревень, но объехав 23 деревни и встретясь с 111 представителями мордвы (старостами, сотниками, десятниками и простыми жителями), он нигде не нашел желавших креститься. Считая миссию выполненной, Мартинианов собирался вернуться в Москву, но 7 января 1741 г. Святейший Синод сделал распоряжение о запрете отъезда священника от мордвы без позволения, чтобы он по-прежнему *«увещевал мордву к крещению с крайним прилежанием и тщательным радением»* [5, с. 201-202].

Тогда Мартинианов обратился к деревне Камкиной – родине Ф. Догады, в которой уже проживала часть мордвы, принявшей православие. Через два месяца Мартинианов рапортовал о первых своих успехах: *«Хотя всячески отчаяна была ослепленная суетным от предков своих и никаковаго основания имущим друг от друга принимательным преданием… от суеверия непревратимая и непреклонная к православной вере христианской, мордва, однако-ж ныне безпрестанным и повсядневным прилежнейшим словом божественным от мене… оная мордва с теплейшей любовию и ревностию св. крещение восприять пожелала, что из оных деревня Камкина все без остатку, от мала до велика, крайнее и ревностное желание объявили, из которых ныне мужескаго полу до единаго все св. крещение восприяли, а жены их и дети в сем следствующем времени крещены быть имеют, такожде и в прочих мордовских деревнях, хотя еще и не все, однакоже многие являют свое к св. крещению желание…»* [5, с. 202]. Мартинианов так проповедовал слово Божие *«о невозможном, кроме христианской веры, спасении»*, что мордва, по его словам, *«с таковою ревностию и прилежнейшим вниманием слушают, что не токмо во весь день слушающе пребывают, но и некоторые их них даже до полунощи в домы свои не отходят»* [5, с. 203]. Единственным же препятствием принятия православия, по словам Мартинианова, являлись *«запущенныя прежними времены пустотою доимки»*, для взимания которых сборщики недоимок, *«захватив их к себе, бьют без всякие пощады, милосердия и ставят босыми ногами на мороз и снег на многое время»* [5, с. 203]. Заступаясь за тех, кто принял православие, Мартинианов просил прекратить такие жестокие меры по отношению к ним, иначе, как он предполагал, не получив желаемых выгод, мордва вновь может вернуться к своей вере, а также просил ускорить выдачу обещанного денежного вознаграждения. В качестве примера он приводил деревню Камкину, где новокрещеных, по реестру, оказалось 25 человек, но которая не получила никакого вознаграждения и *«во всем страждет»* [5, с. 203-204].

Десятого марта 1741 г. Святейший Синод сообщил в кабинет Ее Величества, что было бы справедливым и весьма полезным новокрещеных освободить от платежа недоимки и тем избавить их от жестокостей сборщиков, что и было подтверждено [5, с. 204].

Шестнадцатого июня 1741 г. Мартинианов доносил о крещении остальных жителей деревни Камкиной и *«прочих деревень»*, которых *«со многими трудами едва возмогл увещевать»*. Однако, среди прочих были и такие, что *«не токмо слышать слово проповедуемого и увещания, но ниже мене самого видеть не хотят, бегают и кроются в лесах, а когда что случится услышать, уши затыкают»* [5, с. 204]. Таких в реестре оказалось 31 человек. Как следует из дела, к 6 июля были крещены еще две деревни, одна из них – расположенная неподалеку от деревни Камкина деревня Большой Макателём. Причем первоначально *«мордва деревни Большого Макателема перво умышляли нас побить до смерти, а потом выгнали из деревни вон с безчестьем и великим руганием»* [5, с. 204]. Так же поступала мордва деревень Кардавили, Понетаевки, Корина и прочих деревень: *«числом с 300 и больше, с дубьем, рогатинами и жердьми, в*

деревни свои не пустили и хотели побить до смерти, и едва взмогли уехать и гнались версты с две, ажно за околицу, с криком, грозами и воплем великим; в котором крику было слышно: "ты де нас приехал крестить, вот-де мы тебя окрестим, мы де тебе давно говорили, что к нам не езди"» [5, с. 204].

К 6 июля в генеральной ведомости по новообращенным было записано 104 человека. Вновь Мартинианов просил о своем возвращении в Москву, и вновь был получен отказ в отъезде. Среди задач ему ставилось наблюдение за новокрещенами, *«дабы не могли совратиться в первобытие»* [5, с. 204-205].

Подводя итоги своей миссии, 15 сентября 1741 г. Мартинианов доносил, что новокрещеные в продолжение восьми месяцев наставлялись им в святой вере. Свои успехи он связывал с тем, что *«мордва закона собственного никакого не имеет, токмо некоторые обряды в свадьбах, в поминовениях усопших и сем подобных».* И если мордва обращаются к святому крещению, то *«так содержат веру, что и в православии сущие им удивляются»,* и что *«оные мордва, по указу Нижегородского епископа Иоанна, присланы к близ сущих тамо сел священникам для безпрестанного за ними надзирания»* [5, с. 205].

В своем донесении Мартинианов сообщал и о нападении на него и избиении в свой квартире, которое было совершено подьячим Арзамасского дворцового ясачного приказа Василием Поповым. У Мартинианова были похищены деньги, меха, предметы одежды, утвари и *«книги на латинском языке»*. Как потом выяснилось, по признанию Попова, он действовал *«по наущению мордвы».* Пятого августа священник уехал в Москву для лечения, куда и прибыл 12 числа того же месяца [5, с. 205].

В отсутствие Мартинианова, для наблюдения за новокрещеной мордвой, были определены два священника – Лука Иванов и Дмитрий Федоров, которыми в августе и сентябре было крещено еще 49 человек [5, с. 206].

Двадцать четвертого сентября 1742 г. было получено прошение новокрещеных шести деревень (Камкина, Большой и Малый Макателем, Кардавиль, Понетаевка, Корино). В прошении сообщалось, что священник Мартинианов *«со всяким тщанием и радением нам вечного спасения познания истиннаго Бога учил нас денно и нощно»*, чем и привел несколько из нас к крещению, а по отъезде *«все вышепоказанных деревень жители святое крещение восприяли»* [5, с. 206]. Это произошло всего через три месяца с того времени, как жители тех же деревень прогнали дубинами священника. Причины столь резкой перемены видны в дальнейшем сообщении мордвы. Новокрещеные просили защиты от притеснений постройки церкви, награждения и свободы от всяких поборов: *«…велено давать льготы и награждение…, а их нет, – трехлетняя льгота от подушных денег хотя и дана, однако всякие мелочные сборы как воеводская арзамаская канцелярия, так и Дворцовый Ясачный Приказ доправляют и ныне и чинят нам великие изневаги, бьют немилостиво и вводят в немалыя убытки; крестившиеся прежде священника Мартинианова не получили никаких льгот, лишены льгот и те из новокрещеных которые пошли в дом русских дворцовых мужиков и там женились, – и все это чинится своевольно, для своей бездельной корысти»* [5, с. 206-207].

Пятнадцатого октября 1742 г. Святейшим Синодом было определено сообщить в Сенат о реестре новокрещеных и просить о распространении трехлетней льготы на все сборы (а взятое зачесть вперед), о постройке церкви (а, может быть, и нескольких) запросить Арзамасское Духовное правление [5, с. 207].

По месяцам число принявших православие выглядело так: в ноябре и декабре 1741 г. крещено 299 человек, в январе 1742 г. – 194, в феврале – 143, в мае – 48, в июне – 50 человек [5, с. 207].

Таким образом, к середине 1742 г. число принявших православие составляло 887 человек. В дальнейшем это число стремительно увеличивалось. Из ведомости, присланной в Синод из Арзамасского Духовного правления, составленной на основании ведомостей, полученных от священников, в дворцовой ясачной волости Арзамасского уезда с начала 1743 г. по 17 мая общее число крестившихся составило 3.190 человек. Из них 1.737 мужского пола и 1.453 женского. Все они были жителями 12 деревень: Кельдюшева, Старое Иванцево, Новая Пуза, Новое Иванцево, Чиргуши, Ревезень, Старые, Новые и Средние Пичингуши, Уда, Старая Вторусская, Сергеевское Волчиха тож [6, с. 562-563].

По получении ведомости Синод постановил, *«чтоб оные, святое крещение восприявшие, христианскую веру твердо и ненарушимо содержали, для наблюдательства и утверждения их в православии определить к ним ученых и искусных священников…»* [6, с. 563]. 4 апреля 1745 г. в Арзамасский Спасский монастырь для проживания и наблюдения за мордвой были отправлены два священника – Григорий Петров и Василий Михайлов.

Следует отметить, что в полном объеме обещанное за принятие православия вознаграждение, по силе указа от 11 сентября 1740 г., не было выполнено. В связи с отсутствием финансового обеспечения было решено вознаграждение деньгами и одеждою выдавать только в половинном размере, определенным упомянутым указом. Объяснялось это тем, что новокрещенам дарованы другие льготы (освобождение на три года от податей и др.) [6, с. 478]. Но и эти суммы из Коллегии Экономии поступали нерегулярно. Например, только в июле 1744 г. были отпущены 18 тыс. руб., положенные к выдаче в 1743 г. В 1744 г. вместо требовавшихся 22.643 руб. было отпущено только 8 тыс. руб., и таких примеров немало [6, с. 479]. За скорейшей высылкой недостающих сумм Контора новокрещенских дел регулярно обращалась в Синод. В итоге принявшие православие сами были вынуждены довольствоваться трехлетней льготой от податей и повинностей, не рассчитывая на большее: *«В награждение новокрещеным, которые кроме покупки им крестов и в благословение в дома их икон, другого вознаграждения уже и сами не требуют, довольствуясь трехлетнею льготою от податей и повинностей, ибо если всем новокрещеным производить вознаграждение, по силе указа 11 сентября 1740 г, то потребуется употребить на то более 150000 руб.»* [6, с. 479].

В представлении Сеченова Синоду в 1741 г. утверждается, что *«в Казанской и Нижегородской губерниях разных народов иноверцы целыми деревнями и всеми уездами и сотнями, как мужеск, так и женск пол все до единого человека Святым крещением просветились»* [3, т. 11, № 8792, с. 916]. В действитель-

ности же, в Арзамасском уезде в 1741 г. массового крещения мордвы еще не состоялось, и только к лету 1743 г. достоверно известно, что жители 18 деревень из 31 приняли православие. Но это составляло уже более 50% деревень, а вторая ревизия (1745 г.) показывает пять сел, жители которых недавно приняли православие: Великий Враг, Итманово, Старый Макателём, Пичингуши Новые, Пичингуши Старые, Ревезень [1, с. 245-342].

Представляют интерес записи протоиерея И. Сахарова, касающиеся принятия мордвой христианства. Составлены они в середине XIX века, т.е. через 100 лет после упомянутых выше событий. Так, по селу Великий Враг записано: *«По преданию крещение мордвы происходило под присмотром воинского отряда в озере, существовавшем в саженях 100 от нынешней церкви, но уже уничтоженном и поросшем травою. Старожилы по наслышке предков, рассказывают, что невежды, крещенные по неволе, выйдя из купели в домы, бросали надетые на них кресты и толкли в ступах, держась обрядов язычества, и преданий святой церкви нисколько не хранили»* [7].

В селе Вечкусово: *«Жители были мордва – язычники, и крещены насильно с помощью воинской команды в озере, находившемся близ села, ныне высохшем и поросшем травою. Первые новокрещенцы долго еще гнушались христианскою верою, почему и самые кресты, данные каждому при крещении, сбрасывали с себя; исполняли обряды язычества, особенно на кладбищах, где пили и плясали; постов, установленных святой церковью, не сохраняли»* [7].

Православие, принятое в большинстве своем формально, в силу необходимости, во второй половине XVIII – начале XIX вв. постепенно проникало в быт, становилось частью уклада. Записи иерея И. Сахарова о селе Вечкусово отражают эти процессы в целом по мордовскому населению: «*Но второй по счету священник этого села, именем Ефрем, ревнительный пастырь неискусного к вере стада, неусыпно наблюдая за домашнею жизнью детей духовных, то пастырскими наставлениями, то угрозами истребил тайное язычество, и вместо того поселил в приходе чистосердечное усердие к христианству… Следы язычеств лет за 15 перед сим обнаруживались на кладбищах в родительские субботы. Поминающие усопших приносили на могилы брагу, медовый квас и всякие явства, и по окончании панихид переходили семейство к семейству с одной могилы на другую как будто в гости; пили, ели и оканчивали пиршество порядочным разгулом. Впрочем подобные суеверия время от времени уничтожаются»* [7].

Таким образом, христианизация мордвы, проживавшей на территории Арзамасского уезда, начавшаяся со времени основания уезда, была формально завершена в середине XVIII века. На первом этапе православие приняло население деревень, расположенных на западе Арзамасского уезда, наиболее близко расположенных к древним русским областям расселения; второй этап совпал с общей христианизацией поволжских народов в 1740-е гг. Сравнительно с восстанием 1743-1745 гг., произошедшим в Терюшевской волости Нижегородского уезда, массовое крещение в Арзамасском уезде прошло мирно, хотя здесь и имели место определенные эксцессы (изгнание приезжавшего с проповедями

священника, угрозы и побои). Во второй половине XVIII – начале XIX вв. православие постепенно проникает в быт мордовского народа и становится частью его жизни.

Источники и литература

1. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв. // Избранное: в 2 ч. / редкол.: В.А. Юрченков (пред.) [и др.]; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – Ч. 1.

2. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 1.

3. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. – СПб., 1830. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php (дата обращения: 14.11.2017).

4. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 1003. Оп. 1.

5. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XX, 1740 г. – СПб., 1908. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_002903815/viewer (дата обращения: 14.11.2017).

6. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XXIII, 1743 г. – СПб., 1911 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_002903836/viewer (дата обращения: 14.11.2017).

7. Статистическое описание церквей города Арзамаса, составленное в 1849 году протоиереем И. Сахаровым (сообщено Титовым) // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1888. – 21 декабря. – № 51.

УДК 902

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА АРЗАМАСА

PRELIMINARY RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES IN ARZAMAS' TERRITORY

Н.В. Арясов

N.V. Aryasov

Марийский государственный университет,
историко-филологический факультет, магистрант
Республика Марий-Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1
E-mail: nikolai.ariasow@yandex.ru

Аннотация: В статье подведены краткие итоги археологических исследований на территории города Арзамаса в период 1993-2015 гг.

Ключевые слова: история Арзамаса, археологические исследования, культурный слой.

Summary: The article summarizes the results of archaeological research on the territory of Arzamas in the period from 1993 to 2015.
Key words: Arzamas history, archaeological research, cultural layer.

Несмотря на то, что первые археологические обследования территории Арзамаса были осуществлены еще в 1940-1950-е гг. И.А. Кирьяновым, в археологическом плане город изучен недостаточно. Началом систематической работы в этом направлении можно считать 1993 г., когда археологические исследования культурного слоя на территории Арзамаса начали проводиться В.Н. Мартьяновым. В 1993 г. он провел наблюдения при прокладке коммуникаций около пожарного депо по ул. Советской. Также в сквере им. Ленина (на Соборной площади) был заложен и исследован шурф площадью 16 м^2. На этих объектах выявлен культурный слой периода XVI-XVII вв. Были найдены керамический материал XVI-XVII вв. и медная монета-пуло времени правления Бориса Годунова. На улицах Набережной, Ступина и на берегу речки Сорока, на территории бывшей Арзамасской крепости, был собран подъемный материал – фрагменты русской гончарной керамики периода XVI-XVIII вв. [1]. Кроме этого, были зафиксированы сведения по отдельным находкам археологических объектов и предметов в исторической части Арзамаса вне территории крепости в прежние годы [2, с. 3].

Результаты исследований В.Н. Мартьянова в 1993 г., а также историческая справка, подготовленная сотрудниками Марийского госуниверситета Ю.А. Зеленеевым, Г.Н. Айплатовым и А.С. Михеевым по заданию Комитета по охране и использованию историко-культурного наследия г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, послужили основой для принятия постановления о государственной охране культурного слоя г. Арзамаса как памятника археологии (постановление Законодательного Собрания Нижегородской области № 38 от 02.06.1998 г.). В нем территория исторического культурного слоя была ограничена и разделена на две зоны – «А» и «Б», с различными режимами охраны (для зоны «А», охватывающей территорию бывшей крепости и прилегающие к ней площадки – обязательная археологическая экспертиза и предварительные археологические раскопки при строительстве зданий и прокладке коммуникационных траншей шириной более 1 м; для зоны «Б», расположенной на периферии исторической части города, в качестве основной методики исследований при строительстве зданий и прокладке коммуникаций предполагался археологический надзор) [3; ***Приложение 4, илл. 1***].

В 1999 г. В.Н. Мартьянов в режиме археологического надзора за земляными работами обследовал два котлована, располагавшихся на территории зоны «Б» охраняемого культурного слоя Арзамаса: под пристрой к зданию Центра реабилитации детей инвалидов (ЦРДИ) на ул. Ступина (вблизи ее пересечения с ул. Космонавтов), а также под пристрой к зданию Сбербанка на ул. Кирова (рядом с пересечением ее с ул. Революции). Культурный слой XVI-XVIII вв. (либо более ранний) на этих объектах отсутствовал.

В 2001 г. обследовались два котлована на периферии зоны «Б» (на ул. Куликова, д. 53 и по ул. К. Маркса вблизи стадиона «Знамя»). Культурного

слоя (или каких-либо археологических объектов) при этом обнаружено не было.

В 2003 г. было обследовано шесть объектов. На пяти из них культурных напластований не было обнаружено (в зоне «А»: ул. Ступина, д. 15 и ул. Кирова, д. 2; в зоне «Б»: на ул. Куликова, д. 26, ул. Калинина, д. 30, ул. Революции, д. 14/1). На ул. Советской, д. 1 А (в пределах зоны «А») был выявлен культурный слой (темный гуммированный суглинок, прослеживающийся до глубины 1,13 м) с включениями мелких фрагментов человеческих костей, происхождение которых исследователь связал с кладбищем расположенной поблизости церкви (в здании которой впоследствии размещался Дом пионеров).

В 2004-2007 гг. археологические исследования проходили преимущественно на периферии зоны «Б» (в 2004 г. – на ул. Октябрьской, д. 19 и ул. Советской, на территории воинской части № 17845; в 2005 г. – на ул. Космонавтов, д. 48 в, ул. Революции, д. 20, ул. Кирова, д. 54; в 2006 г. – на ул. Свободы, д. 49-51, ул. Революции, д. 9 и 22, ул. К. Маркса, д. 60; в 2007 г. – на ул. Куликова, д. 33 А, ул. К. Маркса, д. 61, ул. Калинина, д. 36 А, ул. Революции, д. 36). На всех этих объектах культурных напластований, содержащих материалы периода XVI-XVIII вв. (либо более ранних), обнаружено не было.

В 2009 г. И.С. Аникиным было произведено визуальное обследование территории памятника (без проведения земляных работ) с фотофиксацией. Материалы хранятся в музее Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.

В 2010 г. В.В. Бейлекчи были заложены два шурфа площадью по 1 м^2 на участке по адресу: ул. Свободы, д. 36 (зона «Б» культурного слоя). Установлено, что культурные отложения здесь датируются по керамическому материалу периодом не ранее XVII – начала XX вв., а находки более ранних материалов единичны. До начала хозяйственного освоения территории, судя по прослойке подзолистой супеси в шурфе 1, данная площадка была занята лесом.

В 2011 г. В.В. Бейлекчи производил археологические работы на трех участках культурного слоя Арзамаса по адресам: ул. Кирова, д. 26, ул. Мучной ряд, д. 4 и ул. Свободы, д. 11 Б. На первом из них (территория предприятия «Темп-Авиа», зона крепости Арзамаса) были заложены четыре шурфа общей площадью 16 м^2 и обследованы профили двух котлованов для прокладки коммуникаций (перекопы до глубины 3,6 м). В результате шурфовки установлено, что в пределах обследованного участка культурные отложения раннего периода функционирования Арзамасской крепости (XVI-XVII вв.) представлены единичными фрагментами керамики, а выделить на площади слои данного периода затруднительно из-за практически полного их переотложения земляными работами XX века. На участке по ул. Мучной ряд, д. 4 (зона «А» культурного слоя) были заложены два шурфа общей площадью 12 м^2. В обоих шурфах вплоть до уровня обнаружения материка (–150-170 см от СДП) залегали переотложенные слои. В результате шурфовки установлено, что обследованный участок распо-

лагался в периодически подтоплявшейся береговой зоне запруженной в XVII веке речки Сорока, а начало освоения участка, видимо, относится к первому периоду застройки – возведению комплекса зданий трактира «Тройня» во второй четверти XIX века. На участке по ул. Свободы, д. 11 Б (зона «Б» культурного слоя) были поставлены два шурфа по 1 м^2. Учитывая слабую насыщенность и переотложенность культурного слоя, отсутствие углубленных объектов, можно предполагать, что данная территория являлась периферийной для памятника «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.» и, видимо, входила в зону хозяйственного освоения города.

В 2012 г. В.В. Бейлекчи производил археологические работы на двух участках культурного слоя Арзамаса по адресам: ул. К. Маркса, д. 37 и ул. Коммунистов, д. 73 В. Территория первого из них в ранний период существования Арзамасской крепости (вторая половина XVI – XVII вв.), судя по отсутствию характерных признаков городского культурного слоя, оставалась за пределами кварталов города и входила в зону хозяйственного освоения. Не ранее XVIII века на обследованном участке впервые появляются следы строительной и бытовой деятельности, представленные обломками маломерного красноглиняного кирпича, вкраплениями извести и суглинков, а также обломками керамической посуды и остеологическим материалом. Следующий период строительной деятельности в западной части участка, судя по находкам слоя 2 в шурфах 1 и 2, относится к концу XVIII – началу XIX вв., когда здесь появились углубленные в материк сооружения, не отраженные на планах города 1832 и 1850-х гг. Данные постройки, вероятно, были снесены в конце XIX – начале XX вв. и засыпаны мусором. Дальнейшая строительная история участка связана с использованием свободной от строений территории в качестве хозяйственной и садово-огородной, что подтверждается находками из слоя 1 шурфов 1 и 2. Строительная деятельность на обследованном участке в основном переотложила слой 3 (погребенную почву), датируемый периодом до XVIII века. На территории обследованного участка по ул. Коммунистов, д. 73 В ранние культурные отложения могут быть датированы по керамическому материалу периодом второй половины XVIII – XX вв. Учитывая слабую насыщенность культурного слоя и отсутствие углубленных в материк объектов, можно предполагать, что данная территория являлась периферийной для города и, очевидно, входила в зону хозяйственного освоения в качестве сельхозучастка [4, с. 41].

В 2013 г. В.В. Бейлекчи по профилям траншей обследовал земельный участок по адресу: ул. Ленина, д. 35, который в ранний период существования Арзамасской крепости (вторая половина XVI – XVII вв.), судя по отсутствию характерных признаков городского культурного слоя, оставался за пределами кварталов города и входил в зону хозяйственного освоения; судя по наличию подстилающей подзолистой супеси, здесь произрастали хвойные деревья. Не ранее XVIII века на обследованном участке впервые появляются следы бытовой деятельности, представленные малочисленными обломками керамической посуды и остеологическим материалом. Первый период строительной деятельности на участке относится к концу XVIII – началу XIX вв.

В 2014 г. В.В. Бейлекчи был поставлен шурф площадью 4 м^2 на участке по ул. Октябрьской, д. 2, который в период существования Арзамасской крепости оставался за пределами кварталов города и не входил в зону хозяйственного освоения, т.к. здесь находилось верховое болото. Строительно-хозяйственная деятельность на участке началась, вероятно, в конце XVIII века в виде попыток дренажа болота, продолженных в XIX-XX вв., вплоть до осуществления засыпок этой территории в XX-XXI вв.

В этом же году В.В. Бейлекчи обследовал котлован под строительство по ул. К. Маркса, д. 62. Обследование показало, что данная территория как в ранний период существования Арзамасской крепости (вторая половина XVI – XVII вв.), так и в XVIII – первой половине XIX вв. оставалась за пределами кварталов города и не входила в зону хозяйственного освоения. Здесь произрастали хвойные деревья, а строительно-хозяйственная деятельность на участке началась только в XX веке.

В 2014 г. В.В. Бейлекчи также были поставлены три шурфа общей площадью 5 м^2 на площадке проектируемого котлована по ул. Красноармейской, д. 38. В ходе работ установлено, что данная территория как в ранний период существования Арзамасской крепости, так и в XVIII – первой половине XIX вв. оставалась за пределами кварталов города, не входила в зону хозяйственного освоения и периодически подвергалась разливам реки Шамки, а строительно-хозяйственная деятельность на участке началась только в XX веке, в период частной и многоэтажной жилой застройки.

В 2015 г. В.В. Бейлекчи были проведены раскопки по ул. Свободы, д. 12 общей площадью 326 м^2, под строительство жилого дома. В результате проведения археологических исследований установлено, что данная территория в ранний период существования Арзамасской крепости оставалась за пределами кварталов города, а строительство жилых и хозяйственных построек, обработка земли на данной территории начались только в первой половине XVIII века (судя по нумизматическому материалу – в период правления Елизаветы Петровны). При этом до последнего времени сохранились ориентировка улицы, земельных участков и строений на них, а внутриквартальное пространство в глубине участков использовалось только в качестве садово-огородного [5, с. 38; ***Приложение 4, илл. 2, 3, 4***].

На сегодняшний момент результаты проведенных на территории Арзамаса археологических изысканий не отличаются полнотой и систематичностью. Большая их часть получена не в результате планомерных археологических раскопок, а при проведении локальных шурфовок и наблюдений. Тем не менее, уже сейчас можно с определенной долей уверенности говорить о том, что наиболее насыщенным культурный слой является именно в пределах выделенной охранной зоны «А». На периферийных же участках зоны «Б» культурный слой сформирован слабо, что свидетельствует о более позднем вовлечении этих территорий в хозяйственный оборот.

Массовый керамический материал и индивидуальные находки относятся в основном к периоду XVII – начала XX вв. и не позволяют пока говорить о

подтверждении даты основания города в XVI столетии. Вероятнее всего, новые материалы относительно этого будут появляться в ходе производства дальнейших археологических исследований и при условии неукоснительного соблюдения всеми вовлеченными в процесс лицами федерального законодательства в сфере охраны и использования памятников истории и культуры.

Источники и литература

1 Мартьянов В.Н., № 18461. Отчет об археологических исследованиях в г. Арзамасе в 1993 г. // Архив Института археологии РАН.

2. Мартьянов В.Н. Археологическая карта Арзамасского района. – Арзамас, 2002.

3. Паспорт на памятник археологии «Культурный слой г. Арзамас, XIV-XVIII вв.» // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области.

4. Краткий научный отчет о проведении работ по сохранению объекта археологического наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.», в границах земельного участка кадастровый № 52:40:0301003:207, подлежащего хозяйственному освоению по адресу: Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Карла Маркса, д. 37 // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области. – С. 39-42.

5. Краткий научный отчет о проведении работ по сохранению объекта археологического наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.» в границах земельного участка кадастровый номер 52:40:0301001:1530, предназначенного под застройку по адресу: Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Свободы, д. 12 в 2015 году» // Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области. – С. 36-39.

УДК 902.4

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ АРЗАМАСА XVIII-XIX ВВ.

STATIC ANALYSIS OF THE CERAMIC MATERIAL
OF THE CULTURAL LAYER OF ARZAMAS, XVIII-XIX CENTURIES

А.И. Кузьмина

A.I. Kuzmina

Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет,
студентка
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: angelinakuzmina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена результатам охранных археологических раскопок в г. Арзамасе Нижегородской области в 2015 г., а именно детальному анализу керамического материала. Исследования дают богатый материал, который иллюстрирует хозяйство и быт горожан в XVIII-XIX вв.

Ключевые слова: археология, история Арзамаса, керамика, хозяйство и быт.

Summary: The article is devoted to the results of rescue archaeological excavations in the city of Arzamas Nizhny Novgorod region in 2015, namely the detailed analysis of the ceramic material. Studies provide a wealth of material that illustrates the economy and life of citizens in the XVIII-XIX centuries.
Key words: archeology, Arzamas history, ceramic, way of life.

В 2015 г. силами историко-археологического бюро «Артефакт» проводились раскопки в пределах объекта археологического наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.» на территории, расположенной по адресу г. Арзамас ул. Свободы, д. 12 и примыкающей к исторической части Алексеевского женского монастыря (***Приложение 5, рис. 1***).

В результате работ было исследовано 288 м^2 культурного слоя, поднято большое количество массового керамического материала, а также обнаружено более сотни индивидуальных находок, которые иллюстрируют хозяйство и быт горожан в XVIII-XIX вв. [1, с. 32-36].

Во время детального изучения обнаруженного керамического материала учитывались все найденные обломки посуды в разной степени фрагментарности, начиная от размера 2х2 см. Статистический анализ материала выявил три основные хронологические группы керамики, выделенные по определенным морфологическим признакам [2, с. 29].

Первая группа: позднесредневековая керамика XVI-XVII вв. Посуда данной группы была изготовлена из белой и красной глины на ножном гончарном круге; венчики короткие, поставленные вертикально, без краевого утолщения, украшенные разреженными полосками линейного орнамента, имеют сходство с типом венчиков 2 по классификации Е.В. Майоровой [3, с. 142-153].

Вторая группа: керамический материал XVIII – начала XIX вв. Представлена в основном горшками, кувшинами, крынками, мисками (сковородами), крышками и рукомоями. В отдельных случаях встречаются фрагменты изразцов, светильников и кумганов. Вся керамика этой группы делалась из белой и красной глины, визуально не содержала примесей и была изготовлена на ножном гончарном круге. По способу обработки поверхности керамических изделий выделяются три основные их группы: с лощением (чернолощеная, белолощеная), без лощения (мореная), поливная (глазурь желто-зеленого цвета).

К керамическим изделиям из красной и белой глины этого периода относятся сосуды с профилировкой венчика тип 13 и тип 14 по Е.В. Майоровой: сосуды с шаровидным туловом имели слабо выраженный венчик с заворотом вовнутрь или же наружу, переходящий сразу в плечико; днище, как правило, формировалось на песчаной подсыпке, орнаментация отсутствовала [3, с. 142-153]. На отдельных фрагментах от сосудов из красной глины из категории горшков прослежены следы черного лощения, также на отдельных фрагментах от сосудов из белой глины присутствует белый ангоб (аналогии данному декору не найдены). Встречаются фрагменты белоглиняных сосудов с росписью красным ангобом, датирующихся XVIII веком [4, с. 406-414]. Фрагменты сосудов из категорий кувшинов и мисок, без визуальных примесей в глиняном тесте, отнесенные к чернолощеным, белолощеным и мореным, имеют стальной

или черный цвет, т.к. данная керамика преднамеренно обжигалась в восстановительной среде при температуре более 900°С.

Поливные посуда и изделия преимущественно изготовлялись из белых глин без визуальных примесей в глиняном тесте, с нанесением глазури желто-зеленого цвета. Такая посуда использовалась как столовая утварь, начиная с XVIII века [5, с. 406-414].

Третья группа: массовый материал середины XIX – начала XX вв. К этой группе относится посуда, изготовленная из белых и красных глин, на быстром гончарном круге, ведущий отощитель в глиняном тесте – трудно различимый мелкий песок; присутствуют те же категории как кухонной, так и столовой посуды, что и в посуде второй группы.

Керамика второй и третьей групп имеет определенное сходство. Отличие же состоит в появлении значительного количества фаянсовой посуды (тарелки, блюдца, чашки и т.д.) и бутылочной, штофной стеклянной тары (возможно, это связано с походами в Европу в 1813-1814 гг.). В XIX – начале XX вв. появляется самая массовая из категорий керамической посуды – изготовленная из красной глины и покрытая красно-коричневой прозрачной поливой [2, с. 30].

Статистическая обработка керамического комплекса дала нам следующие данные.

Керамика, относящаяся к первой группе, представлена фрагментами белоглиняных гладких сосудов, с довольно широкой датировкой (XVI-XVIII вв.). В пласте 0 ее было обнаружено 459 фрагментов, в пласте 1 – 932 фрагмента, в пласте 2 – 1.365 фрагментов, в пласте 3 – 1.442 фрагмента, в пласте 4 – 1.029 фрагментов, в пласте 5 – 217 фрагментов. Всего в шести напластованиях – 5.444 фрагмента.

Керамика второй группы представлена фрагментами чернолощеных, белолощеных, кирпично-красных с лощением, мореных, красноглиняных, белоглиняных с белым ангобом сосудов.

Так, фрагментов чернолощеных сосудов в пласте 0 было обнаружено 302 фрагмента, в пласте 1 – 477 фрагментов, в пласте 2 – 698 фрагментов, в пласте 3 – 717 фрагментов, в пласте 4 – 601 фрагмент, в пласте 5 – 82 фрагмента. Всего в шести напластованиях – 2.877 фрагментов.

Фрагментов белолощеных сосудов в пласте 0 было обнаружено 8 фрагментов, в пласте 1 – 14 фрагментов, в пласте 2 – 50 фрагментов, в пласте 3 – 23 фрагмента, в пласте 4 – 18 фрагментов, в пласте 5 – 17 фрагментов. Всего в шести напластованиях – 130 фрагментов.

Фрагментов мореных сосудов в пласте 0 было обнаружено 138, в пласте 1 – 239 фрагментов, в пласте 2 – 191 фрагмент, в пласте 3 – 298 фрагментов, в пласте 4 – 201 фрагмент, в пласте 5 – 35 фрагментов. Всего в шести напластованиях – 1.102 фрагмента.

Фрагменты белоглиняных с белым ангобом сосудов и кипрично-красных с лощением представлены в незначительном количестве в Объекте 1.

Керамика третьей группы представлена фрагментами белоглиняных поливных (желто-зеленая полива), кирпично-красных поливных (красно-

коричневая полива), красноглиняных тонких поливных сосудов, а также фрагментами фарфоровых и фаянсовых изделий и красноглиняных изразцов с зеленой поливой и румп от них.

Так, фрагментов белоглиняных поливных (желто-зеленая полива) сосудов в пласте 0 было обнаружено 99, в пласте 1 – 79 фрагментов, в пласте 2 – 42 фрагмента, в пласте 3 – 77 фрагментов, в пласте 4 – 32 фрагмента, в пласте 5 – 2 фрагмента. Всего в шести напластованиях – 331 фрагмент.

Фрагментов кирпично-красных поливных (красно-коричневая полива) сосудов в пласте 0 было обнаружено 120, в пласте 1 – 214 фрагментов, в пласте 2 – 84 фрагментов, в пласте 3 – 183 фрагмента, в пласте 4 – 163 фрагмента, в пласте 5 – 21 фрагмент. Всего в шести напластованиях – 790 фрагментов.

Фрагментов красноглиняных тонких поливных сосудов в пласте 0 было обнаружено 48, в пласте 1 – 42 фрагмента, в пласте 2 – 95 фрагментов, в пласте 3 – 97 фрагментов, в пласте 4 – 67 фрагментов, в пласте 5 – 16 фрагментов. Всего в шести напластованиях – 365 фрагментов.

Фрагментов фарфоровых и фаянсовых изделий в пласте 0 было обнаружено 440, в пласте 1 – 402 фрагмента, в пласте 2 – 296 фрагментов, в пласте 3 – 238 фрагментов, в пласте 4 – 157 фрагментов, в пласте 5 – 16 фрагментов. Всего в шести напластованиях – 1.549 фрагментов. Отдельные фрагменты имеют довольно большой размер, хорошо сохранившуюся форму, а также отличительные знаки (клейма). Такие экземпляры не заносятся в статистический материал, они имеют статус индивидуальных находок, которые представляют интерес для дальнейшего изучения [6, с. 999-1000].

Для удобства восприятия приведенной выше информации представим ее в таблице:

Таблица 1. **Соотношение типов керамики по пластам**

Тип **/ Пласт**	**0**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**Всего**
Белоглиняная гладкая	459	932	1.365	1.442	1.029	217	5.444
Чернолощеная керамика	302	477	698	717	601	82	2.877
Белолощеная керамика	8	14	50	23	18	17	130
Мореная	138	239	191	298	201	35	1.102
Белоглиняная поливная	99	76	42	77	32	2	331
Кирпично-красная поливная	120	214	84	183	163	21	790
Красноглиняная тонкая	48	42	95	97	67	16	365
Фарфор и фаянс	440	402	296	238	157	16	1.549

Фрагментов красноглиняных изразцов с зеленой поливой и румп от них в пласте 0 было обнаружено 4, в пласте 1 – 33 фрагмента, в пласте 2 – 127 фрагментов, в пласте 3 – 34 фрагмента, в пласте 4 – 52 фрагмента, в пласте 5 – 1 фрагмент. Всего в шести напластованиях – 251 фрагмент. Вероятнее всего, найденные изразцы использовались в облицовке печей. Все русские изразцовые печи с XVII до начала XX века можно разделить на несколько групп. Самые ранние печи (XVII век) облицованы рамочными терракотовыми или глазурованными зелеными изразцами; в какой-то степени они соответствуют западноевропейским готическим печам конца XV – XVI века. В начале XVIII века муравленые изразцы продолжали изготавливаться, но они потеряли выразительность изображений, остались в основном несложные узоры. Это мы видим на представленных пяти фрагментах из Арзамаса [7, с. 996].

Более того, керамический материал находился еще в четырех зафиксированных объектах. Каждый из них, в свою очередь, делился на пласты, в которых присутствовали все три группы керамики. Отдельно можно выделить Объект 1, в котором было найдено два фрагмента стенок от белоглиняных с белым ангобом сосудов XVIII-XIX вв. и один фрагмент придонной части от кирпично-красного лощеного сосуда XVIII-XIX вв. Больше ни в одном из объектов и ни в одном пласте такие типы керамики зафиксированы не были.

Анализ статистического материала выявил следующие цифры.

Объект 1: всего керамики – 1.598 фрагментов. Из них: 383 фрагмента от чернолощеных сосудов XVIII-XIX вв.; 199 фрагментов от мореных сосудов XVIII-XIX вв.; 633 фрагмента от белоглиняных гладких сосудов XVI-XVIII вв.; 2 фрагмента стенок от белоглиняных с белым ангобом сосудов XVIII-XIX вв.; 24 фрагмента от белолощеных сосудов XVIII-XIX вв.; 232 фрагмента от красноглиняных сосудов XVIII-XIX вв.; 34 фрагмента от кирпично-красных поливных (красно-коричневая полива) сосудов XIX – начала XX вв.; 1 фрагмент придонной части от кирпично-красного лощеного сосуда XVIII-XIX вв.; 42 фрагмента от фарфоровых и фаянсовых сосудов; 48 фрагментов от красноглиняных изразцов с зеленой поливой и румп от них.

Объект 2: всего керамики – 301 фрагмент. Из них: 61 фрагмент от чернолощеных сосудов XVIII-XIX вв.; 16 фрагментов от мореных сосудов XVIII-XIX вв.; 138 фрагментов от белоглиняных гладких сосудов XVI-XVIII вв.; 43 фрагмента от красноглиняных сосудов XVIII-XIX вв.; 4 фрагмента от кирпично-красных поливных (красно-коричневая полива) сосудов XIX – начала XX вв.; 16 фрагментов от красноглиняных тонких поливных сосудов XIX – начала XX вв.; 19 фрагментов от фарфоровых и фаянсовых сосудов; 4 фрагмента от красноглиняных изразцов с зеленой поливой и румп от них.

Объект 3: всего керамики – 582 фрагмента. Из них: 62 фрагмента от чернолощеных сосудов XVIII-XIX вв.; 28 фрагментов от мореных сосудов XVIII-XIX вв.; 190 фрагментов от белоглиняных гладких сосудов XVI-XVIII вв.; 4 фрагмента от белолощеных сосудов XVIII-XIX вв.; 14 фрагментов от белоглиняных поливных (желто-зеленая полива) сосудов XIX – начала XX вв.; 175 фрагментов от красноглиняных сосудов XVIII-XIX вв.; 5 фрагментов от кир-

пично-красных поливных (красно-коричневая полива) сосудов XIX – начала XX вв.; 1 фрагмент от красноглиняных тонких поливных сосудов XIX – начала XX вв.; 96 фрагментов от фарфоровых и фаянсовых сосудов; 7 фрагментов от красноглиняных изразцов с зеленой поливой и румб от них.

Объект 4: всего керамики – 317 фрагментов. Из них: 46 фрагментов от чернолощеных сосудов XVIII-XIX вв.; 28 фрагментов от мореных сосудов XVIII-XIX вв.; 120 фрагментов от белоглиняных гладких сосудов XVI-XVIII вв.; 1 фрагмент от белоглиняных поливных (желто-зеленая полива) сосудов XIX – начала XX вв.; 85 фрагментов от красноглиняных сосудов XVIII-XIX вв.; 36 фрагментов от фарфоровых и фаянсовых сосудов; 1 фрагмент от красноглиняного изразца с зеленой поливой.

В свою очередь, изучению подлежали ямы. Их было зафиксировано более двадцати. В восьми из них археологами был обнаружен керамический материал, по которому их можно было датировать. Так, большую часть из них (ямы 1, 5, 10, 11, 12, 25) можно отнести к XVIII-XIX вв., а оставшиеся (ямы 23, 26) к XIX – началу XX вв. Помимо керамики, в этих ямах находились фрагменты стекла (штофного и бутылочного), а также гвозди (тянутые) и кости животных.

По итогам охранных работ всего керамики из Раскопа 1 2015 г. по адресу: Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Свободы, д. 12 было изучено 16.618 фрагментов. После этого на основе выявленных данных исследователями были сделаны выводы о хронологических рамках исследуемой территории.

Таким образом, в ходе археологических полевых работ 2015 г. (раскопок) в границах территории памятника археологии «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.» установлено, что на площадке исследованного участка под строительство западного блока проектируемого здания по адресу: г. Арзамас, ул. Советская, д. 12 культурные напластования от современной дневной поверхности до материка достигали мощности 0,5-1,45 м, а в углубленных в материк сооружениях – до 2,77 м. Культурные отложения здесь залегали в следующих четырех основных строительных горизонтах:

1) горизонт начала XXI века (массовый материал горизонта состоял из многочисленных фрагментов стеклянных и фаянсовых изделий, обломков различных бытовых металлических, пластмассовых, резиновых и керамических изделий XX века);

2) горизонт конца XIX – XX вв. (заполнение данного горизонта соответствует третьей группе в классификации керамического комплекса);

3) горизонт XIX века;

4) горизонт XVIII века [2, с. 21].

Заполнение 3-го и 4-го горизонтов соответствует второй группе в классификации керамического комплекса.

Керамика первой группы отдельным горизонтом не выражена, что говорит об отсутствии на данной территории хозяйства в XVI-XVII вв.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что керамический комплекс согласно группам распределился относительно равномерно. Так, керамика с самой широкой датировкой (белоглиняная гладкая, XVI-XVIII вв.) пред-

ставлена в большом количестве – около 5,5 тыс. фрагментов. Керамика, которая относится только ко второй группе (чернолощеная, белолощеная, мореная, кирпично-красная с лощением, белая с белым ангобом), представлена в количестве более 4 тыс. фрагментов. Массовый материал третьей группы – около 3,5 тыс. фрагментов.

Такой многочисленный керамический комплекс дает основание для дальнейшего его изучения, как более тщательного статистического анализа, так и для исследования особенностей керамики г. Арзамаса.

Источники и литература

1. Егошин А.Л. Хозяйство и быт арзамасцев в XVIII-XIX вв. (по материалам археологических исследований) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XIII Региональной научно-практической конференции (3 декабря 2015 г.). Выпуск XII / под общ. ред. В.И. Грубова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – С. 32-36.

2. Бейлекчи Вал. В. Проведение работ по сохранению объекта археологического наследия «Культурный слой г. Арзамаса, XVI-XVIII вв.». Краткий научный отчет. – Муром, 2015.

3. Майорова Е.В. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок во Владимире в 13-м квартале в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 3. – Владимир, 2009. – С. 142-153.

4. Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников / под общ. ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1968. – С. 124.

5. Майорова Е.В. Керамические комплексы из раскопок Ново-Иерусалимского монастыря (по материалам раскопа I) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 8. – М., 2012. – С. 402-460.

6. Кузьмина А.И. Характеристика керамического материала культурного слоя Арзамаса XVIII-XIX вв. // Наука молодых: сборник научных статей по материалам X Всероссийской научно-практической конференции. – Арзамас: Ассоциация ученых г. Арзамаса; Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2017. – С. 998-1001.

7. Неупокоева В.Ю. Русское изразцовое искусство XVIII века на примере археологических находок в Арзамасе // Наука молодых: сборник научных статей по материалам X Всероссийской научно-практической конференции. – Арзамас: Ассоциация ученых г. Арзамаса; Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2017. – С. 995-997.

УДК 908

АРЗАМАССКИЙ ГОРОДОВОЙ МАГИСТРАТ

ARZAMAS CITY MAGISTRATE

А.С. Андронов

A.S. Andronov

Музей Русского патриаршества в г. Арзамасе, филиал Нижегородского государственного историко-архитектурного музея заповедника, экскурсовод

607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, пл. Соборная, 1а

E-mail: arzmagistrat@mail.ru

Аннотация: Статья раскрывает основные сведения об Арзамасском городовом магистрате как административном органе Арзамаса XVIII-XIX вв.; дает сведения об устройстве магистрата, его назначении. В статье приводятся архитектурные особенности здания магистрата – уникального памятника архитектуры второй половины XVIII века.

Ключевые слова: магистрат, административный орган, канцелярия, делопроизводство, суд, налогообложение, городское самоуправление.

Summary: The article reveals the basic information about the Arzamas city magistrate, as administrative organ of the city of Arzamas 18-19th centuries. The article provides information on the structure of the magistrate, his appointment. In the article are given the architectural features of the building of the magistrate – a unique architectural monument of the second half of the 18th century.

Key words: magistrate, administrative body, office, office work, court, taxation, city government.

Существование и функционирование Арзамасского городового магистрата – интересная и пока еще малоизученная тема исследования. Во-первых, само здание магистрата является уникальным памятником архитектуры XVIII века. Во-вторых, в областном госархиве (Центральном архиве Нижегородской области) и Арзамасском госархиве (ГАНО, г. Арзамас) находятся на хранении информативные документальные фонды этого административного органа: *ЦАНО. Ф. 118 – Арзамасский городовой магистрат (г. Арзамас Нижегородской губернии)*, 4.200 единиц хранения, охватывающие период 1779-1866 гг.; *ГАНО, г. Арзамас. Ф. 91 – Арзамасский городовой магистрат Нижегородской губернии*, 64 единицы хранения за период 1784-1840 гг. Также не исключено, что в Арзамасе до сих пор проживают прямые потомки бургомистров и ратманов, служивших в городовом магистрате. А это дает повод для проведения генеалогического исследования с целью получения «портрета» лиц высокой административной ответственности.

В общественной жизни Арзамаса XVIII-XIX вв. магистрат, располагавшийся на главной городской площади, играл важную роль. Здание, построенное во второй половине XVIII века специально для магистрата, сегодня является уникальным памятником архитектуры – это единственный в России не подвергшийся позднейшей перестройке образец гражданского барокко той эпохи.

Здание магистрата представляет собой двухэтажный в плане (17х19 м) объем, завершенный высокой четырехскатной крышей с характерным для ба-

рочной архитектуры переломом. Скаты верхней части крыши прямоугольные, нижней – с вогнутой поверхностью. Средняя часть южного фасада основного объема выделена квадратным в плане крытым на три ската ризалитом с главным входом. Здание кирпичное, оштукатуренное. Стены расчленены лопатками, по горизонтали обведены раскрепованными узкими межэтажными и широкими многорядными венчающими карнизами. Окна с лучковыми перемычками украшены наличниками с замковыми камнями, «ушами», прямоугольными навершениями, дополненными в более высоких проемах второго этажа треугольными фронтонами и криволинейными фартуками. Ризалит имеет более развитый межэтажный пояс, его скругленные углы акцентированы радиусными колонками. Дверной и оконные проемы, выполненные с полуциркульными перемычками, украшены аналогично окнам нижнего яруса основного объема. Вход дополнительно отмечен треугольным фронтоном [1, с. 365].

Оба этажа здания имеют одинаковую систему планировки. Изначально сообщение между этажами здания отсутствовало, но с 2013 г. для удобства экскурсионного посещения Музея Русского патриаршества, занявшего здание магистрата, был сооружен каменный пристрой с внутренней лестницей. Все помещения сомкнуты четырехлотковыми сводами. В начале XIX века в здании стала располагаться Арзамасская пожарная часть. В 1860-е гг. была построена деревянная трехъярусная пожарная каланча по проекту помощника архитектора Николаева. В первой четверти XX века каланча, начавшая разрушаться, была разобрана. Музей Русского патриаршества хранит фотокопии чертежей и фотографии этой временной деревянной надстройки. На втором этаже здания сохранились оригинальные изразцовые печи, утратившие свое прямое назначение.

История Арзамасского городового магистрата берет свое начало в первой четверти XVIII века. На основании «Регламента Главного магистрата» от 16 января 1721 г. в Арзамасе появился городовой магистрат как административно-полицейский, судебный и налоговый выборный орган. Особенностью Арзамасского магистрата являлось то, что он, в соответствии с «Городовым положением» 1785 г., подчинялся на местном уровне городской Думе, а на деле выступал как равноправное учреждение. По спорным и трудноразрешимым делам магистрат делал запросы в Нижегородский губернский магистрат, а по судебным – в Нижегородские палаты уголовного и гражданского суда.

Структура городового магистрата была довольно простой. Он состоял из присутствия и канцелярии. Присутствие составляли два бургомистра (главы администрации) и четыре ратмана (заместители глав администрации), которые избирались из мещан и купцов сроком на три года. По вступлению в должность они приравнивались к чиновникам 11-го (бургомистры) и 13-го (ратманы) классов. Канцелярию возглавлял секретарь. По избирательной системе 1785 г. состоятельные жители городов, обладавшие имуществом или капиталом в сумме не менее 5 тыс. руб., делились на шесть разрядов: 1) дворяне, духовенство и чиновники; 2) купцы трех гильдий; 3) именитые граждане города; 4) ремесленники; 5) мещане; 6) иностранцы и жители иногородние. Высокий имущественный ценз сужал круг избирателей, и он был невелик [2, с. 78].

Городовые магистраты занимались ведением гражданских и уголовных дел, а также выполняли административные функции: ведали рекрутским набором, взиманием податей, записью в купечество и мещанство, выдачей купцам свидетельств на вступление в подряды, выдачей паспортов, оформлением договоров о найме. Кроме того, Арзамасский магистрат осуществлял надзор за иногородними торговцами и промышленниками, ведением книг городских земель и строений для выдачи справок об их покупке, выдачей мер и весов, контролем качества товаров, установлением купчих на недвижимость.

При Арзамасском магистрате состояли городской сиротский суд и торговый словесный суд. Сиротский суд осуществлял попечение о малолетних сиротах и вдовах купцов, разночинцев, мещан и дворян, документально оформлял сведения об изменениях в их делах. Место председателя в сиротском суде занимал городской голова, с ним заседали два члена городового магистрата и городовой староста.

Словесный суд состоял из двух словесных судей, избиравшихся ежегодно городским обществом. Суд разбирал иски купцов, связанные с покупкой товаров, денежными займами, устраивал слушания по спорам между купцами и наемными работниками.

До наших дней дошли документы, составленные в городовом магистрате. Арзамасский городской архив хранит документы, начиная с 1784 г. – «Книга записи расходов городового магистрата». Заголовки документов городового магистрата доказывают важность и разностороннюю направленность деятельности этого административного заведения: «Рапорты смотрителей за соляными складами и питейными заведениями. Сведения о доходах и расходах средств от продажи вина и соли» (1798-1799)», «Документы о сборе с купеческого и мещанского обществ денег на содержание ямщиков на почтовых станциях (сообщения уездного судьи, рапорты городового и мещанского старост, сведения о собранных деньгах) (1801-1802)», «Сведения о выданных купцам паспортов» (1802), «Документы о взыскании с городского общества долга в размере 15 тыс. руб., занятых у г-жи Е.М. Клаудис на строительство Воскресенского собора (сообщения городового магистрата, списки купцов, мещан, раскладочные ведомости). Списки домовладельцев, в домах которых были расквартированы нижние воинские чины» (1833) и другие.

Тринадцатого августа 1866 г. Арзамасский городовой магистрат был упразднен, а все его делопроизводство передано уездному суду и городской Думе. Указ Нижегородского губернского правления от 5 сентября 1868 г. предписывал чиновников бывшего Арзамасского городового магистрата (секретаря Шкляровского, столоначальника Князева, архивариуса Золотницкого и писца Золотницкого) перевести «в Арзамасский уездный суд с назначением каждому жалования», а писцов Лебединского и Тихомирова причислить, «по усмотрению Правления, к штату уездного суда или думы» [3, д. 21, л. 2].

С этого времени административное управление в Арзамасе вступило в качественно иную фазу, но используемые в дальнейшем принципы делопроиз-

водства и управления опирались на опыт работы Арзамасского городового магистрата.

Источники и литература

1. Арзамас: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры, [расположенных на территории города Арзамаса] / А.Л. Гельфонд и др.; отв. ред. А.Л. Гельфонд и др. – Н. Новгород, 2013.

2. История Арзамаса / авт. кол.: О.В. Воробьева, В.И. Грубов, А.Л. Егошин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов; администрация г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ. – Саранск, 2015.

3. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 118 – Арзамасский городовой магистрат (г. Арзамас Нижегородской губернии) (1779-1866). Оп. 4.

УДК 94 (430).073

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1855 г.

THE MEDICAL CARE OF THE NIZHNY NOVGOROD MILITIA 1855

Д.А. Николаев

D.A. Nikolaev

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

E-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется вопрос о медико-санитарном обеспечении деятельности нижегородского ополчения 1855 г.

Ключевые слова: Крымская война, нижегородское ополчение 1855 г., мобилизация.

Summary: This article examines the issue of health provision activities of the Nizhny Novgorod militia 1855.

Key words: Crimean War, Nizhny Novgorod militia 1855, mobilization.

В конце 1854 – начале 1855 гг. сильно осложнившееся положение русских войск в Крыму и, в частности, затянувшаяся осада Севастополя вынудили императора Николая I в специальном манифесте обратиться к народу и призвать на помощь регулярным войскам *«всеобщее государственное ополчение»* [1, с. 376], носившее всесословный характер, *«для защиты, по нынешним чрезвычайным обстоятельствам, Веры, Престола и Отечества»* [2, с. 96]. Согласно этому манифесту, на местах учреждались губернские комитеты ополчения, которые и должны были вести всю организационно-подготовительную работу [3, с. 232]. В состав нижегородского губернского комитета ополчения вошли: председатель казенной палаты, губернский предводитель дворянства, губернский прокурор, городской голова и еще трое весьма значимых должностных лиц [4, с. 43].

Члены комитета пригласили на «экстраординарное» собрание все дворянское сословие всех 11 уездов Нижегородской губернии [5, с. 121]. На этом собрании, а также на последующих заседаниях комитета ополчения решались вопросы приема в «дружины», сбора средств на их формирование, содержание, вооружение и отправку [6, с. 113]. Ополченцы должны были быть не моложе 20 и не старше 45 лет [7, с. 122], физически пригодными к военной службе [8, с. 226]. В порядке исключения дозволялось принимать и лиц более молодого возраста, *«которые по виду будут найдены возмужалыми и крепкого телосложения»* [9, с. 144].

Организация офицерского корпуса нижегородского ополчения началась с открытием 20 февраля 1855 г. чрезвычайного съезда губернского дворянства [10, с. 56]. Одной из его функциональных обязанностей было избрание всего командного состава формируемой структуры [11, с. 59]. Однако, в силу ряда объективных причин, данная работа не была завершена [12, с. 276]. По итогам деятельности собрания выбранными оказались только представители высшего командного состава ополчения [13, с. 128]. Его начальником стал генерал-адъютант граф Строганов, утвержденный в этой должности приказом по государственному ополчению от 13 апреля 1855 г. (впоследствии, по случаю его перевода в московское ополчение, на данную должность был назначен генерал-майор граф П.А. Толстой) [14, с. 119]. В начальники дружин были определены: Нижегородской № 154 – гвардии полковник В.П. Козлов; Балахнинской № 155 – подполковник М.Я. Масальский; Горбатовской № 156 – штабс-капитан П.Н. Вонлярский; Семеновской № 157 – майор граф Н.С. Толстой; Макарьевской № 158 – полковник Н.В. Шипилов; Васильевской № 159 – майор М.Н. Сущев; Княгининской № 160 – майор С.А. Шебуев; Арзамасской № 161 – майор А.А. Мессинг; Ардатовской № 162 – гвардии штабс-капитан граф И.П. Кутайсов; Лукояновской № 163 – майор М.И. Русинов; Сергачской № 164 – майор Н.П. Болтин [15, с. 2].

Согласно § 11 Положения о государственном ополчении, каждая дружина должна была располагать одним врачом и одним фельдшером [16, д. 39, л. 14], но на практике ни в одной из них данных специалистов не было. Для исправления сложившегося положения дел была разработана «Записка об устройстве медицинской части в дружинах государственного ополчения» [17, д. 4, л. 8]. Согласно ей, начальником всех медицинских чинов ополчения являлся штабс-доктор. В его обязанности входило:

1) наблюдать, чтобы дружины снабжались врачами, нижними чинами (как вспомогательным персоналом), хирургическими инструментами, медикаментами;

2) наблюдать, чтобы медицинские чины добросовестно исполняли свои обязанности;

3) осматривать врачебные части лично, посещать военные больницы и госпитали, в которых находятся раненые и заболевшие ратники;

4) устранять замеченные недостатки;

5) предоставлять сведения о прибыли и убыли больных, ведомости об этом получать из дружин; отчеты об этом направлять в военно-медицинский департамент;

6) в случае «повальных» (эпидемических) болезней – также доставлять отчеты в военно-медицинский департамент и осуществлять личный надзор;

7) в случае необходимости сотрудничать с «комиссаром» и начальником губернии для поставки медикаментов;

8) выбирать самостоятельно своего заместителя;

9) сообщать о врачах, отличившихся на службе [17, д. 4, л. 52].

Надзор за здоровьем ратников в местах формирования дружин и нахождения их на службе поручался врачам гражданских ведомств губерний. В каждой уездной дружине надлежало постоянно иметь одного опытного фельдшера и «лекарского ученика» также из гражданских ведомств. При их недостатке – принимать их из числа вольнонаемных либо из числа ратников, знающих фельдшерское дело. Все медицинские чины подчинялись начальнику дружины и штабс-доктору и были обязаны ежедневно подавать рапорта о больных как письменно, так и устно, отвечать за состояние хирургических инструментов и за наличие лекарств, обращать внимание на условия содержания ратников, а именно:

1) осматривать дружинников один или два раза в месяц (исследовать наружный вид людей, осматривать, нет ли ран, сыпи, натертостей, венерических и глазных болезней, осматривать, соблюдается ли чистота тела);

2) наблюдать за качеством и количеством продовольствия ратников, чистотой посуды;

3) следить, чтобы ратники зимой ходили в баню, а летом мылись в реке;

4) при появлении эпидемических болезней – изолировать больных и сообщать начальнику дружины;

5) точно так же наблюдать за офицерами и делать им прививки от оспы [17, д. 4, л. 70].

Для сопровождения дружин при движении их из своих губерний было приказано командировать в каждую из них также по одному врачу или лекарскому помощнику из числа служащих гражданских ведомств. Кроме того, для поощрения стремления частнопрактикующих врачей к поступлению на службу в ополчение для медицинского персонала дружин было установлено повышенное жалованье (врачам – 60 руб. серебром в год, лекарским помощникам – 15 руб. серебром, фельдшерам и лекарским ученикам – по 10 руб. серебром, а также обмундирование и продовольствие наравне с ратниками за счет ополчения) [17, д. 4, л. 53]. Более выгодные материальные условия повлияли на рост заинтересованности в военной службе, но, в основном, младшего медицинского персонала; впрочем, даже и ими были заполнены не все имеющиеся вакансии. В итоге нижегородское ополчение не было полностью подготовлено к масштабному военному походу, это подтверждается и тем обстоятельством, что во время следования к местам заданной дислокации в дружинах ополчения наблюдался довольно высокий уровень заболеваемости и смертности как среди

рядовых ратников, так и командного состава. За все время существования и действий губернского ополчения зафиксирована смерть четырех и увольнение по болезни более 20 офицеров. В одной только дружине № 154 небоевые потери за период с июля по октябрь 1855 г. составили более 42 ратников [18, д. 21, л. 10].

Чтобы предотвратить увеличение числа заболевших ратников, были приняты следующие дополнительные меры. Во-первых, для сбережения здоровья нижних чинов от заболевания *«тифозными и простудными горячками и прочими болезнями»*, врачи должны были внушать людям, чтобы те не выбегали по ночам на улицу, а равно и днем, босиком и в рубашках. Во-вторых, они были обязаны строго наблюдать за тем, чтобы спали не на полу, а на лавках и с подстилкой, которую менять нужно было как можно чаще. Запрещалось пить *«нехорошую, холодную и болотную воду»* и поодиночке (!) ходить в баню. Кроме того, на ночлег нельзя было оставлять людей в тесных и сырых избах, а если среди хозяев были больные – ратников предписывалось переводить в другое жилище. Всех заболевавших нужно было направлять в дружинные лазареты или госпитали, а всем выздоравливавшим, особенно после тифозной горячки, по прибытии в дружины давать отдых [19, д. 3, л. 8].

Несмотря на все трудности, связанные с формированием ополчения Нижегородской губернии, после смотра его, проведенного 12 июля 1855 г. флигель-адъютантом Александра II полковником Чебышевым, ополчение было признано окончательно сформированным и готовым к боевым действиям. Ознакомившись с результатом проверки, император в приказе за № 38 от 25 июля 1855 г. по государственному ополчению выразил руководству губернии и командному составу монаршую благодарность [18, д. 2, л. 16]. Однако анализ всего вышеизложенного позволяет сделать вывод, что данная проверка ополчения носила чисто внешний, формальный характер и не отражала по многим, в том числе медико-санитарным показателям, реального положения дел.

Источники и литература

1. Бушуева С.В., Николаев Д.А. Юбилейная международная научная конференция «Мининские чтения» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1-1. – С. 375-377.

2. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6-3. – С. 95-99.

3. Николаев Д.А. Крымская война 1853-1856 гг.: пересмотр исторических оценок // Витязь. Журнал фонда Владимира Храброго. – М., 2012. – С. 231-233.

4. Николаев Д.А. К вопросу об источниках финансирования нижегородского ополчения 1855 года // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XIII Региональной научно-практической конференции (3 декабря 2015 г.). Выпуск XII / под общ. ред. В.И. Грубова; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас, 2016. – С. 43-48.

5. Николаев Д.А., Грубов В.И. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. Научно-практический журнал. – 2016. – № 1. С. 121-122.

6. Николаев Д.А. Крымская война и формирование нижегородского ополчения в 1855 г. // Материалы межрегиональной краеведческой научно-практической конференции. К 400-летию формирования нижегородского ополчения. В 2-х ч. Часть I. – Н. Новгород, 2012. – С. 112-114.

7. Николаев Д.А. Некоторые аспекты мифологизации восприятия истории Крымской войны // Материалы научно-практической конференции «Чтения памяти С.И. Архангельского». – Н. Новгород, 2011. – С. 121-123.

8. Николаев Д.А. Н.И. Храмцовский – «отец истории» Нижнего Новгорода // Личность в истории Нового и Новейшего времени: материалы всероссийской научно-практической конференции / отв. ред.: И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосев. – 2014. – С. 225-227.

9. Николаев Д.А. Страницы истории Нижегородского края в материалах конференции «Мининские чтения» // Клио. – 2014. – № 8 (92). – С. 143-145.

10. Николаев Д.А. Формирование нижегородского ополчения в 1855 году // Нижегородский альманах. – 1995. – № 1. – С. 56-58.

11. Николаев Д.А. Общая характеристика состава и принципов комплектования офицерского корпуса в нижегородском ополчении 1855 г. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XIV Региональной научно-практической конференции (1 декабря 2016 г.). Выпуск XIII / отв. ред. В.И. Грубов, науч. ред. А.Р. Панов; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас, 2017. – С. 44-47.

12. Николаев Д.А. Крымская война и созыв нижегородского ополчения 1855 г.: общие вопросы организации и финансирования // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение: сборник статей к юбилею д.и.н. В.В. Митрофанова. – Нижневартовск, 2017. – С. 271-277.

13. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. Научно-практический журнал. – 2017. – № 2. – С. 128-129.

14. Николаев Д.А., Грубов В.И. «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» // Отечественные архивы. Научно-практический журнал. – 2015. – № 2. – С.119.

15. Николаев Д.А., Дроздов Ф.Б., Кораблева И.В., Лебедев П.А., Сапожников С.М. Крымская война 1853-1856 гг. и нижегородское ополчение: монография. – Н. Новгород, 2017. – 156 с.

16. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1663. Оп. 1.

17. ЦАНО. Ф. 1662. Оп. 1.

18. ЦАНО. Ф. 1656. Оп. 195.

19. ЦАНО. Ф. 1667. Оп. 2.

УДК 908

МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН В РОССИИ РУБЕЖА XIX-XX ВВ. (на примере Арзамасского реального училища)

METHODS OF TEACHING NATURAL SCIENCE DISCIPLINES IN RUSSIA AT THE TURN OF XIX-XX CENTURIES (on example of Arzamas real school)

С.А. Скрябина

S.A. Skryabina

Историко-художественный музей г. Арзамаса,
научный сотрудник, кандидат филологических наук
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, пл. Соборная, д. 9
E-mail: arzmuseum@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена истории Арзамасского реального училища, которое давало превосходное образование естественнонаучной направленности, готовило к поступлению в высшие технические учебные заведения. В статье рассматриваются методы преподавания естественнонаучных дисциплин, которые позволили добиться высокого качества обучения в реальном училище.

Ключевые слова: естественные науки, методы преподавания, Россия на рубеже XIX-XX вв., Арзамасское реальное училище.

Summary: The article is devoted to the history of Arzamas real school, which gave excellent education natural science orientation, preparing for entry to higher technical education. The article deals with methods of teaching natural science disciplines, which allowed to achieve high quality teaching in real school.

Key words: natural Sciences, methods of teaching, Russia at the turn of XIX-XX centuries, Arzamas real school.

В фондах историко-художественного музея г. Арзамаса хранится небольшая коллекция фотографий и документов, относящихся к истории Арзамасского реального училища. Это несколько групповых фотоснимков педагогов и выпускных классов училища, коллекция директора Ивана Алексеевича Смирнова, воспоминания выпускников училища. В последние годы фонды пополняются коллекциями личных фотографий и документов бывших реалистов.

История Арзамасского реального училища представляет значительный интерес. Среди его учеников были дети известных арзамасских купеческих, дворянских, мещанских семей, а также крестьян города и уезда. В списке учеников мы неоднократно встречаем фамилии Бебешин, Будылин, Винокуров, Вязовов, Доброхотов, Дорошевский, Жевакин, Кащеев, Крисанов, Лилов, Москвин, Плеско, Потехин, Рыбаков, Серебренников, Скоблин, Сперанский, Стрегулин, Твердов, Цыбышев и многие другие.

Училище давало превосходное образование естественнонаучной направленности, готовя к поступлению в высшие технические учебные заведения. Его выпускники пополнили ряды известных людей, ученых, достойно послужили своему городу и стране. Многие из них проявили незаурядные способности, стали инженерами, юристами, врачами, общественными деятелями. К примеру,

Николай Андреевич Орешков (1900-1994) – доктор технических наук, создатель кафедры научного товароведения в Новосибирске и основатель отечественной школы научного товароведения, автор научных трудов и учебников по теории товароведения. Николай Сергеевич Березин (1900-1937) – доктор экономических наук, первый председатель правления Госбанка СССР, награжденный в 1933 г. орденом Ленина.

Эти примеры, как и судьбы многих других выпускников, демонстрируют, насколько высоким был уровень полученных ими знаний в естественнонаучной сфере. Арзамасское реальное училище считалось лучшим в Московском округе просвещения среди училищ данного типа, здесь был очень сильный коллектив учителей [1, л. 45]. Обучение естественнонаучным, точным дисциплинам требовало соответствующих методических подходов, поиск которых был актуален в преподавании математических наук в начале XX века.

Как отмечают исследователи истории методики преподавания математических наук, на рубеже XIX-XX вв. отечественная педагогика существенно пересмотрела цели среднего образования в области математики [2, с. 86]. Был выдвинут тезис об органической связи преподавания математических наук с практикой и другими естественнонаучными дисциплинами, а также о необходимости формирования у учащихся активного математического мышления. Кроме того, в связи с введением в 1906 г. нового учебного плана для реальных училищ объем знаний по основным дисциплинам стал существенно больше. В связи с этим произошли серьезные изменения в содержании среднего образования по математике, были акцентированы актуальные организационные формы и методы обучения физике, математике и другим естественным наукам.

Арзамасское реальное училище не было исключением. Высокий статус реального училища, прекрасная подготовка педагогов – все это предполагало соответствующий уровень преподавания. Среди новых методов обучения естественным наукам в Арзамасском реальном училище обращают на себя лабораторный и экскурсионно-краеведческий.

Одним из новых методов преподавания, удовлетворяющим требованиям жизни, педагогической науки в начале XX века и нашедшим отражение в постановке преподавания физических и математических дисциплин в реальных училищах, стал лабораторный метод. Как отмечает В.Д. Павлидис, *«его основные достоинства состояли в следующем: 1) развивал у учеников внешние чувства, умелое использование которых необходимо для правильного и точного восприятия действительности; 2) приучал ученика воспринимать и анализировать конкретные признаки явлений; 3) помогал пробудить интерес ученика к знаниям; 4) помогал развитию сосредоточенности и серьезного отношения к делу, изощрял наблюдательность и внимание, повышал активность; 5) приучал к работе в коллективе, координируя деятельность вокруг центральной общей цели»* [2, с. 89]. Лабораторный метод помог реализовать принцип наглядности при обучении сложным абстрактным наукам.

Училище располагало всеми средствами для реализации данной методики. Здесь имелся *«химический кабинет для проведения самостоятельных ана-*

лизов с принудительной вентиляцией», «физический кабинет, где вместо парт амфитеатром расположены сиденья, откуда всем было видно одинаково хорошо. Стоял большой стол для опытов, настенная классная доска» [3, с. 18-19]. Как вспоминает выпускник училища В.Н. Анфимов[2], *«рядом в комнате – много шкафов, наполненных физическими приборами – котел Понниня, электрофорная машина, откачивающий воздушный насос, прибор, наглядно показывающий движение света, и многие сотни других приборов»* [1, л. 25]. Среди учебных пособий, имевшихся в училище, встречаем и ряд других интригующих предметов: фонтан; железная дорога; цилиндр со смещенным центром тяжести, катящийся вверх; волшебная воронка, волшебный кувшин, волшебный бокал.

«Все это было закуплено в заведении Швабе в Москве, и говорили, что оборудование физического кабинета тогда стоило 40 тысяч рублей. Сказать, сколько все это стоило, трудно, но что оборудование было первоклассным, это действительно так» [1, л. 25]. Обратившись к архивным данным, мы можем уточнить стоимость хотя бы некоторых из физических и химических приборов, приобретаемых в разные годы училищем. Перед нами «Копия счетов магазина Швабе на пособия по физике. 1907-1908 гг.». К примеру, за бариевоцианистый экран было заплачено 40 руб.; за обруч для объяснения сплющивания земли – 5 руб.; астрономическая труба стоила 320 руб., а глобус – 84 руб. [4, д. 14, л. 22, 34, 35]. В общей сложности, за учебные приборы магазину Швабе было уплачено в 1907/1908 учебном году около 600 руб. [4, д. 14, л. 40].

В естественном кабинете училища, по свидетельству Анфимова, находились *«большие шкафы, заставленные коллекциями минералов, чучелами разных животных, коллекциями разных бабочек, жучков, скелетами пресмыкающихся и других животных»*; гербарии во многих папках, красочные картины ландшафтов климатических зон; был полный скелет женщины под чехлом, несколько черепов человека. *«Изучая ботанику, физиологию и анатомию человека и животных, мы воочию видели и держали в руках изучаемые экспонаты»* [1, л. 25].

Данные пособия позволяли сделать преподавание физики и математики наглядным, что способствовало формированию у школьников научных представлений о физических явлениях и процессах, обеспечивало крепкие и глубокие знания. Таким образом, принцип наглядности в обучении естественнонаучным дисциплинам в реальном училище полноценно реализовывался.

Развитие активного математического мышления – один из принципов математического образования на рубеже XIX-XX вв. – реализовался в тренировке у учащихся способности самостоятельно мыслить, в постановке трудных задач, в стимулировании нестандартных подходов к их решению, к разрушению математических шаблонов и стереотипов. Вот как описывает Анфимов обучение

---

[2] Виктор Николаевич Анфимов (1900-1991) – выпускник Арзамасского реального училища, инженер-проектировщик гражданских зданий. Окончил Томский технологический институт, работал в проектном отделе «Уралмашиностроя», в группе известного в 1930-е годы архитектора Павла Оранского (Анфимов, л. 54).

геометрии, которую у четвертых классов преподавал директор И.А. Смирнов. *«Иван Алексеевич часто вводил в заблуждение ученика, вызванного для ответа, тем, что рисовал на доске какую-нибудь геометрическую фигуру не так, как она напечатана в учебнике, никаких условных обозначений не писал. После этого он требовал доказать теорему, к которой относилось сделанное им изображение. Здесь не все и не всегда могли догадаться, что это такое. Директор наводящими вопросами добивался желаемого результата. Основы геометрии были заложены прочные, и я до сих пор помню доказательства большинства теорем. А геометрические задачи решались легко»* [1, л. 60].

На рубеже XIX-XX вв. в российской средней школе получил широкое распространение еще один эффективный метод обучения естествознанию – применение экскурсионно-краеведческого материала. Архивные данные, а также воспоминания выпускников училища свидетельствуют о том, что экскурсии как метод обучения географии, биологии и другим наукам использовались педагогами достаточно широко и активно. Известно, что экскурсии по естествознанию часто проводили К.И. Калиновский, И.С. Африкантов. В библиотеке училища имелись книги «Пособие для экскурсий» и «Опытно-логические экскурсии», которые давали педагогам научно-методические основы для использования краеведческого материала, наблюдаемого во время экскурсий. В.Н. Анфимов вспоминает о том, что Константин Иванович Калиновский, преподававший у него зоологию человека и животных, ботанику и химию, любил экскурсии на природу. *«Весной, как стает снег, он шел с нами на экскурсию (в пределах 50 минут) в перелесок и здесь знакомил нас с оживающей природой, живым миром водяных луж, определением называния цветка по сорванном образцу»* [1, л. 11-12].

Единичными экскурсиями дело не ограничивалось. Весной и осенью *«уроки естествознания часто проходили в перелеске у лесных луж. Каждый раз здесь находилось что-то новое и интересное: то сгусток лягушачьей икры с черными зародышами, то на дне лужицы передвигается малюсенькая личинка какого-нибудь насекомого, то набравший воздуха жук-плавунец ныряет в воду, то водомерка ловко скользит по поверхности воды. И обо всем виденном учитель Константин Иванович Калиновский подробно рассказывает, как и чем живут эти организмы, длинна или коротка их жизнь, как они называются и полезны ли они в жизни. Интересно было ходить на такие экскурсии, хотя они и продолжались только один час»* [1, л. 34].

Вот как проходило, к примеру, занятие на природе, посвященное обучению определению растений (из воспоминаний Анфимова). К.И. Калиновский *«срывал первый попавшийся цветок, и мы начинали определять его название, пользуясь справочником "Определитель растений". Это занятие довольно кропотливое, требует точности и большого внимания: надо без ошибки подсчитывать количество тычинок, лепестков цветка, учитывать расположение листьев. Страница за страницей мы доходим до названия цветка. Приходилось несколько раз начинать сначала, если где-нибудь допустишь ошибочное определение части цветка»* [1, л. 60].

Таким образом, применяемые педагогами Арзамасского реального училища методы лабораторных наблюдений и краеведческих экскурсий реализовали принцип наглядности, побуждали учеников к размышлениям и самостоятельным выводам на основании данных наблюдений. Применение указанных методов способствовало развитию активного научного мышления и, в конечном итоге, формированию фундаментальных знаний, которыми славились выпускники училища.

Источники и литература

1. Анфимов В.Н. Школьные годы в Арзамасском реальном училище. Воспоминания о днях отрочества и юности далекой. Ч. 1. Машинописный текст. Закончен 28.03.1976 г. // Из фондов МБУК историко-художественный музей г. Арзамаса.

2. Павлидис В.Д. Организационно-методические особенности процесса математического образования в реальных училищах России // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2006. – № 3. – С. 86-90.

3. Казачок М.В. Не молчат старые стены… – Арзамас, 1999.

4. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 143. Оп. 1.

Раздел II
ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

УДК 908

ЧИСЛЕННОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ И УСЛОВИЯ ТРУДА ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ АРЗАМАСА И АРЗАМАССКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

THE NUMBER, PROFESSIONAL COMPOSITION AND WORKING CONDITIONS OF INDUSTRIAL WORKERS OF ARZAMAS AND ARZAMAS DISTRICT AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

А.С. Кудряшова
A.S. Kudryashova
Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания,
кандидат исторических наук, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: kudryashova.annet@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в численном и профессиональном составе рабочих промышленных предприятий города Арзамаса и Арзамасского уезда в предреволюционный период (1901-1905 гг.), а также проанализировано их экономическое положение. Результаты работы позволяют расширить сведения по местной истории.

Ключевые слова: Арзамас, Арзамасский уезд, промышленность, рабочие.

Summary: The article discusses changes in the size and professional composition of the industrial workers of the city of Arzamas and Arzamas district in pre-revolutionary period (1901-1905), it was also analyses their economic situation. The results allow to expand information on local history.

Key words: city of Arzamas, Arzamas district, an industry, workers.

Исследование деятельности различных отраслей промышленности и занятых в них рабочих является одним из важнейших элементов изучения предпосылок революционных потрясений, произошедших в Российском государстве в начале XX века.

Город Арзамас с уездом являлся четвертым по значению географическим центром размещения промышленности, а следовательно, и пролетариата в Нижегородской губернии. Перед ним находились Нижегородско-Сормовский центр, Приокский индустриальный район и Павловский промышленный район [1, с. 10]. В Арзамасе и относившемся к нему уезде издавна существовали городское ремесло и крестьянские промыслы. Многие изделия местных мастеров – ремесленников и кустарей расходились по всей стране. Постепенно здесь зарождалась и развивалась промышленность – как мелкая, так и крупная.

Общие вопросы развития местной промышленности на рубеже XIX-XX столетий освещались в изданных в советский период «Очерках истории Арзамаса» [2, с. 65-75]. Промышленной сфере производства отведен целый раздел коллективной монографии «История Арзамаса» [3, глава 7]. Количественный же состав и профессиональная структура рабочих дореволюционного Арзамаса практически не рассматривались краеведами.

Во второй половине XIX века следствием удаленности города Арзамаса и уезда от железнодорожных и водных путей сообщения стал упадок здешней торговли и промышленности. Н.М. Щегольков писал, что от славного прошлого города тогда ничего, кроме златоглавых церквей, не осталось [4, с. 269], а писатель В.Г. Короленко отмечал: *«Видавший некогда лучшие дни, но оставленный вне железных дорог и пароходного сообщения город падает и пустеет… На улицах пусто, кое-где мелькнет редкая фигура прохожего»* [цит. по: 5, с. 20].

Некоторое промышленное оживление в регионе стало заметно лишь с начала XX столетия, что было связано с открытием Ромодановской железной дороги, соединившей Арзамас с Нижним Новгородом.

В это время в довольно значительных размерах здесь была развита обрабатывающая промышленность: кошмоваляльная, кожевенная и скорняжная.

Кошмоваляльных фабрик в 1901 г. в самом городе действовало пять: две фабрики Жевакиных, а также по одной А.С. Вязовова, И.Ф. Вязовова и Н.А. Мочалова. Общее количество рабочих, занятых на этих предприятиях, составило тогда 163 человека [6, с. 192], а в 1905 г. – 200 человек [7]. На территории уезда действовали еще две кошмоваляльные фабрики с числом рабочих 50 человек.

Производство строительной и потниковой кошмы вызывало особый интерес к Арзамасу. *«Нижегородская губерния*, – писал в 1899 г. В.И. Ленин, – *занимает первое место по развитию "фабрично-заводского" войлочного производства, а в этой губернии главным центром данной промышленности является город Арзамас и подгородная Выездная Слобода…»* [цит. по: 2, с. 67].

Отметим также, что Жевакиным принадлежала и шерстечесальная фабрика, на которой трудилось 74 человека. Располагалась она на берегу реки Тёши, на Выездновских лугах. Данное заведение было оборудовано шерстобойными лучками, деревянными верстаками для настилки и катания войлока, котлами с непрерывно кипевшей водой, в которой растворялся купорос [2, с. 68].

Кожевенное сырье в начале XX века в Арзамасе обрабатывалось на шести заводах, в том числе на заводе М.П. Бебешиной [6, с. 192]. Постоянным трудом в этой отрасли в 1905 г. было занято 92 человека. Но данный показатель менялся в период промыва кожи и мог достигать тогда 500 человек. Общая сумма производительности отрасли составляла порядка 60 тыс. рублей в год.

Изготовляли на предприятиях подметки, вытяжки для сапог, всевозможную готовую обувь; вся эта продукция хорошо раскупалась местным населением. А вот выделанная на заводах мягкая кожа (юфть) привлекала внимание иногородних и даже заграничных предпринимателей: красную юфть разбирали в Москве, черная шла на Дон, белая – за границу [2, с. 69].

Скорняжным производством в городе в 1901 г. занимались три меховых завода: Е.А. Муравьина, И.И. Муравьина и П.А. Суворова, а также скорняжный завод Д.А. Суворова. Работало на этих предприятиях 120 человек. В 1905 г. уже семь предприятий было занято этой отраслью. Трудились на них 165 человек.

Арзамасский уезд на начало столетия располагал двумя предприятиями винокуренной промышленности. Одно из них (винзавод Кощеева и Будылина) располагалось на хуторе Обломовский. Работало здесь 48 человек. Другое заведение (винзавод Шимкевича) находилось в селе Арать. Оно было небольшим: здесь было задействовано всего 11 рабочих.

Деревообработкой занимались два лесных завода: П.И. Серебрянникова в селе Шатки (36 рабочих) и С.Я. Толкачева в селе Ключицы (100 рабочих) [6, с. 192].

В 1905 г. в уезде функционировало уже по четыре винокуренных и лесопильных завода.

К началу первой российской революции промышленность Арзамасского уезда и уездного центра пополнилась новыми отраслями. Известно, например, что в 1905 г. в Арзамасе также функционировали четыре кирпичных завода с числом рабочих 35 человек, казенный очистной склад с числом рабочих 67 человек. В уезде действовал химический завод по сохранению железнодорожных шпал от гниения, на котором было занято три человека [7].

Таким образом, можно считать, что численность промышленных рабочих Арзамаса и Арзамасского уезда за период 1901-1905 гг. возросла незначительно: с 631 до 746 человек (в 1905 г. это составляло чуть более 2% общего числа рабочих губернии). Для примера, общая численность населения Арзамасского уезда и уездного центра по переписи 1897 г. составляла 149.377 человек [8, с. 1], а в 1905 г. данный показатель увеличился до 164.819 человек [7].

Мелких предприятий в Арзамасском уезде в начале столетия насчитывалось более 1.800. По-прежнему действовали и ремесленные мастерские, на которых было занято около 10 тыс. человек.

Жизнь местных рабочих была крайне тяжелой. Рабочий день фактически превышал 12 часов, а в ряде случаев доходил до 16 часов. Так, например, арзамасские скорняки трудились на своих хозяев по 14 часов в сутки. Низкая заработная плата, огромные штрафы, достигавшие половины заработка. Причем штрафовали рабочих, особенно женщин и детей, мастера. Штрафовали за все: за поломку инструмента, за непочтительное отношение к мастеру, за грубость и т.д.

На предприятиях не было ни охраны труда, ни элементарных норм санитарии. В невыносимых условиях трудились рабочие кошмоваляльных предприятий Арзамаса. Тесные клетушки с плохим освещением, пар, грязь, удушающее зловоние – вот неполный перечень этих условий. Работали нагие, при температуре +22-24°С, вдыхая пыль, шерсть и т.п. В кожевенном производстве положение рабочих было настолько тяжелым, что на него обратить внимание пришлось местным земским органам. Арзамасское земское собрание тогда даже вынуждено было выработать для кожевенных заводов специальные правила,

требовавшие чистоты на рабочих местах, нормального отопления и освещенности [3, с. 157].

Отсутствие санитарного законодательства и какого-либо внимания к технике безопасности со стороны предпринимателей превращало промышленные заведения в очаги увечий и всевозможных заболеваний рабочих.

Не было и социального страхования. Крайне отвратительными были бытовые и жилищные условия: *«…И где только ни ютится рабочее население? Живут в сырых подвалах, затопляемых весенними водами, в сараях, где дырявое жилье примыкает к зловонной яме; в тесных душных комнатах в грязи и нечистотах»* [9, с. 17-18].

Говоря о суровых условиях жизни трудящихся, их бесправии, лишениях, нижегородские социал-демократы справедливо отмечали: *«В будничной жизни русского рабочего имеется много фактов, непривлекательность которых настолько очевидна и чувствительна, что ни особенного размышления, ни большой вдумчивости для этого не требуется, – рабочие много работают, мало отдыхают, а наши фабриканты и заводчики посредством своих преданных собак – заведующих, мастеров и десятников, выжимают из них последние силы… Да, товарищи, для того чтобы чувствовать тяжесть всего этого, достаточно быть рабочим»* [10, с. 21-22].

Нищенский уровень жизни, политический гнет, жесткая эксплуатация накладывали серьезный отпечаток на сознание трудящихся. Неудивительно поэтому, что арзамасские рабочие, ведомые местными социал-демократами, одними из первых в губернии активно включаются в революционное движение в 1905-м, а затем и в 1917 г.

Источники и литература

1. Ниякий В.В. Первая российская революция в Нижегородском Поволжье. – Горький, 1985.

2. Очерки истории Арзамаса / науч. ред. Б.П. Голованов. – Горький, 1981.

3. История Арзамаса / авт. кол.: О.В. Воробьева, В.И. Грубов, А.Л. Егошин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов; администрация г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ. – Саранск, 2015.

4. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас, 1911.

5. Города нашей области. – Горький, 1969.

6. Егоров Е.А. Рабочие Нижегородской губернии (1900 – февраль 1917). – Горький, 1980.

7. Обзор Нижегородской губернии за 1905 год. – Н. Новгород, 1906.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. XXV. Нижегородская губерния. Тетрадь 1. – СПб., 1901.

9. Балакин М.Ф., Балакина М.А. Арзамас в XX веке. Книга первая. – Арзамас, 2003.

10. Парусов А.И., Фадеев В.П. Очерки истории Горьковской организации КПСС. – Горький, 1961.

УДК 331.109.32

ЗАБАСТОВКА КАК ОСНОВНАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА В РОССИИ (на примере предприятий г. Арзамаса)

STRIKE AS THE MAIN DRIVING FORCE OF THE REVOLUTIONARY EVENTS OF THE EARLY 20th CENTURY IN RUSSIA (on the example of the city of Arzamas)

О. В. Кузнецова
O. V. Kuznetsova
Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас,
ведущий архивист
607224, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. Мира, д. 13 а
E-mail: official@arhiv.arzamas.kreml.nnov.ru

Аннотация: Конфликт между властьимущими и трудящимися существовал во все времена, что обусловлено классовым расслоением общества. В представленной статье рассматривается положение, сложившееся в России в целом в революционный период начала XX века в разрезе забастовочной активности трудящихся. Параллельно с этим события, происходившие в Арзамасе в этот период, служат частным примером революционной борьбы на местах.

Ключевые слова: Россия, революция, забастовка, стачка, трудящиеся, митинг, заводчики, правительство, большевики, агитация, Советы, Арзамас.

Summary: The conflict between the powerful and the working people has existed at all times, due to the class stratification of society. The article is about the situation existed in Russia in the whole during the revolutionary period of the early 20th century in the context of the striking activity of the working people. At the same time, the events that took place in the city of Arzamas during this period serve as a particular example of a local revolutionary struggle.

Key words: Russia, revolution, strike, workers, rally, breeders, government, Bolsheviks, agitation, Soviets, the city of Arzamas.

Забастовочное движение зародилось еще в глубокой древности, задолго до нашей эры – первый протест, отмеченный историками, организовали рабочие Рамзеса III в 1152 г. до н.э.

Во второй половине XIX века, в связи с промышленным кризисом, следствием которого стало снижение уровня жизни трудящихся, стачечное движение пришло в Россию. Особенно отмечаются в этом плане 1880-е гг.

Некоторое улучшение положения рабочих в результате революции 1905-1907 гг. отнюдь не привело к снижению их забастовочной активности, настолько эффективной оказалась эта мера для давления на фабрикантов и правительство.

Первая забастовка рабочих в Арзамасе была объявлена на фабрике Жевакина 20 июня 1905 г. в знак солидарности с трудящимися, широко отмечавшими полугодовщину Первой русской революции – 56 человек отказались приступать к работе, категорично потребовав повышения заработной платы. Испу-

гавшись дружного выступления, фабрикант принял все выдвигаемые условия [1, с. 93].

В июне 1905 г. были проведены успешные забастовки рабочих Пустынского лесозавода и Кардавильского карьера.

Арзамасские железнодорожники приняли участие с первого же дня Всероссийской стачки в октябре 1905 г. [1, с. 93]. Восьмого октября «Нижегородский листок» сообщил: *«Вчера с утра по всем линиям Нижегородской и Ромодановской дорог служащие и рабочие прекратили работы. Пассажирские поезда не отправлены. Прекратилось движение и товарных поездов»*.

С началом Первой мировой войны забастовочное движение в стране усилилось. Постоянное снижение жизненного уровня населения, увеличение налогов и поборов, рост цен на самые необходимые продукты питания и предметы обихода, нависшая угроза голода приводили к возрастанию недовольства в среде трудящихся. В то же время, владельцы промышленных предприятий наживались на поставках товаров для фронта: только в 1915 г. арзамасский фабрикант Жевакин получил прибыли от военного заказа около 1,5 млн. руб. [1, с. 100]. Правительство было заинтересовано в получении необходимых ресурсов для действующей армии и смотрело сквозь пальцы на несоблюдение законов об охране труда – повсеместно стал применяться труд детей и женщин, рабочий день увеличился до 10-14 часов. Забастовки были запрещены, а их руководителей и участников зачастую отправляли прямиком на фронт. Как следствие, революционная пропаганда среди трудящихся была особенно эффективной, волна стачек и забастовок прокатилась по всей стране.

В течение 1915 г. дважды поднимались иваново-вознесенские ткачи, в 1916 г. в Петербурге произошла забастовка рабочих Путиловского завода и Путиловской судоверфи, являющаяся крупнейшей за годы Первой мировой войны в России. Закрытие завода и отправка на фронт свыше 2 тыс. активистов привели к общегородской забастовке, длившейся четыре дня, в которой приняли участие 73 тыс. рабочих с 49 предприятий города.

В Арзамасе при участии большевиков в сентябре 1915 г. произошла забастовка на заводе Бебешиной, в результате которой требования рабочих были удовлетворены.

Однако хозяева предприятий усиливали и репрессивные меры. Так, были жестоко подавлены забастовки рабочих на кошмовальной фабрике Мочалова и кожевенном заводе Ускова, вспыхнувшие под влиянием агитации членов арзамасской группы РСДРП. Активисты-забастовщики были уволены, часть из них отправлена на фронт [1, с. 100].

Двадцать седьмого февраля 1917 г. самодержавие было свергнуто. По всей стране, как в столице, так и на местах, стали организовываться новые органы государственной власти. Наряду с подконтрольными Временному правительству учреждениями, возникают Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как результат революционной деятельности народных масс. Двоевластие продолжается вплоть до Октябрьской революции.

Известие о февральском перевороте было получено в Арзамасе уже на следующий день, 28 февраля [2, с. 14]. Все попытки местных властей удержать в секрете данную новость оказались тщетны – слухи о падении самодержавия распространились среди жителей города в тот же день.

Заседание Арзамасского комитета РСДРП (б), связанное с последними событиями, состоялось 1 марта 1917 г. в доме М.В. Гоппиус. Позже оно переросло в митинг на улице возле дома. Митингующие направились к зданию городской Думы, где обратились к руководству города с требованиями разоружить полицию и освободить политических заключенных. Городские власти ответили отказом, после чего 3 марта в 10 часов утра созывается чрезвычайное собрание Арзамасской Городской Думы «для принятия неотложных и срочных мер», на котором постановлено: *«Городская Дума, приветствуя с своей стороны совершившийся величайший акт обновления нашей Государственной жизни, единогласно определяет: объявить себя солидарной с временным правительством, о чем срочно сообщить Председателю Нижегородской Губернской Земской Управы Демидову, которому вручена власть губернатора и Председателю Государственной Думы М.В. Родзенко. Для поддержания единения, порядка и спокойствия между населением, Городская Дума находит необходимым учредить Временный Городской Общественный Комитет. В состав этого комитета должны входить Городской Голова и Председатель Уездной Земской Управы, Арзамасский Уездный Предводитель Дворянства и следующие лица... [следует перечисление представителей от различных ведомств]. В состав Членов названного Комитета Городская Дума закрытою баллотировкою, отмеченной в особом баллотировочном списке, избирает следующих Г.Г. Гласных: П.А. Пирогова, Г.И. Вязовова, П.П. Цыбышева, Н.П. Федорова, В.А. Бебешина и И.И. Муравина 3-го...»* [3, д. 1180, л. 21-22].

Таким образом, гласные поддержали установление власти Временного правительства и обозначили свое согласие с проводимой политикой. При этом «с целью сохранения единения порядка и спокойствия» организуется Временный городской общественный комитет, являвшийся местным органом Временного правительства.

На следующий день, 4 марта, Общественный комитет постановил передать власть в Арзамасе и Арзамасском уезде: председателю Земской управы, уездному комиссару Временного правительства кадету Г.С. Панютину, городскому голове Н.М. Щеголькову и начальнику гарнизона прапорщику Вишневскому. Однако после манифестации трудящихся, организованной на следующий день с требованием снятия с поста Щеголькова, городским головой стал В.А. Бебешин, настроенный более либерально.

Девятого марта 1917 г. в городе состоялся 1,5-тысячный митинг трудящихся, высказавшийся *«за признание Нижегородского Совета рабочих депутатов и за образование Советов как органов народной власти в городе и уезде»* [1, с. 103].

Но отсутствие единых взглядов на новые органы власти и межпартийные разногласия среди властьимущих привели к трудностям при организации Советов. И вновь активность рабочих помогла ускорить события.

Двадцатого марта 1917 г. арзамасские рабочие предъявили многочисленные требования хозяевам, объявив при этом двухдневную забастовку. Благодаря стачечным комитетам, действующим на предприятиях города, стачка прошла на редкость дружно и организованно. Заводчики были вынуждены принять условия трудящихся, в том числе повысить зарплату, подписать трудовой договор, удешевить питание, улучшить условия жизни в общежитиях. *«Эта забастовка показала, что арзамасские рабочие стали организованной политической силой, способной на решительные действия»* [1, с. 103]. Опасаясь потерять влияние в рабочей среде, меньшевики и эсеры пошли на создание Советов, однако в качестве представителей от коллективов пригласили на выборные собрания угодных себе лиц: мастеров, писарей из солдатских команд и т.д. Тем самым оставили руководство в организованных Советах в своих руках. В своем выступлении на 1-й губернской партийной конференции РСДРП (б) Е.Е. Гоппиус отметил, что *«в местном Совете рабочих депутатов большинство подрядчиков, в Совет солдатских депутатов избрали сами себя писари писарской команды. В Совет были приглашены представители раненых, но после того, как они обнаружили большевистские симпатии, их прогнали из Совета»* [1, с. 103].

Советы, состоящие из эсеров и меньшевиков, поддерживали политику Временного правительства. На сторону рабочих и солдат становились только в крайнем случае, поддерживая дальнейшее продолжение войны, выступали против экспроприации помещичьих земель, занимались урегулированием мелких конфликтов между работодателями и трудящимися. Вот только некоторые выдержки из протоколов заседаний Совета рабочих и солдатских депутатов:

«Заявление рабочих-пряжников в предприятиях Карпова, Федорина и Рубцова о неудовлетворительности заработной платы. Постановлено Советом Раб. Депутатов избрать Ревизионную Комиссию от Совета Раб. Депутатов и Арзамасского Общественного Комитета для определения рабочим-пряжникам новой заработной платы. До выяснения же сего рабочие продолжают работу по прежней плате, но с тем, чтобы в случае нахождения несправедливости … со стороны работодателей, последние обязываются доплатить то, что рабочие недополучали по закону со дня постановления» [4, д. 5 а, л. 1 А].

«Дело рабочих-пряжников фирмы Федорина. По взаимному соглашению постановлено цену с фирмой И.С. Федорина установить 8 руб. … с тем, чтобы рабочая артель следила за доброкачественностью выработки и в случае несоответствия хозяин по соглашению с артелью делает пропорциональную скидку» [4, д. 5 а, л. 3].

«Заявление рабочего Тимофеева об увольнении его хозяином Черикови-ром. Постановлено вызвать хозяина Чериковира в Совет Раб. Д., для выясне-

ния законных причин увольнения рабочего Тимофеева и лишения его работы» [4, д. 5 а, л. 1 А].

«Объяснение г-на Чериковира с Советом Раб.Д. по поводу увольнения со службы рабочего Тимофеева. В виду полного отказа Чериковира дать работу Тимофееву, постановлено ходатайствовать перед Комитетом по отсрочкам продлить Тимофееву срок призыва для приискания места, а о злоупотреблениях со стороны Чериковира внести заявление в Арзамасский Общ. Комитет, где уже таковое дело о неправильных действиях подрядчика Чериковира имеется» [4, д. 5 а, л. 1 А].

В дальнейших протоколах заседаний Совета рабочих и солдатских депутатов основная часть постановлений отводится аналогичным урегулированиям конфликтов заводчиков и рабочих. И, соответственно, прослеживается более чем либеральное отношение к мерам, предпринимаемым фабрикантами против рабочих волнений: *«О локаутах, начинающихся наблюдаться в Арзамасском районе. Постановлено сделать объявление в конторы и по городу о недопустимости локаутов. Для планомерной борьбы с локаутами, избрать Комиссию Контрольную по выяснению прекращения производства. В основу этой комиссии положить Комиссию по финансовым делам с добавлением еще 2-х членов, с правами кооптации и с представителем от временного правительства...»* [4, д. 5 а, л. 10].

Как мы видим, меньшевистско-эсеровский Совет проводил соглашательскую политику, занимаясь в основном подобными мелкими разбирательствами, не претендуя на захват руководства в городе. Поэтому не вызывает удивление то, что Общественный комитет стал поддерживать Советы и выделять им денежные средства.

Большевики при этом усилили агитационную работу среди трудящегося населения города. Первомайская демонстрация 1917 г. стала переломным моментом в борьбе «за массы». Намерения меньшевистского Совета провести это мероприятие под лозунгами поддержки Временного правительства провалились. Еще до начала демонстрации большевики провели митинг в березовой роще среди рабочих и солдат, на котором резкой критике подвергся меньшевистский Совет, не принимающий никаких мер для улучшения положения рабочих. Во главе демонстрации шествовали большевики С.Ф. Шер, М.В. Гоппиус, Н.С. Березин под лозунгами «За мир, землю, 8-часовой рабочий день!» [5, с. 23].

Окончательный разрыв партии большевиков и либерально настроенных органов власти произошел в середине июня 1917 г., политическая агитация осуществлялась непосредственно на заводах, фабриках, в казармах.

После расстрела демонстрации 4 июля 1917 г. в Петрограде по России поднялась волна возмущения против политики Временного правительства. По всей стране были проведены демонстрации солидарности с петроградскими солдатами и рабочими. В Нижнем Новгороде, в том числе, произошли волнения среди солдат, явочным порядком был образован Исполнительный комитет среди трудящихся во главе с нижегородскими большевиками, захвативший власть

в свои руки. Для подавления восстания из Москвы было выслано воинское подразделение во главе с командующим Московским военным округом полковником Верховским. Путь следования карательной экспедиции пролегал по Казанской дороге через Арзамас [6, с. 378].

Арзамасские большевики умело использовали пребывание отряда Верховского в городе – проводили активную разъяснительную работу среди рабочих и солдат по сути июльских событий в Петрограде и Нижнем Новгороде. В связи с этим 12 июля было проведено расширенное заседание меньшевистского Совета с участием представителей от общественных организаций. В своем выступлении «О политическом моменте и выступлении 3-4 июля в Петрограде и Нижнем Новгороде» председатель Совета А.В. Ростовский охарактеризовал выступление большевиков *«анархическим, контрреволюционным»*. В результате была принята резолюция в поддержку Временного правительства [4, д. 5 а, л. 13].

Арзамасские большевики подверглись преследованиям, но, несмотря на это, продолжили деятельность по привлечению жителей города и уезда на свою сторону. И их влияние в среде трудящихся только росло.

Обострение продовольственного положения в городе в августе 1917 г. привело к росту возмущения в среде рабочих. Фабриканты, при молчаливой поддержке властей, отказывались выполнять условия принятого в марте трудового договора и угрожали закрытием предприятий. В ответ на это 11 августа рабочие Т/Д С. Жевакин, сын и К° на собрании стачечного комитета выдвинули требования повышения зарплаты и улучшения жилищных условий под угрозой забастовки [7, д. 2, л. 317]. Их поддержали работники других фабрик. Требования выполнены не были, после чего рабочие под руководством большевика Е.Я. Сахарова объявили 22 августа общегородскую забастовку. Массовость выступления и его четкая организация вынудили Совет рабочих и солдатских депутатов принять постановление, запрещавшее закрытие предприятий и массовые увольнения рабочих [7, д. 2, л. 308-315].

Двадцать девятого августа 1917 г. после получения известия о мятеже генерала Корнилова город и уезд были объявлены на военном положении, принято постановление о поддержке всех распоряжений, направленных на борьбу с нараставшим революционным движением [7, д. 2, л. 60].

На заседании Нижегородского губкома партии большевиков 18 октября 1917 г. был вынесен вопрос «О подготовке к захвату власти в городе и уездах». От Арзамасского комитета РСДРП (б) присутствовала М.В. Гоппиус.

Революционные настроения трудящихся-арзамасцев усиливались, возрастал авторитет партии большевиков. *«Так, 25 октября, недовольная действиями своего начальства, группа милиционеров внезапно арестовала уездного комиссара Ю.А. Тархова, начальника милиции А.М. Полякова и его помощников. Товарищ (заместитель) председателя Совета рабочих и солдатских депутатов меньшевик прапорщик Д.Д. Брусков длительными уговорами добился освобождения Ю.А. Тархова, но событие привлекло массу народа, который требовал провести в городе обыски у буржуазии. Во время обысков были обнаружены*

большие запасы продовольственных и промышленных товаров» [1, с. 109], что вызвало волну возмущений среди горожан.

Вечером 26 октября 1917 г. из перехваченной большевиками С.Ф. Шер и М. Крыласовым телеграммы Временного правительства стало известно о произошедшем в Петрограде: *«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил Временное правительство низложенным потребовал передачи ему всей власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера Авроры стоящего на Неве Правительство может передать власть только Учредительному собранию а посему постановлено не сдаваться и передать себя защите народа и армии о чем послана телеграмма ставке Ставка ответила о высылке отряда пусть армия и народ ответит на безответственную попытку большевиков поднять восстание в тылу борющейся армии Первое нападение на Зимний дворец в десять часов вечера отбито* (текст приводится с сохранением лексики и пунктуации – ***О.К.***)*»* [7, д. 2, л. 122]. Вскоре было получено еще несколько телеграмм, в которых большевики обвинялись «в авантюризме и предательстве дела революции», содержались призывы к поддержке Временного правительства, созданию на местах Комитетов защиты Родины и революции.

Двадцать седьмого октября была получена телеграмма из Нижнего Новгорода, в которой сообщалось о «переходе власти в Петрограде в руки Советов» и содержался призыв к арзамасским большевикам принять меры к захвату власти в городе [2, с. 35].

Второго ноября 1917 г. Нижегородский Совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил *«Советскую власть в качестве единственной законной власти в губернии»* [6, с. 415], но еще около двух недель управление в Арзамасском Совете рабочих и солдатских депутатов оставалось в руках меньшевиков и эсеров.

На общем собрании Совета рабочих и солдатских депутатов 17 ноября 1917 г. большевики добились переизбрания депутатов для принятия решения о передаче власти Совету [4, д. 5 а, л. 32-34].

Рабочие кожзавода Бебешина в резолюции выборного собрания писали: *«Только власть пролетариата и революционного крестьянства может вывести страну из тупика, куда завело его коалиционное правительство во главе с Керенским, вся власть должна принадлежать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Мы требуем своих представителей в Совете рабочих депутатов, чтобы они немедленно проводили в жизнь все постановления нашего рабоче-крестьянского правительства»*.

Восемнадцатого ноября была принята резолюция о признании Совета Народных Комиссаров законным правительством России. Тот же документ констатировал, что в Арзамасе и уезде единственным правительственным органом является Арзамасский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [4, д. 5 а, л. 35-37].

Также было принято постановление об упразднении Комитета спасения и установлении контроля над воинским гарнизоном, почтой и телеграфом. На

этом же заседании создается уездная комиссия для реализации большевистского Декрета о земле и решается целый ряд других вопросов. Восемнадцатое ноября 1917 г. принято считать днем установления Советской власти в Арзамасе и уезде.

Стачечное движение, начинавшееся как борьба за права трудящихся, в итоге привело к окончательному падению самодержавия в России, уничтожило весь старый социальный строй в стране – всем известно, что Февральская революция началась с массовых волнений среди рабочих Петрограда, недовольных перебоями в снабжении хлебом. Оказавшись бессильным примирить капиталистов, стремившихся к сверхприбылям, и рабочих, требовавших достойного уровня жизни, самодержавие неожиданно для себя оказалось не у дел.

Источники и литература

1. Очерки истории Арзамаса. – Горький, 1981.

2. Плетнев П. Борьба за Советы в Арзамасе. – Арзамас, 1932.

3. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 23. Оп. 1.

4. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-23. Оп. 1.

5. Балакин М.Ф., Балакина М.А. Арзамас в XX веке: В 2-х книгах. Кн. 1. – Арзамас, 2003.

6. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 1. – Горький, 1967.

7. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-23. Оп. 3.

УДК 908

АРЗАМАС В УСЛОВИЯХ ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

CITY OF ARZAMAS IN THE CONDITIONS OF THE FEBRUARY BOURGEOIS-DEMOCRATIC REVOLUTION 1917

И.Н. Балахонова

I.N. Balahonova

Средняя школа № 7 им. А.П. Гайдара г. Арзамаса, учитель истории, кандидат исторических наук

607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. Нижегородская, д. 3 а

E-mail: ibalahonova@mail.ru

Аннотация: Статья освещает развитие г. Арзамаса и настроения арзамасцев в условиях Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

Ключевые слова: Арзамас, Нижегородская губерния, фабрично-заводское производство, ремесло, революционные кружки, буржуазно-демократическая революция, падение самодержавия.

Summary: The article highlights the development of Arzamas and the mood of the Arzamasians in the conditions of the February bourgeois-democratic revolution 1917.

Key words: Arzamas, Nizhny Novgorod province, factory production, handicraft, revolutionary circles, bourgeois-democratic revolution, the fall of the autocracy.

В начале XX века Арзамас был первым городом Нижегородской губернии по численности населения и масштабам торгово-промышленной деятельности. К 1914 г. в городе проживало: цеховых – 1.984 чел., крестьян – 9.350, мещан – 3.821, духовенства белого – 497 и монашествующего – 1.863, дворян – 524, купцов – 195 чел. [1, д. 918, л. 106].

Как видим, сравнительно большую прослойку населения составляли крестьяне и наемные рабочие, которые трудились на предприятиях, принадлежавших арзамасскому купечеству: войлочных, пивоваренных, кошмовальных, кожевенных, сапожных [2, с. 68-72; 3, с. 154-158]. К богатейшим купеческим семьям Арзамаса, державшим торговлю и промышленные предприятия, относились Стригулины, Жевакины, Пеговы, Бебешины.

Развитие фабрично-заводского и ремесленного производства подняло значение арзамасского рынка. В городе ежегодно с мая по август проходили четыре многолюдные ярмарки, на которые съезжались купцы Нижнего Новгорода, Казани и др. Дважды в неделю по базарным дням торговая площадь и соседние улицы заполнялись сотнями крестьянских возов [2, с. 71; 3, с. 156].

Благополучие арзамасского купечества достигалось за счет эксплуатации наемных работников: люди работали в тесных клетушках, с плохим освещением, в пару, грязи и зловонии по 14 часов в сутки, при этом получая гроши. Арзамасское земское собрание выработало специальные правила, чтобы улучшить положение людей, но купцы отказались их выполнять: *«Если выполнить все эти требования, то какие это расходы, и к чему?»* [1, д. 918, л. 106]. Такое отношение фабрикантов к рабочим вызывало острое недовольство со стороны последних и желание изменить к лучшему свое положение.

К началу XX века эксплуатация рабочих и кустарей, разорение крестьянства, ростовщическая политика купечества обострили социально-экономические противоречия в Арзамасе. Верной опорой самодержавия в городе оставались дворяне, купцы и духовенство. Работное же население было недовольно политикой центральной власти. Вот почему уже в 1890-е гг. в Арзамасе появились первые тайные революционные кружки, в состав которой входили, главным образом, представители интеллигенции [4, с. 16]. Однако наличие большой прослойки духовенства позволяло считать Арзамас «политически благонадежным» городом и сюда, как в «ближнюю Сибирь», ссылали политически «неблагонадежных» людей, например, писателя А.М. Горького [2, с. 72; 3, с. 157].

Первая русская революция не обошла стороной Арзамас. Двадцатого июня 1905 г. на фабрике Жевакина была объявлена забастовка: 56 рабочих фабрики отказались приступить к работе, требуя повысить зарплату. Фабриканту пришлось принять условия [2, с. 93; 3, с. 187-188]. В октябре 1905 г. во Всероссийской стачке приняли участие арзамасские железнодорожники.

А 19 октября 1905 г. после того, как на Соборной площади был зачитан царский Манифест 17 октября, обещавший *«незыблемые основы гражданской*

свободы», колонна эсеров и социал-демократов прошла по улицам Арзамаса с криками: «Да здравствует свобода!» На следующий день большевистская колонна прошла по городу с лозунгом: «Долой царя!» [5, д. 107, л. 107]. В ответ черносотенцы – сторонники монархии устроили избиение демонстрантов.

Однако репрессии не остановили революционное движение: в 1915 г. пройдут забастовки на заводах Бебешиной, Ускова, Мочалова; забастовки будут жестоко подавлены, а забастовщики отправлены на фронт.

Во время Первой мировой войны арзамасские социал-демократы активно проводили революционную агитацию с помощью листовок, призывавших к борьбе за демократическую республику, 8-часовой рабочий день, конфискацию всей помещичьей земли, свержение царизма [6, д. 68, л. 7]. И вот свершилось: начало буржуазно-демократической революции в Петрограде привело к отречению от престола Николая II.

Весть о падении самодержавия пришла в Арзамас 28 февраля 1917 г. По городу поползли тревожные слухи. В правящих кругах Арзамаса чувствовалась растерянность: ведь еще недавно праздновали 300-летие дома Романовых [7, с. 23]. Предводитель уездного дворянства Г.С. Панютин и городской голова Н.М. Щегольков созвали 3 марта 1917 г. чрезвычайные собрания городской думы и уездного земства. Обсудив текущий момент, собрания одобрили образование буржуазного Временного правительства и направили в его адрес приветственные телеграммы [8, с. 13].

По-иному отреагировала на свержение монархии городская беднота. Она три дня штурмовала городскую управу, требуя смещения с поста городского головы реакционера-черносотенца Н.М. Щеголькова. Шестого марта 1917 г. Н.М. Щегольков написал телеграмму на имя управляющего губернией П.А. Демидова и губернской земской управы: *«Желая более всего на свете общественного спокойствия, покорнейше прошу освободить от обязанности начальника города и должности городского головы»* [9, д. 33, л. 4]. Новым городским головой стал В.А. Бебешин.

В ходе Февральской революции по всей стране, как в центре, так и на местах, стали возникать новые органы власти. Временное правительство насаждало свои учреждения. Так, в Арзамасе выражением его интересов явилось создание городского Общественного комитета во главе с фабрикантом Г.И. Вязововым. В состав комитета вошли представители купечества и дворянства, стоявшие на защите частной собственности [8, с. 13]. Из общего количества его членов (111 чел.) лишь 9 были от рабочих и 33 от крестьян (преимущественно, зажиточных), а остальные представляли помещиков, фабрикантов, купцов, духовенство, мещан. Уездным комиссаром Временного правительства стал предводитель дворянства, крупный землевладелец Г.С. Панютин [2, с. 102; 3, с. 204].

Таким образом, для дворянства, купечества и духовенства революция в феврале 1917 г. не принесла коренных изменений в уклад их жизни.

Одновременно с Общественными комитетами возникали Советы рабочих депутатов, как в Петрограде. Третьего марта 1917 г. Нижегородский Совет ра-

бочих депутатов через газету «Нижегородский листок» обратился к рабочим, солдатам и крестьянам губернии с призывом о создании Советов [2, с. 102; 3, с. 205]. На собрании 9 марта 1917 г. кожевники, кошмовалы и путейцы приняли резолюцию: *«Рабочие г. Арзамаса в количестве 1500 человек … решили присоединиться к Совету рабочих депутатов и поддерживать его лозунги»* [9, д. 33, л. 318].

Двадцатого марта 1917 г. арзамасские рабочие объявили двухдневную забастовку. Предприниматели были вынуждены подписать трудовой договор, пообещав удовлетворить требования рабочих, в том числе повысить зарплату, удешевить питание, улучшить условия жизни рабочих [10, д. 2, л. 6]. Эта забастовка показала, что арзамасские рабочие стали организованной политической силой, способной на решительные действия.

Боясь потерять влияние среди трудящихся, эсеры и меньшевики не стали дожидаться, когда рабочие и солдаты сами изберут своих депутатов в Советы, а пригласили на выборные собрания в качестве представителей от коллективов угодных себе лиц. *«В местном Совете рабочих депутатов большинство подрядчиков, в Совет солдатских депутатов избрали сами себя писари писарской команды. В Совет были приглашены представители раненых, но, после того, как они обнаружили большевистские симпатии, их прогнали из Совета»* [11, д. 7, л. 2].

Меньшевистско-эсеровские Советы не претендовали на захват власти в городе, они стали проводить соглашательскую политику. Выступали в поддержку войны, против экспроприации крестьянами помещичьих земель, занимались урегулированием конфликтов между рабочими и предпринимателями, солдатами и офицерами и только в крайних случаях становились на сторону солдат и рабочих. Не удивительно поэтому, что купечество стало поддерживать Советы и даже выделять для них денежные средства [2, с. 104; 3, с. 206].

Аналогичные меры эсеры и меньшевики предприняли и в уезде. В июле 1917 г. они активно участвовали в создании уездного Совета крестьянских депутатов и захватили руководство в нем. Совет стал проводить политику защиты интересов земельных собственников, сдерживать революционные действия крестьян по разделу помещичьих и монастырских земель [2, с. 106; с. 207-208].

Это привело к разочарованию рабочих, крестьян и солдат в Советах, и когда летом 1917 г. положение рабочих и крестьян резко ухудшилось (голод, нищета, усиление эксплуатации фабрикантами), они поддержали большевиков, защищавших их интересы, и стали их опорой в октябре 1917 г., когда произошла новая революция – социалистическая.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 2. Оп. 1.

2. Очерки истории Арзамаса / под ред. Б.П. Голованова. – Горький, 1981.

3. История Арзамаса / авт. кол.: О.В. Воробьева, В.И. Грубов, А.Л. Егошин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов; администрация г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ. – Саранск, 2015.

4. Арзамас. Путеводитель / Сост. А.Д. Одинцов. – Горький, 1978.

5. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 102. Оп. 1.

6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 42. Оп. 1.

7. Еремеев П. Летописец. – Арзамас, 1993.

8. Одинцов А.Д., Фешин И.Н. Арзамасский район за 50 лет Советской власти. В помощь пропагандистам и агитаторам. – Арзамас, 1967.

9. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 3.

10. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1.

11. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 1. Оп. 1.

УДК 908

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г. В АРЗАМАСЕ

THE DEVELOPMENT OF THE REVOLUTIONARY EVENTS
OF 1917 IN THE CITY OF ARZAMAS

А.А. Гурьянов

A.A. Guryanov

Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас, директор
607224, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Мира, д. 13 а
E-mail: official@arhiv.arzamas.kreml.nnov.ru

Аннотация: В статье анализируются предпосылки революционных событий 1917 г. в городе Арзамасе Нижегородской губернии, а также рассматриваются сами эти события. Основное внимание уделено смене власти, направленной на решение социальных проблем населения.

Ключевые слова: революция, большевики, буржуазия.

Summary: The article analyzes the background of the revolutionary events of 1917 in the city of Arzamas of Nizhny Novgorod province and discusses these events. The focus is on the change of government aimed at solving social problems.

Key words: revolution, the Bolsheviks, the bourgeoisie.

С отменой крепостного права Россия окончательно встала на путь капиталистического развития. К началу XX века она уже представляла собой относительно развитую капиталистическую страну. За четыре десятилетия после реформы 1861 г. в России произошли такие преобразования, на которые в странах Западной Европы потребовались столетия [1, с. 5].

С развитием крупной капиталистической промышленности в России происходил быстрый рост пролетариата. Концентрация пролетариата на крупных предприятиях способствовала росту его сплоченности, организованности, создавала условия для широкого размаха рабочего движения, для превращения рабочего класса в ведущую революционную силу. Жесточайшая эксплуатация

заставляла рабочих объединяться для совместного отпора капиталистам, организовывать стачки и забастовки. В ходе борьбы росло их классовое самосознание, стремление к созданию своих пролетарских организаций [1, с. 6].

Классовые интересы пролетариата выражала Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), большевистское крыло которой оформилось на II съезде в 1903 г. Она являлась мощным оружием рабочего класса в борьбе за ликвидацию эксплуатации человека человеком. Образование партии знаменовало собой превращение пролетариата в самостоятельную политическую силу, способную выполнить роль авангарда освободительного движения всех угнетенных и эксплуатируемых [1, с. 29].

События 1905-1907 гг. обогатили пролетариат России неоценимым революционным опытом, подготовив тем самым условия для победы второй буржуазно-демократической революции – в феврале 1917 г. [1, с. 78].

Несмотря на сравнительно бурное развитие промышленного производства, получение сверхприбылей российскими и иностранными капиталистами, материальное положение рабочего класса России оставалось по-прежнему тяжелым. Особенно низкую заработную плату получали женщины и подростки [1, с. 90].

В.И. Ленин тот период для России характеризовал следующим образом: *«Россия переживает революционное состояние потому, что угнетение громаднейшего большинства населения, не только пролетариата, но и девяти десятых мелких производителей, особенно крестьян, обострилось в максимальной степени, причем этот обостренный гнет, голодовки, нищета, бесправие, надругательство над народом находятся в вопиющем несоответствии и с состоянием производительных сил России, и степенью сознательности требовательности масс, пробужденных пятым годом, и с положением дел во всех соседних, не только европейских, но и азиатских странах»* [цит. по: 2, с. 299-300].

Объективные процессы, произошедшие до 1917 г., свидетельствовали только о новом революционном подъеме в стране. В.И. Ленин, характеризуя перспективы развития России, отмечал: *«Ломка должна быть крутой, потому что несоответствие чересчур велико, потому что старое слишком старо, “болезнь чересчур запущена”»* [3, с. 310].

В начале 1900-х гг. в Арзамасе была создана и действовала местная организация РСДРП, в которую входили М.В. Гоппиус, Н.М. Козырев, П.С. Сикорский, А.В. Кистанов, Л.Л. Оболенский, Н.С. Бебешина, С.Ф. Владимирская, Г.В. Грачев, Ф.И. Галактионов и др. [4, с. 1]. Идейными руководителями передовой части арзамасской молодежи были профессиональные революционерки Мария Валерьяновна Гоппиус и Софья Федоровна Шер. Обе они всю жизнь связали с партией Ленина, посвятив себя делу борьбы за народную власть, за социализм [5, с. 5].

В феврале 1917 г. С.Ф. Шер и М.В. Гоппиус вели работу на фабрике Мочалова, бывали на других предприятиях, среди учителей и учащихся. С явочной квартиры М.В. Гоппиус начинали путь в фабричные цеха большевистские листовки [5, с. 7].

Двадцать седьмого февраля 1917 г. рухнуло прогнившее насквозь самодержавие. На следующий день у М.В. Гоппиус состоялось собрание арзамасских большевиков. А еще через два дня у ее дома собрался первый митинг. Отсюда его участники с красными знаменами, распевая революционные песни, пошли к городской Думе требовать освобождения из тюрьмы политических [5, с. 7].

Семнадцатого апреля 1917 г. был создан первый Арзамасский комитет РСДРП (большевиков), проведено организационное собрание. Тогда же организация пополнилась за счет членов кружка – Н.С. Березина, Е.Е. Гоппиуса, А.Ф. Зиновьева, А. Рязанова, И. Синицина и др. Для руководства организацией был избран временный комитет из четырех человек в составе А.И. Полянского (председатель), М.В. Гоппиус (товарищ председателя), Е.Е. Гоппиуса (секретарь), Ю.И. Рюриковой (член комитета). В апреле 1917 г. членом партии большевиков стала Надежда Ивановна Николаева, принимавшая активное участие во всей работе организации. В нашем городе с апреля проживал и член РСДРП (б) Евтихий Давыдович Луцук [4, с. 1].

Схватка со старым миром набирала обороты. Горстке арзамасских большевиков пришлось немало поработать среди трудящихся, чтобы завоевать большинство в рабочем, крестьянском и солдатском Советах, где после Февральской революции укрепились меньшевики и эсеры.

В середине июня 1917 г. большевики порвали с соглашательскими партиями, стали работать самостоятельно, перенесли политическую агитацию и пропаганду непосредственно на кошмовальные фабрики, кожевенные заводы, в солдатские казармы.

Большевистской организацией С.Ф. Шер была поручена работа в Арзамасской почтово-телеграфной конторе, куда она оформилась на работу ученицей телеграфистки. Хотя большевиков на телеграфе было всего трое, они принимали все меры, чтобы фальшивая агитация Временного правительства дальше стен телеграфной конторы в город и уезд не доходила. Большевики почты и телеграфа во главе с С.Ф. Шер сумели установить личный контроль над каждой листовкой, каждой телеграммой. Тем самым они добились того, что обещания А.Ф. Керенского не дурманили головы рабочих и крестьян [6, с. 3].

В период июльских событий 1917 г. в Петрограде почтовики во главе с большевиком – служащим почты Михаилом Андреевичем Крылосовым вышли на митинг, перешедший в общегородскую политическую демонстрацию. С.Ф. Шер, в числе других ораторов, разъяснила массам действительный смысл событий в Петрограде и Нижнем Новгороде [6, с. 3].

В Арзамасском уезде крестьяне начали арестовывать помещиков и должностных лиц волостных правлений [7, с. 172].

Первое известие об Октябрьской революции в Петрограде арзамасские большевики получили 27 октября поздно ночью. В час ночи Софье Федоровне сообщили об этом по телефону из Нижнего Новгорода [6, с. 3]. С.Ф. Шер вместе с М.В. Гоппиус тотчас направились к А.С. Рязанову. Тот с удостоверением комитета срочно выехал в Москву, чтобы подробно узнать о случившемся в

Петрограде и выяснить положение дел в центре. По возвращении А.С. Рязанова арзамасские большевики решили провести ряд открытых митингов с разъяснением сути событий и призывом взять власть в руки рабочих. В ответ меньшевики поставили вооруженных солдат на почте и у квартир С.Ф. Шер и М.В. Гоппиус. Этим они хотели предотвратить широкое обнародование факта свержения Временного правительства. Но через массовые митинги, проведенные большевиками, весть о революции распространилась очень широко [6, с. 3].

Арзамасская буржуазия с первых дней победы Советской власти не хотела признавать уездного Совета и всеми мерами оказывала ему сопротивление, организуя саботаж и контрреволюционные заговоры. В этом ей активно помогало духовенство многочисленных церквей и монастырей уезда.

Четвертого ноября 1917 г. Арзамасский городской голова направил письмо в Арзамасскую мещанскую управу. В письме говорилось об организации дружины для охраны безопасности населения. Во все партийные и профессиональные организации, кроме большевистских, были направлены обращения с просьбой рекомендовать и прислать лиц из коренных арзамасцев, пользующихся доверием населения и желающих поступить в дружину [8, д. 4, л. 10-10 об.].

Семнадцатого-восемнадцатого ноября 1917 г. в упорной политической борьбе с эсерами и меньшевиками на собрании Совета рабочих и солдатских депутатов большевикам удалось достичь окончательной победы. В состав президиума Совета были избраны представители от большевиков, в состав депутатов кооптирован большевистский список. Собрание также приняло резолюцию, объявившую о переходе всей власти в уезде в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и роспуске контрреволюционного Комитета спасения Родины и революции, созданного арзамасской буржуазией с целью недопущения захвата власти Советом.

Девятнадцатого ноября 1917 г. в протоколе заседания Арзамасской мещанской управы было зафиксировано: *«Протестовать против упразднения комитета общественной безопасности и просить мещанскую управу – протест мещанского общества сообщить Арзамасской городской думе»* [8, д. 4, л. 11].

Взяв власть в уезде, Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял срочные меры по улучшению жизни рабочих, бедного крестьянства, начал заботиться об улучшении продовольственного дела. Двадцать четвертого ноября 1917 г. в протоколе общего собрания депутатов Арзамасского Совета рабочих и солдатских депутатов сделана запись: *«2. Биржа труда. Советом решено образовать бюро труда при Совете. Советом выделена комиссия для разработки вопроса и представления доклада в Совет: Березин, Гоппиус Е., Полянский, Соколов и Арцишевский. 4. К улучшению жизни рабочих. Избрана комиссия /с правом кооптации/ в составе М.В. Гоппиус, Плешаков и Петров. Комиссия должна обойти заводы и, на местах познакомившись с нуждами рабочих, выработать общий план улучшения рабочей жизни и представить в Совет на утверждение»*. Тогда же Совет постановил *«организовать фабрично-*

заводские комитеты по всем фабрикам г. Арзамаса и выписать инструктора из Нижнего Новгорода» [9, д. 5 а, л. 36 об. - 37].

В тот же день общее собрание депутатов Арзамасского Совета решило вопрос о формировании Красной гвардии: *«3. Красная гвардия. После долгих прений, на которых за Красную гвардию говорили большевики, а против с-ры, вопрос о необходимости Красной гвардии поставлен на голосование. Результаты следующие: 23 – за, 1 – против, 5 – воздержавшихся. Организация Красной гвардии поручена президиуму Совета»* [9, д. 5 а, л. 36 об.]. Отряды Красной гвардии были созданы в городе и селах уезда для поддержания революционного порядка и защиты Советских учреждений от контрреволюции. Организаторами Красной гвардии были: А.Ф. Зыбин, М.Е. Чувырин, С.Л. Видюльцев, С.Ф. Шер и др.

Первого декабря 1917 г. общее собрание депутатов Арзамасского Совета вынесло следующую резолюцию в отношении Комитета спасения Родины и революции: *«5. Арзамасский Совет рабочих и солдатских депутатов предлагает немедленно разойтись Комитету спасения Родины и революции по получению сего отношения и весь материал по организации дружины немедленно доставить в Совет. 6. Контроль по почте и телеграфу. Уполномочены по контролю Шер и Крылосов. Солдатская секция вводит на телеграфе дежурство солдат...»* [9, д. 5 а, л. 36 об.]

После взятия власти в уезде Совет провел большую организационную работу: распустил буржуазный Комитет спасения Родины и революции, назначил перевыборы городской Думы и других сословных организаций, начал слом старого буржуазного аппарата и заложил основы новых Советских учреждений.

Источники и литература

1. Рудь А.С. Из истории трех революций в России. – М., 1976.

2. Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата // Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – Т. 23. – М., 1969. – С. 296-305.

3. Ленин В.И. Сущность «аграрного вопроса в России» // Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – Т. 21. – М., 1968. – С. 306-310.

4. Верхоглядов Д.Д. В борьбе за дело Ленина // Арзамасская правда. – 1967. – 16 апреля (№ 63).

5. Кирилюк С. В годы огневые (очерки истории первых лет Арзамасской комсомолии. 1919-1921 гг.). – Горький, 1967.

6. Рыбин Ф. Комиссар Софья Шер // Арзамасская правда. – 1967. – 4 мая (№ 72).

7. История Нижегородской области / В.Д. Фёдоров, Е.П. Титков; АГПИ им. А.П. Гайдара, НГПУ. – 5-е изд., испр. и доп. – Арзамас, 2010.

8. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 24. Оп. 2.

9. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-23. Оп. 1.

УДК 908

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ И ВЕЩЕВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В АРЗАМАСЕ В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОМ ПРОЕКТЕ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ Г. АРЗАМАСА

DOCUMENTARY, VISUAL AND CLOTHING SOURCES OF REVOLUTIONARY EVENTS 1917 IN ARZAMAS IN THE EXHIBITION PROJECT THE HISTORICAL MUSEUM OF THE CITY OF ARZAMAS

О.Н. Коннова, И.С. Косолапова

O.N. Konnova, I.S. Kosolapova

Историко-художественный музей г. Арзамаса, научные сотрудники

607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, пл. Соборная, д. 9

E-mail: arzmuseum@rambler.ru

Аннотация: В статье дается характеристика фондовых источников, представленных в экспозиционно-выставочном проекте музея «Арзамас в годы революции и Гражданской войны». Проект рассказывает о ключевых событиях 1917-1920 гг. в Арзамасе: от ситуации в городе накануне Февральской революции до Октябрьского переворота и установления в городе власти большевиков.

Ключевые слова: революция, большевики, общественный строй, печатные издания, храмы, Гражданская война, историческая память.

Summary: The article gives characteristics of the archival sources presented in the exposition and exhibition project of the Museum “Arzamas in the years of revolution and Civil war”. The project talks about the key events of 1917-1920 in Arzamas: the situation in the city on the eve of the February revolution to the October revolution and the establishment in power of the Bolsheviks.

Key words: Revolution, Bolsheviks, social structure, publications, churches, Civil war, historical memory.

Сегодня, при всем расхождении взглядов на революционные события вековой давности, мы не можем отрицать тот факт, что сама попытка построения на земле общества нового формата решительным образом изменила пути исторического развития не только России, но оказала огромное влияние на прогресс народов всей планеты.

Многие современные политики и деятели культуры воспринимают эту юбилейную дату как весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революции в России. Общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий, в уважительном отношении к ним как к части нашей истории, уроки которой нужны нам, прежде всего, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия и единения всей нации.

Выставочный проект историко-художественного музея имел сразу несколько целей. Во-первых, познакомить посетителей с революционными событиями вековой давности в Арзамасе. Во-вторых, на площадке выставочного проекта дать возможность посетителям соприкоснуться с уникальными музейными источниками по истории данного периода. В-третьих, способствовать формированию у молодежи устойчивого интереса к историческому прошлому

России и своей малой родины, воспитывать понимание и уважение к своей истории.

Музейное собрание включает в себя подлинные источники, характеризующие важнейшие моменты истории двух революций в Арзамасе. Данный фонд составляют личные коллекции революционеров Н.С. Березина, П.П. Цыбышева, Ф.А. Вавилова, С.Л. Видюльцева, М.В. Гоппиус, А.Д. Зиновьева, С.Ф. Кондратьева, В.А. Маламуда, А.С. Рязанова и др. Значительное число фотографий и документов, рассказывающих о становлении Советской власти в Арзамасе, об участниках Гражданской войны, о пребывании в городе штаба Восточного фронта довольно полно и достоверно отражают важнейшие политические события данной эпохи. Большое количество губернских, уездных и городских газет, журналов, а также брошюр, авторами которых являются видные политические деятели 1917 г., дает возможность получить обширный информационный материал о первых месяцах существования Советской власти. В фондах музея имеются предметы декоративно-прикладного творчества революционной направленности: картины В.Н. Юдина «Изъятие хлеба у кулаков», И.И. Шульги «Портрет военкома Чувырина», А.Д. Иконникова «Штаб Восточного фронта», а также плакаты, сувенирная продукция и открытки.

Тематико-экспозиционный план выставки «Арзамас в годы революции и Гражданской войны (1917-1920)» готовился сотрудниками музея в течение года. Выставка экспонирует более 200 фондовых предметов. Благодаря тому, что в ее создании приняли участие сотрудники Арзамасского госархива, посетители выставки имеют возможность познакомиться с уникальными подлинными документами революционной эпохи в экспозиционном формате. Разумеется, невозможно объять необъятное, но мы стремились отобразить наиболее важные, ключевые моменты развития революционного движения в Арзамасе и арзамасцев – участников этих событий.

Основными информативными источниками, характеризующими исторические события, безусловно, являются документы и фотографии. Не всегда подобные экспонаты являются для посетителей привлекательными. Поэтому для усиления эмоционального воздействия и лучшего восприятия сложного материала выставки мы использовали кинохронику, тематическое музыкальное оформление, интерактивную игру-викторину, прием диалога в экскурсии. Кроме этого, на выставке представлены: интерьер рабочего кабинета М.В. Гоппиус, инсталляция «Взрыв Троицкой колокольни», стилизованные транспаранты с лозунгами тех лет, а также информационные стенды с цитатами из повести А. Гайдара «Школа». Последние являются прекрасными иллюстрациями к рассказу экскурсовода, придают ему живость и еще более погружают экскурсантов в атмосферу революционного Арзамаса.

Чтобы наиболее полно представить местную революционную историю, материалы музейных фондов и архивные документы были систематизированы по нескольким разделам и расположены в хронологическом порядке: «Предреволюционный Арзамас», «Февральская революция в Арзамасе», «Активисты

революционного движения в Арзамасе», «Октябрь в Арзамасе», «Печатные издания», «Красная гвардия. Восточный фронт», «Историческая память».

Первый раздел выставки «Предреволюционный Арзамас» представляет политическую и социально-экономическую ситуацию в городе накануне 1917 г. Об этом свидетельствуют следующие экспонаты: брошюры «Записка об устройстве водосбора из источников Мокрого оврага» 1909 г. и «Список абонентов Арзамасской телефонной сети» 1914 г. Оба документа напечатаны в типографии М. Порошёнкова. В экскурсии неоднократно упоминается имя этого человека. В типографии, которую Михаил Алексеевич Порошёнков открыл в Арзамасе в 1909 г., печатались первые городские газеты, воззвания, литература на революционную тему. На выставке представлена фотография дома М. Порошёнкова и архивный документ от 2 марта 1917 г. – прошение городской Думы к М.А. Порошёнкову о печати 500 экземпляров воззвания Временного комитета Государственной Думы [1, д. 1180, л. 7].

Тему антивоенных настроений, царивших в Арзамасе, ситуацию с беженцами и продовольственный вопрос раскрывают подлинные фотографии начала XX века с изображением городского головы Н.М. Щеголькова, Георгиевского кавалера, выпускника Реального училища М. Попова, а также уникальный документ времен Первой мировой войны из фондов музея – извещение № 3635 от 16 июня 1915 г. об арзамасцах, пропавших без вести на полях сражений. Бытовые вещи периода Первой мировой войны, экспонируемые в данном разделе, среди которых медный чайник, зажигалки, кисет, самодельные тарелка и ложка, создают обобщенные образы простых людей – городских и сельских жителей, принявших на себя тяготы этого страшного времени.

Как в Арзамасе узнали о свержении монархии? Кто встал у руля власти и что этому способствовало? Как и чем жили Арзамас и арзамасцы весну и лето 1917 г.? В разделе «Февральская революция в Арзамасе» представлены копии телеграмм из архивных фондов, благодаря которым город узнал о Февральской революции в Петрограде, первых политических действиях арзамасских властей, создании новых органов управления – городского и уездного Общественных комитетов Временного правительства [1, д. 1180, л. 1, 11, 19]. Эти документы помогают посетителям объективно оценить сложившуюся в городе ситуацию и проследить процесс образования в Арзамасе новых органов власти.

Вместо упраздненных жандармских и полицейских управлений начинается формирование новой буржуазной милиции. Об этом свидетельствует объявление, напечатанное в представленной газете «Известия» от 8 марта 1917 г. В нем Общественный комитет *«приглашает на жалование чинов милиции, преимущественно из раненых солдат, а также лиц, знающих военный строй или умеющих обращаться с оружием»* [1, д. 1180, л. 35]. В этом же разделе можно увидеть одни из самых знаменитых ценных бумаг в истории России – облигации Займа Свободы, выпущенные Временным правительством в марте 1917 г. На выставке представлены облигации номиналом в 100 и 50 руб. Здесь же экспонируются первые деньги, выпущенные Временным правительством после

Февральской революции – государственные кредитные билеты номиналом 250 и 1.000 руб.

Преобладание эсеро-меньшевистского большинства в арзамасских Советах вызывало особое недовольство рабочих и крестьян. Это использовали в своих целях арзамасские большевики. Весной-летом 1917 г. оживляется их агитационно-пропагандистская работа. Одним из достижений большевистской организации Арзамаса можно назвать первомайский митинг и демонстрацию 1917 г. [2, с. 207]. Об этом посетителям рассказывают документы, представленные в витрине: фотография митинга на Соборной площади в Арзамасе в 1917 г., «Воззвание Арзамасского Комитета РСДРП о праздновании 1 Мая» и брошюра «Первомайский сборник». Царивший в те дни дух свободы помогают передать транспаранты со знаменитым лозунгом «Вся власть Советам!», а также красный бант на шинели солдата, вернувшегося с полей сражений Первой мировой войны и ставшего волей судеб одной из движущих сил революционных событий 1917 г.

Хронология истории России XX века включает в себя массу печальных и трагических событий. В любом военном или политическом конфликте у каждой противоборствующей стороны были свои герои. И те, и другие боролись и умирали за идею, за свободу, за страну. У революций 1917 г. тоже были свои активисты, лидеры, защитники идей. Были они и здесь, в Арзамасе. Весной-летом 1917 г. немногочисленной группе арзамасских большевиков пришлось приложить много сил, чтобы завоевать большинство в Советах, где после Февральской революции укрепились меньшевики и эсеры. Фотографии членов арзамасского революционного кружка, С. Шер, Н. Березина, П. Цыбышева, дома № 38 по ул. Сальникова (ныне ул. К. Маркса), где располагался социал-демократический клуб, личные документы М.В. Гоппиус и политическая литература рассказывают о деятельности и судьбах участников событий тех лет.

Особое место на выставке занимает раздел «Октябрь в Арзамасе». Известие о победе пролетарской революции в Петрограде большевики Арзамаса получили вечером 26 октября (по старому стилю). Для выяснения положения в центре, в Москву был командирован молодой революционер А.С. Рязанов. Утром 28 октября он привез директиву Московского областного большевистского бюро о необходимости немедленного свержения власти буржуазии на местах и разъяснения массам происходящих политических событий [3, с. 333]. На выставке представлена фотография А. Рязанова и текст документа. Здесь же экспонируется фотография дома на ул. Мартовской (ныне ул. Октябрьская, 16), в котором 17 ноября 1917 г. состоялось собрание Совета рабочих и солдатских депутатов нового созыва. На следующий день, 18 ноября собрание приняло резолюцию, в которой вся полнота власти, как в центре, так и на местах, признавалась за Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [3, с. 334].

Более полно раскрыть деятельность нового руководства Арзамаса в первые дни Советской власти помогают фотографии членов Исполкома арзамасского Совета, разместившегося на Ново-Московской улице (ныне ул. Ленина, 16).

Продолжает музейное повествование о событиях 1917 г. в Арзамасе интерьер, в котором воссоздан рабочий кабинет М.В. Гоппиус. Ее личная коллекция, хранящаяся в фондах музея, насчитывает более 40 предметов: это документы, награды, личные вещи, предметы быта. Для раскрытия образа лидера арзамасских большевиков в обстановке мы использовали рабочий стол Марии Валерьяновны, на котором – ее письменные принадлежности, будильник, отдельные номера революционных изданий, письма, рукописи. На книжной полке – книги и учебники по грамматике, которыми пользовалась М.В. Гоппиус, учительница по образованию.

Внимание посетителей выставки обращает на себя манекен, одетый в кожаную куртку, шерстяную юбку и красную косынку. Этот образ позволяет немного отвлечься от политических перипетий и поговорить об истории модного революционного тренда для мужчин и женщин – кожанке. Особый статус в послереволюционной России получил платок красного цвета, который носили революционно настроенные представительницы прекрасного пола. Способ ношения платка имел свою особенность – вместо традиционного завязывания узла спереди, как правило, его делали сзади.

Первая общественная газета в Арзамасе родилась ровно сто лет назад в дни Февральской революции. Называлась эта газета «Известия Арзамасской городской Думы», а с третьего номера – «Известия Арзамасского Общественного комитета». Первый номер издания вышел 4 (17) марта. Именно этот день можно считать Днем арзамасской печати [4, с. 15]. На выставке представлены первый и четвертый номера издания.

В данном тематическом разделе выставки представлен уникальный экспонат из фондов музея – один из первых номеров газеты большевиков «Молот», правопреемником которого позднее признали «Арзамасскую правду». Газета пропагандировала действия Советской власти и разоблачала контрреволюционную сущность действий буржуазии. Кроме местных газет, экспонируются и экземпляры губернских изданий 1917 г.

Двадцать седьмого ноября 1919 г. арзамасские комсомольцы выпустили первый номер своей еженедельной газеты «Авангард». *«Нам важно,* – писала газета, – *чтоб каждый член комсомола правильно мог ориентироваться в текущем моменте, чтобы он с сознанием подхватывал лозунги Коммунистической партии и находил пути их претворения в жизнь»*. Мы представляем несколько экземпляров «Авангарда».

Большой интерес посетителей вызывают подлинные агитационные брошюры и документы, выпущенные в Арзамасе в революционные годы: «Первая конференция коммунистов Арзамасского уезда», «Воззвание о проведении партийной недели Арзамасским уездным комитетом РКП (б)», «Протокол 2 съезда Арзамасского уездного совета по народному образованию», «Хронология Арзамасского городского районного объединения российского коммунистического союза молодежи». Многие из них открыты публике впервые. Посетители выставки имеют уникальную возможность познакомиться с представленными печатными изданиями не через стекло витрины, а «вживую»: полистать, почитать

интересующий экспонат. Это позволит наиболее полно погрузиться в революционные события и понять, чем жил город в те переломные дни.

В 1918 г. в Арзамасе началось постепенное претворение в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства от 23 января 1918 г. Орудием его воплощения в Арзамасе стал Уездный отдел по отделению церкви от государства. В функции отдела входило описание церковного имущества и его передача в ведение местных Советов [5, с. 11]. Символом дальнейшей драматической судьбы арзамасских храмов является представленная на выставке инсталляция «Взрыв Троицкой колокольни». В ее основе – фотография потомственного арзамасского мастера Л. Сажина, сделанная в 1929 г. Трагизм и в то же время реальность происходящего создают лежащие в руинах храма чудом уцелевшие от переплавки колокола и церковная хоругвь (***Приложение 6, фото 1***).

В годы Гражданской войны молодая Республика Советов оказалась в кольце вражеских фронтов. Нижегородская губерния находилась на военном положении. В августе 1918 г. была объявлена всеобщая мобилизация в ряды Красной Армии. Подготовка к ней началась и в Арзамасе [2, с. 236]. Этим событиям посвящен следующий раздел выставки. Фотография Штаба Красной гвардии, располагавшегося в здании по ул. Мостовой, д. 9 (ныне ул. Володарского), уникальный документ – инструкция № 2 по образованию Красной гвардии, личные вещи и документы первого командира нового воинского подразделения, а позднее и уездного военкома М.Е. Чувырина помогают представить процесс формирования новых вооруженных сил Советской республики. Здесь же представлены личные вещи участников Гражданской войны, вызывающие большой интерес у посетителей – портсигар М.Е. Чувырина с наградной гравировкой, планшет уездного комиссара по военным делам Ф.И. Бесова, буденовка и кобура к револьверу системы «Наган» (***Приложение 6, фото 2***).

Во второй половине августа 1918 г. по решению Реввоенсовета Республики штаб Восточного фронта передислоцировался в Арзамас: город занимал удобное стратегическое положение, имел железнодорожное сообщение с крупнейшими городами страны. Под штаб было занято здание бывшего Духовного училища. В Арзамас шли директивы Реввоенсовета, отсюда осуществлялось руководство боевыми действиями, здесь формировались новые полки и дивизии. В город приезжали видные представители большевистской партии и военного руководства страны. Командующим штабом Восточного фронта стал Иоаким Вацетис [6, с. 178]. На выставке представлены фотографии здания Духовного училища и главкома И.И. Вацетиса. Среди экспонатов особо выделяется телеграмма в штаб Восточного фронта, датированная 15 октября 1918 г., подписанная В.И. Лениным и Я.М. Свердловым.

Тему работы в городе прифронтовой, а позднее уездной Чрезвычайной комиссии, занимавшейся борьбой с контрреволюцией и спекуляцией, раскрывают представленная на выставке фотография 1918 г. сотрудников штаба прифронтовой ЧК и фотокопия приказа № 21 местной ЧК о сдаче биноклей гражданами Арзамаса.

О судьбе известной в городе купеческой семьи Бебешиных и деятельности местных чекистов рассказывает уникальный экспонат выставки – ситцевый платок с изображением революционных вождей.

Заключительный раздел выставки мы назвали «Историческая память». Почти 80 лет каждое 7 ноября вся наша огромная страна отмечала очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В честь этого великого события истории XX века назывались села, улицы, предприятия и кинотеатры. День 7 ноября в эти годы считался выходным, «красным» днем календаря. (В 1996 г. праздник был переименован в День примирения и согласия, а с 2005 г. этот день перестал быть выходным).

Главным мероприятием праздника была демонстрация трудящихся, которая проходила во всех населенных пунктах страны – от столицы до поселкового центра. В этот день повсюду проходили торжественные мероприятия, праздничные концерты, выставки. Арзамас не был исключением. В разделе экспонируются редчайшие фотографии 1919 г. о праздновании второй годовщины Октября на Соборной площади Арзамаса. Здесь же представлен настоящий раритет – приглашение Арзамасского Совета Депутатов от 23 октября 1919 г. на торжественное заседание, посвященное кануну второй годовщины Рабоче-крестьянской революции. Дополняют тему и фотографии демонстраций трудящихся разных лет, проходивших в Арзамасе. Большой интерес для посетителей представляют вещевые экспонаты: сувенирная продукция арзамасских промышленных предприятий; приглашения и праздничные открытки советского периода; детские работы, посвященные празднику Октября.

С октября 2017 г. выставку посетили около двух тысяч человек. Среди них старшеклассники городских и районных школ, студенты колледжей и вузов. Большой интерес к выставке проявляют и гости нашего города – жители Нижнего Новгорода, Москвы, Чебоксар, Кирова.

Безусловно, высокая степень наглядности исторической экскурсии является убедительной иллюстрацией к материалу учебника. Высокая степень эффективности в изучении данного исторического периода обеспечивается подлинностью представленных экспонатов, их достоверностью и интерактивной подачей материала.

Надеемся, что выставочной проект музея «Арзамас в годы революций и Гражданской войны» для многих посетителей станет началом работы по историческому самообразованию.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1.

2. История Арзамаса / авт. колл.: О.В. Воробьева, В.И. Грубов, А.Л. Егошин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов; Арзамасский филиал ННГУ. – Саранск, 2015.

3. Арзамас: Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / [отв. ред. А.Л. Гельфонд]. – Н. Новгород, 2013.

4. Булыгин В. Арзамас в семнадцатом году // Арзамасские новости. – 2017. – 10 марта.

5. Потороев А.В. Разоренные храмы. Очерки Арзамасского богоборчества. – М., 2006.

6. Берзиньш В.А. Революционные Латышские стрелки. 1917-1920. – Рига, 1980.

УДК 94(470.3)

ЛИЧНОСТЬ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 Г. В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ: М.И. СУМГИН

PERSONALITY IN THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 IN NIZHNY NOVGOROD PROVINCE: M.I. SUMGIN

Е.А. Давыдова[1], И.А. Субботина[2]

E.A. Davydova, I.A. Subbotina

[1] Арзамасский политехнический институт (филиал)
Нижегородского государственного технического университета,
факультет машиностроения, приборостроения и
информационных технологий, студентка
E-mail: Liza_6996@mail.ru;

[2] Арзамасский политехнический институт (филиал)
Нижегородского государственного технического университета,
кафедра «Экономика и управление в машиностроении»,
кандидат исторических наук, доцент
607227, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Калинина, д. 19
E-mail: subbotina.irina.alex@yandex.ru

Аннотация: В статье кратко освещается вопрос о роли личности в истории Нижегородской губернии 1917 г.: рассмотрена деятельность М.И. Сумгина (1873-1942) в качестве губернского комиссара Временного правительства.

Ключевые слова: Временное правительство, Губернский комиссар, личность, должность.

Summary: The article briefly addresses the issue of the role of personality in the history of Nizhny Novgorod province in 1917: the activity of M.I. Sumgin (1873-1942) as Provincial Commissar of the Provisional government.

Key words: The Provisional government, Provincial Commissar, personality, the post.

Февральская революция 1917 г. имела следствием как смену формы правления России, так и появление новой структуры органов власти. Главной фигурой на местах, включая Нижегородскую губернию, стали губернские комиссары (далее по тексту – гуком) Временного правительства, заменившие собой губернаторов. Основной функцией гукомов было провозглашено выполнение роли связующего звена между населением губернии и Временным правительством. Первым гукомом Нижегородской губернии стал Павел Аркадьевич Демидов, председатель губернской земской управы, член партии кадетов.

К середине лета 1917 г. нижегородские Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стали выражать открытое недовольство деятельностью кадетов на крупных губернских постах. После «добровольной» отставки П.А. Демидова 25 июля 1917 г. на заседании исполкома *«единственным кандидатом на пост Гукома»* был признан представитель эсеровской партии Михаил Иванович Сумгин, *«которого собрание подавляющим большинством голосов и утвердило»*. После этого было решено *«срочно телеграфировать Временному правительству о состоявшемся постановлении Комитета и просить об утверждении Сумгина в должности комиссара»* [1, д. 11, л. 59 об.]. В этой связи интересным было бы обратить внимание на малоизвестный факт: наличие еще одного претендента на пост гукома. Двадцать первого августа 1917 г. на имя министра внутренних дел была получена телеграмма, подписанная помощником губернского комиссара Нижегородской губернии, членом кадетской партии Георгием Робертовичем Килевейном [2, с. 143]. В телеграмме говорилось, что именно ему было предложено исполнять обязанности комиссара с 31 июля. Двойственная ситуация требовала своего разрешения. Г.Р. Килевейн писал главе МВД: *«Если Вам будет угодно возложить обязанности губернского комиссара на меня, то я могу принять их на себя»* [3, д. 116, л. 102]. Однако этого не произошло.

Путь М.И. Сумгина к высшей должности представителя Временного правительства в губернии был стремительным. По мнению чиновников МВД, его фигура как нельзя лучше подходила для исполнения обязанностей руководителя периода революции. Первое упоминание о будущем губернском комиссаре в документах фонда комиссара Временного правительства относится к 28 апреля 1917 г., когда он был поставлен во главе уезда: *«Русинов освобожден [от] обязанностей Лукояновского уездного комиссара. Вместо него назначен Сумгин, о чем им сообщите»* [4, д. 21, л. 60]. Процитированная телеграмма, отправленная из МВД, была подписана товарищем министра Щепкиным. Следовательно, личность назначенного уездного комиссара (узкома, по терминологии того времени) вполне удовлетворяла правительство по всем параметрам. Вообще, документы не содержат свидетельств о недостатках в исполнении М.И. Сумгиным функций главы уезда, каких-либо жалоб на него как руководителя (что было в других уездах) не отмечено. Все это можно отнести к плюсам при оценке его личности. Позитивные моменты деятельности узкома были замечены, поскольку всего два месяца спустя он был переведен на новую должность. В телеграмме, полученной в Лукояновском уезде 20 июня, сказано: *«Уведомляю Земельный Комитет, что приказом по Министерству Земледелия от 16 июня 1917 г. за № 43, Михаил Иванович Сумгин назначен представителем министра земледелия в составе Нижегородского Губернского Земельного Комитета»* [5, д. 3, л. 3]. Далее следовала приписка о годовом размере его содержания. Сумма была весьма внушительной по тем временам, она на 30 % превышала жалование председателя этого комитета.

Наконец, на пост губернского комиссара кандидатуру М.И. Сумгина исполком выдвинул, руководствуясь не только доверием столичного правитель-

ства к Михаилу Ивановичу, но и проводимой им в уезде политикой. К тому же, одним из главных его достоинств видели в партийной принадлежности Сумгина (социалист-революционер). В конечном счете, его и признали «единственным кандидатом на пост губернского комиссара» и утвердили большинством голосов.

Официальной датой отстранения П.А. Демидова с поста губернского комиссара можно считать 6 августа, когда была получена телеграмма из МВД за подписью Щепкина, обращенная к М.И. Сумгину, гласящая: *«Демидов освобожден [от] обязанностей Нижегородского Гукома, и временно исполнение обязанностей этой должности возложено на Вас»* [4, д. 73, л. 119]. Это еще не означало официального назначения Сумгина, поскольку объявление для населения (в виде приказа) о смене главы губернии последовало только 29 августа. Следовательно, около 20 дней М.И. Сумгин был лишь исполнявшим обязанности губернского комиссара. Это можно подтвердить и тем, что документы в период с 26 июля по 28 августа 1917 г. подписывались и Г.Р. Килевейном, и А.А. Булгаковым (управляющим Нижегородской Казенной палатой) с ремаркой *«за Гукома»* [4, д. 20, л. 237].

Как губернский комиссар – чиновник высокого ранга – М.И. Сумгин более тщательно, чем П.А. Демидов, относился к канцелярским делам: все его бумаги были в порядке, подписи разборчивы. В отличие от П.А. Демидова, его преемник в случае отъезда из губернии по делам службы всегда оставлял письменное распоряжение о передаче функций комиссара А.А. Булгакову с пометкой *«временно, впредь до моего возвращения»* [4, д. 22, л. 57]. Копии таких распоряжений он отправлял и в МВД, и в Нижегородское губернское правление. По возвращении гукома эти органы также ставились им в известность.

Окончание деятельности М.И. Сумгина в качестве губернского комиссара номинально можно отнести к 11 декабря 1917 г. Именно этим числом датирован первый официальный документ, подписанный представителем Советской власти.Однако, тот уже 29 октября в ответ на вопрос «какая власть в городе?» заявил: *«В Нижнем Новгороде власть находится в руках большевистского ревкома»* [6, с. 414]. Нижегородскую ситуацию, сложившуюся после победы Октября, можно признать уникальной, поскольку *«это выразилось в соглашении Нижегородского Совета с бывшим губернским комиссаром эсером М.И. Сумгиным, который занял лояльную позицию в отношении Октябрьской революции, признал власть Советов под руководством большевиков и до декабря 1917 г. сотрудничал с ними»* [7, с. 291]. Следующий руководитель губернии, именовавшийся уже как Нижегородский губернский народный комиссар, вступил в должность в середине декабря *«на основании полномочий, данных… Нижегородским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и в силу декретов Совета Народных Комиссаров»* [8]. Исполняющий обязанности гукома был предупрежден, что *«на пост Нижегородского губернского комиссара избран гражданин Сибиряков»* [9, с. 2].

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1887. Оп. 1.

2. Субботина И.А. К вопросу о должности Губернского комиссара Временного правительства // Наука в центральной России. – 2013. – №45. – С.142-144.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2.

4. ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1.

5. ЦАНО. Ф. 250. Оп. 1.

6. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 1. 1891-1918 / В. Фадеев, П. Шульпин, А. Парусов. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1961.

7. История города Горького. Краткий очерк. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1971.

8. Нижегородский губернский комиссар (Временного правительства). Воззвание В. Сибирякова об охране порядка в городе и губернии (Листовка). – Нижний Новгород, 1917.

9. Нижегородский листок. – 1917. – 20 декабря (№ 296).

УДК Г378.4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРИАДНЫ ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС В 1917-1918 гг.

THE POLITICAL ACTIVITIES OF ARIADNA TYRKOVA-WILLIAMS IN 1917-1918

А.Е. Смирницкий[1], А.И. Кузнецова[2]

A.E. Smirnitsky, A.I. Kuznetsova

[1] Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

E-mail: ya.alex-smir1974@yandex.ru;

[2] Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, факультет гуманитарных наук, студентка

Аннотация: Статья посвящена политической деятельности Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс в 1917-1918 гг. Особое внимание уделяется ее воспоминаниям о революционных событиях, а также ее участие в партийной работе в данный период.

Summary: The article is devoted to the political activities of Ariadna V. Tyrkova-Williams in 1917-1918. Particular attention is paid to her memories of the revolutionary events as well as her participation in the work of the party in this period.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, Дума, Временное правительство, кадеты.

Key words: The February Revolution, the October Revolution, the Duma, the Provisional Government, the Cadets.

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869-1962) – общественно-политический деятель, представитель русской дореволюционной либеральной оппозиции, член ЦК Конституционно-демократической партии, депутат Государственной Думы, писатель, критик, публицист. Она являлась также активным участником женского освободительного движения.

Начало Февральской революции Ариадна Владимировна приветствовала, как и многие в России. С падением самодержавия народ связывал надежды на светлое будущее и улучшение своего положения. Утро 27 февраля в Думе Тыркова так описала в своем дневнике: *«Депутаты лениво бродили, лениво толковали о роспуске. "Что же вы думаете делать? – Не знаем. Что улица? Кто ею руководит? – Не знаем". Было тяжело смотреть. "Ведь вы все-таки, господа, народные представители, у вас положение, авторитет". Жмутся».* *«Необходимо,* – считала Тыркова, – *чтобы сейчас же кто-то взял в свои руки солдат, иначе это может вылиться в солдатский бунт»* [1, с. 94].

Тыркова понимала необходимость коренных перемен в общественной жизни, но считала, что страна не должна падать в пучину анархии. По ее мнению, организующей силой в данной обстановке могла стать партия Народной Свободы [2, с. 327]. Ариадна Владимировна в эти дни как никогда нуждалась в поддержке близких. Ее сын Аркадий Борман в эти месяцы всегда был с матерью. Именно с ним в первые минуты революции Ариадна Тыркова отправилась в Таврический дворец. Аркадий Борман вспоминает: *«Вначале я беспокоился за безопасность мамы и уговаривал ее уйти из Думы. Но, конечно, это были безрезультатные уговоры. Не таков был характер мамы, чтобы она могла согласиться сделать что-нибудь для избежания опасности. Мама молчаливо ходила по знакомым ей залам Таврического Дворца, делая только иногда отрывистые замечания. Ей не нравилась эта солдатская толпа. А солдаты все прибывали и прибывали…»* [3, с. 124]. Во дворце Тырковой сообщили об образовании Комитета Государственной Думы. Сама Ариадна Владимировна вошла в продовольственную комиссию, созданную Временным комитетом Государственной Думы и Советом рабочих и солдатских депутатов. Ей было поручено заняться питанием солдат, которые быстро заполняли дворец. *«Если мы этого не сделаем, то они попадут в руки другим»*, – говорила Тыркова [3, с. 126].

Летом 1917 г. Ариадна Владимировна Тыркова стала депутатом Петроградской городской Думы, где фактически руководила кадетской фракцией. Еще в марте 1917 г. Временное правительство признало равноправие мужчин и женщин в политической сфере общества, изменив прежний закон о выборах в учреждения подобного рода. Но в обществе еще был устойчив стереотип о роли женщины – большинство продолжало считать, что место женщины дома, а не на политической арене. Данные статистики подтверждают этот факт: по итогам выборов в мае-августе 1917 г. в городской Думе Петрограда из 200 депутатов было всего 10 женщин (т.е. 5% от общего числа депутатов) [4, с. 108]. Тем не

менее, Ариадна Владимировна все же смогла оказаться в их числе. Деятельность А.В. Тырковой в первые месяцы проходила в обычной для нее обстановке. Ее сын Аркадий вспоминал: *«Мамина главная деятельность сводилась к работе в кадетской партии. Прежде всего, к участию в заседаниях Центрального Комитета, теперь уже с министрами. Разговоры дома постоянно касались борьбы Совета Рабочих и Солдатских депутатов с Временным Правительством и обсуждения слабостей Временного Правительства»* [3, с. 128].

Не оставляла Ариадна Владимировна и публицистическую деятельность. Центральным Комитетом Тырковой было поручено вести свое кадетское бюро печати и рассылать статьи по провинциальным газетам. В одной из политических записок того времени (от 17 июля 1917 г.) Тыркова пишет: *«Третьего дня прочла в газетах, что исполнительный комитет* [Совета солдатских депутатов] *собирается послать семьдесят ораторов в армию. Вспомнила, как в начале революции поехали в армию их толкователи политики, и мы знали, твердо знали, что эти посланцы несут с собой гибель, разложение и смуту. И не кричали, не сумели вступить в бой, не пустить их, или, хотя бы, разъяснить смысл, всю государственную опасность их пропаганды. Слабость, растерянность, или что иное, но все-таки мы этого не сделали. Неужели и теперь, когда армия разлагается на наших глазах, мы этого не сделаем?»* [3, с. 129].

Отношение Тырковой к новой революционной власти можно объяснить нежеланием принять и саму эту власть и ее политические методы. *«Я признаю только Думу, и никаких Советов»*, – говорила она [3, с. 125]. Однако надежды на мирный выход из глубокого политического, экономического и социального кризиса рухнули, и пришло осознание невозможности сотрудничества с леворадикальными партиями и организациями. Тыркова постепенно пришла к выводу, что спасти Россию способна лишь военная диктатура. Она оказалась в рядах активных сторонников корниловского выступления. Одновременно она поддерживала и любые попытки соглашения с представителями демократического лагеря. *«*[Петроградская городская] *Дума занималась не только вопросами городского хозяйства, в ней постоянно обсуждались и вопросы политические, и отражалась борьба, которая велась между социалистическими партиями и кадетами. В период Временного Правительства, т.е. между мартом и октябрем 1917 года, в России существовала только одна не социалистическая партия – кадетская. И в этой борьбе в Городской Думе мама заняла руководящее положение»*, – так описывал Аркадий Борман положение в Петрограде, в стране и отношение к нему Тырковой [3, с. 132]. Параллельно Ариадна Владимировна активно работала в ЦК партии, делала доклады о положении в армии, а также об обстановке в стране в целом. Кроме того, она много печаталась в различных кадетских изданиях как с отчетами о работе ЦК, так и с публицистическими произведениями [5, с. 68].

Участие кадетов во Временном правительстве было решающим этапом в деятельности партии. Кадеты теряли свой авторитет среди массы населения, а методы укрепления власти, которыми они пользовались, устарели и были уже бесполезны. Ариадна Тыркова вспоминала: *«Немногие месяцы существования*

Временного правительства были для кадетской партии периодом ее наиболее напряженной деятельности. Я не скажу – расцвета» [6, с. 39]. Тыркова в своих воспоминаниях оценивает кадетов как добросовестных и начитанных, преданных России людей. В то же время она отмечает, что кадеты не в силах были справиться с отведенной им исторической ролью. Тыркова объясняет это тем, что создавшиеся в стране условия были совершенно неподходящими *«для кадетской психологии»* [6, с. 39]. Из протокола заседания ЦК кадетской партии от 20 августа 1917 г. мы можем выявить отношение А.В. Тырковой к вопросу о разочаровании народа в кадетской партии: *«В обострении вражды к к*[онституционным] *д*[емократам]*, может быть, сыграло роль то, что они не дали почувствовать массам, что для них идеалы социальной справедливости так же дороги, как и блага политической свободы. Мы вписали эти идеалы в нашей программе, но не в сердце своем, и это печально. В низах живет инстинктивное, но огромное чувство справедливости, и во многих своих социальных требованиях они совершенно правы. Мы знали, что в благах политической свободы мы получили самое ценное, а они еще это должны понять»* [7, с. 31].

В сентябре 1917 г. в числе других членов ЦК Тыркова представляла кадетскую партию в Предпарламенте, дала согласие на выдвижение своей кандидатуры в члены Учредительного собрания, хотя и не верила в его успех.

Несмотря на то, что события октября 1917 г. А.В. Тыркова восприняла как общенациональную трагедию, она не перестала бороться за те идеи, в которые верила. Первые два месяца Советской власти прошли для нее под эгидой выборов в Учредительное собрание. Она постоянно выступала на митингах, была выдвинута партией кандидатом в депутаты Учредительного собрания по двум губерниям – Новгородской и Екатеринославской, но в обеих потерпела поражение. Ее соперником по Новгородской губернии был Л.Д. Троцкий.

О выборах в Учредительное собрание А.В. Тыркова писала в своем дневнике: *«Воображали,* – отмечала она, – *что кадетов будет не меньше ста пятидесяти, что они смогут иметь какое-то численное значение. Строились также парламентские расчеты о коалиции сил»* [8, с. 61]. Кадетская партия развернула широкую агитационную кампанию в Петрограде, Москве и других крупных центрах страны. Проводились многочисленные митинги, где вместе с А.В. Тырковой выступали виднейшие лидеры партии: В.Д. Набоков, М.М. Винавер, П.Д. Долгоруков, Ф.Ф. Кокошкин, Н.Н. Кутлер, Б.Э. Нольде, А.И. Шингарёв, В.А. Степанов и др.

Двадцать восьмого ноября 1917 г., в день предполагавшегося открытия Учредительного собрания, заметив, что контроля выборов не проводилось, она записала: *«Я не могу ни писать, ни говорить об Учредительном собрании. Я не верю в него. Никакие парламентские пути не выведут теперь Россию на дорогу. Слишком все спутано, слишком темно. И силы темные лезут, собрались, душат»* [3, с. 141].

После Октября члены кадетской партии развернули активную подпольную работу, пытаясь, по выражению В.И. Ленина, *«из юнкеров, из офицеров, из сынков помещиков и капиталистов образовать белую гвардию против рабоче-*

крестьянской революции» [8, с. 54]. В организации офицерских отрядов в Петрограде принимала активное участие и А.В. Тыркова. Вместе с другими кадетами она искала деньги для отправки на Дон, снаряжала бегущих туда «добровольцев». Квартира Тырковой в Петрограде стала своего рода перевалочным пунктом для отправки людей на Дон. Сама хозяйка помогала доставать документы и штатское платье для юнкеров и офицеров, а также для участниц пресловутого женского батальона, многие из которых *«хорошо исполняли разные поручения, разъезжая в штатском по всей России»* [8, с. 55].

По отношению к установившемуся большевистскому режиму Тыркова сразу заняла непримиримую позицию. Вместе с Изгоевым, Иваном Лукашем и группой других журналистов, она начала издавать антибольшевистскую газету. Представители советской власти конфисковали номера, закрывали типографии, но газета выходила снова под другим названием и в другой типографии. В ноябре 1917 г. вышли выпуски номеров газеты «Борьба», призывавшей к активному сопротивлению советской власти. *«“К оружию, граждане, к оружию!” – этот рефрен звучал в опубликованных в ней обращениях к народу»* [8, с. 51]. С декабря 1917 г. по март 1918 г. Тыркова вела совершенно непривычную для себя жизнь. *«Ее родной город – Петроград – становится страшным городом-призраком и вместе с ним ее жизнь также становится все более призрачной. Советская власть закрывает Городскую Думу»* [3, с. 145].

После декрета СНК от 28 ноября 1917 г., объявившего кадетов *«партией врагов народа»*, а их лидеров – вне закона, Тыркова, оказавшись под угрозой ареста, вынуждена была перейти на полулегальное положение. Тем не менее, в ноябре она выезжала на несколько дней в Москву, участвовала вместе с П.И. Новгородцевым и С.А. Котляревским в конспиративных заседаниях Московского отдела ЦК кадетской партии.

В день открытия Учредительного собрания 5 января 1918 г. она оставила в дневнике запись: *«День Учредительного собрания, тягостный, душный день. Не хочется никуда идти, и не потому, что стреляют, а потому что не понять, в кого, кто и почему стреляет? Я, презирая социалистов, вижу бессилие, ошибки, неподвижность своих друзей. Россия должна выдвинуть какие-то совсем новые силы или погибнуть»* [3, с. 146]. После разгона Учредительного собрания Тыркова и ее муж, английский журналист Г. Вильямс, еще некоторое время жили в Москве, где безуспешно пытались вступить в контакт с какими-либо центрами сопротивления Советской власти. В марте 1918 г. они выехали через Мурманск в Англию [9, с. 741].

Позже она переехала в США, где закончила и издала свои мемуары. В Америке, в художественной квартире Добужинского, которую она снимала, вокруг А.В. Тырковой собирался новый политический центр – Русский политический комитет, возглавлявшийся Б.В. Сергиевским. Обычно заседания проходили у Ариадны Владимировны. Обсуждали вопрос о том, *«как сделать борьбу с большевиками более эффективной»* [5, с. 69]. Кроме того, Тыркова продолжала заниматься журналистикой: печаталась в «Возрождении» (Париж) и «Новом Русском слове» (Нью-Йорк), работала над воспоминаниями. Последняя ее ста-

тья вышла в 1960 г., когда ей был 91 год. Практически до конца дней она вела активный образ жизни. Двенадцатого января 1962 г. Ариадна Владимировна умерла.

Таким образом, политическая карьера Ариадны Владимировны Тырковой сложилась в революционной обстановке, более того, в контексте того времени, когда женщине в России участвовать в политической жизни страны не представлялось возможным. Несмотря на все это, Тырковой удалось стать независимой с политической точки зрения женщиной. Тыркова приобрела авторитет в профессиональной и общественно-политической деятельности, добилась назначения на один из руководящих постов внутри конституционно-демократической партии. Во время выборов в Учредительное собрание она была среди наиболее известных депутатов партии. Между тем, активно участвуя в деятельности конституционных демократов с самого начала функционирования партии, Ариадна Владимировна, как и все женщины в Российской империи в период 1905-1917 гг., была лишена каких бы то ни было политических прав и не имела возможности полноценно реализовать себя в политической жизни страны, т.е. быть избранной в Государственную Думу.

Источники и литература

1. Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. – М., 1988. – 246 с.

2. Тыркова А.В. Петроградский дневник // Звенья. Вып. 2. – М., 1991.

3. Борман А. Тыркова-Вильямс А.В. по ее письмам и воспоминаниям сына. – Лувен, 1964. – 453 с.

4. Женский вестник. – 1917. – № 9/10.

5. Карабанова А.М. А.В. Тыркова – женщина-лидер кадетской партии: особенности социализации и политической карьеры // Женщина в российском обществе. – 2005. – № 3-4. – С. 60-72.

6. Думова Н.Г. Кончилось ваше время. – М., 1990. – 336 с.

7. История России. 1917-1940: хрестоматия / сост. В.А. Мазур и др.; под ред. М.Е. Главацкого. – Екатеринбург, 1993.

8. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. – М., 1982. – 416 с.

9. Российский либерализм: идеи и люди. – 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. – М., 2007. – 904 с.

УДК 908

ЧЕМУ УЧАТ УРОКИ ИСТОРИИ? К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (обзор архивных документов и материалов СМИ)

WHAT IS TAUGHT THE LESSONS OF HISTORY? TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION (a review of archival documents and media materials)

С.Н. Потанин
S.N. Potanin
Краевед, депутат Красносельского сельсовета
Арзамасского муниципального района
607250, Нижегородская обл., Арзамасский район, с. Красное,
ул. Первомайская, д. 4
E-mail: akm-snp@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе архивных документов и обзора СМИ рассматриваются причины Великой Октябрьской социалистической революции, ее величие и значимость для мировой истории, отношение к ней и ее актуальность с позиций современной действительности.

Ключевые слова: монархия, Первая мировая война, разруха, Февральская и Октябрьская революции, СССР, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства, экономические достижения, перестройка, предательство национальных интересов, распад СССР, Российская Федерация, экономические кризисы, социальное неравенство.

Summary: In article on the basis of archival documents and media review discusses the causes of the great October socialist revolution, its greatness and significance in world history, the attitude towards it and its importance from the standpoint of contemporary reality.

Key words: the monarchy, First World war, the devastation, the February and the October revolution, the Soviet Union, the Great Patriotic war, the restoration of the national economy, economic achievements, alteration, betrayal of national interests, the collapse of the Soviet Union, the Russian Federation, economic crises, social inequalities.

Вот и прошел уже целый век, как совершилось событие, оставившее неизгладимый след в истории всего человечества. Этим событием стала Великая Октябрьская социалистическая революция. Отношение к ней в мире неоднозначно. Одни считают, что она отбросила Россию назад и была не нужна совсем. Другие утверждают, что лидеры этой кровавой революции и сами были кровожадными, а потому она не заслуживает именоваться великой, социалистической и подлежит забвению. Третьи, которые по поводу этого события сегодня особенно злобствуют, требуют не забвения, а постоянного ее «обличения». В своей ненависти к ней, нагло перевирая достоверные исторические факты, они искажают саму суть Октябрьской революции, а также ее предпосылки, цели, задачи и итоги. Основное же большинство населения воспринимает Октябрьскую революцию действительно как Великую и социалистическую, совершенную во имя трудящихся и социальной справедливости. Для ответа на

вопрос, нужна ли она была в 1917 г. и для понимания того, что сейчас происходит в обществе, и чему нас учат уроки истории, следует обратиться к ниже приведенным источникам.

В своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» известный американский писатель Джон Рид писал: *«Рассматривая растущую популярность большевиков, необходимо понять, что развал русской экономической жизни и русской армии совершился не 7 ноября (25 октября) 1917 г., а много месяцев раньше, как неизбежное, логическое следствие процесса, начавшегося в 1915 г. Продажные реакционеры, державшие в своих руках царский двор, сознательно вели дело к разгрому России, чтобы подготовить сепаратный мир с Германией. Теперь мы знаем, что и нехватка оружия на фронте, вызвавшая катастрофическое летнее отступление 1915 г., и недостаток продовольствия в армии и в крупных городах, и разруха в промышленности и на транспорте в 1916 г. – все это было частью гигантской кампании саботажа…»* [1, с. 9].

Социальная хроника 1917 г.

День 1 января в 1917 г. выпал на воскресенье. Пережив почти 900 дней бессмысленной для народа войны, страна была изнурена человеческими утратами, развалом экономики, падением производства, недородом и заброшенностью полей. Если до начала войны, в 1913 г., урожай достигал 6 млрд. пудов (примерно 100 млн. тонн), то за 1916 г. не собрали и половины того – 2.950 млн. пудов. День ото дня ужесточался продовольственный кризис. В столице в январе муки оставалось на 10 дней, мяса уже не было вовсе. Длинные «хвосты» очередей у торговых лавок, в глазах людей злое отчаяние. Из январских донесений охранки: *«Матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в "хвостах" у лавок, исстрадавшиеся при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем господа Милюковы, Радичевы и К°, и, конечно, они гораздо опаснее, т.к. представляют тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар»* [2, с. 2].

В 12-ю годовщину Кровавого воскресенья – расстрела мирной демонстрации перед Зимним дворцом – листовка московских большевиков писала: *«Жива и не умрет среди рабочих память о царском преступлении 9 января 1917 года. Тысячи рабочих освятили этот день своей кровью, и стало 9 января днем трепета для убийц, днем борьбы и надежд для пролетариата»* [2, с. 2]. Призыв большевиков был услышан – 30 тыс. рабочих, покинув цеха, вышли на московские улицы. В Питере рабочие ознаменовали эту дату массовой стачкой, в которой участвовало до 145 тыс. человек. Волна демонстраций прокатилась и по другим городам: Баку, Нижний Новгород, Воронеж, Харьков, Ростов-на-Дону… В сообщении владимирского губернатора говорилось: *«Озлобление в некоторых, особенно фабричных, районах едва сдерживается. Забастовочное движение на фабриках приняло упорный характер и влечет за собой более чем тревожные настроения среди фабрикантов. Ореховские и ивановские фабриканты испытывают едва ли не панический страх за судьбу свою и своих предприятий»* [2, с. 2]. Петроградское охранное отделение сигнализировало: *«Идея*

всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой была и в 1905 году» [2, с. 2].

Начиная с января 1917 г. в России не стихали забастовки рабочих. Только в Петрограде прошли следующие крупные акции: *«11 января – забастовка рабочих завода Коппеля; 12 января – забастовка рабочих завода Русско-Балтийского общества и ситценабивной фабрики братьев Леонтьевых с требованием увеличения заработной платы; 14 января – забастовка рабочих завода Северного акционерного общества железных конструкций с требованием повышения заработной платы; 16 января – забастовка рабочих завода Барановского; 17 января – забастовка рабочих завода Северного акционерного общества железных конструкций и рабочих наждачной фабрики Струна с экономическими требованиями; 17-18 января – забастовка рабочих инструментальной и ремонтной мастерских завода "Айваз" с требованием повышения заработной платы; 18 января – двухтысячный митинг рабочих Петроградского металлического завода, посвященный обсуждению текущего политического момента; 26 января – забастовка рабочих Александровского механического завода в знак протеста против штрафов за отказ работать в сверхурочные часы; 31 января – забастовка рабочих Обуховского завода с экономическими требованиями»* [3, с. 2].

Начинался февраль 1917-го – последний месяц существования Российской империи, которая стремительно разрушалась. Газета «Русское слово» писала: *«В Твери, как сообщает наш корреспондент, уже нет ни белого, ни черного хлеба. Нижегородские мельницы стоят. Даже Сибири, которая, казалось бы, должна задохнуться в невывезенной пшенице, коснулось тлетворное дыхание петроградской анемии. В Томске уже вводят хлебные карточки и слышатся толки о том, что деревня скупает в городах муку, угрожая голодом горожанам. Приближение конца измеряется теперь уже не месяцами, а неделями, может быть, днями. Не сегодня завтра мы станем лицом к лицу с всеобщим и повсеместным кризисом всего: хлеба, мяса, рыбы, овощей…»* [3, с. 2].

В прессе того времени появилось такое понятие, как «кризисы». Кризисы эти были повсеместными и разнообразными: угольный кризис в Киеве, мясной кризис в Тамбове; в Чернигове проводилась реквизиция одеял у населения для госпиталей. В прокламации Ростово-Нахичеванского на Дону комитета РСДРП говорилось: *«…Товарищи, довольно цепи для себя ковать. Мы не можем ждать, пока умрем от голода и холода; мы не будем баранами и не пойдем в царскую бойню ради прихоти кучки паразитов… Если нам суждено умереть прежде времени, то лучше умрем в честном бою в борьбе за свободу, а не в позорной братоубийственной войне…»* [3, с. 2]. Очевидно, что жить по-старому «низы» не могли и не хотели. Как не могли больше по-старому управлять и «верхи». В первые дни февраля председатель Думы М.В. Родзянко разговаривал с царем и сказал ему: *«Я убежден, что не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет Вас…»* [3, с. 2].

В феврале 1917-го рабочие протесты продолжали нарастать: *«8-9 февраля – начались забастовки на ряде заводов Петрограда и Колпина; 10 февраля*

часть заводов города стояла, другая работала только до обеда… К 14 февраля бастовало более 80 тысяч рабочих 58 петроградских предприятий, в том числе Обуховский завод, фабрика Торнтона, "Атлас", "Айваз", "Старый Лесснер", "Новый Лесснер" и др.» [4, с. 2]. Двадцать восьмого февраля в Москве началась всеобщая забастовка. На бывшем Яузском мосту произошло столкновение колонны демонстрантов, во главе которой шли рабочие заводов «Динамо» и Гужоно, с полицией.

Второго марта отряды рабочих и солдат заняли Кремль, Арсенал, вокзалы, почтамт, телеграф, телефон, Госбанк, полицейские участки, градоначальство, охранное отделение. В тот же день в Петрограде было образовано Временное правительство. Николай II подписал отречение от престола. Шестого марта Синод постановил отслужить во всех церквях империи молебны с провозглашением многая лета «Богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству ея». В адрес Временного правительства и Синода со всей России поступали многочисленные приветственные телеграммы от духовенства.

После отречения царя от власти были дарованы политические свободы без национальных и сословных ограничений; стало возможным профсоюзное движение; по формальным признакам Россия стала самой демократической страной в мире. Но экономический и политический кризисы преодолены не были; участие в войне продолжилось; решение крестьянского вопроса отложено; начался распад страны по национальному признаку. Победа Февраля лишь обострила социально-классовые противоречия, назревшие в российском обществе. А потому революционное продолжение было неизбежным. По этому поводу И.В. Сталин в газете «Правда» от 14 марта 1917 г. писал: *«С быстротой молнии двигается вперед колесница русской революции. Растут и ширятся повсюду отряды революционных борцов. В корне расшатываются и падают устои старой власти. Теперь, как и всегда, впереди идет Петроград. За ним тянется, спотыкаясь подчас, необъятная провинция… Удержать завоеванные права для того, чтобы добить старые силы и вместе с провинцией двинуть дальше русскую революцию, – вот какова должна быть очередная задача столичного пролетариата… Ибо ясно само собой, что сила русской революции – в союзе рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели… В этом залог полной победы над темными силами старой России. В этом залог проведения в жизнь основных требований русского народа: землю – крестьянам, заводы – рабочим, демократическую республику – всем гражданам России!»* [5, с. 2].

Третьего апреля 1917 г. в Петроград из эмиграции прибыл В.И. Ленин, на следующий день огласивший свои «Апрельские тезисы». Четырнадцатого апреля тезисы были одобрены на Петроградской общегородской конференции большевиков, а затем приняты VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП (б). Конференция заявила о начале борьбы за осуществление в России социалистической революции. Противники Ленина выступили против «Апрельских тезисов», в которых была изложена программа перерастания Февральской революции в социалистическую. Они отвергли его тезисы о национа-

лизации всех земель, слиянии всех банков в один общенациональный банк и введении над ним контроля со стороны Советов рабочих депутатов. Однако последующие события показали, как большевики за несколько месяцев сумели последовательно воплотить в жизнь составленную Лениным программу перехода к социалистической революции. На VI съезде РСДРП (б), проходившем 26 июля – 3 августа 1917 г., для осуществления социалистической революции был выбран курс на вооруженное восстание. Десятого октября ЦК партии принял резолюцию о подготовке восстания в Петрограде. На закрытом заседании Исполкома Петросовета 12 октября был обсужден вопрос об организации Военно-революционного комитета (ВРК) при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Петроградский ВРК, сосредоточив в своих руках руководство вооруженным восстанием, 25 октября низложил Временное правительство и передал власть II Всероссийскому съезду Советов, открывшемуся в тот же день. Деятельность Петроградского ВРК в качестве чрезвычайного органа Петросовета продолжалась до 5 декабря 1917 г., когда его функции полностью перешли к различным советским органам.

В Арзамасе и Арзамасском уезде установление Советской власти проходило также непросто. Меньшевики, заняв командные посты в Советах, повели агитацию против большевиков. Сторонники прежней власти с молчаливого согласия меньшевиков организовали местный «Комитет спасения Родины и Революции». Семнадцатого ноября 1917 г. арзамасские большевики потребовали немедленного переизбрания городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Меньшевики согласились, рассчитывая на свое большинство и поддержку местной буржуазии. Тем не менее, после переизбрания Совета руководящую роль в нем получили большевики [6, д. 5 а, л. 32 - 37 об.].

Двадцать четвертого ноября 1917 г. в Арзамасе был организован отряд Красной гвардии из 15 человек во главе с Видюльцевым. Военно-революционный штаб объявил Арзамас на военном положении. В декабре 1917 г. отряд Краской гвардии захватил городской банк, для контроля над которым был поставлен комиссар Березин. Затем была захвачена почта – ее стали контролировать Шер и Крылосов. После роспуска городской Думы и Земской управы вся полнота власти оказалась в руках большевиков. Военно-революционный штаб получил большие права. Местный военный гарнизон был демобилизован, а его имущество и оружие перешли в распоряжение штаба Красной гвардии.

Меньшевики и эсеры перебросили свои силы в деревни, где они продолжили свою агитацию против большевиков. В самом же Арзамасе контрреволюционный штаб готовил почву для захвата власти в свои руки. Меньшевики и эсеры, организуя восстания по селам, намеревались оттянуть из города силы Красной гвардии и захватить власть. Такая агитация эсеров и меньшевиков имела некоторый успех в селах Выездном, Новом Усаде, Красном и ряде других. Партийный комитет большевиков, обеспокоенный создавшимся положением, предпринял меры против эсеро-меньшевистской пропаганды в уезде. Им была избрана агитационная комиссия, в состав которой вошли лучшие ораторы-

большевики: П.П. Цыбышев, М.В. Гоппиус, А.Ф. Зыбин, М.Е. Чувырин, Н.С. Березин, А.С. Рязанов и В.И. Согин. Арзамасский комитет РСДРП (б) также организовал через Военно-революционный штаб сотню красноармейцев-добровольцев, которые вместе с агитаторами направлялись в села для усмирения бушевавшего кулачества и проведения агитработы среди крестьян. Эти меры были приняты большевиками весьма своевременно и дали им возможность упредить и ликвидировать эсеро-меньшевистский мятеж в Арзамасе и волнения в ряде сел уезда.

***

Социальная хроника 2017 г.

В январе в Санкт-Петербурге прошли протесты дальнобойщиков, на пропускном пункте Западного скоростного диаметра водители-дальнобойщики на несколько часов блокировали проезды, водители протестовали против платного проезда. В Мурманске 5 тыс. человек подписали петицию против роста цен за проезд, в 30-градусный мороз в центре города состоялся митинг против повышения цен за проезд в общественном транспорте. В Красноярске дольщики обратились с петицией к В.В. Путину с просьбой помочь конструктивно разрешить проблему затянувшейся стройки. Они заявили, что застройщик искусственно создал ситуацию, запускающую процедуру банкротства; пострадавшими являются более чем 400 граждан, в т.ч. с маленькими детьми, а также инвалиды [7, с. 1].

По сообщению Росстата, в последние годы россияне стали есть меньше мяса, рыбы, молочных продуктов и сахара; эти перемены объясняются ростом цен и падением доходов населения. Восьмой месяц в г. Гуково Ростовской области стоит пикет работников четырех затопленных шахт, владельцем которых является ООО «Кингкоул», возглавляемое частным предпринимателем; рабочие стоят в жару и в холод с требованием к властям выдать задолженность по зарплате за полтора года в размере 340 млн руб. В города Ростовской области Гуково, Зверево, Красный Сулин были направлены наряды полиции и казачества. С 15-го по 27 декабря 2016 г. проводилась репрессивно-карательная операция против тех, кто заявил о своих законных требованиях. В результате двое участников оказались на больничной койке в тяжелом состоянии; всего же за время пикета умерло шесть трудоспособных мужчин. Фермерам Краснодарского края местная власть запретила оказывать помощь шахтерам [8, с. 1].

В Новороссийске закрывают местный вагоноремонтный завод, 448 человек лишатся работы. Бывшим сотрудникам завода не выплачивают часть заработка еще с 2014 г. Некоторые работники живут в ведомственных домах, принадлежащих предприятию, т.е. люди рискуют остаться не только без заработка, но и без жилья. Вагоноремонтное предприятие является единственным на юге России, когда-то завод был гордостью СССР. Учреждение буквально немного не дотянуло до своего 125-летия. Причиной закрытия, как пояснили собственники, стала нерентабельность производства. На данный момент большинство цехов завода являются опечатанными. В Новотроицке Оренбургской области строители объявили вторую голодовку; люди третьи сутки дежурят у офиса генподрядчика, но

результатов пока нет. История началась еще в октябре прошлого года. Бригада строителей возвела два многоэтажных дома, но деньги за проделанную работу не получила. Фирма «Ремонтно-строительный центр» задолжала людям более 1 млн руб., и строители до сих пор сидят без денег [9, с. 1].

Эксперты Российской академии народного хозяйства по итогам опроса 3,5 тыс. россиян подготовили исследование «Риски бедности и ресурсы домохозяйств». Согласно результатам анализа, риск оказаться бедными имеет 28,8% населения. Бедными официально признаются лица, имеющие душевой доход менее 9.956 руб. в месяц. Беднеют россияне в основном из-за снижения реальных денежных доходов. Около 70% россиян, даже считающихся обеспеченными, в прошлом году экономили на всем: 75% – на одежде и обуви, 68% – на продуктах питания, 57,7% – на отпуске, 38,9% – на лекарствах, 6,3% – на других категориях расходов (транспорт, в т.ч. личный, на товарах длительного пользования, на услугах ЖКХ). Среди рабочих ситуация еще хуже: 80% из них указали, что начали еще больше экономить. После 55 лет подавляющее большинство тех, кто вынужден экономить, сокращает потребление по всем возможным статьям, включая продукты питания и лекарства. В исследовании отмечается: экономия на самом необходимом может быть сигналом того, что домохозяйство (а значит, и все входящие в него индивиды) находится на грани выживания. Риски обеднеть, на которые указали эксперты академии, касаются едва ли не каждого россиянина, кроме чиновников и олигархов, разумеется [10, с. 1].

Приведем выдержку из статьи В. Пузия «Засуха капитализма»: *«Президент Путин выразил радость за селян в связи с рекордным урожаем свыше 119 миллионов тонн зерна, в том числе 1,5 миллиона тонн зерна из Крыма, в общем на 146 с лишним миллионов жителей страны, это по 815 килограммов на душу. Однако в 1973 году на той территории, которая называлась РСФСР, но без Крыма, произвели 121,5 миллиона тонн зерна на 132 миллиона граждан социалистической державы, по 920 килограммов на едока… О кормах судят по животноводству. На протяжении нескольких пятилеток в народных предприятиях – колхозах и совхозах РСФСР, содержали около 57-60 миллионов голов крупного рогатого скота. В ходе безудержного и продолжающегося по сей день уничтожения, при капитализме уцелело на сегодня уже меньше 19 миллионов голов. Свиней из 38 миллионов остался только 21 миллион. На протяжении трех десятилетий в РСФСР имели от 60 миллионов до 67 миллионов овец и коз – теперь числится лишь 24 миллиона и то главным образом в домашних хозяйствах, при резком снижении их продуктивности… “Лишними” теперь оказываются 120 миллионов тонн, в том числе 35 миллионов тонн концентрированных кормов, в основном фуражного зерна. Сегодня этот “излишек” зерна отправляют не на животноводческие фермы России по причине их ликвидации, а за границу на мировой рынок. Что же касается остальных кормов, то на их производстве теперь “экономят”. Благодаря такой политике сейчас в России заброшено 40 миллионов гектаров посевных площадей, среди которых и зерновые поля, и 27 миллионов гектаров кормовых культур. Кроме того, забросили более 10 миллионов гектаров кормовых угодий – сенокосов и пастбищ… И о*

каком росте сельского хозяйства тут можно говорить, если продолжается угробление его самой весомой отрасли… Никакие волны древних завоевателей не оставляли уральские степи в таком опустошении… И эта "засуха капитализма" более четверти века не позволяет остановить уничтожение животноводства в селах и деревнях, запустение заброшенных полей и возродить полнокровную жизнь на родной земле. Для этого требуется совсем другая политика власти. Вот и думайте, за кого голосовать! Выходит, что народ и сам виноват в этой разрухе…» [11, с. 2].

Депутат Госдумы Н. Арефьев по поводу прошедшего в Москве январского Гайдаровского экономического форума спрашивает: *«Куда ведет нас рок событий? …В 1990 году мы выпускали 74 000 станков, в прошлом году – 2 900, если увеличить их производство на 3%, прибавка составит 87 станков, это более чем в два раза меньше дневного выпуска в советское время. Комбайнов выпускали 65 000 штук в год, сегодня – 4 600, если повысить их производство на 3%, получим всего 138 комбайнов дополнительно, что меньше дневного выпуска в советское время… И так по всем показателям! Это не рост, это слезы! Экономика, лежащая на дне, чтобы подняться, должна расти по 10-15% в год, не меньше. Не стыдно вспомнить советское правительство, которое после войны за три года смогло обеспечить рост экономики на 17% больше уровня 1940 предвоенного года… Если проанализировать социально-экономическое развитие России за последние 5 лет, то обнаруживается, что кто-то умышленно тянет страну в пропасть разрухи… Бездарное руководство экономикой привело к простому проеданию Резервного фонда, не создав никакой добавленной стоимости, бюджетные расходы сокращаются, в результате социальная сфера идет на свертывание. За последние 5 лет закрыто 7,5 тысячи школ, более 1 000 ПТУ, 119 вузов и полторы тысячи филиалов. Практически разрушено здравоохранение, число больниц в стране по сравнению с 1990 годом сократилось в три раза, а поликлиник – в два раза, количество больничных коек в 2013 году сократили на 35 000, в 2014 году – на 50 000, уволено свыше 90 000 медицинских работников и более 19 000 врачей клинических специальностей, по данным счетной палаты РФ в 17,5 тысячи населенных пунктов нет учреждений, оказывающих первичную медицинскую помощь»* [12, с. 2].

В СССР вся прибыль всех советских предприятий в той или иной форме шла на нужды страны и ее граждан. А теперь? Как известно, при капитализме получаемая предприятием прибыль идет не трудовому коллективу и не государству (получающему только долю в виде налога), а хозяевам соответственно доле вложенного в дело капитала. Хозяева же могут быть гражданами любой страны и использовать эти средства в любой стране. В какой же мере сегодня предприятия, расположенные на территории РФ, могут считаться российскими? Вот статистические данные, показывающие в процентах долю иностранного капитала в основных отраслях промышленности РФ: *«Энергетическое машиностроение – 95%; цветная металлургия – 77%; железнодорожное машиностроение – 75%; черная металлургия – 68%; добывающая – 55%; табачная и ликеро-водочная – 53%; химическая – 51%. Доля иностранного капитала в*

остальных отраслях тоже значительна, но менее 50%» [13, с. 2]. Эти данные получены еще в 2014 г., и есть основания считать, что к 2017 г. доля иностранного капитала возросла. Так кто же является истинным хозяином нашей страны? На кого мы работаем? И надо ли нам это?

Писатель и философ С. Замлелова в своей статье пишет: *«Никто не сомневается, что Октябрь 1917 года действительно потряс мир. А дальше люди делятся не столько на тех, кто поддерживает или не поддерживает произошедшее, сколько на тех, кто понимает или не понимает его значение. Антисоветизм, как и любое другое сектантское учение, объединяет обманываемых, обманывающих и тех, кто обманывает сам себя. Такое положение дел привело к тому, что столетие Октябрьской революции Россия встречает, захлебываясь ложью в отношении важнейшего события в ее истории. Ложь эта усугубляется, волна лжи только нарастает… Но Октябрь не просто сохранил и восстановил страну, но и позволил ей развиваться самостоятельно, не зависеть от Запада с его санкциями… А Великую Отечественную войну Советский Союз выиграл, в частности, потому, что на отечественных заводах отечественными инженерами и рабочими производилось отечественное оружие и отечественная техника, что рядовой солдат читал не только вывески, но и очень хорошо понимал, за что он воюет… Впервые в истории человечества было построено общество, в котором прежде всего каждый человек был сыт. Предвосхищая спекуляции на тему "не хлебом единым…", к которым любят прибегать современные "потрясатели основ", стоит вспомнить, что Христос отнюдь не противопоставлял слово Божие хлебу насущному… Зачастую даже те, кто признает преимущества и достижения СССР, порой не связывают их с Октябрем 1917-го. Многие просто уверены, что советская система сложилась как-то сама, без связи с Революцией, а то и вопреки ей. Но такое суждение – итог многолетней антисоветской лжи, льющейся по сию пору. А ведь преодоление этой лжи просто необходимо для того, чтобы снова вернуться к построению справедливого общества…»* [14, с. 12].

Доктор исторических наук, президент Академии геополитических проблем, профессор МГЛУ Л. Ивашов придерживается аналогичного мнения в отношении Октябрьской революции и нашей современной действительности: *«…С самого раннего детства осознавал, что живу в стране социализма, рожденного Октябрем, и утверждался в ней как человек и гражданин Советского Союза… По служебным делам объездил полмира, более 60 стран. И нигде не слышал осуждения СССР, кроме наших туповатых либералов… Но сожалеющих о развале СССР встречал повсюду. Хосни Мубарак, президент Египта, прямо говорил нашей военной делегации: как вы могли допустить роспуск Союза, почему армия не выступила против* ***предателей?*** (выделено нами – ***С.П.***) *…Сегодня мы живем в непонятной стране, потому что нельзя понять, к чему она стремится, почему она позволяет себя грабить всем кому не лень, почему власть изощренно унижает народ и делает все возможное, чтобы народ нищал и как можно скорее вымирал. Почему чем пафоснее доклады о рекордных продажах углеводородов за рубеж, тем больше бензин и газ дорожают для*

населения России?.. Дерут налогами, штрафами, коммунальными платежами последнюю шкуру с населения, но олигархам компенсируют их потери от санкций. За счет простых граждан. Это разве нормальное государство? А что с выборами? Советская избирательная система была сто крат демократичнее. Там шел отбор лучших из лучших в цехах, воинских частях, сельхозпредприятиях, в институтах, а голосование в день выборов – это закрепление народного волеизъявления. И невозможно себе представить, чтобы избрали всемирно известного алкаша Ельцина главой ядерного государства. Или Медведева, которому еще следовало бы поработать старшим юрисконсультом в колхозе, вдруг поставили во главе России. А сейчас уже и собчачка выдвигается в президенты. Это уже сумасшествие! Вот до чего довели страну. Это самая страшная утрата…» [15, с. 5].

В качестве резюме по всему вышесказанному можно привести выдержки из статьи политолога и публициста Ю. Болдырева, в которой он пишет: *«100-летний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции – время не только для празднования, но с учетом нынешних итогов, надеемся, лишь промежуточных, время и для осмысления не только положительного опыта и достижений, но и ошибок… Отмечать, вспоминать, переосмысливать, воздавать должное предкам, совершившим век назад столь решительную попытку прорыва в будущее, а затем приведшим страну к ее великому историческому расцвету, трезво и бесстрашно видеть нынешние реалии и искать пути решения на будущее – это то, что нам сейчас действительно необходимо… Главный вопрос: почему же СССР – детище Великой Октябрьской социалистической революции – все же рухнул? Внешние и внутренние враги, это понятно. Но почему же под их натиском СССР не стал лишь еще сильнее, как это было всю первую половину XX века и далее еще полтора-два десятилетия?... Измена, предательство на самом высшем уровне? Верно. Но почему же им не нашлось никакого противоядия?... И дело не просто в "эксплуатации человека человеком", которая к нам вернулась. Наша нынешняя ситуация значительно хуже… Как наверху оказалось не "избранное" как самое созидательное, ответственное, квалифицированное и национально ориентированное меньшинство, но группировка сугубо паразитическая, антинационально ориентированная, криминальная по происхождению… А теперь мы видим, как в угоду нынешней унии власти и компрадорского олигархата переписывается наша новейшая история, включая события 1987-1991 гг., события 1992 г. (ваучерная приватизация), 1993 г. (ельцинский переворот), 1996 г. (сфальсифицированные президентские выборы и кредитно-залоговые аукционы), 1999-2000 гг. и т.п. Если столь нагло можно искажать новейшую историю, которая еще на памяти живущих, то что говорить об истории более далекой, в том числе вековой давности?.. Сегодняшние проблемы – это: засилье иностранного капитала, не заинтересованного в интенсивном промышленно-технологическом развитии России, провоцирующее, при попытке изменения ситуации, да еще и при усугубляющейся промышленно-технологической отсталости, новую внешнюю интервенцию; – слабость и неадекватность системы государственного управле-*

ния внешним и внутренним вызовам и угрозам, разъедающая все звенья системы госуправления и разлагающая общество тотальная коррупция; – вопиющее неравенство, адекватное той феодализации общества, что и является истинным курсом нынешней власти. Отсюда вывод: для решения этих проблем нужны новые чрезвычайные созидательные усилия, в том числе по сплочению большинства наших сограждан, ныне намеренно разделенных…» [16, с. 8].

В заключение этой темы хочется привести слова академика, лауреата Нобелевской премии, депутата Государственной Думы РФ Ж. Алфёрова, который прямо говорит: *«Социализм вернется, но за это надо активно бороться!»* [17, с. 6]. Вот только понять бы, начался ли обратный отсчет времени?..

Источники и литература

1. Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир / пер. с англ. А. Рома. – Переизд. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 383 с.
2. Революционные экзамены народ сдавал «экстерном» // Советская Россия. – 2017. – 10 января.
3. «Со дня на день может вспыхнуть революционный ураган» // Советская Россия. – 2017. – 24 января.
4. «Хлеба! Мира!» // Советская Россия. – 2017. – 7 февраля.
5. «В этот же день сто лет назад» // Советская Россия. – 2017. – 14 марта.
6. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-23. Оп. 1.
7. Социальная хроника 2017 // Советская Россия. – 2017. – 10 января.
8. Социальная хроника 2017 // Советская Россия. – 2017. – 12 января.
9. Социальная хроника 2017 // Советская Россия. – 2017. – 17 января.
10. Социальная хроника 2017 // Советская Россия. – 2017. – 14 января.
11. Пузий В. Засуха капитализма // Советская Россия. – 2017. – 10 января.
12. Социальная хроника 2017 // Советская Россия. – 2017. – 21 января.
13. Кудрин Н.А. На кого мы работаем? // Советская Россия. – 2017. – 2 ноября.
14. Замлелова С. Не оболгать, а понять // Советская Россия – 2017. – 2 ноября.
15. Ивашов Л. Закономерности // Советская Россия – 2017. – 2 ноября.
16. Болдырев Ю. Выучены ли уроки Великой революции // Советская Россия – 2017. – 2 ноября.
17. Алфёров Ж. Социализм вернется // Советская Россия. – 2017. – 2 ноября.

УДК 930

ИСТОРИОГРАФИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ

HISTORIOGRAPHY OF PEASANT'S MOVEMENT IN RUSSIA IN THE PERIOD OF CIVIL WAR AND INTERVENTION

О.В. Ефимов

O.V. Efimov

Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания,
кандидат исторических наук, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: Isaever9@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются различные точки зрения на причины крестьянских восстаний в России в годы революционных потрясений. В свою очередь, одной из основных причин революционных потрясений 1917 г. стал аграрный вопрос, выразившийся в уникальном явлении секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством. Российское крестьянство в конце XIX – начале XX вв. из-за перенаселенности и неспособности города изъять лишнюю часть сельского населения стало сталкиваться с проблемой малоземелья, что вело к голоду, обнищанию и деградации населения деревни. Ни царское, ни Временное правительства не сумели разрешить это противоречие. Результатом стали революционные потрясения 1905-1907 гг. и 1917-1922 гг. Основную массу населения России (более 70%) составляло крестьянство. Если такое количество населения страны голодает, не может реализоваться, для него отсутствует социальный лифт, это неизбежно ведет к началу стихийных бунтов, восстаний и революционным потрясениям.

Ключевые слова: крестьянство, власть, общество, революция, воля, аграрный вопрос, анархия, государство, социальные противоречия.

Summary: The article analyzes different points of view on the causes of peasant revolts in Russia in the years of revolutionary upheaval. In turn, one of the main causes of the revolutionary upheavals of 1917 was the agrarian question, expressed in the unique phenomenon of sector gap between industry and agriculture. Russian peasants in the late XIX – early XX centuries due to overcrowding and the inability of the city to withdraw part of the excess rural population began to face the problem of shortage of land, leading to famine, impoverishment and degradation of the population of the village. Czarist and the Interim governments has failed to resolve this contradiction. The result was the revolutionary upheaval of 1905-1907 and 1917-1922. The bulk of Russia's population (over 70%) was the peasantry. If the number of the population is starving, cannot be realized, not a social Elevator, it will inevitably lead to the beginning of spontaneous riots, rebellions and revolutionary upheavals.

Key words: peasantry, regime, society, revolution, will, agrarian question, anarchy, state, social antitheses.

Аграрный вопрос в конце XIX – начале XX вв. становится краеугольным камнем будущих российских революционных потрясений. В России возникает уникальная ситуация, связанная с секторным разрывом между промышленностью и сельским хозяйством. Длительный период времени из сельскохозяйственного сектора России практически не было перекачки населения в город из-за слабых промышленно-модернизационных процессов в стране. Сосредоточение более 70% населения в сельской местности привело к земельному дефициту, пауперизации, деградации и систематическому голоду населения. Прави-

тельство не сумело за счет индустриализации перебросить большую часть населения в город, а оставшейся части сельского населения предоставить необходимые средства производства и перевести сельское хозяйство с экстенсивного на интенсивный путь развития. Подобные мероприятия, начиная с XVIII века, были проведены в европейских государствах. Часть населения принял город, другая была отправлена в колонии на освоение новых земель. Поэтому в странах Западной Европы в сельском хозяйстве было занято 20-30% населения. В России наблюдалась обратная ситуация, что привело к нарастанию крестьянского движения, а впоследствии и к революционным потрясениям, где основной движущей силой было крестьянство. Даже если смотреть на российские революции с марксистской точки зрения, которая утверждает, что движущей силой революции является пролетариат, особенностью российского рабочего класса было то, что он не порвал связи с деревней, поэтому, отстаивая свои интересы, он отстаивал и интересы крестьянства.

Руководители российского правительства (включая П.А. Столыпина) не сумели справиться со сложившейся экономической проблемой, кардинально поменять ситуацию в сельском хозяйстве, чтобы избежать будущего социального взрыва. Мероприятия, проводимые российским правительством до 1917 г., носили недостаточно глубокий характер, делались в интересах правящей элиты, без опоры на подавляющее большинство населения (крестьянство). Сложилась ситуация, при которой основная масса населения страны не выполняла своих функций и не могла себя реализовать.

Крестьянское движение периода Гражданской войны и интервенции 1918-1922 гг. – тема очень многогранная, дискуссионная и, к сожалению, даже в конце XX – начале XXI вв., малоизученная.

Российские и западные историки рассматривали крестьянские восстания как придаток революционных событий, вследствие чего интерес к ним был незначительным.

Длительное время исследователи рассматривали крестьянское движение идеологизированно, используя эту тему как средство политической борьбы. Представители западной исторической школы писали о тоталитарном характере советского общества, который приводил к крестьянским волнениям. Советские же историки опирались на положение коммунистической доктрины о природе и сущности Советской власти как власти трудового народа, как подлинной демократии в форме народовластия, о полной и неизменной поддержке крестьянством политики Советского правительства, государства и правящей партии.

Оба подхода не вполне объективно отражают всю сложность процесса крестьянских выступлений. Такая ситуация сложилась из-за ограниченности источников и других исторических материалов, не позволяющей сделать всесторонний анализ данной проблемы.

Ситуация изменилась во второй половине 1980-х гг., когда были открыты советские архивы и появились десятки исследований, посвященных периоду Гражданской войны. В результате к настоящему моменту сложилась новая об-

ширная историография данной темы. Обилие новой информации подтолкнуло развитие политических и региональных исследований. Несомненное значение имели и политические перемены в СССР и последовавший за ними распад Советского государства.

Эти события радикально изменили перспективу изучения истории России и вызвали большой интерес к историческим альтернативам и кризисным моментам в советской истории периода Гражданской войны и интервенции.

По нашему мнению, наиболее весомой (до сих пор) в зарубежной историографии является вышедшая в 1989 г. монография британского историка О. Файджеса «Крестьянская Россия, Гражданская война: Поволжская деревня в революции (1917-1921)» [1]. Автор пришел к выводу, что, хотя деревня и сопротивлялась любому внешнему вторжению, все же крестьяне опасались реставрации старого режима куда больше, чем установления власти большевиков. Именно поэтому они не представляли угрозы для Советского правительства, пока шла борьба с белыми и сохранялась угроза возвращения помещиков.

Особенности крестьянского движения в Сибири детально изучил канадский историк Н. Перейра. По мнению автора, основной причиной поражения белогвардейского движения стало отсутствие поддержки со стороны крестьянства. Перейра считает, что белое движение не пользовалось авторитетом у крестьянства из-за внутренней коррумпированности, неадекватного руководства и недальновидной политики, не учитывавшей произошедшие революционные перемены [2].

Труды Н. Перейры положили начало изучению регионализма в период революции.

Регионализму на севере России посвящена статья Я. Котеониса. Исследователь понимает под регионализмом менталитет широких слоев местного населения, который проявился в ксенофобии и большем внимании к локальным нуждам, чем к положению в стране в целом. Эту региональную идентичность, по его мнению, не учло архангельское антибольшевистское правительство, лишив тем самым себя социальной базы. Автор связал крестьянское движение с национально-освободительной борьбой, когда крестьяне Карелии, не обращая внимание на социальное положение друг друга, активно включились в борьбу с иностранными интервентами, которые для них были чужаками, посягнувшими на их землю [3, с. 145].

В работах других зарубежных историков, исследовавших крестьянское движение на Дальнем Востоке, очень четко прослеживается патриотический порыв местного крестьянства, которое самоорганизовалось для борьбы с японскими войсками. Японцы на начальном этапе даже не посягали на крестьянскую собственность, пытались наладить с крестьянством сотрудничество, готовы были очень хорошо платить за продовольственные поставки, однако встретили широкомасштабную, хорошо организованную партизанскую борьбу крестьян.

Повстанческое крестьянское движение получило освещение в сравнительной монографии немецкого исследователя Д. Даммона о махнов-

щине [3, с. 146] и в книге итальянского историка А. Грациози о Гражданской войне на Украине [4]. Оба авторы связали крестьянское движение с национально-освободительной войной, направленной одновременно против оккупационных войск Тройственного союза и московского правительства большевиков (посягнувшего, по мнению авторов, на независимость Украины).

Детально сопротивление населения политике властей изучил американский ученый русского происхождения В.Н. Бровкин. В своей монографии «За фронтами Гражданской войны: политические партии и социальные движения в России, 1918-1922» [5] он описывает, как местное население попеременно восставало то против белых, то против красных, вынуждая их вести войну в тылу с многочисленным крестьянством. Репрессии против восставшего населения и политических противников получили в книге наибольшее освещение. Террор, тем самым, рассматривается как важнейший фактор, позволивший большевикам укрепить свою власть.

Антисоветское сопротивление населения рассмотрено в статьях Д. Джо Гарма. Беспрецедентное насилие, а не социальная поддержка – вот в чем видит автор причину успеха большевиков в Тамбовской губернии.

Л. Ли в работе «Хлеб и власть в России 1914-1921» представил основной конфликт революционного периода как отражение гоббсовской дилеммы: должны ли люди поддерживать слабеющее государство, не справляющееся со своими задачами, или пытаться выжить самостоятельно, рискуя при этом еще больше углубить кризис [3, с. 151]. Он также утверждает, что крестьянство под влиянием большевистской риторики пришло к сознательной поддержке новой власти, в которой увидело единственную альтернативу дальнейшему продолжению войны [3, с. 154].

В российской историографии также произошли изменения. Например, в 1970-е гг. большинство исследований посвящалось рассмотрению классовой борьбы в деревне в 1917-1922 гг., а содержание этих исследований было весьма упрощенным, соответствовало советской концепции и общепринятым положениям о причинах Гражданской войны и интервенции. А в 1990-е гг., когда стал доступен более широкий объем архивных материалов, появилась и возможность, и потребность в более серьезном исследовании данного вопроса. Сильный интерес проявился к крестьянским восстаниям в то время, когда стали детально рассматривать цели социальных слоев деревни, их интересы и средства политической борьбы. Российские ученые, получив в свое распоряжение новые исторические материалы, по-новому «увидели» крестьянское движение, более объективно сумели раскрыть причины массовых крестьянских восстаний как против либерального, буржуазно-демократического, так и против советского правительств.

В 1990-е гг. известный историк Т.В. Осипова пересмотрела свою концепцию крестьянского движения. В 1990 г. вышла ее статья «Обманутый класс», где она весьма аргументировано, на основе анализа многочисленных крестьянских выступлений на территориях, подконтрольных Советскому правительству, сделала вывод, что кулачество было не антисоветским классом, от-

стаивавшим интересы своей собственности, а социальным слоем, защищавшим интересы всего крестьянства. Кулачество как более организованный и образованный слой деревни, по мнению Т.В. Осиповой, старалось сохранить в деревне устои и порядки, которые основывались на общинных традициях. Кулачество, которое ранее было противником общины, выступало в роли эксплуататора, для самосохранения пошло на защиту общины, пытаясь привлечь на свою сторону средние слои деревни. Подобное противостояние вылилось в вооруженные конфликты в период продразверстки и мобилизационных мероприятий [6].

Последующие работы Т.В. Осиповой, посвященные крестьянскому движению, получили новое развитие в формировании представления о том, что такое крестьянский фронт. Она провела дифференциацию крестьянского движения по социальным слоям крестьянства, где дала четкое определение термину «крестьянское восстание». По ее мнению, крестьянское восстание – это вооруженное объединение против власти трех и более волостей [7]. Она отделила политические требования крестьян от экономических и впервые ввела в историографию Гражданской войны такую причину крестьянских восстаний, как превышение властными структурами своих полномочий. В своих исследованиях она не обошла проблему крестьянских выступлений, связанных с богоборческой политикой местных органов власти. Таким образом, работы Т.В. Осиповой имеют синтезированный, обобщающий и всеохватывающий характер анализа крестьянских восстаний, что делает ее выводы вполне объективными.

Несомненным вкладом в изучение восстаний стала монография Т.В. Осиповой «Российские крестьяне в революции и Гражданской войне» [8]. В завершение всеобъемлющего многолетнего исследования российского крестьянства периода Гражданской войны автор довольно основательно и убедительно доказала, что аграрный вопрос для крестьянства стоял на первом месте и был основным двигателем крестьянских масс в период революции. Крестьянство активно участвовало в борьбе за новые преобразования, отстаивая свою крестьянскую справедливость – «земля тем, кто ее обрабатывает». Поэтому крестьянство с оружием в руках очень часто выступало против двух фронтов, которые сложились в период Гражданской войны, выступало против любой политической и военной силы, которая пыталась посягнуть на собственность земледельцев.

Отношения власти и крестьянства в начале XX века детально и нестандартно раскрывает С.Г. Кара-Мурза. В своем труде [9] он убедительно доказывает, что капитализация и либерализация российской экономики в конце XIX века «взорвали» российскую деревню. С.Г. Кара-Мурза анализирует проблему секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством, которая стала уникальной для России. Подобной ситуации на тот период не было ни в одной стране мира. Сосредоточение подавляющей части населения в сельской местности, экстенсивное развитие сельского хозяйства и неспособность города принять лишнюю часть сельского населения привели к систематическому голоду. Именно голод стал одной из причин российских революций в начале XX века. *«Не книжки революционные и агитация интеллигенции виноваты в беспо-*

рядках, а то, что есть нечего ни людям, ни скотине» (из показаний сельского старосты Курской губернии, 1904 г.). Автор не обошел вниманием и Столыпинские реформы, проведя глубокое их исследование. В итоге он пришел к выводу, что либерализация российской деревни по Столыпину только подтолкнула крестьянство к будущей революции. Исследуя Гражданскую войну, С. Кара-Мурза раскрыл причины разгрома колчаковской армии, который завершился еще до прихода регулярных частей Красной Армии. Сибирское крестьянство, в ответ на репрессии и возвращение земли прежним хозяевам, самоорганизовалось и начало свою, крестьянскую войну за землю и свободу.

В 1990-е гг. был завершен цикл работ А.В. Седова, посвященный развитию крестьянского самоуправления после Февральской революции и рассмотрению причин крестьянских волнений в Нижегородской губернии [10; 11]. Исследователем сделаны подсчеты соотношения собственности на землю и количества населения по социальным слоям. Автор пришел к выводу, что в губернии сложилась критическая ситуация, связанная с сосредоточением земли в руках узкой группы лиц. А.В. Седов провел уникальное исследование, которое значительно расширило представление о содержании крестьянского движения, а также о взаимоотношениях властных структур и сельского населения.

Крестьянские восстания периода Гражданской войны исследовал и В. Кожинов. По его мнению, при детальном и многостороннем изучении истории первых послереволюционных лет становится очевидным, что народ (или, вернее, его наиболее энергичная и «вольнолюбивая» часть) боролся именно против власти вообще. Те же люди, которые старались свергнуть власть красных, не менее яростно выступали и против власти белых, если тем удавалось взять власть [12, с. 148]. В. Кожинов вполне убедительно доказывает, что после февральских событий крестьянство воспринимало любую власть как систему угнетения и насилия. Крестьянство всегда было охвачено утопической идеей «земли и воли» без вмешательства государственных структур. Земледельцы отказывались от несения государственных повинностей, что сеяло анархию и вело к развалу страны. И только власть большевиков жесткими средствами сумела предотвратить хаос и не допустить развала государства.

Источники и литература

1. Файджес О. Крестьянская Россия, Гражданская война: Поволжская деревня в революции (1917-1921). – М., 1989.

2. Перейра Н.Г. Белая Сибирь: политика и общество. – М.,1996.

3. Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. – 2006. – № 6.

4. Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918-1919 годы. Очерк о большевистских, национал-социалистических и крестьянских движениях. – М., 1997.

5. Бровкин В. За фронтами гражданской войны: политические партии и социальные движения в России, 1918-1922. – М., 1997.

6. Осипова Т.В. Обманутый класс // Родина. – 1990. – № 5.

7. Осипова Т.В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. – М., 1995.

8. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М., 2001.

9. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой победы. – М., 2002.

10. Седов А.В. Движение революционного крестьянства в России за демократическое самоуправление 1917 г. – Н. Новгород, 1991.

11. Седов А.В. Февральская революция в деревне. – Н. Новгород, 1997.

12. Кожинов В. Загадочные страницы истории XX века. Книга вторая // Наш современник. – 1996. – № 1.

УДК 908

АРЗАМАССКИЙ УЕЗД В ПЕРИОД «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

ARZAMAS DISTRICT
DURING THE PERIOD OF “WAR COMMUNISM”

А.В. Потороев
A.V. Potoroev
МБОУ «Берёзовская СШ» Арзамасского района, учитель истории и обществознания
607249, Нижегородская обл., Арзамасский район,
д. Берёзовка, ул. Школьная, д. 4
E-mail: andrey_potoroev@mail.ru

Аннотация: В статье раскрывается антинародная сущность политики «военного коммунизма» 1918-1921 гг. на примере Арзамасского уезда. Большое внимание уделяется экономической стороне коммунистического эксперимента, который поставил под угрозу уничтожения целые слои населения России. Описываются также «текущие» мероприятия советской власти, направленные на искоренение традиционных обычаев русского народа.

Ключевые слова: революция, «военный коммунизм», деревня, повинности.

Summary: The article reveals the anti-people essence of the policy of “war communism” of 1918-1921, for example, the Arzamas district. Great attention is paid to the economic side of the Communist experiment, which threatened the destruction of entire sections of the Russian population. Also describes the “current” activities of the Soviet authorities aimed at eradicating traditional practices of the Russian people.

Key words: revolution, “war communism”, village, duties.

В отечественной исторической науке хронологические рамки политики «военного коммунизма», проводившейся большевистским правительством, очерчиваются 1918 – началом 1921 гг. Однако было бы неверным думать, что все специфические мероприятия этого эксперимента проводились одинаково и одновременно на всей территории России, подконтрольной Советам. В Арзамасском уезде, где с осени 1918 г. зверствовала Прифронтовая «чрезвычайка» и почти безраздельно властвовал Штаб Восточного фронта РККА, некоторые по-

становления политики «военного коммунизма» заметно запоздали, а потому действовали даже в период новой экономической политики. В данной статье мы постараемся осветить самые заметные события в Арзамасе и уезде в 1919-1921 гг., а также показать положение народных масс в первые годы после Октябрьской революции.

Тяжелым выдался третий год советской власти для арзамасцев. Радужные иллюзии насчет светлого будущего рассеялись, осталась жестокая действительность: суровая чужая власть, непосильные налоги, гонения на всё святое, что оставалось у русского люда. Стала ухудшаться демографическая ситуация. Так, в 1919 г. (с 1 января по 15 декабря) в Арзамасе родилось 256 человек (133 мальчика и 123 девочки). Умерло за тот же период 446 человек (216 мужчин и 230 женщин). Было зарегистрировано 215 браков и 27 разводов [1, д. 30, л. 229].

Продолжался процесс советизации общества. Рьяными активистами была предпринята попытка массового переименования населенных пунктов на революционный лад. Так, 3 сентября 1919 г. Коллегия отдела управления Арзамасского уисполкома утвердила ходатайства волостных исполкомов об изменении названий селений, «соответствующих духу времени». Село Шатки переименовывали в Красный Свет, Архангельск-Кобылино – в Красную Волю, Никольское Кобылино – в Красную Зарю, село Кержемок – в Новую Волю, деревню Нечаевку – в Цвет Коммуны, деревню Фёдоровку – в Красную Слободку. Деревня Майна должна была стать Свободной, село Мисюриха – Красным Лучом, село Семеново – Красным Знаменем, село Четвертаково нарекали Ульяновым. Распоряжение о переименовании сел решили опубликовать в газете «Нижегородская коммуна» [1, д. 30, л. 125]. Что помешало осуществить это предприятие, непонятно. Только до сего времени обреченные на модные революционные «ники», села и деревни стоят под своими старинными именами.

Семнадцатого февраля 1919 г. Московская комиссия по снятию и постановке памятников известила всю страну, что наконец-то изготовила скульптурный бюст вождя революции Ленина с натуры. Цена бюста, который был в несколько раз больше натуральной величины с имитацией под бронзу, устанавливалась в 4 тыс. руб., упаковка и отправка из Москвы еще 300 руб. Комиссия уведомляла, что данное произведение искусства *«желательно распространить среди советских учреждений и поставить на улицах»* [2, д. 70, л. 77]. Арзамасские большевики не остались в стороне от покупки бюста первого народного комиссара. Второго августа 1919 г. президиум исполкома постановил выделить 50 тыс. руб. из местных средств на приобретение монументов Ленина и К. Маркса [2, д. 78. л. 78-79].

Семнадцатого августа 1919 г. по всей республике отмечался новый праздник – День Советской пропаганды. Арзамасский отдел управления строго предписывал всем домовладельцам и заведующим советскими учреждениями украсить здания и дома красными революционными флагами. За неисполнение виновных ожидала *«законная ответственность»* [2, д. 70, л. 158]. Инструкция, присланная из центра, подробно разъясняла смысл праздника и ход его проведения. *«День Советской пропаганды устраивается Комиссариатом народного*

образования для привлечения широких масс к просвещению внешкольного образования, чтобы яркий свет знания охватил все захолустные деревеньки Советской Республики». Праздник предписывалось отмечать торжественно, как 1 Мая или годовщину Октябрьской революции. Вечером предполагалось устраивать спектакли, концерты, чтение декламаций [2, д. 73, л. 232].

Экологическим бедствием для города стала вырубка деревьев в прилегающих рощах и лесах. Народу требовались дрова для отопления жилищ, а новая власть и из этого необходимого товара сделала дефицит. Тогда население, не исключая служащих и их руководителей, принялось самовольно заготавливать топливо. Десятого марта 1919 г. для охраны территории пруда Рамзай, а также Пушкинской рощи и Всехсвятского перелеска городской отдел нанял сторожем гражданина Голнощекова. Однако уже 23 мая тот был уволен, как не соответствующий занимаемой должности [3, д. 5, л. 17 об.].

Двенадцатого апреля 1919 г. арзамасский исполком предписал Отделу управления строжайше запретить украшать клубы и прочие места зрелищ елками, а также воспретить рубку елей в городском лесу, в т.ч. перед праздником Троицы. Однако незаконные порубки продолжались, причем уполномоченные от разных советских организаций угрожали сторожам револьверами. Так, городской военный комиссариат срубил в Пушкинской роще 20 сосен для декорации Красного клуба. Шестнадцатого июня Отдел по городским делам Арзамаса в срочном порядке предложил вооружить сторожей дробовиками, чтобы те смогли силой оружия остановить браконьеров. В августе 1919 г. вышло еще одно обязательное постановление городских властей о запрещении порубки лесонасаждений в городском лесу, Пушкинской и Всехсвятской рощах и около ветряных мельниц в нижней части города [3, д. 2, л. 12-13]. Так началось планомерное наступление на «мещанские» предрассудки в Арзамасе. В Нижнем, например, рождественские елки вполне официально устраивались военным ведомством для детей своих работников и в 1921 г.

Вот еще пример новой морали: 12 марта 1919 г. Правлением профессиональных объединений на торжественном заседании, посвященном второй годовщине свержения империализма (т.е. Февральской революции – ***А.П.***), было постановлено отменить обращение на «Вы». Отныне вежливых работников, не привыкших «ТЫкать», ждал штраф в размере 5 руб. Деньги предполагалось потратить на улучшение детского питания [4, д. 46, л. 104]. Инициатором этой затеи явилась большевичка С. Шер.

Процесс советизации общества был неразрывно связан со складыванием системы всеобщего доносительства. Большевики, захватившие власть в России при помощи вооруженного переворота, всерьез опасались ее потерять. Центральная власть зорко следила за колебаниями в настроениях народных масс, а для этого ей нужна была отлаженная система доносов. Инакомыслие пресекалось на корню. Собрания граждан теперь допускались исключительно с особого разрешения местных властей. Молодежные посиделки («кельи») распоряжением Арзамасского отдела управления от 10 января 1919 г. были прикрыты, а у владельцев «келий» взяты личные подписки о недопущении впредь собраний

молодежи [4, д. 42, л. 145]. Закрытие «келий» было, на наш взгляд, единственным положительным мероприятием большевиков в то время. Что представляли собой эти посиделки, узнаем от В.Г. Короленко из очерка «В голодный год», написанного под впечатлением посещения Арзамасского и Лукояновского уездов в 1892 г.:

«…В это время мы минуем большое село. Внизу, по суходолу, в стороне от дороги вытянулся небольшой порядочек. Крохотные оконца крохотных избушек, без дворов и огородов, отсвечивают в синеватой мгле наступающего зимнего вечера. Это кельи.

– Третье есть зло, – говорит мой спутник, указывая на них, – вот эти самые кельи. Это вот приживают тут солдатки, безмужницы, девки старые, вдовы и тому подобные, без наделу которые женщины… Вот они у себя устраивают всякие штуки… Самая язва тут и есть. Тут, в избах этих, пряники едят, семечки щелкают, на гармониях зудят, песни играют и даже, хуже всего, – водку пьют… Девки пятнадцати-шестнадцати лет – и те балуются. Вот зло какое, вот бы что искоренить! Греха тут сколько. Отец не пускать, мать опять, слабостью, заступаться! Раздор! А там за девкой приударит какой-нибудь молодец, богатого отца сын. Матери-то лестно: думает – жених, а он вовсе и не жених, ищет себе одного расположения. Возьмет свое и отчаливает. Эх, и говорить неохота, скверность! Лет не более пятнадцати, как это гнездо у нас завелось. А то, даже незаконного младенца девушка принесет, и то за стыд не считают…» [5].

Все без исключения чины советского управленческого аппарата, начиная с председателей волостных и сельских советов, становились доносчиками на своих сограждан. Интересен циркуляр заведующего Информационно-инструкторским подотделом управления уисполкома Б. Малицкого, разосланный всем волостным исполкомам 5 февраля 1919 г. В нем говорится о том, как правильно сообщать в Центр обо всех волнениях, восстаниях и иных политических событиях, возникших на местах.

Однако циркуляр исполнялся волисполкомами халатно, донесения ограничивались общими фразами. Да и нельзя было требовать от вчерашних полуграмотных крестьян литературных бестселлеров. В связи с этим Арзамасский отдел управления 30 сентября 1919 г. отправил повторный циркуляр волостным властям, призывая их дважды в месяц аккуратно к 15 и 30 числам *«представлять сведения в форме обзора, излагая кратко и ясно о всех недоразумениях и треволнениях среди местного населения»*, указывая в конце данные об изменении в личном составе волостных и сельских исполкомов, их президиумов, отмечая партийную принадлежность каждого лица [4, д. 286, л. 165].

Данные о членах партии были особенно важны в это время, поскольку популярность большевиков в деревне угасала с неудержимой стремительностью. Объезжая Арзамасский уезд в мае 1919 г., милиционер Максимычев рапортовал своему начальству: «*Проехал села и деревни: Кр. Майдан, Ивашкино, Вад, Б. Стрелку, Заозеро, Чувахлей, Щедровку и Морозовку. Настроение у граждан ужасно натянутое против власти и ее работников… Коммунисти-*

ческие ячейки совершенно распадаются. Например, в селе Вазъян ячейка коммунистов состояла из 40 человек, из них остался 1 сочувствующий…» [4, д. 41, л. 102]. В августе положение дел в рядах местных коммунистов было и вовсе критическим. Вот выписки из общей сводки о результатах перевыборов Советов по Арзамасскому уезду от 5 августа 1919 г.: *«…Слизневская волость. Ячейка коммунистов распалась и работа не ведется. Коммунистов – 1.*

Красносельская волость. Партийная работа не ведется…

Коваксинская волость. Политическое настроение удовлетворительное, но ввиду недостаточности продуктов раздаются гласы. Ячейка почти распалась.

Каменская волость. Ячейки коммунистов почти распались. В деревне Новой Слободе настроение политически плохое ввиду "отсталости" – народ темный.

Абрамовская волость. Перевыборы проходили удовлетворительно, причем коммунистов прошло мало.

Аратская волость. Партийная работа в волости не ведется.

Анненковская волость. Настроение населения исключительно в пользу советской власти… Партийная работа не ведется, ячейка была, но распалась ввиду выбытия членов на фронт.

Медынцевская волость. Ячейки в волости нет, партийная работа не ведется. До перевыборов устраивались митинги и кучковые беседы. Причем слышались жалобы на нечестных коммунистов.

Гарская волость. Ячейки нет. Отношение граждан к коммунистам недоброжелательное… Некоторые члены Гарского волисполкома злоупотребляли властью, граждане жаловались на агентов, которые брали взятки.

Лукановская волость. Партийная работа не ведется.

Пановская волость. Партийная работа не ведется…» [4, д. 41, л. 139-140].

В чем была причина такого недоверия народных масс по отношению к большевикам, догадаться нетрудно. Приведем лишь несколько фактов, взятых из отчетов уездных и волостных исполкомов в Арзамасский отдел управления. Каменский волисполком 28 февраля доносил: «*Настроение среди населения спокойное, и лишь вносит беспокойство изъятие картофеля, оставленного на корм скоту, после чего последний останется* ***совершенно без продовольствия*** (здесь и далее выделено нами – ***А.П.***) *за отсутствием в здешней волости фуража, каковой вопрос в связи с недостатком прочих предметов, убийственно действует на население»*[4, д. 41, л. 153].

Абрамовский волисполком 7 марта 1919 г. сообщал: «*Среднее крестьянство строго подчиняется советской власти, но само в устройстве своей собственной жизни не принимало участия до сих пор, потому что оно* ***было оскорблено и откинуто от власти действиями комбедов****, которые, не разбираясь в своих поступках, по своей темноте задевали интересы среднего трудового крестьянства.*

Со стороны народных масс… слышится ропот недовольства на советскую власть за то, что она ***не дает крестьянству продуктов****, как первой, так и второй необходимости»* [4, д. 41, л. 156].

Красносельский волисполком 15 марта 1919 г. докладывал: «…*В селе Красном наблюдается брожение в связи с неотпуском из Упродкома хлеба для голодающих, т.к.* ***некоторые граждане находятся в критическом положении…»*** [4, д. 41, л. 162].

Слизневский волисполком 4 апреля 1919 г. доносил: *«Открытых контрреволюционных выступлений не было,* ***замечается неудовольствие масс в деле продовольствия****. Продотряд оставляет зерна на лошадей лишь 2 фунта в сутки до августа и 1 фунт в сутки на корову до 1 мая. Фуража еще никакого не имеется.* ***Продотряд принуждает сдать оставленный на весенний посев фураж, и если это будет сделано, то большинство полей останется незасеянными»***[4, д. 41, л. 177].

А вот выписки из протоколов общих собраний крестьян Арзамасского уезда, просящих у власти продовольственной помощи: *«18 мая 1919 г. Село Б-Майдан Спасской волости от 160 домохозяев – просят помощи и хлебных продуктов т.к. они голодают.*

23 июня 1919 г. с. Спасское Спасской волости: “Находимся в самом критическом положении в продовольствии, население голодает и не имеет хлеба. Просим отпустить нам законную норму продовольствия”. Подпись 120 семейств.

27 июня 1919г. с. Семеново: “Ввиду того, что в нашем селении выбито градом не менее 200 десятин ржаных посевов, просим волостной совет принять меры к снабжению нас хлебом…”» [4, д. 41, л. 214, 219, 223-225].

Этих сведений, предоставленных волостными советами, думаем, достаточно, чтобы обрисовать картину всеобщего хаоса и разорения крестьянства весной 1919 г. В деревнях хозяйничают комитеты бедноты, занимаясь открытым грабежом своих односельчан. Скотину кормить нечем, т.к. весь фураж, включая картофель, изъяли продотряды. На корову и лошадь оставили по 400 и 800 граммов овса в сутки, что означало их негодность к сельхозработам вследствие голода. Промтоварных продуктов, обещанных в обмен на реквизируемый хлеб, деревня не получила. Людей сознательно обрекали на голод.

И это еще не все. Осенью 1919 г. начался очередной поход городских продотрядов в деревню. Походило это мероприятие на военную операцию по добыче продуктов из вражеского лагеря. По этому поводу газета «Известия ВЦИК» 9 сентября 1919 г. (№ 199) восторженно сообщала, что Совнарком 4 сентября принял положение о премировании рабочих заготовительных отрядов. Формировались они Военпродбюро Всероссийского Совета Профсоюзов с целью изъятия у крестьян излишков урожая. Рабочие фабрично-заводские, а также транспортных и топливных предприятий, подобно конкистадорам, приезжали в деревни и отбирали все продукты, в соответствии с развёрсткой, наложенной на населенный пункт. В случае удачного грабежа исполнителям причиталась премия в размере 20 фунтов хлеба (около 8 кг) на рабочего. Газета призы-

вала: «*Рабочие организации непосредственно заинтересованы в быстрой и спешной заготовке хлеба… поэтому все Советы профсоюзов должны немедленно приступить к самому усиленному формированию возможно большего количества отрядов из лучших и наиболее энергичных товарищей*…» [4, д. 481, л. 3]. Таким образом, «рабоче-крестьянское» правительство намеренно углубляло пропасть между городом и деревней, сея ненависть между гражданами.

Осенью в Арзамасском уезде особо остро ощущалась нехватка соли. Новоусадский волисполком доносил, что вследствие этого не удастся засолить капусту на зиму. Кроме этого, за размол хлеба взимается четыре фунта зерна с пуда, что очень обременительно для крестьянства, т.к. урожай зерновых осенью 1919 г. был неудовлетворительным [4, д. 41, л. 214, 219, 223-225].

Но и это еще не все! На сельчан был наложен обязательный сбор 20 фунтов хлеба с едока, «отчуждался» крупный и мелкий скот «для нужд республики». Катастрофически не хватало керосина, мануфактуры (ткани). Несмотря на это, властям мерещился саботаж крестьянства. Осенью 1919 г. Арзамасский отдел управления предписывает сельсоветам принять самые строгие меры к спекуляции: «…*Спекулянтов тут же на месте арестовывать и отправлять в комиссию по борьбе с спекуляцией (ЧК), каковые и будут отправлены в Нижегородскую тюрьму… у граждан, замеченных в спекуляции, производить обыск и найденный товар конфисковывать и составлять протокол…*». В случае неэффективной работы в этом направлении председателю сельсовета и секретарю грозили арест и предание Военно-революционному суду [4, д. 481, л. 3]. Стоит сказать, что под спекуляцией понималась продажа или обмен крестьянином своих продуктов в индивидуальном порядке. В годы «военного коммунизма» (1918-1921) частная торговля была запрещена и приравнивалась к спекуляции со всеми вытекающими последствиями.

Двадцать шестого ноября 1919 г. на заседании президиума Арзамасского исполкома слушался вопрос о ходе продразверстки в уезде. Было решено при отборе излишков использовать самые энергичные меры, вплоть до применения оружия. Членов волостных и сельских советов, допустивших нерешительность в деле конфискации продуктов питания, предписывалось привлекать к ответственности, не останавливаясь даже перед отправкой их в рабочие батальоны [2, д. 9, л. 32-33].

Продовольственный кризис не разрешился и в 1920 г. Второго апреля на расширенном заседании президиума Арзамасского исполкома был заслушан доклад председателя УИКа т. Куренкова. Он сообщил (конечно, под строгим секретом), что уезд в продовольственном отношении находится в самом плачевном состоянии: *«Всё, что возможно было выкачать из деревни – выкачано. Между тем население города голодает… Но есть слухи, что в Арзамасе имеются большие запасы хлеба!»* Возникает вопрос: откуда в городе хлеб, если деревню ограбили дочиста и пайки выдаются по карточкам? Несмотря на всю бредовость слухов, президиум постановил: 3 апреля с отрядом красноармейцев в 250 человек проверить у горожан все продовольственные запасы [4, д. 409, л. 156]. А если таковые найдутся – домысливаем мы (например, сбереженная

мука, крупа, может, даже жир какой), что будет? Правильно – конфисковать, как излишки!

Но, истины ради, необходимо заметить, что запасы продовольствия в городе действительно были. И об этом знали члены исполкома и кормились, мы думаем, из тех скрытых закромов, которые оставляются всегда для власть предержащих. Огромное количество продовольствия на просторах Арзамасского уезда награбили всевозможные воинские части. И в то время, когда народ голодал, продукты питания гнили на складах. Но об этом правители молчали, сваливая всю вину наступившего голода на кулаков и «контрреволюционеров», тогда как именно бесхозяйственность самих большевиков, игнорирование элементарных экономических законов и принципов и было причиной развала деревни и всей продовольственной политики советского государства. Чтобы не быть голословными, приведем лишь один пример из целого ряда дошедших до нас документов.

Двадцать пятого января 1919 г. городская комиссия проводила осмотр принадлежавших военкомату запасов ржи, находившихся на трех городских паровых мельницах. Общее количество хлеба составило 4.098 пудов (65,5 тонн!). Этим количеством хлеба, при желании, можно было сгладить продовольственную проблему хотя бы в городе. Но советская власть – не для народа, об этом нужно всегда помнить. При всем том, комиссия определила, что зерно, хоть и урожая 1918 г. (т.е. свежее), но уже имеет легкий запах затхлости, несколько сыровато, но к размолу еще пригодно. На основании этого граждане проверяющие рекомендовали *«рожь смолоть до наступления тепла и назначить в расход, т.к. она вообще слаба»* [4, д. 409, л. 156]. Военный комиссар города никак не поплатился за фактическую порчу 65 тонн хлеба, тогда как крестьянин, спрятавший фунт зерна, рисковал попасть в концлагерь.

И это только один факт (больше не позволяет объем статьи), а сколько всего сгнило продовольствия на военных складах, толком не знал никто. А ведь это те продукты, которые осенью 1918 г. «выколачивали» из деревни продотряды. Именно из-за их отсутствия ослабли и умерли сотни человек. И никто не ответил за эти преступные деяния! Вот где настоящие враги народа, вот где контрреволюция!

Но, конечно, советская власть грабила не только деревню. В 1918-1920 гг. практически все городские купцы-фабриканты лишились своих предприятий и продукции. Арзамас славился меховым производством, меха конфисковывались и растаскивались членами совдепа, исполкома и других властно-силовых организаций. Приведем лишь один пример. Девятнадцатого февраля 1919 г. городская комиссия на основании постановления Арзамасского президиума Совнархоза производила приемку (т.е. конфискацию) пушного товара бывшего городского головы Н.М. Щеголькова. Сам Николай Михайлович присутствовал при этом узаконенном грабеже своего имущества советской властью. Меха находились в двух местах – в собственном доме Щеголькова по ул. Цыбышева (ныне ул. Пушкина) и на складах Рособщества. Всего было конфисковано разной зайчины (черной крашеной, под рысь, чалой бунтовой, красной и т.п.) бо-

лее двух тысяч шкурок, а кроме этого, весь инструмент и химические жидкости, необходимые при производстве. Так был разорен замечательный арзамасец, историк и краевед, которому местный исполком вкупе с совдепом и райкомом не годились и в подметки [6, д. 1, л. 28].

С 1 апреля 1919 г. с крестьян, торговавших молоком, сметаной и прочими молочными продуктами на Благовещенской площади Арзамаса (ныне площадь Сергия Страгородского), стал взиматься налог: по 2 руб. с торговавших с саней и телег, по 50 коп. с торговавших с салазок [6, д. 1, л. 221]. Это говорит о том, что запрет частной торговли, ставший ключевым мероприятием политики «военного коммунизма», весной 1919 г. еще не в полной мере осуществлялся в Арзамасе.

Товарно-денежные отношения, вопреки политике «военного коммунизма», продолжали действовать и в 1919 г. Почтово-телеграфная станция и прочие организации регулярно запрашивали Городской отдел Арзамаса о ценах на различные услуги. В частности, их интересовала стоимость проезда на извозчиках по городу. В январе 1919 г. легковые извозчики брали за проезд от центра города до станций Арзамас I и Арзамас II от 35 до 40 руб. К концу февраля такса выросла до 60 руб., но в апреле цены упали до 25-30 руб. За каждый пуд багажа дополнительно взимались 3-4 руб. В ответ на запрос старшего врача Усть-Двинского лазарета Красной армии Городской отдел сообщал, что стоимость рытья могил в январе-марте 1919 г. составляла 40 руб. Гроб стоил от 40 до 60 руб. Эпидемия тифа в это время свирепствовала в городе, унося большое количество и горожан, и красноармейцев. Умерших солдат хоронили на Всехсвятском кладбище [3, д. 5, л. 12].

Еще об одном историческом факте нельзя умолчать. В 1918-1919 гг. в Арзамасском уезде, как и по всей Советской России, были созданы первые совхозы, на которые руководство страны возлагало большие надежды в деле решения продовольственной проблемы. Советские хозяйства устраивались на бывших монастырских или помещичьих землях и должны были обрабатываться наемными рабочими, получавшими зарплату. Но в годы Гражданской войны, да и после нее, рабочих рук ни в городе, ни в крестьянских хозяйствах не хватало, а потому совхозные земли пустовали, зарастали бурьяном и служили немым укором бездарной сельскохозяйственной политики большевиков. Вот тогда-то и был придуман «добровольно-принудительный» труд для интеллигенции, студентов и школьников. Никогда, никому и нигде в царской России не приходило в голову посылать в поля профессоров, преподавателей и учащуюся молодежь. А зря! Совершенно дармовой труд (как и труд заключенных ГУЛАГа), а помощь существенная, – решили советские руководители. Сказано – сделано! Первый случай такой помощи города селу произошел в Арзамасском уезде в 1920 г. В феврале коллегия Райсовхоза и Уездного отдела народного образования постановила *«эвакуировать в совхозы уезда учащих и учащихся педагогических курсов 3-ей Советской школы 2-ой ступени на период полевых работ»*. Всего трудовой десант насчитывал 450 чел., включая преподавателей и студентов. «Эвакуировались» они в Чувахлейский совхоз, имеющий сад – 10 десятин,

пасеку в 19 ульев, пашни – 174 десятины (190 га всего-то – ***А.П.***) [3, д. 14, л. 28]. Пример оказался заразительным, и 30 марта 1920 г. коллегия уездного Земельного отдела постановила привлечь для работы в совхозах «Ферма», «Ратмановское», «Петровское», «Ломовский» монахинь закрытых монастырей – Понетаевского, Никольского и Алексеевского, но уже не «добровольно-принудительно», а по трудовой повинности [4, д. 409, л. 88].

Но вернемся к мероприятиям политики «военного коммунизма». Тот факт, что продовольственная развёрстка являлась бедствием для крестьян, не скрывала и власть. В 1921 г. с началом нэпа в губернские и уездные исполкомы был разослан документ под названием «Натуральный налог: основные принципы налоговой политики». В нем приводились интересные цифры о налогах по всей советской республике. В первую очередь, сравнивался новый натуральный налог и продразвёрстка периода «военного коммунизма». Приведем некоторые цифры. Итак, налог на зерновые хлеба составил 240 млн пудов, продразвёрстка – 423 млн пудов, фактически было сдано в 1919 г. 287 млн пудов. Налог на картофель составлял 60 млн пудов, развёрстка требовала 112 млн, а фактически выбили из деревни 71 млн 950 пудов. Налог на мясо и сало составлял 6,5 млн пудов, развёрстка – 25,46 млн пудов, фактически было выбито из деревни 24 млн. пудов мяса. Новый натуральный налог на лён составлял 340 тыс. пудов, по развёрстке – 5,1 млн пудов, развёрстка не была выполнена вообще.

Приводились и данные о падение снабжения сельского населения. Так, в 1919 г. сельчане получили мануфактуры (ткани) 306 млн аршин, в 1920 г. – 31 млн. аршин (уменьшение в 10 раз). Стекла оконного в 1919 г. крестьяне получили 282 вагона, в 1920 г. – 62 вагона (в 4,5 раза меньше). Спичек было отправлено в деревню в 1919 г. 400 тыс. ящиков, в 1920 г. – 250 тыс. ящиков (меньше почти вдвое). В 1919 г. потребность соли составила 120 млн пудов, в 1920 г. – деревня получила всего 11 млн. пудов (в 10 раз меньше) [4, д. 409, л. 139]. Таким образом, по свидетельству самой власти, снабжение крестьян самыми элементарными и необходимыми изделиями промышленности за один год упало в несколько раз!

К сожалению, бедствия, постигшие русский народ, не закончились с наступлением нэпа. Довольно короткая передышка середины 1920-х гг. была затишьем перед бурей коллективизации. Но это уже тема другого исследования.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Р-28. Оп. 1.

2. ГАНО, г. Арзамас. Р-23. Оп. 1.

3. ГАНО, г. Арзамас. Р-306. Оп. 1.

4. ГАНО, г. Арзамас. Р-24. Оп. 1.

5. Короленко В.Г. В голодный год // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ruslit.traumlibrary.net

6. ГАНО, г. Арзамас. Р-1824. Оп. 1.

УДК 908

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОМ (ГОРЬКОВСКОМ) КРАЕ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

THE DEVELOPMENT OF PUBLIC CATERING IN NIZHNY NOVGOROD (GORKY) REGION IN THE PERIOD OF INDUSTRIALIZATION

А.Е. Смирницкий[1], В.В. Никифорова[2]

A.E. Smirnitskiy, V.V. Nikiforova

[1] Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

E-mail: ya.alex-smir1974@yandex.ru;

[2] Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, факультет гуманитарных наук, студентка

Аннотация: Данная статья посвящена развитию системы общественного питания в период индустриализации. Особое внимание обращается на задачи, которые были поставлены перед советским государством в сфере общепита в Нижегородском крае, на план их выполнения, а также на значение развития системы общепита для государства в целом и, в частности, для Нижегородского края.

Ключевые слова: Нижегородский край, общественное питание, советское государство, индустриализация.

Summary: This paper focuses on the development of public catering in the period of industrialization. Particular attention is drawn to tasks that were put before the Soviet state in the field of catering in the Nizhny Novgorod region, for their implementation, as well as the importance of the development of a system catering for the state as a whole and, in particular, for the Nizhny Novgorod region.

Key words: Nizhny Novgorod region, public catering, the Soviet state, industrialization.

Развитие системы общественного питания (ОП) в советское время предполагало решить социально-экономические задачи. Это был один из способов создания равных возможностей в получении благ среди рабочих, а также освобождения женщин от работы на кухне и включения их в промышленное производство. В связи с продовольственным дефицитом в начале 1930-х гг. система общепита была важнейшим ресурсом удовлетворения потребности в продуктах. В условиях индустриализации на промышленных предприятиях приходилось много и тяжело работать. Чтобы восстановить потраченные силы, рабочему необходимо было полноценное сбалансированное питание. Поэтому развитие системы общепита в период индустриализации имело важное производственное значение. Как и многие сферы жизни в советский период, сфера общественного питания была идеологизирована. Организация советской системы ОП рассматривалась не только как возможность быстро и недорого накормить большое количество трудящихся, но и как часть идейного воспитания масс. Общественное

питание должно было встать в один ряд с общественной собственностью, общественным бытом (коммунальные квартиры), т.е. занять место в процессе ухода советского гражданина от частой жизни, переключения его интересов на общественные. Ведь общественное питание значит, что человек ест не дома, а в коллективе, чаще всего в трудовом, при этом обсуждает общие проблемы, меньше внимания и времени уделяет дому, семье, индивидуальным нуждам. Кроме того, важнейшей задачей общепита было освобождение женщины от «домашнего рабства», вовлечение ее в общественную и трудовую деятельность. Так, обществу передоверялся целый ряд функций женщины – воспитание детей, стирка и, конечно, питание [1, с. 55, 56, 75].

В связи с новыми задачами, стоявшими перед советским государством, в 1930 г. Нижегородский крайком ВКП (б) принял постановление: *«Признать необходимым, добиться коренного улучшения и расширения дела общественного питания в основных рабочих центрах Выкса, Кулебаки, Балахна, Дзержинск, с тем чтобы поднять охват общественного питания в 1931 году в среднем не менее 50% состава рабочих по краю, доведя охват в основных рабочих центрах до 70-80% промышленных рабочих, 100% охват сезонников, студентов и максимального охвата школьников сельского сектора. Исходя из этого, предложить краевой конторе цифры капитального строительства на 1931 год»*. Далее говорилось: *«Для более полного охвата и лучшей постановки дела общественного питания признать целесообразным передачу всех имеющихся мероприятий Всенарпита в ведение рабочей кооперации. Предложить Крайпотребсоюзу совместно с краевой конторой Нарпит оформить эту передачу не позднее первого ноября»* [2, д. 189, л. 151].

Двадцать шестого апреля при Нижегородской краевой РКИ состоялось широкое совещание. На совещании был заслушан доклад о состоянии общественного питания в крае, основанный на материалах краевой смотровой комиссии при газете «Нижегородская коммуна». Двадцать седьмого апреля уже было принято следующее постановление: 1) предложить Крайплану в течение месяца закончить составление пятилетнего плана развития общественного питания в крае с тем, чтобы к концу пятилетки охватить полным суточным питанием не менее 75% промышленных и транспортных рабочих и до 50% – членов их семей; к концу 1930-1931 г. организовать специальные детские столовые и кухни с расчетом полного обеспечения всех школьных и дошкольных учреждений в рабочих районах горячими завтраками и обедами; предложить краевому уполномоченному Нарпита в месячный срок уточнить план расширения предприятий общественного питания в рабочих районах края, определив отдельно пункты с капитальными затратами, а также объекты нового строительства; предложить краевому уполномоченному Нарпита приступить к разработке промфинпланов, вложений средств на капитальные затраты в новое строительство на 1930-1931 г. с привлечением средств местного бюджета и средств промышленного края [3, с. 3].

В соответствии с намеченными планами в сфере общепита сеть предприятий Дзержинского треста столовых росла ежегодно. Однако этот рост не удо-

влетворял потребности трудящихся города в общественном питании. В самом городе имелся только ресторан и одна столовая на базаре, которая размещалась в совершенно неприспособленном помещении. Остальные столовые находились на территории заводов и заводских поселков. Буфеты также в основном находились на территории цехов и школ. Открытых внешних буфетов имелось пять, при учреждениях – три, при клубах – пять, при кинотеатре – один, всего буфетов II категории – 14. Развитие предприятий массового питания в Дзержинске было на низком уровне. Заводы, за счет своих средств строившие столовые, обычно отстраивали их на территории цехов, причем ни вопрос строительства столовых, ни их проекты с трестом не согласовывали. Из всех столовых соответствовали своему назначению только восемь. Столовая № 1 завода № 95 не была достроена. Восемь столовых находились в деревянных зданиях временного типа; три из них были совсем не приспособлены для предприятий общественного питания. Столовая № 18 в Решетихе была полуразрушена, грозила обвалом, ее необходимо было заменить новой [4, д. 1064, л. 46].

Для изучения постановки общественного питания и конкретной помощи в перестройке этой отрасли «Нижегородской коммуной» была организована бригада, отправленная на фабрики-кухни Кулебакского металлургического завода. Фотография рабочего дня показала, что на Кулебакской фабрике-кухне до 30% рабочих совершенно ничего не делали. Администрация фабрики-кухни даже точно не знала, сколько людей у них работает. Когда фабрику-кухню перевели на прогрессивную сдельщину, то по одной только кухне освободилось 38 человек, по залу раздатчиц – еще 28 человек. Это было достигнуто путем правильной организации труда. Ранее, например, картофель, капусту, овощи, мясо, рыбу чистили все работники кухни. Когда же по кухне организовали три бригады, выяснилось, что они прекрасно справляются с работой по приготовлению двух тысяч порций. По зеленному цеху было организовано три бригады зеленщиц, каждая из семи человек. Бригада приготовляла полуфабрикаты для кухни (1.100-1.200 кг). По залу из раздатчиков пищи было выделено 16 бригад. Были введены должности бригад-уборщиц, чего раньше не было. Раньше себестоимость обедов составляла 33 коп., в то время как продажная цена – 20 коп. В результате был получен убыток 54 тыс. руб. Качество обедов было скверным. Обеды целыми термосами возвращались обратно с завода не разобранными. Чтобы улучшить качество обедов, был организован заготовительный пункт [5, с. 1].

Одной из основных целей периода индустриализации было накормить как можно больше людей и «освободить» женщину для работы на благо строительство коммунизма. По этому поводу «Нижегородская коммуна» писала: *«Вопросы общественного питания являются основным стержнем, вокруг которого должна развертываться перестройка быта на социалистических началах. Организуя общественное питание, мы освободим от гнета кухни миллионы новых работников – женщин»; «Освобожденная от стряпни крестьянка имеет возможность использовать все свои силы для работы в поле, активно участвовать в общественной работе»; «Долой все тормозы, мешающие перестройке*

быта на социалистических началах. Народное питание – под пролетарский контроль!» [6, с. 2.]. Во исполнение данных лозунгов в 1931 г. было намечено построить и пустить в эксплуатацию фабрики-кухни в Балахне. Однако это строительство было сорвано. Основные причины срыва строительства, указанные в газете «Нижегородская коммуна», – отказ в снабжении стройматериалами, скверное финансирование и задержка в получении оборудования [7, с. 4].

После девяти лет кропотливого труда по развитию предприятий массового питания оказалось, что в Нижегородском крае практически отсутствуют столовые диетического питания, которые нужны для удовлетворения потребностей общества. Обком профсоюза рабочих кирпичной промышленности на диетическое питание должен был израсходовать в 1938 г. 13,7 тыс. руб., однако, средства остались неиспользованными. Если же некоторые обкомы профсоюзов и расходовали их, то далеко не рационально. Не было врачебного контроля, без которого больной не может получить должного эффекта в лечении [8, с. 3]. Эти данные говорят о проблеме, которая не в полной мере учитывалась и не в полном объеме решалась при создании нового общества, а именно о здоровой нации.

Правильно постановленное дело общественного питания являлось одним из условий успешного выполнения промфинплана, повышения уровня реальной зарплаты, укрепление трудовой дисциплины и повышения производительности труда. Проанализировав источники, можно отметить, что советское государство в Нижегородском крае наметило большую работу по развитию предприятий массового питания. К сожалению, многие благие стремления в условиях форсированной индустриализации так и не были реализованы.

Источники и литература

1. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.

2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 2. Оп. 1.

3. По докладу о состоянии общественного питания в основных рабочих районах края // Нижегородская коммуна (далее – НК). – 1930. – 7 мая.

4. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1.

5. Работа фабрик-кухонь и столовых может быть улучшена // НК. – 1931. – 16 ноября.

6. НК. – 1930. – 16 марта.

7. За дальнейшее улучшение и развитие общественного питания // НК. – 1931. – 16 июня.

8. Большое и важное дело // НК. – 1939. – 4 февраля.

УДК 908(470+571)

ХЛЕБОПЕКАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ АРЗАМАСА В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА

BAKING INDUSTRY OF THE CITY OF ARZAMAS IN 1920-1930 YEARS

А.А. Исаков

A.A. Isakov

Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания,
кандидат философских наук, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: Blauer-Reiter@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена эволюции хлебопекарной промышленности Арзамаса в период с момента сворачивания новой экономической политики до начала Великой Отечественной войны. Автор демонстрирует процесс смены организационных форм и форм собственности в этой отрасли. Основной тенденцией этого процесса стал переход от частной собственности в условиях совершенной конкуренции к государственно-монополистическому капитализму и от кустарных предприятий (мануфактур) к фабрике. При этом положение рабочих, занятых в отрасли, существенно ухудшилось в связи с усилением эксплуатации.

Ключевые слова: хлебопекарная промышленность, индустриализация, кооперативная собственность, государственно-монополистический капитализм.

Summary: The article is devoted to evolution of the baking industry of the city of Arzamas in the period since the collapse of the new economic policy before the Great Patriotic war. The author demonstrates the process of changing organizational forms and forms of ownership in the baking industry. The main trend of this process was the transition from private property in the conditions of perfect competition to the state-monopoly capitalism and of the manufactories to the fabric. The situation of workers employed in the baking industry has deteriorated due to the intensification of exploitation.

Key words: baking industry, industrialization, cooperative ownership, state-monopoly capitalism.

Данная статья призвана проанализировать эволюцию форм собственности и организационных форм предприятий хлебопекарной промышленности Арзамаса 20-30-х годов XX века. Вопрос этот имеет не только прикладное значение, поскольку позволяет на уровне микроистории увидеть социально-экономическое лицо режима, установившегося в СССР после сворачивания нэпа. В качестве источников в статье используются документы четырех фондов Государственного архива Нижегородской области, г. Арзамас. Фонды *Р-23* и *Р-322* принадлежат Городскому исполнительному комитету Арзамаса. Они отражают историю становления и упадка кооперативных пекарен в период с 1925 по 1929 год через призму ежегодной отчетности и актов плановых и внеплановых проверок. Фонд *Р-315* принадлежит уже собственно Городскому потребительскому обществу Арзамаса. Его материалы позволяют осветить работу кооперативных пекарен изнутри, включая кадровые и технологические вопросы. Наконец, фонд *Р-1043* принадлежит Арзамасскому хлебобулочному комбинату и позволяет дать всестороннюю характеристику его состоянию и работе в конце 30-х. Особенно важно то, что многие документы в этом фонде представлены не

в итоговых подретушированных версиях, а в черновых, что, безусловно, повышает доверие к фонду в целом.

К сожалению, в фондах ГАНО г. Арзамас не отложились документы Городского торга ранее осени 1938 г., что практически лишает нас информации по возникновению первых муниципальных (не частных и не кооперативных) хлебопекарных предприятий города. Впрочем ситуация с источниками по истории частных пекарен еще хуже. Одной из причин этого является отсутствие правильно поставленного архивного дела до 1923 г., когда старые документы применялись для упаковки товаров в лавках. Другой причиной стало во многом искусственное сворачивание частного сектора в экономике, начавшееся как раз в 1925-1926 гг. В городе частные пекарни и мельницы исчезли уже в 1926 г., но в уезде на тот момент еще сохранялось 44 таких предприятия (другое дело, что по объему произведенной продукции частный сектор стал практически незаметным) [1, д. 780, л. 117].

Именно для борьбы с частником в 1924 г. начинается развитие кооперативной промышленности. Формально кооперативные предприятия также являлись частными. Однако в Советском Союзе эта форма частной собственности противопоставлялась индивидуальной по классовому признаку. Перед кооперативами была поставлена задача вовлечь в свои ряды максимум трудоспособного населения, т.е. фактически – эволюционировать из частной формы в общественную. Многие частники попытались спасти свое дело, просто войдя в состав какого-либо кооператива. В результате к 1927 г. в арзамасской артели инвалидов «Единение» было целых четыре пекарни и менее половины членов имело инвалидность [2, д. 42, л. 44-44 об.].

Во исполнение этих инвектив первая относительно крупная пекарня в Арзамасе была открыта Городским потребительским обществом (кооперативом, непрерывно существовавшим с 1902 г.) весной 1925 г. на первом этаже церкви Рождества Богородицы Спасского монастыря. Два года спустя появилась еще одна, на Ореховской улице (ныне ул. Красной милиции) [2, д. 45, л. 5 об.]. На фоне возрождения городской жизни (в Арзамасе работали предприятия по переработке кожи и шерсти, действовали учебные заведения, был расквартирован пехотный полк) хлебопекарное дело оказалось очень выгодным – с каждым годом пекарня в Спасском монастыре приносила все большую прибыль, составлявшую примерно 6% от оборотных средств [2, д. 42, л. 16Жоб.].

Место для пекарни было выбрано не случайно. Церковь Рождества Богородицы (построенная, кстати, в 1660-1690-е гг.) была единственным отапливаемым зданием монастыря, что очень важно для работы зимой. С северной стороны к первому этажу церкви пристроили помещение жаровых печей (сначала их было две, через год стало четыре); с южной стороны уже был пристрой, который пригодился для различных вспомогательных служб. В результате само помещение пекарни лишилось естественного освещения и вентиляции, и условия труда в нем стали весьма тяжелыми. Самое интересное, что для устройства пекарни не потребовалось закрывать церковь – по данным портала «Храмы России», богослужения на втором этаже продолжались до 1929 г. [3]. Работали

в пекарне на момент открытия всего 13 человек, год спустя – 17, а через два года – 28. Все они были мужчинами. Заведовал пекарней Г.И. Максимов, неотлучно следивший за работой подчиненных в две смены – с 7 утра до 11 вечера – и лично отвечавший за любой брак пекарей. Общее руководство промчастью ГорПО, включавшей еще и колбасное производство, осуществлял С.Л. Видюльцев – в прошлом первый военком Арзамаса, человек крутого нрава и богатой революционной биографии.

Драматической оказалась предыстория оборудования новой пекарни ГорПО в здании церкви Владимирской иконы Божией матери. Правление кооператива давно просило горисполком о передаче в аренду нового просторного и светлого здания. В 1932 г. был заключен договор аренды здания Владимирской церкви, закрытой уже несколько лет назад под предлогом устройства в ней школы или больницы. Ни то, ни другое открыто в ней не было, а здание, оставленное без охраны и отопления, стало быстро приходить в негодность. Практически погиб и ценный иконостас, который власти изначально предполагали продать за границу [2, д. 185]. В этих условиях открытие пекарни ГорПО просто спасло здание от сноса. Кроме производства здесь, судя по всему, было устроено общежитие на три комнаты и 25 коек.

Кроме двух пекарен Городского потребительского общества (ГорПО), в Арзамасе действовали две пекарни потребительского общества железнодорожников, расположенные на станциях Арзамас I и Арзамас II, четыре вышеупомянутые пекарни артели инвалидов «Единение» и пекарня Госпивзавода. Все вместе они давали горожанам примерно 10-12 тонн хлеба и выпечки ежедневно. Муку кооперативные пекарни брали с местных артельных или сдаваемых в аренду муниципальных мельниц, работавших таким же кустарным образом, что и пекарни, но еще более прибыльных [2, д.17, л. 117 об.]. В 1925-1926 гг. хлебопекарное дело в Арзамасе росло буквально на дрожжах, объемы производства увеличивались в 2-2,5 раза за год.

Однако не за горами был «год великого перелома». В 1927 г. был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства и борьбу с кустарной промышленностью. Ближайшим его результатом стал социальный кризис – массы крестьян оказались вне привычной экономики, многие из деревни предпочли перебраться в город. Это привело к резкому сокращению производства основных продуктов (зерна, мяса и молока) и одновременно к росту городского населения. Ситуация усугубилась климатическими катаклизмами, вызвавшими неурожай. В этих условиях о прибыльности хлебопекарного дела уже не вспоминали – главное было накормить людей.

Осложняла ситуацию борьба с кустарями, в тот момент уже нанесшая значительный ущерб кожевенному производству в Арзамасе. С 1927 г. мукомолы и хлебопеки выдерживали давление комиссий, которые въедливо проверяли пекарни, тщательно отмечая разного рода недостатки и мало обращая внимания на реальные трудности. Иногда это выливалось в конфликты, как, например, 7 октября 1927 г. В тот день члены торгово-кооперативной секции горсовета составили весьма критический акт по уже известной нам пекарне ГорПО. Заведу-

ющий пекарней смог сдержать свои эмоции, но отвечавшему за ее санитарное состояние врачу Рябову выдержки не хватило [2, д. 42, л. 49-50]. Г.И. Максимов был вынужден оставить свой пост (его эмоциональную переписку весны-лета 1928 г. по этому поводу см.: 4, д. 93, л. 31, 32, 62), впрочем, как и С.Л. Видюльцев. Их обоих осенью 1929 г. сменил И.Е. Ширканов, изначально – помощник заведующего промчастью [4, д. 253, л. 41].

Так или иначе, пекарня тогда продолжила свою работу. Чего нельзя сказать о пекарнях артели «Единение» – в условиях дефицита сырья они начали закрываться и к середине 30-х уже не функционировали. Закрылась и пекарня ГорПО на Ореховской улице. После разгрома частного сектора кооперативы сами оказались в роли классового врага. В конце 1920-х гг. большинство кооперативных пекарен были закрыты, а оставшиеся, как мы увидим ниже, национализированы в 1938 г. На смену кооперативным, т.е. частным, в принципе, пекарням, приходят пекарни Горторга – первые муниципальные предприятия в этой сфере. В 1930 г. первая пекарня ГорТ появилась в комплексе зданий №№ 71-73 по ул. Ленина (она делила их первый этаж с хлебным магазином, на втором были жилые помещения). Еще одна выселила склад Союзутиля из здания на ул. Песочной (ныне ул. Березина) в 1936 г. В первой было четыре кустарные печи, а во второй – только три [5, д. 26, л. 48-48 об.].

Несмотря на ввод новых мощностей, больше всего продукции попрежнему давала пекарня в Спасском монастыре – до 11 тонн в сутки. Пекарня ГорПО в бывшей Владимирской церкви вырабатывала до 6 тонн, а пекарни ГорТ – всего 3,5 и 1,5 тонны. Пекарни кооператива железнодорожников могли прибавить к этому еще 4-5 тонн каждая, но и эти результаты достигались редко [5, д. 26, л. 48-48 об.].

Положение рабочих в кустарных пекарнях было непростым. Выше мы уже писали о тяжелых условиях труда в пекарне на территории Спасского монастыря. Однако и в остальных они были не легче. При этом пекарни имели водоснабжение только для замеса теста, а электроснабжения не имели вовсе. Работа велась круглосуточно в три смены, ночью помещения освещались только масляными лампами. Возможности принять душ и переодеться у пекарей не было, да и спецодежду выдавали далеко не всегда, когда это было нужно. Уровень зарплаты при этом был ниже, чем на Госпивзаводе и на Кожзаводе. На первом средняя месячная зарплата составляла в 1926 г. 52 руб., на втором, в зависимости от специализации работника, от 49 до 66 руб. Госпивзавод даже имел семь квартир и строил 8-квартирный дом [2, д. 7, л. 125]. В сравнении с этим положение хлебопеков не было завидным. Пекарь получал всего от 37 до 40 руб. [4, д. 176, л. 90], при этом мог рассчитывать лишь на общежитие, в трех комнатах которого столпились три десятка коек. Несколько улучшала его положение возможность забрать себе часть припека (т.е. превышения массы выпечки над массой муки). Однако начавшаяся после разгрома частных пекарен борьба с кооперативами скоро не оставила им и этой возможности. Эта борьба велась двумя основными методами: ограничением нормы припека и кампаниями по снижению цен, обычно на 10% за квартал [4, д. 176, л. 4 об.]. В результа-

те уже к началу 30-х пекарь мог рассчитывать только на зарплату, а она была небольшой.

Тем временем начиналась уже третья пятилетка, и в ее показателях наконец-то нашлось место Арзамасу, прежде обделенному вниманием Госплана. Если на 1937 г. в Арзамасе было всего два крупных предприятия (водочный завод и войлочная фабрика), то к 1942 г. здесь должны были появиться швейная и трикотажная фабрики, на которых в сумме планировалось занять 4.700 человек, тогда как в 1937 г. на всех арзамасских промышленных предприятиях работал 3.381 человек. В городе должны были обучаться более 2,5 тыс. студентов, находиться ряд секретных предприятий и воинских частей. Население Арзамаса должно было вырасти с 24 до 32 тыс. человек, а района – с 38 до 44 тыс. Поэтому была поставлена задача довести производство хлеба до 50 тонн в сутки [5, д. 2, л. 53-58]. Первым этапом ее выполнения стало трестование – передача всех пекарен (кроме находившихся на железнодорожных станциях) в состав треста «Росглавхлеб».

Трестование в Арзамасе проводилось в два приема. Летом 1938 г. пекарни Городского потребительского общества (кооперативные, как мы помним) были переданы в структуру муниципального Горторга. Руководителем этого конгломерата, еще не ставшего единым целым, стал Н.И. Белькевич. Однако уже 15 сентября того же года он по акту передал подчиненные ему пекарни в состав создаваемого Арзамасского хлебобулочного комбината треста «Росглавхлеб», который как таковой начал функционировать с 1 октября [5, д. 3, л. 518, 518 об., 519]. Первым директором комбината стал В.А. Горин. Пекарни кооператива железнодорожников также сменили собственника. Им стал трест «Трансторгпит» [5, д. 26, л. 54 об.]. С этого момента хлебопекарная промышленность Арзамаса полностью переходила в собственность государства. Технический процесс при этом не претерпел особых изменений. Его особенности определялись использованием в производстве кустарных жаровых печей, в которых сжигание топлива и выпечка хлеба не могли производиться одновременно.

Хотя итоги работы комбината за 1938 г. трест оценил как неудовлетворительные, документы скорее свидетельствуют об обратном. Причина такой оценки треста заключалась исключительно в невыполнении плановых показателей. В натуральном выражении они даже были перевыполнены, но из-за высокой себестоимости продукции комбинат вместо 84 тыс. руб. прибыли получил лишь 37 тыс., что составило менее 0,5% от оборотных средств [5, д. 4, л. 15-16 об.]. На фоне других комбинатов области, некоторые из которых допустили убытки в сумме 185 тыс. руб. [5, д. 4, л. 5 об.], это было однозначным успехом. Трест отреагировал двояко. В 1939 г. была проведена дисциплинарная чистка – троих работников, за которыми числились растраты, уволили, дела передали в суд. Причем один из завпеков лишился места всего за 70 с небольшим рублей. Однако для коллектива в 220 человек эти санкции были несущественными. Зато на 1939 г. именно Арзамасскому комбинату была запланирована самая большая (по сравнению с другими предприятиями) финансовая помощь – 67 тыс. руб., т.е. почти вдвое больше, чем смогли заработать наши хлебопеки. Кроме того, в

декабре 1938 г. на комбинат прибыла команда представителей треста, которые должны были наладить социалистическое соревнование и научить арзамасцев работать по-стахановски. Штурм развернулся в предновогодние дни: и горьковчане не отходили от печей по целым сменам, и наши мастера не отставали от них. Показатели были достигнуты, но ценой полного истощения сил. К следующей смене рабочие просто не восстанавливались, и успех конца декабря обернулся спадом уже в первые январские дни [5, д. 2, л. 8-13 об.].

В первый год работы коллектив хлебокомбината составлял 220 человек, 20 из них не выдержали новых условий труда и ушли. Причин тому было немало. Даже к 1941 г. не были решены вопросы ни с общежитием, ни со спецодеждой, ни с устройством душа. Наоборот, в силу роста масштабов предприятия они встали еще острее. Главной причиной текучки была зарплата. В отличие от промчасти ГорПО, где зарплата назначалась индивидуально, на комбинате она начислялась на бригаду. В результате приличной она была только у бригадиров и подручных, имевших высокий разряд, однако и в таком случае не превышала 100-150 руб. Остальные работники искусственно держались на втором разряде и работали за вдвое меньшие деньги. Бухгалтерия хлебокомбината вообще куда менее прозрачна, чем бухгалтерия промчасти ГорПО – эти цифры мы экстраполируем на основе информации о премиях за перевыполнение плана, принимая их эквивалентными окладу. В то же время рассчитывать на премию могли единицы. Хотя норма припека государственного предприятия никем не ограничивалась, добиться прежних показателей не удавалось. При припеке менее 50% комбинат становился просто убыточным. Поэтому о разделе припека между работниками не могло быть и речи. В итоге эксплуатация работников хлебопекарной промышленности с передачей пекарен в состав государственной монополии не снизилась, а возросла.

Неудивительно, что 1939 г. начался с тех же трудностей, которыми кончился предыдущий. Протоколы технических и производственных совещаний с января по июль переполнены подробностями техпроцесса и спорами о том, что именно мешает получить плановый припек. Все сошлись на том, что необходимо обновление производственной базы. В связи с этим на собрании коллектива хлебокомбината 27 июня 1939 г. был поставлен вопрос о переводе производства в новое здание. Бригадир пекарни № 4 С.В. Суслов предложил изъять из пользования Христорождественской религиозной общины храм, расположенный на ул. Ленина [5, д. 6, л. 29]. В 1940 г. здание церкви Рождества Христова было передано хлебокомбинату. Планировалось, что первую продукцию новый хлебозавод даст уже в октябре, но пуск его состоялся лишь в июне 1941 г. В этом здании были сложены печи новой конструкции. Две относились к типу ХПВ, где литера «В» означает обогрев пекарной камеры (теперь отделенной от топочной) с помощью водогрейных труб. Эти печи, с одной стороны, позволяли поддерживать стабильную температуру, а с другой, могли топиться дровами и не требовали электроэнергии. Еще одна печь относилась к типу ХПК, где «К» означает «конвейерная». Она могла быть производительнее, чем обе ХПВ, но требовала подключения к сети. Все три печи вместе могли бы дать городу 28-30

тонн хлеба, но завод так и не получил электричества. Самая совершенная печь стояла холодной, а печи ХПВ позволяли дать лишь 11 тонн хлеба в день. В таком состоянии арзамасский хлебобулочный комбинат застало утро 22 июня 1941 г.

В итоге мы должны отметить три тенденции в развитии хлебопекарной промышленности Арзамаса 20-30-х годов XX века:

1. В течение тринадцати лет вся хлебопекарная промышленность была национализирована, причем без всяких вложений и компенсаций со стороны государства. В середине 20-х частные пекарни были поглощены кооперативными предприятиями, а в 1938 г. кооперативные и муниципальные предприятия были чисто административным путем включены в состав государственных трестов «Росглавхлеб» и «Трансторгпит». Для достижения этих целей использовались методы монополистической конкуренции, в том числе принудительное снижение отпускной цены, ограничение нормы припека, постоянные административные проверки.

2. В организационном плане хлебопекарная промышленность Арзамаса формально превратилась из кустарной сначала в мануфактурную, а потом – в фабричную. В действительности этого не произошло, так как практически не изменилась производственная база. Зерно мололи кустарные мельницы, хлеб пекли в кустарных жаровых печах. Единственным новшеством было введение разделения труда, но оно коснулось преимущественно нового хлебозавода в Христорождественской церкви.

3. Положение рабочих хлебопекарных предприятий Арзамаса поменялось при этом не в лучшую сторону. Их зарплата оставалась сравнительно низкой, но при этом с 1928 г. они были вынуждены перейти на работу в три смены, а с 1938 г. потеряли возможность участвовать в разделе произведенной продукции в натуральной форме. Характерно, что, несмотря на критику санитарно-бытового состояния кооперативных пекарен, государственные тресты ничего не предприняли для его улучшения после национализации.

В целом, это позволяет сделать вывод о том, что в 1925-1938 гг. хлебопекарная промышленность Арзамаса развивалась в направлении огосударствления и монополизации при всяческом снижении государственных затрат (их рост намечается лишь в 1939 г.). Очевидно, мы имеем дело с политикой государственно-монополистического капитализма, приведшей к серьезной технической и социальной стагнации в хлебопекарной отрасли нашего города.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-23. Оп. 1.

2. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-322. Оп. 1.

3. Портал «Храмы России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://temples.ru/card.php?ID=18548

4. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-315. Оп. 1.

5. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-1043. Оп. 1.

УДК 908

РОЛЬ ШАХУНСКОГО МОЛОКОЗАВОДА В РАЗВИТИИ Г. ШАХУНЬИ В 1934-1992 гг.

THE ROLE OF SHAKHUNSKIY DAIRY PLANT IN THE DEVELOPMENT OF SHAKHUNYA IN 1934-1992

А.Е. Смирницкий[1], А.Ю. Смирнов[2]

A.E. Smirnitsky, A.Yu. Smirnov

[1] Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1

E-mail: ya.alex-smir1974@yandex.ru

[2] Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, факультет гуманитарных наук, студент

E-mail: smiric11@yandex.ru

Аннотация: В статье излагается история Шахунского молочного завода с момента его основания до 1992 г. В частности, выявляются причины, цели, результаты и отличительные особенности постройки молокозавода в г. Шахунья, анализируется деятельность предприятия, включая критерии выбора поставщиков сырья и оборудования, а также объемы, техника производства, рынки сбыта выпускаемой продукции.

Ключевые слова: Шахунья, история развития, промышленные предприятия, молочный завод.

Summary: The article describes the history of the Shakhunya Dairy Plant from the moment of its foundation until 1992. In particular, the article reveals the reasons, objectives, results and distinctive features of the construction of the dairy plant in Shakhunya, analyzes plant's activity, including criteria for selecting suppliers of raw materials and equipment, as well as volumes, manufacturing techniques, sales markets for products.

Key words: Shakhunya, history of development, industrial plants, dairy plant.

Шахунья – город (с 1943 г.) на северо-востоке Нижегородской области, возникновение которого связано со строительством железнодорожной магистрали Нижний Новгород – Котельнич в 1912-1920 гг. С 1933 по 2011 год Шахунья являлась административным центром Шахунского района, в настоящее время – административный центр городского округа с населением 20.217 человек [1].

В Шахунье функционируют различные железнодорожные предприятия, леспромхоз, деревообрабатывающий завод, строчевышивальная фабрика. Однако крупнейшим предприятием города является ОАО «Молоко», доля которого в общем объеме отгруженной продукции составляет 44,3% [2].

Первый молочный завод в Шахунье был открыт в 1934 г. Предприятие располагалось слева от центрального входа железнодорожного вокзала в одноэтажном деревянном доме барачного типа. Выбор такого местоположения объясняется удобством доставки выработанной молочной продукции потребителям при помощи железнодорожного транспорта.

Штат работников состоял из 10 человек. Весь процесс производства выполнялся вручную. Из оборудования был один механический сепаратор-сливкоотделитель «Смычка» производительностью 300 литров в час.

В состав первого Шахунского молочного завода входили сепараторные отделения деревень Акаты, Фадька, Ломы, Извал, а также Буренинский и Хмелевицкий молочные заводы [3, с. 71].

Как рассказывает житель Шахуньи Павел Александрович Лутошкин, 1951 г.р., инженер КИПиА Шахунского завода СОМ, его отец возил на лошадях молоко во флягах из Шерстней в Шахунью на молочный завод. Это дает основания думать о существовании двухзвенной организационной структуры первого Шахунского молокозавода. Согласно ей, молоко сначала поступает на молокоприемные пункты, а далее – на сепараторные отделения, где получают и охлаждают сливки. Оттуда сливки направляют на завод [4, с. 19]. Но если выстраивать цепочку получения готовой молочной продукции более подробно, то она обязательно приведет нас к колхозам, молочно-товарным фермам и непосредственно к производителям натурального цельного молока – коровам.

Согласно данным местной газеты «Колхозная заря», в Шахунском районе в начале 1930-х гг. насчитывалось 43 колхоза, поставлявших молоко. В статьях указываются как негативные, так и положительные моменты их деятельности. Например, отмечается, что колхоз «Памяти Ленина» сгноил корм для коров [5], Мало-Полдневские колхозы плохо готовят фермы к стойловому периоду [6], а такие личности, как т. Дребезгов и т. Ронжин, не борются за ликвидацию бескоровности [7]. С другой стороны, указывается, что колхоз «Труженик» Извальского сельсовета на 22 сентября 1935 г. перевыполнил годовой план поставок молока и мяса (как в целом по колхозу, так и по отдельным колхозникам) [8]; в Тонкинском сельсовете полностью ликвидирована бескоровность [9]; в Андриановском сельсовете появился новый скотный двор для МТФ [10]; повсюду открываются новые фермы [11], а в колхозе «Светлый путь» – даже специализированная хата-лаборатория для молока [12].

Известно, что в день на первый Шахунский молочный завод поступало около 5 тонн молока [3, с. 71]. Из него вырабатывали сливки, творог, сметану и даже молочное мороженое. Однако животное масло на этом заводе не производили. Данную продукцию вырабатывал Хмелевицкий молочный завод.

Результаты работы первого Шахунского молочного завода были удовлетворительными и оценивались руководством предприятия как перспективные. В целях расширения производства в 1939 г. завод переехал на улицу Первомайскую в деревянное одноэтажное здание с большой площадью. Вот как описывает это здание жительница Шахуньи Галина Васильевна Гогузева, 1936 г.р., лаборант-анализатор второго Шахунского молочного завода: *«Когда в 1964 г. я пришла работать на завод, то увидела какое-то полуподвальное здание, в котором принимали и перерабатывали молоко, привозимое из колхозов. Территория была не благоустроена, очень было грязно»*. Видимо, помещение действительно не радовало взгляд; известно, что в момент переезда в 1939 г. шахунская контора «Главмолоко» неоднократно объявляла набор по вакансии

техник-строитель для ремонтных и реставрационных работ на новом молочном заводе [13].

Завод состоял из двух цехов. Первый был оборудован сепаратором и маслобойкой, второй – бассейнами для охлаждения сливок и сметаны. Позже выстроили отдельное помещение для изготовления деревянных ящиков по 25 кг (в них упаковывалось масло), а также помещение для выпекания вафельных стаканчиков для упаковки мороженого.

Технология производства была следующей. Молоко из колхозов доставлялось на завод во флягах на лошадях. Приемку осуществлял лаборант-анализатор, функция которого сводилась к определению вкуса, цвета, запаха, кислотности и жирности молока в каждой фляге. Проверенное молоко поступало в цех на весы, а затем – на сепаратор, где вырабатывались сливки. Полученный продукт сутки охлаждали во втором цехе, после чего загружали в маслобойку.

«До тысячи кубометров намораживали льда зимой. Для этого около завода тесом огораживали большую территорию (площадью 200 х 50 м) и в морозы заливали водой из шланга день и ночь, пока высота ледяной горки не достигала трех метров. Затем ее укутывали толстым слоем опилок. Летом рабочие рубили лед ломиком и на лошади или на носилках доставляли в цех охлаждения сливок», – рассказывает о сложности работы второго цеха Галина Васильевна.

Из-за трудных условий работы в период становления завода происходила частая смена руководителей. Первыми, тогда еще управляющими, были А.С. Шишкин, Н.В. Сераков, М.П. Боков, В.А. Гордеев, Н.Н. Кашин, М.В. Буянов, Б.А. Сетюков [3, с. 71].

Готовая продукция второго Шахунского молочного завода, а это – цельное молоко, сливки, сметана и молочное мороженое – доставлялась в районные магазины, а также железнодорожным транспортом в соседние районы и областной центр – Горький.

Стоит также отметить, что под главенством второго Шахунского завода начали работать Тоншаевский и Ошимнский маслозаводы.

Примечательно то, что в каждом соседнем с Шахунским районе функционировали свои молочные или маслодельные заводы. Однако превосходство Шахуньи в данном соперничестве определялось отсутствием у всех соседей цеха охлаждения.

Также возможно, что качество и объемы шахунской молочной продукции обеспечивались за счет похвального положения дел в районных колхозах. Местная газета «За коммунизм» уже в 1939 г. писала о соревновании доярок из Хмелевиц [14]; о работе, направленной на недопущение случки коров с беспородными быками-производителями в Акатах [15]; об опыте шахунских участников Всесоюзного съезда в получении высоких удоев [16]; об инновационном изменении отношения к хатам-лабораториям в Большом Широком [17]; об организации по району 120 новых ферм [18]. А руководство рабочего поселка и вовсе оценивало 1939 год как время хозяйственного и культурного расцвета района [19].

Учитывая, с одной стороны, значительный рост заготовок молока, а с другой – весьма низкий производственно-технический уровень предприятий, подчиненных Шахунскому молочному заводу, а также нецелесообразность их реконструкции, областное управление по заготовкам сельскохозяйственной продукции сочло необходимым построить в Шахунском районе новый завод. Для этих целей 23 марта 1960 г. исполком Шахунского горсовета депутатов трудящихся решил выделить Шахунскому головному заводу земельный участок площадью 1,5 тыс. м^2 под строительство нового молокозавода по правую сторону шоссейной дороги, идущей на деревню Январи, против участка РТС [20, д. 41, л. 281]. А 29 января 1969 г. исполком райсовета, в свою очередь, решил также передать Шахунскому молокозаводу в постоянное пользование земельный участок площадью 6 га из земель госземфонда под строительство полей фильтрации [21, д. 106, л. 76]. Выделение такой значительной территории предполагало строительство объекта с разветвленной и достаточно мощной инфраструктурой. В 1972 г. здание было введено в эксплуатацию.

Говоря о строительстве, нужно сказать и о жилье для будущих рабочих молокозавода. По данным фонда капитального ремонта многоквартирных домой Нижегородской области можно установить, что в 1972 г. был введен в эксплуатацию 16-квартирный дом № 14 по ул. Пархоменко, в 1973 г. – аналогичный дом № 12 по той же улице. Позднее, в 1982 и 1987 гг. для рабочих молокозавода было построено еще два 24-квартирных дома.

Самой целесообразной, благодаря наличию необходимого количества сырья и железной дороги, была признана специализация завода на производство сухого обезжиренного молока (мощностью 2,5 тонны в смену), с цехами маслоделия и цельномолочной продукции. Оборудование было завезено из Чехословакии и ГДР. В связи с выбранной специализацией новый завод получил название Шахунский завод СОМ (сухого обезжиренного молока).

Статья в газете «Знамя труда» от 4 июля 1972 г. так определяет деятельность нового завода: *«Переработка обезжиренного молока в порошок позволит полностью использовать ценнейший продукт. Он будет основным компонентом сухого заменителя цельного молока, необходимого на фермах для выпойки телят и поросят. Его направят на комбикормовые заводы, в пищевую промышленность»* [22].

С самого начала своей деятельности Шахунский завод СОМ прославился далеко за пределами области. Благодаря слаженной работе заведующей производством Т.И. Кузнецовой, начальника цеха основного производства Р.К. Соловьёвой, мастера Г.В. Гогузевой, маслоделов К.И. Смирновой и А.П. Чапленко, на Всесоюзных конкурсах-смотрах качества сладкосливочного масла, организуемых Министерством мясной и молочной промышленности, продукт, вырабатываемый их руками, заслужил высокую оценку. Масло «Шахунское» было удостоено дипломов II и III степени: в 1971 г. – на ВДНХ в Москве, в 1974 г. – в Уфе, в 1978 г. – в Пензе, в 1981 г. – на ВДНХ в Москве [3, с. 73].

В 1976 г. завод реорганизовали в комбинат. В его состав вошли, оставаясь на самостоятельном балансе, три молочных завода: Тонкинский, Тоншаевский

и Шарангский. Сменилось руководство – до 1986 г. предприятием руководил И.И. Терёхин. Целью созданного комбината являлось повышение эффективности использования вторичного сырья.

По словам жительницы Шахуньи Галины Анатольевны Молчановой, 1957 г.р., техника-химика Шахунского завода СОМ, на предприятие поступило новое оборудование, что вызвало расширение ассортимента выпускаемой продукции. Завод стал выделывать копченый сыр, адыгейский сыр, йогурты, ряженку, снежок, простоквашу, топленое молоко, кефир обезжиренный, кефир 3,2% жирности. Благодаря этому расширились пути реализации продукции по России (Московская, Тверская, Владимирская, Костромская и др. области) и даже за границей.

В газете «Знамя Труда» за 1976 г. (№ 26) директор Шахунского завода СОМ докладывает о перевыполнении плана двух месяцев первого года X пятилетки по реализации продукции. Задание перевыполнено более чем на 50 тыс. руб. За этот период изготовлено масла животного свыше 76 тонн. Хороших трудовых достижений добились в соцсоревновании в честь партийного съезда начальник смены Р.К. Соловьёва, мастер маслоцеха Г.Н. Частухина, аппаратчицы К.И. Смирнова и А.П. Чапленко, машинисты паровых котлов А.В. Калин и Г.Н. Перминов [23]. Однако председатель Исполкома горсовета С.Г. Бузин в своем докладе о работе за 1975 г. критикует завод СОМ за невыполнение плана по выработке мороженого. При плане в 6 тонн его выпущено 2,8 тонны (46,6% к плану) [24].

Проблемой завода была (и до сих пор остается) большая текучка кадров. Практически в каждом номере газеты «Знамя Труда» за 1976 г. публиковались объявления об имевшихся вакансиях (слесаря, кочегара, зольщика, начальника и лаборанта котельной, электрика, кассира, шофера, автомеханика, машиниста холодильных установок, компрессорщика, сантехника, разнорабочих).

Руководство завода искало пути решения этой проблемы. Так, например, принятому на должность начальника котельной сразу предоставлялась квартира. А подготовка специалистов по холодильным установкам и паровым котлам осуществлялась за счет завода на обучающих курсах в г. Кирове [25].

Условия труда на заводе по всем параметрам (санитарно-гигиенические, психофизиологические, эстетические, социально-психологические, режим труда и отдыха) оценивались большинством рабочих как отличные.

За стартовые 1970-е годы Шахунский завод СОМ заработал себе славу передового предприятия. Товарной продукции с тонны молока завод вырабатывал больше всех в области. Объем закупок молока с каждым годом возрастал. На повестку дня встал вопрос о реконструкции предприятия. Институт «Гипромясомолпром» сделал ее проект. Но в связи с организацией районных агропромышленных объединений (РАПО) в 1985 г. комбинат расформировали, молочные заводы должны были входить в РАПО своих районов. В это время, как карточный домик, разваливалась вся стройная система снабжения, финансирования и строительства перерабатывающих предприятий. Плановые поставки животного масла и сухого молока государству отменили.

В 1986 г., в период нестабильности и полной неопределенности, на пост директора завода заступил Анатолий Александрович Маликов. В тяжелое время пришлось взять ему бразды правления в свои руки. Справиться с трудностями помог опыт работы на предприятии в течение трех лет на должности главного инженера, неукротимая энергия и большое желание не дать погибнуть заводу [26].

Долгожданная реконструкция началась в 1990 г. В трудных условиях перестройки завод в 1990 г. добился лучших за все предыдущие годы показателей. Шахунцы заготовили 26 тыс. тонн молока, выработали 1,33 тыс. тонн масла, 1,8 тыс. тонн сухого обезжиренного и сухого цельного молока.

Качество сухого обезжиренного молока, выпускавшегося на новом оборудовании, намного улучшилось по своим показателям. Благодаря этому предприятие сумело расширить свои позиции на мировом рынке: 90% сухого молока продавали за рубеж (в Голландию, Польшу, Афганистан и другие страны) [3, с. 74]. Вот как комментирует то положение дел А.А. Маликов: *«Тогда мы ввели в эксплуатацию новую сушилку мощностью 6,3 тонны в смену. Открыли валютный счет и через посредников отправляли продукцию в Польшу, Японию, страны Западной Европы, Среднюю Азию. Работать при растущем курсе доллара было интересно и выгодно»* [26].

В 1992 г. завод был преобразован в АООТ «Молоко». Его хозяевами стали колхозы и совхозы Шахунского района, сосредоточившие у себя 44% акций, и работники предприятия, между которыми распределены были оставшиеся ценные бумаги. С этого момента началась другая страница истории Шахунского молочного завода.

Источники и литература

1. РОССТАТ: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года.

2. Парламентский день Законодательного собрания пройдет в Шахунье // Региональное информационное агентство Правительства Нижегородской области «Время Н». – 2013. – 9 октября.

3. Корнилова А. Шахунское «Молоко» // Город у дороги. – Н. Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1999.

4. Сирик В.И. Производство масла и других молочных продуктов на маслодельных заводах. – М.: Пищепромиздат, 1952.

5. Сгноили корм // Колхозная заря. – 1935. – 21 сентября.

6. Мало-Полдневские колхозы плохо готовят фермы к стойловому периоду // Колхозная заря. – 1935. – 17 сентября.

7. Дребезгов прикрывает своего брата // Колхозная заря. – 1935. – 19 сентября.

8. По району // Колхозная заря. – 1935. – 24 сентября.

9. Ликвидирована бескоровность // Колхозная заря. – 1935. – 18 июля.

10. Новый скотный двор для МТФ // Колхозная заря. – 1935. – 17 июля.

11. Новая ферма // Колхозная заря. – 1935. – 18 июля.

12. Хата-лаборатория // Колхозная заря. – 1935. – 13 июля.
13. Требуются // За коммунизм. – 1939. – 23 сентября.
14. Доярки включились в соревнование // За коммунизм. – 1939. – 20 июля.
15. Не допускать случки коров // За коммунизм. – 1939. – 20 мая.
16. Как добиться высоких удоев? // За коммунизм. – 1939. – 17 августа.
17. Отношение к хатам-лабораториям и опытникам // За коммунизм. – 1939. – 22 августа.
18. Организовано 120 ферм // За коммунизм. – 1939. – 13 октября.
19. Хозяйственный и культурный расцвет района // За коммунизм. – 1939 – 19 ноября.
20. Сектор по делам архивов администрации г.о.г. Шахунья. Ф. Р-10. Оп. 1.
21. Сектор по делам архивов администрации г.о.г. Шахунья. Ф. Р-1. Оп. 1.
22. Новорожденный заговорил // Знамя труда. – 1972. – № 80.
23. Дурников А. План перевыполнен // Знамя труда. – 1976. – № 26.
24. Хорошее наследство – залог будущих успехов // Знамя труда. – 1976. № 30.
25. Отдел объявлений // Знамя труда. – 1976. – № 90.
26. Целикова Т. А.А. Маликов: «Мы уверено идем в гору» // Знамя труда. – 2016. – № 191-192.

УДК 908

РЕАЛИЗАЦИЯ УКАЗОВ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 26 ИЮНЯ И 10 ИЮЛЯ 1940 г. НА СУДОСТРОИТЕЛЬНЫХ И СУДОРЕМОНТНЫХ ЗАВОДАХ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЕ МЕСЯЦЫ

IMPLEMENTATION OF THE DECREES OF THE USSR SUPREME SOVIET' PRESIDIUM OF 26 JUNE AND 10 JULY 1940 AT THE SHIPBUILDING AND SHIP-REPAIR FACILITIES OF GORKY REGION IN THE PREWAR MONTHS

Д.А. Ляпин
D.A. Lyapin
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Институт международных отношений и мировой истории,
кафедра истории и политики России, аспирант
608600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: dmitrij.liapin@yandex.ru

Аннотация: В статье показан процесс реализации Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 июля 1940 г. на судостроительных и судоремонтных заводах Горьковской области в период до 22 июня 1941 г.

Ключевые слова: дисциплина, нарушение, партийная организация, указ.

Summary: The article shows the process of implementing Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on June 26 and July 10, 1940 at shipbuilding and ship-repair plants in the Gorky region in the period until June 22.
Key words: discipline, violation, party organization, decree.

В предвоенный период в Советском Союзе был осуществлен крупный народнохозяйственный маневр, позволивший нарастить мощности оборонной индустрии, расширить производство и поставки вооружения и боеприпасов. И хотя производственная база страны по масштабам того времени была еще недостаточной, перераспределение мощностей и концентрация сил и ресурсов позволили создать материальный фундамент обороны [1, с. 62].

В 1938 г. были введены трудовые книжки, которые хранились в отделе кадров по месту работы. Без отметки в трудовой книжке о причинах увольнения с предыдущего места работы человека не могли принять на новую работу.

В 1940 г. рабочий режим промышленных предприятий стал еще более жестким. Под угрозой тюремного заключения рабочим и служащим было запрещено переходить с одного предприятия на другое без разрешения дирекции. Если в 1939 г. опоздание на работу на 20 минут без уважительных причин считалось прогулом, то с 1940 г. за это рабочий мог быть осужден на шесть месяцев «условно»: он продолжал трудиться на своем месте, но у него вычитали до 25% заработка в пользу государства. С 26 июня 1940 г. запрещался самовольный уход с работы, длительность рабочего дня увеличилась с 7 до 8 часов, вместо шестидневной рабочей недели была введена семидневная [2, с. 181].

Это нашло отражение в историографии судостроительных и судоремонтных предприятий Горьковской области. Так, в «Истории Красного Сормова» Указу Президиума Верховного Совета (ПВС) от 26 июня 1940 г. дана положительная оценка: *«После опубликования Указа прошла лишь неделя, а на Сормовском заводе прогулы уменьшились в 3 раза»* [3, с. 394]. В то же время И.А Косарев, автор истории завода «Теплоход», вообще обошел эту проблему [4, с. 70-72].

В статье сделана попытка анализа на основе архивных документов, в первую очередь партийных, реализации Указов ПВС СССР от 26 июня и 10 июля 1940 г., на судостроительных и судоремонтных заводах Горьковской области с учетом их большого народнохозяйственного и оборонного значения в данный период.

Из партийных документов видно, что Указам придавалось большое политическое значение.

Так, партбюро конструкторского отдела завода «Красное Сормово» 12 августа 1940 г. заслушало информацию «Об Указах Верховного Совета» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и Указ «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» от 10 июля 1940 г.). Оба они рассматривались в комплексе. Отмечалось, что ***«начальники отделов и цехов еще не борются по-настоящему за их проведение»*** (выделено нами – ***Д.Л.***), что мало обращается внимания на борьбу с ад-

министративными отпусками. *«Нарушители трудовой дисциплины часто прикрываются лжехарактеристиками, выдаваемыми администрацией, и всякими "уважительными" причинами»*. Партбюро решило *«принять к неуклонному руководству указания райкома о строжайшем проведении в жизнь указов Верховного Совета. Проработать вопрос на партийных группах»* [5, д. 161, л. 69-69 об.].

На указ отреагировала и печать предприятий. Так, газета «Шиморский ударник» судоремонтного завода имени X годовщины Октября 18 июля 1940 г. поместила приказ наркома речного флота СССР З. Шашкова № 287 «Об итогах работы речного транспорта за первое полугодие 1940 года» [6, с. 1]. Нарком потребовал, *«проводя широкую разъяснительную работу, ... добиться окончательной ликвидации текучести кадров и решительного укрепления трудовой дисциплины среди берегового, плавающего состава и путейских работников:* ***выявлять и беспощадно наказывать всех прогульщиков, лодырей, всех дезорганизаторов производства, которые своими действиями тормозят развитие речного транспорта и тянут его назад»*** (выделено нами – ***Д.Л.***) [6, с. 1].

В той же газете под рубрикой «Указ в действии» была опубликована заметка о первом суде над нарушителем трудовой дисциплины, который *«в течение 1939-40 года ... несколько раз летал с места на место, гоняясь за "длинным рублем" и вот, наконец, приземлился на скамью подсудимых»*. Народный суд приговорил его к шести месяцам принудительных работ с вычетом 25% из зарплаты [7, с. 2].

Другой автор, обозначенный инициалами С.С., клеймил группу рабочих механического цеха в количестве 11 человек, которые бросили работу за 40 минут до окончания смены и *«расположились у входа в механический цех»*. *«Половина присутствующих было стахановцев, которые славятся по заводу как лучшие производственники»*. Автор писал: *«Сегодня мы их видим, как дезорганизаторов производства. Такие люди не достойны звания стахановцев. Стахановцами они были только для себя, а не для общественности. Упорная их работа выражалась только в том, чтобы больше заработать, а участвовать в общественной работе, быть передовиком в коллективе, заражать своей работой всю массу – в них этого не было, а последний факт говорит за то, что эти люди обходят мимо государственные законы»*. Упомянув далее *«человек пятнадцать»*, которые *«бродят по цеху»*, автор заметки призвал директора завода и начальника цеха *«принять к этим товарищам соответствующие меры»* на основании Указа Президиума Верховного Совета [8, с. 2].

Двадцать первого августа 1940 г. партбюро конструкторского отдела завода № 112 обсуждало вопрос об отдаче под суд начальника отдела В.И. Борисова *«за явное нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и укрывательство прогульщика Лебедева»*. В ходе обсуждения было решено ограничиться выговором с предупреждением и вынесением вопроса на общее партийное собрание [5, д. 161, л. 71-72].

Вторым вопросом в повестке дня заседания партбюро стояло *«сообщение члена партии тов. Куклева»* о том, что заместитель главного технолога завода

Дубровин – *«член ВКП (б) в рабочее время стоит в очереди за папиросами»* и просьба *«рассмотреть этот вопрос»*. Дубровин показал, что затратил *«на это делом минуты три производственного времени»*. Постановили поручить *«выяснить детали дела, установив время, потраченное на это дело т. Дубровиным, и тогда еще раз обсудить на партбюро»* [5, д. 161, л. 72 об.].

Двадцать девятого августа партбюро вернулось к этому вопросу. Дубровин пояснил, что затратил на попытку купить папиросы *«максимально 5-8 минут»*. В ходе дебатов поступило предложение вывести Дубровина из состава партбюро. Содержание постановления по этому вопросу заслуживает того, чтобы быть изложенным дословно: *«Учитывая, что тов. Дубровин Е.А., член ВКП (б) с 1932 г., как хозяйственный и партийный руководитель должен быть образцом в соблюдении трудовой дисциплины, а он сам нарушил существующие правила, приказ по заводу и Указ правительства, что никоим образом недопустимо для члена партии, – объявить ему выговор, с выводом из членов партийного бюро. Вынести этот вопрос на обсуждение общего партийного собрания 30 августа»* [5, д. 161, л. 73].

Вопрос о покупке папирос в рабочее время разбирался и на общем партсобрании конструкторского отдела и отдела главного технолога 30 августа. Особо подчеркивалось, что т. Дубровин *«первым нарушил дисциплину в тот день, когда стоял вопрос о Борисове»*. Решение партбюро было утверждено [5, д. 160, л. 110-110 об.].

Пятого сентября партбюро конструкторского отдела разбирало вопрос о передаче в суд дела тов. Киреева, обвинявшегося в нарушении Указа. Суть дела: 2 сентября 1940 г. Киреев *«потерял до одного часа рабочего времени на оформление личных дел»*; кроме того, на него поступила докладная записка, где говорилось, что он уже продолжительное время и довольно часто засыпает на производстве. *«Работники данного сектора продолжение такого явления считают невозможным – просят администрацию привлечь т. Киреева к судебной ответственности за нарушение Указа»* [5, д. 161, л. 74]. Разбирались подробно. Выясняли, например, в котором часу Киреев ложится спать. Сделали вывод, что *«нельзя члену партии на глазах у всего коллектива работающих спать во время работы»* [5, д. 161, л. 75 об.], но ограничились вынесением выговора нарушителю.

Двадцать первого августа на закрытом партсобрании обсуждался вопрос о нарушении Указа Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. и укрывательстве прогульщика начальником конструкторского отдела Борисовым. Позиции выступивших на собрании коммунистов можно назвать взвешенными и здравыми. В.И. Борисов объяснил, что он уволил несовершеннолетнего «прогульщика» сознательно, как плохого, ненужного работника по сокращению штата. Собравшиеся сделали вывод, что директор поспешил с наказанием начальника конструкторского отдела, и ограничились вынесением ему выговора [5, д. 160, л. 106-107].

На заседании партбюро отдела 23 октября были подведены некоторые итоги выполнения Указа ПВС от 26 июня. Доклад делал начальник конструк-

торского бюро В.И. Борисов. Ему было задано несколько вопросы, например: *«После выхода в свет Указов, почему вместо повышения производительности труда было 2 месяца невыполнения производственной программы?», «Как выполняются орг[анизационно]-технические мероприятия [согласно] Указам?», «Сколько проведено хронометража по уплотнения рабочего дня, думаете ли проводить [его] дальше?»* [5, д. 161, л. 80].

Подведение итогов показало, что в октябре 1940 г. было только одно опоздание на работу, в то время как ранее нарушений было:

Месяц	**Всего прогулов**	**Отдано под суд**	**Всего опозданий**	**Других нарушений**
июль	2	2	6	
август	2	2	6	6
сентябрь	2 (по базе в Кронштадте)	2	6	20

Уменьшились административные отпуска, что *«явилось результатом обсуждения на партсобрании и на производственных совещаниях данного вопроса»*; *«по проведенному хронометражу имеем 95-96% заполненного рабочего времени»*. В то же время имелись *«случаи брака за счет К[онструкторского]. О[тдела] и отдельных конструкторов, к которым начато применение материальных санкций»* [5, д. 161, л. 80 об.-81].

Аналогичные вопросы в то время обсуждали коммунисты и других предприятий. Так, в сентябре 1940 г. на бюро парторганизации Шиморского судоремонтного завода имени X годовщины Октября был заслушан доклад начальника механического цеха о реализации указов ПВС от 26 июня и 10 июля 1940 г. Внимание участников собрания привлек тот факт, что *«единоначалие в цеху отсутствует, вследствие чего цех не выполняет программы. В цеху имеют место факты работы без нарядов. Рабочие загружены на 50-60%, квалифицированные рабочие используются на подсобных работах»* [9, д. 21, л. 61]. Из документов видно, что производственные проблемы только за счет реализации Указов решить было невозможно.

Двадцать шестого сентября 1940 г. партбюро Шиморского судоремонтного завода обсуждало ход выполнения Указа ПВС «О выпуске качественной и комплектной продукции». Выяснилось, что в июне 1940 г. на заводе было 40 случаев брака на сумму 1.358 руб., а после Указа ПВС от 10 июля только за две декады сентября имелось 18 аналогичных случаев на сумму 1.937 руб. *«Переделки по ремонту не уменьшаются, а увеличиваются»*. Одной из причин брака было названо то, что *«ОТК состоит из одного человека. Изучением причин брака занимаются недостаточно»* [9, д. 21, л. 69-70].

Разумеется, после выхода Указа от 26 июня 1940 г. учет нарушений трудовой дисциплины стал вестись тщательнее, и меры к виновным принимались жесткие. На второй партийной конференции завода «Красное Сормово» в мае 1941 г. было отмечено, что за отчетный период парторганизация исключила из

своих рядов 132 человека, в том числе за нарушение упомянутого Указа – 35 человек [10, д. 148, л. 6 об.].

В то же время отмечалось, что *«в 1940 году имела место текучесть рабочей силы»*, что Указ от 26 июня 1940 г. заводом выполняется неудовлетворительно. В первую очередь, это ставилось в вину парткому предприятия. Были озвучены следующие цифры: в 1940 г. на завод было принято 3.938 человек, а рассчиталось 4.750 работников. В первом квартале 1941 г. принято 499 человек, а уволилось 345. За 1940 г. по указу было привлечено к ответственности 1.747 человек, а за первый квартал 1941 г. – 511 [10, д. 148, л. 3].

Дело было не только в нарушителях трудовой дисциплины: в 1940 г. завод № 112 «Красное Сормово» имел 695 тыс. часов простоев, что обошлось предприятию в 905 тыс. руб. Сверхурочные работы в 1940 г. составили 1.416 тыс. человеко-часов, в первом квартале 1941-го – 216,5 тыс. человеко-часов. Выплатили за это: в 1940-м – 2.048 тыс. руб., а в первом квартале 1941 г. – 286 тыс. руб. Простои оборудования составили, соответственно, 145 тыс. и 50 тыс. станко-часов. В 1940 г. произошло 223 поломки станков, а за первый квартал 1941-го – 53 поломки [10, д. 148, л. 4 об.].

Шестнадцатого мая 1941 г. партком завода № 112 рассмотрел вопрос о положении дел на Кронштадтской базе, где происходила сдача Балтийскому флоту подводных лодок. Речь шла о низкой трудовой и производственной дисциплине, как среди руководящего состава базы, так и среди рабочих. Однако этот вопрос не был непосредственно связан с вышеназванными Указами [10, д. 145, л. 41].

В предвоенные месяцы 1941 г. Сормовский райком ВКП (б) ни разу не рассматривал проблему дисциплины на заводе «Красное Сормово», однако заслушивал администрацию предприятия по следующим вопросам: о работе металлургических цехов; о выполнении особого правительственного задания, о состоянии изобретательства и реализации рабочих предложений [11, д. 1615, л. 44-45, 171-172, 189-191].

Из отчета Мордовщиковского судомостового завода № 342 за 1940 г. видно, что руководство предприятия было озабочено низкой производственной дисциплиной среди руководящего состава (мастеров и бригадиров), слабыми техническими познаниями большого количества мастеров, десятников, инженерно-технических работников, недостаточной квалификацией вновь принятых рабочих [12, д. 9, л. 5-5 об.]. В планах на 1941 г. большое внимание уделялось реализации Указа ПВС от 10 июля 1940 г. [12, д. 9, л. 12-13].

Таким образом, Указы Президиума Верховного Совета СССР, вышедшие 26 июня и 10 июля 1940 г., сыграли определенную роль в мобилизации советской промышленности накануне Великой Отечественной войны, в укреплении трудовой и производственной дисциплины. Однако их значение в большей степени проявилось в военные годы, когда они стали мощным рычагом воздействия на работников оборонных предприятий, особенно молодых, вновь принятых на работу.

Источники и литература

1. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т. 1 Основные события войны. – М.: Воениздат, 2011. – 848 с.
2. Вдовин А.И. История СССР от Ленина до Горбачева. – М.: Вече, 2014. – 576 с.
3. История «Красного Сормова» / науч. ред. В.П. Фадеев. – М: Мысль, 1969. – 495 с.
4. Косарев И.А. Завод «Теплоход». 75 лет: Очерки истории предприятия. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. – 144 с.
5. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 1244. Оп. 3.
6. Шиморский ударник. Орган партбюро завкома и заводоуправления. – 1940. – 18 июля.
7. Левин С. Злостный нарушитель дисциплины перед судом // Шиморский ударник. – 1940. – 18 июля.
8. С.С. Бросили работу // Шиморский ударник. – 1940. – 18 июля.
9. ГОПАНО. Ф. 627. Оп. 2.
10. ГОПАНО. Ф. 1244. Оп. 1 б.
11. ГОПАНО. Ф. 34. Оп. 1.
12. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 5881. Оп. 1.

УДК 629.7

ЭВАКУАЦИЯ САМОЛЕТОСТОРИТЕЛЬНЫХ ЗАВОДОВ СССР В 1941-1942 гг.: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE EVACUATION OF THE SOVIET AIRCRAFT FACTORIES IN 1941-1942: THE EXPERIENCE OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Е.И. Подрепный[1], Е.П. Титков[2]

E.I. Podrepnyy, E.P. Titkov

[1] Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории и политики России, доктор исторических наук, доцент
603000, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: podrepnyy@yandex.ru

[2] Арзамасский филиал ННГУ, доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-методического центра по изучению дискуссионных вопросов отечественной истории
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: istcentr@mail.ru

Аннотация: В статье сделана попытка кратко охарактеризовать современное состояние историографии одной из наиболее славных страниц истории Великой Отечественной войны – эвакуации советской авиационной промышленности в 1941 г.

Ключевые слова: автор, завод, историография, эвакуация.

Summary: The article seeks to briefly characterize the current state of the historiography of one of the most glorious pages in the history of the Great Patriotic war – the evacuation of Soviet aircraft industry in 1941.
Key words: author, factory, historiography, evacuation.

Эвакуация в годы Великой Отечественной войны – беспримерное событие в истории. М.Ю. Мухин, ведущий историк отечественной авиапромышленности, пишет: в отношении эвакуации оборонных предприятий в начальный период войны существуют два, в общем-то, противоречащих друг другу, но мирно уживающихся в общественном сознании историографических мифа.

Согласно первому, эвакуация была проведена по тщательно согласованному, заранее подготовленному плану – и только поэтому и увенчалась успехом.

Согласно второму, перевезенные на восток заводы все, как один, разворачивались под открытым небом и начинали выпускать продукцию едва ли не из вагонов.

Хотя тематика эвакуации промышленности в годы Великой Отечественной войны относительно неплохо освещена в историографии, работ, посвященных конкретному ходу перемещения на восток производственных мощностей тех или иных оборонных отраслей, пока немного, пишет М.Ю. Мухин [1, с. 86] и определяет эвакуацию авиазаводов как *«чудо экспромтом»* [2, с. 62-98]. Авторы 12-томного труда по истории Великой Отечественной войны утверждают, что *«Центральный Комитет партии и Советское правительство в первые дни войны определили порядок и организацию эвакуации, создали для этого специальные органы»* [3, с. 465]. Организация Совета по эвакуации людей, оборудования и других материальных ценностей на второй день после начала войны, пишет последний советский премьер-министр Н.И. Рыжков, свидетельствует о том, что руководство страны сразу же поняло: отступать придется долго и надо готовиться к длительной обороне на новых рубежах [4, с. 49]. Всего же Наркомат авиационной промышленности СССР (НКАП) вывез 118 заводов, или 85% своих мощностей [4, с. 466].

Логично, что этот процесс привлекает внимание многих исследователей. В статье сделана попытка кратко охарактеризовать основные направления современной историографии эвакуации авиазаводов СССР в 1941 г.

Во-первых, необходимо назвать вышедшие в провинции сборники документов, в которых затрагиваются проблемы эвакуации авиапредприятий в 1941 г. Сборник документов по истории военно-промышленного комплекса Куйбышевской области периода 1941-1945 гг. [5] содержит ряд документов по истории эвакуации авиазаводов в данный регион [5, с. 14-20, 23-25]. Сборник документов по истории научно-исследовательских организаций СССР, подготовленный в Самаре, открывает для исследователей ряд документов, которые показывают процесс их эвакуации на Урал, в Сибирь, Поволжье и Среднюю Азию в 1941-1942 гг. [6]. Большой интерес представляет документ, регламентировавший порядок вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества от 27 июня 1941 г., и приказ № 1072сс наркома авиационной про-

мышленности СССР А.И. Шахурина об эвакуации имущества и оборудования подведомственных организаций [6, с. 30-32].

Документы из нижегородских архивов, отражающие процесс эвакуации авиазаводов осенью 1941 г., имеются в сборнике, посвященном истории авиастроительного завода «Сокол» в 1932-1945 гг. [7, с. 289-290].

Процесс эвакуации предприятий авиапрома СССР в 1941 г. нашел отражение в воспоминаниях А.И. Шахурина, М.Н. Бугайского и Б.Е. Чертока [8, с. 149-192; 9, с. 17; 10, с. 171-176] и неопубликованных мемуарах А.А. Белянского (в годы войны директор авиазаводов № 18 и № 30) [11, д. 8].

Крупнейшим достижением новейшей историографии отечественного авиапрома периода 1941-1945 гг. стал коллективный труд «Крылья Великой Победы» [12]. В подготовке книги приняли участие коллективы ведущих научных и производственных предприятий и организаций авиационной промышленности России, Узбекистана и Украины, отраслевых вузов, историки отечественного авиастроения.

Архивные материалы, в том числе из заводских музеев, воспоминания ветеранов дополняют и уточняют наши знания о том, с какой авиационной техникой в ВВС и на стапелях встретила войну наша страна и с каким напряжением всех духовных и физических сил была проведена невиданная по своим масштабам и темпам передислокация предприятий в глубокий тыл, обеспечено производство боевой авиатехники новых типов, быстрый рост ее количественного и качественного превосходства над авиацией противника.

Эвакуации авиапредприятий в труде отведена специальная глава [12, с. 50-63]. В ней перечислены основные центры, куда были перебазированы предприятия из западных районов страны [12, с. 53-54]. Многие факты, приведенные в книге, позволяют оценить масштабы работы по эвакуации. Например, 11 декабря 1941 г. Совет по эвакуации при СНК СССР распорядился прекратить перебазирование людей, имущества и техники из столицы. К этому времени из Москвы в глубокий тыл были отправлены 277.504 работника авиапромышленности и членов их семей, 26.711 единиц различного оборудования [12, с. 53]. К сожалению, в работе отсутствует научный аппарат, что переводит ее в разряд научно-популярных трудов.

Проблемам эвакуации и реэвакуации авиационных заводов в годы Великой Отечественной войны посвящен раздел главы монографии И.В. Быстровой [13, с. 193-207]. Из труда видно, что кадровые потери эвакуированных предприятий были неизбежны. Автор показывает эту проблему на примере эвакуации авиазаводов в Уфу. Она пишет, что из вывезенных из Рыбинска 24,5 тыс. человек (с членами семей – до 32 тыс. человек) прибыло в Уфу около 12-14 тысяч. *«В целом количество эвакуированных рабочих составило 30-40% общей численности рабочих, занятых на предприятиях до эвакуации»* [13, с. 197].

Научно-популярная литература по проблеме представлена рядом трудов по истории опытных и серийных самолетостроительных заводов. Первая группа включает публикации по истории опытных ОКБ и заводов Н.Н. Поликарпова [14, с. 757-758] и А.С. Яковлева [15, с. 38-39]. Имеются работы по истории

Опытно-конструкторского бюро П.О. Сухого [16, с. 232-233; 17, с. 164] и ОКБ Г.М. Бериева [18, с. 167], которые содержат материалы по истории их эвакуации и реэвакуации в годы войны.

Вторая группа исследований включает работы по истории серийных авиационных заводов: московского № 22 [19, с. 81; 20], харьковского № 135 [21, с. 131-137], а также подмосковного завода № 30 [22, с. 15-16].

Ю.В. Засыпкиным подготовлена таблица о судьбе всех самолетостроительных заводов СССР в годы Великой Отечественной войны [23, с. 46-47].

В современной отечественной историографии представлены и публикации по вопросам эвакуации ведущих моторостроительных и агрегатных заводов авиапрома СССР [24, с. 40; 25, с. 23]. Например, М.А. Филимонов пишет: *«Осенью и в начале зимы 1941 г. в Башкирскую АССР стали прибывать станки и оборудование ленинградских заводов № 234 и № 451, подмосковного (г. Балашиха) № 219, московских заводов № 49 и № 307, рыбинского завода № 26, конструкторское бюро воронежского авиационного завода № 16. Оборудование этих предприятий было размещено на площадях уфимских заводов комбайновых моторов (завод № 384) и дизельных моторов (№ 338). 17 декабря 1941 г. эти заводы были объединены в одно предприятие Уфимский моторостроительный завод № 26»* [26, с. 141].

В современной историографии представлены также работы по истории предприятий, эвакуированных в Горьковскую (Нижегородскую) область [27; 28; 29, с. 156-157; 30; 31].

Можно выделить характерные моменты в освещении истории эвакуации авиационных заводов СССР в 1941 г.

Во-первых, эвакуация авиационных заводов проходила быстро и довольно организованно. Так, В.Н. Бугайский, в то время заместитель главного конструктора С.В. Ильюшина, пишет: *«30 июня нас пригласили к директору. Филимонов объявил нам об эвакуации заводов № 380 и № 381 на Урал, в Нижний Тагил. Собрали всё, что могли погрузить в вагоны и отправились в далекий путь. Прибыли мы в Нижний Тагил на территорию Уралвагонзавода – очень большого предприятия, которое в то время осваивало производство танков Т-34. Разместили оборудование в цехах Уралвагонзавода, а для сборки самолетов начали строить сборочный цех деревянной конструкции. Цех был построен в очень короткие сроки, и началась работа по сборке штурмовиков Ил-2»* [9, с. 19].

А.А. Белянский вспоминает, что при эвакуации завода № 18 из Воронежа в Куйбышев вывозили оборудование, людей, материалы, хлебозавод, кислородный завод, санчасть, клуб, детские учреждения, ремесленное училище [11, л. 80]. Он подчеркивает: *«Завод № 18 в связи с переездом в г. Куйбышев не выпускал самолеты только 35 дней»* [11, д. 8, л. 6].

Тем не менее проблемы с эвакуацией заводов из зоны военных действий были огромные. Так, в середине сентября 1941 г. Государственный Комитет Обороны СССР (ГКО) принял решение об эвакуации Харьковского авиационного завода (ХАЗ) в Пермь. На проведение всего мероприятия отводился ровно месяц. Из Москвы в качестве уполномоченного по эвакуации завода № 135

прибыл заместитель наркома авиационной промышленности А.И. Кузнецов. В Пермь срочно вылетела группа руководителей ХАЗа во главе с главным инженером П.Г. Чепелевым. Ей поручалось подготовить размещение заводского производства на выделенных для этого площадях моторного завода № 19, определить разгрузочные площадки для приема оборудования, решить с местными властями жилищно-бытовые вопросы.

Приказ о скорой эвакуации в какой-то мере застал работников завода врасплох. Дело в том, что в конце августа в Харьков приезжал С.М. Буденный, который заверял, что Красной Армии удастся остановить врага на Днепре. Однако надеждам остановить противника не суждено было сбыться. Двадцать второго августа немцы форсировали Днепр и создали плацдарм в районе Кременчуга. О захвате немцами плацдармов на левобережье заводчане узнали лишь 13 сентября. Не снижая темпов выпуска продукции, завод приступил к эвакуации. Усложняло задачу отсутствие железнодорожных подъездных путей. И все-таки приказы в ту пору выполнялись молниеносно – уже через день после решения ГКО об эвакуации ХАЗ отправил на восток первый эшелон с оборудованием, технической документацией и семьями работников завода [21, с. 131].

Авиация противника мешала эвакуации: эшелон ХАЗа пострадал от бомбежки прямо на станции Ростов-Ярославский. Среди пассажиров имелись погибшие и раненые. Часть вагонов сгорела, паровоз получил повреждения. Одна из бомб угодила в вагон, где находилась техническая документация на Су-2 с М-82 и опытный истребитель Гр-1 [21, с. 132].

Выпуск боевых самолетов продолжался вплоть до того момента, когда части Красной Армии покинули Харьков.

Во-вторых, при эвакуации старались, чтобы врагу не досталось ничего из производственных мощностей заводов. Так, на Харьковском заводе были взорваны котельная, подстанция, ряд ангаров и некоторые корпуса. В историческом очерке по истории Харьковского авиазавода упоминается и о том, что завод при эвакуации потерял свой транспорт: автомобили конфисковали военные, а шоферов призвали в армию [21, с. 133]. Несмотря на неизбежные в той обстановке потери и тяготы, эвакуация ХАЗа прошла не просто организованно, а, можно сказать, образцово. В приказе по Наркомату авиапромышленности от 2 декабря 1941 г. *«за обеспечение бесперебойного выпуска продукции и точного выполнения плана эвакуации»* ряду руководящих работников была объявлена благодарность; каждый был премирован месячным окладом [21, с. 134].

А.А. Белянский пишет, как выглядела территория эвакуированного московского завода № 1: *«Завод № 1 оставил нам в наследство голые корпуса, без станков и оборудования, без силовых трансформаторов, без инженеров и рабочих, без транспорта и пустые склады. На заводе, которому присвоили № 30, была небольшая группа сторожей женщин и холодные замороженные здания»* [11, д. 8, л. 5-7].

Эвакуация заняла большое количество подвижного состава железнодорожного транспорта. Так, для переброски в Казань московского авиазавода № 22 потребовалось 3 тыс. вагонов, – отмечается в очерках по истории КАПО

им. С.П. Горбунова [19, с. 81]. В них было перевезено 2.698 единиц оборудования [32, д. 2836, л. 157]. Характерно, что в результате эвакуации завод № 22 не разукомплектовал ни одного сложного механизма. Всё прибыло на завод и в дальнейшем работало на оборону [20, с. 38].

О масштабах эвакуации предприятий авиапрома можно судить и по документам завода № 84, эвакуированного из подмосковных Химок в Ташкент. Эвакуация началась 14 октября 1941 г., последний эшелон ушел 12 ноября. Для переброски завода потребовалось 996 железнодорожных вагонов. Было вывезено в Ташкент 4.880 работников завода, 812 единиц оборудования, весь задел деталей и все материалы, за исключением леса и небольшого количества проката [32, д. 2860, л. 80].

Выше были рассмотрены вопросы, связанные с эвакуацией крупных самолетостроительных предприятий. Примерно так же освещена эвакуация относительно небольших заводов, например, завода № 387, выпускавшего самолеты У-2, в Казань. 20 июля 1941 г. было принято решение ГКО об эвакуации завода из Ленинграда и размещении его на территории казанского завода № 169. 23 июля 1941 г. руководящий состав завода был переведен на казарменное положение [33, с. 33].

В приказе по заводу, подписанном директором И.В. Фединым, была разработана программа действий. В конце июля – начале августа шел демонтаж и погрузка в вагоны всего оборудования: станков, стапелей, инструмента, незавершенного производства, в том числе авиационных моторов. Часть вагонов срочно переоборудовали для перевозки людей. Каждый вагон был рассчитан на 41 человека и 100 кг груза на семью.

Бесперебойный выпуск продукции на заводе продолжался до 10 августа 1941 г. [33, с. 33-34]. Девятый эшелон с эвакуированными людьми уйти из Ленинграда не успел, т.к. дорога была перерезана врагом [33, с. 35].

Об эвакуации моторостроительных заводов материалов меньше. Так, проблема эвакуации завода № 16 заняла всего полторы страницы в труде по истории предприятия. Первый эшелон отправился из Воронежа в Казань 18 сентября и был в пути 10 дней, последний – был отправлен 11 ноября, находясь в дороге 34 дня [34, с. 22]. При эвакуации, во время перелета из Воронежа в Казань в авиакатастрофе на заводском самолете СБ погибли парторг А. Зорин, начальник отдела кадров И. Кораблинов, начальник финансового отдела Д. Рузминер, летчик-испытатель Н. Момот, бортмеханик П. Толстопятов [34, с. 22-23].

То же можно сказать и о материалах по истории эвакуации московского завода № 24 им. М.В. Фрунзе в город Куйбышев, вошедших в главу 5 сборника очерков по истории ОАО «Моторостроитель» [35, с. 37-38].

Материалы по эвакуации рыбинского моторного завода № 26 имеются в работе Л.О. Калининой и И.В. Климовой [36]. Приказ об его эвакуации поступил в ночь с 15 на 16 октября 1941 г. В работе подробно описано, как руководство предприятия маскировало подготовку эвакуации от немецких самолетов-разведчиков: погрузка проводилась только ночью, к рельсам прикрепили шпа-

лы и держали эти железнодорожные «пролеты» наготове. Днем в цехах производился демонтаж оборудования, упаковывались детали, заготовки, станки, инструмент, документация. Лишь сборочный цех и обслуживавшие его участки продолжали работу до 20 октября. В последнюю очередь из цехов вытащили точные оптико-шлифовальные станки, расточные «сипы». На них до последней минуты обрабатывались детали. Трубы завода дымили, рабочие в установленное время шли на смену и обратно. С воздуха всё выглядело как обычно [36, с. 244-245].

В цехах вынимали из траншей электрокабели, трубопроводы, снимали вентиляцию и электропроводку. Выкопали даже емкости бензохранилища. Всего было отгружено и отправлено в Уфу 3 тыс. железнодорожных вагонов и 25 речных барж. Весь автотранспорт двигался своим ходом – большой автоколонной [36, с. 245]. Эвакуация была закончена 20 ноября. В Уфу же первый поезд прибыл 15 ноября 1941 г. [36, с. 246]. Выданных на дорогу продуктов хватило лишь на три дня. По итоговым документам одного из эшелонов подсчитали, что за 21 день пути 630 эвакуированных получили хлеб только шесть раз. В среднем за дорогу на каждого пришлось всего 250 граммов в сутки [36, с. 247].

Но самые тяжелые испытания выпали на долю тех, кто поплыл на баржах. Часть из них оказалась в ледовом плену на Волге у города Правдинска, на Каме, реке Белой [36, с. 248].

Единственной работой по истории заводов авиационных материалов, которую удалось найти авторам данной статьи, стала работа по истории титановой корпорации, поставщика мирового авиастроения (бывший завод № 95) [37]. О роли этого предприятия в книге говорится так: *«В случае выхода из строя только лишь одного цеха завода № 95 вся авиационная промышленность СССР будет парализована!»* [37, с. 52]. В работе подробно описана подготовка к эвакуации, в том числе организационные неувязки в высшем руководстве страны [37, с. 59-63]. Оборудование из Подмосковья шло на Урал вплоть до марта 1942 г. [37, с. 69].

Слабо представлены в историографии авиапрома агрегатные заводы. Можно привести примеры двух предприятий в городе Кирове: завода имени Лепсе [38] и завода № 32 [39], эвакуированных из Москвы.

В первом случае это очерк истории завода, подготовленный коллективом авторов; во втором – сборник воспоминаний ветеранов предприятия. Авторы книги «Мы – лепсенцы» пишут о перебазировании *«по заранее разработанному плану»* на территорию агрегатного завода сразу двух московских предприятий – имени Лепсе и имени Дзержинского [38, с. 88]. В книге отмечается, что москвичи прибыли не на пустое место. Производственные площади кировского агрегатного завода составляли более 23 тыс. м^2, в то время как у завода имени Лепсе в Москве производственных площадей было в два с лишним раза меньше [38, с. 91].

Завод № 32, наоборот, в Москве *«был высококультурным, отлично организованным предприятием. На заводе был создан полный производственный комплекс, построены цеха, гальванический и механические цехи, завод был*

укомплектован оборудованием, как отечественным, так и импортным» [39, с. 111]. Эвакуация завода в Киров не была случайной. Здесь еще до войны, в 1940 г., начал строиться родственный завод. К моменту приезда завода в Киров на нынешней территории было два каменных корпуса, один из них недостроенный [39, с. 113].

Значительное место в современной историографии вопроса отводится проблемам становления авиазаводов на новом месте. Эти проблемы можно условно квалифицировать как организационно-технические и кадрово-социальные. Первые можно рассматривать на примере завода № 135, эвакуированного в Пермь на площади моторного завода № 19. Хозяева освободили под самолетное производство все склады и вспомогательные помещения. «Гости» сами утепляли будущие цехи, разводили электропроводку. Учитывая габариты агрегатов Су-2, расширяли дверные проемы. Сборщикам повезло меньше всех – им отвели ангар, который не отапливался, и в него при всем желании не помещался Су-2. Стыковка консолей крыла к фюзеляжу превращалась в проблему – операцию приходилось выполнять во дворе, на морозе; к тому же, в первое время из-за отсутствия подъемных механизмов устанавливать на самолеты тяжелые моторы приходилось вручную, орудуя ломами и деревянными брусьями. Руководство завода № 19 уплотнило свою металлообработку, втиснув в те же площади еще и станочный парк ХАЗа. Теснота, конечно, досаждала, зато цеха были обжитыми и, главное, теплыми [21, с. 134].

Трудная ситуация была в Новосибирске, где производственные и жилые площади были уже заняты. Опытному заводу № 51 конструктора Н.Н. Поликарпова отвели автобусный парк и находившиеся неподалеку склады. Здание техникума отвели под общежитие, там же разместился и отдел кадров [14, с. 757-758].

Не всегда эти вопросы решались удовлетворительно. Например, осенью 1941 г. в Пермь эвакуировали завод № 289 и объединили с харьковским заводом № 135, в который входили эвакуированные заводы № 207, 450, 472, 480. Такое «объединение», в конечном итоге, привело к организационному коллапсу, сорвавшему сроки ввода в эксплуатацию завода № 135. Двадцать первого января 1942 г. правительство приняло решение расформировать завод № 135, а завод № 289 решением НКАП начал восстанавливаться как самостоятельная хозяйственная единица. На территории завода № 19 предприятию выделили площадь около 500 м^2, а завод № 135 вернул часть оборудования [17, с. 232-233].

Двенадцатого ноября 1941 г. на основании постановления ГКО и приказа НКАП на площадях Казанского авиазавода начали существование два самостоятельных завода: № 22 по производству самолетов Пе-2 и № 124 по производству самолетов ТБ-7. Производственные площади были разделены между ними в соответствии с производственной необходимостью. В ту часть площадей, где завод № 124 производил самолеты ТБ-7, были «влиты» цеха московского завода. Разделение площадей утвердил заместитель наркома авиапромышленности П.В. Дементьев.

Было принято решение об обмене оборудованием [19, с. 82-83]. Таким образом, значительная часть московского оборудования (865 единиц) была установлена на новых производственных площадях завода № 124. Надо отметить, что заводу № 22 были предоставлены удобные и объемные площади в основном корпусе, а 124-му остались вспомогательные цеха и гараж. Это сразу же вызвало всплеск негодования среди рабочих завода № 124, и в один из ноябрьских дней произошла массовая драка между казанцами и москвичами. Руководству двух заводов с трудом удалось остановить драку, припугнув рабочих трибуналом [20, с. 38-39].

Менее болезненно проходил процесс объединения заводов № 387 и казанского завода № 169. Новому предприятию присвоили номер 387 с подчинением первому главному управлению Наркомата авиапромышленности. Подробно об этом говорится в книге Е.М. Морошека [33, с. 38-40].

Можно сделать определенные ***выводы***. Как правило, «приезжие» заводы, как более мощные, или сразу поглощали местные предприятия, или объединялись несколько позднее. Например, базой для создания нового объединенного моторостроительного предприятия в Уфе стал бывший завод комбайновых моторов. Сюда первыми прибыли ленинградцы – завод «Красный Октябрь», дочернее предприятие завода № 26, на котором с 1939 г. шла подготовка к выпуску авиамоторов. Семнадцатого декабря 1941 г. произошло слияние всех этих заводов в один производственный коллектив. Ему присвоили номер головного завода, и он стал называться Уфимский моторостроительный завод № 26 [36, с. 249].

Важной проблемой на новом месте практически у всех заводов стало ***кооперирование*** с поставщиками. Например, заводу № 24, оказавшемуся в конце 1941 г. на Безымянке, пришлось не менее года кооперироваться с моторостроителями Перми (тогдашнего города Молотов), поставлявшими силуминовые отливки, заготовки цилиндровых блоков, которые приходилось часто доставлять транспортными самолетами [35, с. 143].

На первых порах некоторые заводы выпускали ***непрофильную продукцию***. Например, агрегатный завод в Кирове получил задание ГКО освоить массовый выпуск корпусов ручной гранаты Ф-1. В сентябре завод выпустил 100 тыс., в октябре – уже 150 тыс. корпусов. С начала 1942 г. завод ежедневно выпускал их по 8 тыс. штук [38, с. 93].

Общая оценка эвакуации 1941 г. сделана ведущими специалистами по истории авиации. Д.А. Соболев отмечает, что с июля по декабрь 1941 г. на восток вывезли свыше 100 авиапредприятий, дававших до войны до ¾ объема всей отраслевой продукции. В то же время, начиная с октября 1941 г., выпуск боевых самолетов стал стремительно падать. В ноябре было изготовлено всего 627 машин – меньше, чем в сентябре. В декабре план производства самолетов был выполнен всего лишь на 38,8%, и авиазаводы дали фронту минимальное за всю войну количество самолетов – 600. Основными поставщиками фронтовой авиации оставались всего два завода – № 21 в Горьком и № 292 в Саратове [40, с. 181].

Авиамоторному заводу № 29, перебазированному в Омск из Запорожья, удалось выпустить первый двигатель 7 января 1942 г. – спустя три месяца после перебазирования [40, с. 182].

Сталинская модель управления, нередко буксовавшая в условиях мирной жизни, пишет М.Ю. Мухин, в кризисный момент продемонстрировала свои лучшие качества, сумев сконцентрироваться на главной цели и осуществить поставленные перед ней задачи, невзирая на материальные потери и объективные трудности [1, с. 96].

Источники и литература

1. Мухин М.Ю. Эвакуация авиапромышленности в 1941 году // Вестник РУДН. Серия История России. – 2012. – № 3. – С. 86-98.

2. Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. – М.: Вече, 2011. – 352 с.

3. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. – М.: Воениздат, 2011. – 848 с.

4. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. – М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. – 448 с.

5. Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): сборник документов. – Самара: ФГУП «Изд-во «Самарский дом печати», 2005. – 303 с.

6. Вклад в Победу научно-исследовательских организаций СССР 1941-1945 гг.: сб. документов: в 3 т. Т. 1: Эвакуация 1941-1942 / сост. Л.Ю. Покровская, В.Н. Парамонов, О.Н. Солдатова (отв. сост.), М.К. Сурнина. – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2016. – 688 с.

7. Боевые крылья Нижнего Новгорода. Горьковский авиационный завод № 21 (1932-1945 гг.). Исследования, Воспоминания. Документы / Авт.-сост. Е.И. Подрепный, Е.П. Титков, И.А. Калмыков. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. – 578 с.

8. Шахурин А.И. Крылья Победы. – 3-е изд., доп. – М., 1990.

9. Бугайский В.Н. Эпизоды из жизни главного конструктора самолетов и ракетно-космических систем. – М., 2007.

10. Черток Б.Е. Ракеты и люди. – М., 2006.

11. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 597. Оп. 1.

12. Крылья Великой Победы. Подвиг авиастроителей СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: ОАО «Авиапром», 2015. – 544 с.

13. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е годы) / Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: [ИРИ РАН], 2006. – 704 с.

14. Иванов В.П. Неизвестный Поликарпов. – М.: Яуза, Эксмо, 2009.

15. Опытное конструкторское бюро имени А.С. Яковлева. – б.м., б.и., 2002.

16. Растренин О.В. Штурмовики Великой Отечественной. – М.: Яуза: Эксмо, 2008.

17. Проклов В. Как «разгоняли» КБ П.О. Сухого // Легенды и мифы отечественной авиации: сборник статей / ред.-сост. А.А. Демин. Выпуск 2. – М., 2010.

18. Заблотский А., Сальников А. Неизвестный Бериев. Гений морской авиации. – М.: Яуза: Эксмо, 2009.

19. Завод стратегического назначения. – Изд. 2-е, перераб. и доп. (книга посвящается 80-летию КАПО им. С.П. Горбунова). – Казань: Изд-во «Вертолет», 2007. – 320 с.

20. Валеев И., Кузин В., Фомин Г., Анютов В. КАПО: хроника трудных лет // Авиация. – № 7. – С. 38-40.

21. Харьковский авиазавод. История, перспективы, современность / под ред. ген. директора ХГАПП П.О. Науменко. – Харьков: ХГАПП, 2006. – 436 с.

22. Савельев Г.А. От самолетов до суперсовременных ракет (Люди, продукция, объекты завода в левобережной части города Дубны). – Дубна, 1999.

23. Засыпкин Ю.В. Самолетостроительные заводы СССР в годы Великой Отечественной войны // Взлёт. – 2005. – Май.

24. Медведь А. «Сорок пятый» – на пути к сорок пятому году // Крылья Родины. Национальный авиационный журнал. – 2010. – № 5.

25. Зазулов В. Надежный союзник авиастроителей (к 70-летию НПП «Темп» им. Ф. Короткова) // Крылья Родины. – 2010. – № 6.

26. Филимонов М.А. Производство авиационной и ракетно-космической техники в Башкортостане // Вестник Академии военных наук. – 2009. – № 3 (28).

27. Носков В.А. «Теплообменник»: Дела и люди объединения. – Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. – 224 с.

28. Карпенко В.Ф., Козлова Л.Е., Нелидов Г.Л., Харламов В.А. От кареты до ракеты: Очерки истории Нижегородского открытого акционерного общества «Гидромаш» (1805-2005) / под ред. В.И. Лузянина. – Н. Новгород, 2005. – 288 с.

29. Вдовин М.Н., Горева А.М. Всё для победы! (Очерки истории оборонной промышленности Горьковской области 1930-1945 гг.). – Н. Новгород, 2010.

30. Подрепный Е.И. Павловский завод воздушных винтов № 467: период становления // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XI Региональной научно-практической конференции (24 декабря 2013 г.) Выпуск X / под общ. ред. В.И. Грубова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 153-159.

31. Подрепный Е.И., Рябинина С.И. Завод «Теплообменник»: первый год на нижегородской земле // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник документов XIII Региональной научно-практической конференции (3 декабря 2015 г.). Выпуск XII / под общ. ред. В.И. Грубова; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – С. 110-118.

32. РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 2.

33. Морошек Е.М. На вертикальном взлете. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. – 287 с.

34. Фролова Л. Казанскому моторостроительному – 70 лет. – Казань: «Идел-Пресс», 2001. – 208 с.

35. Живая история «Моторостроителя». Век двадцатый / под общ. ред. И.Г. Шитарева. – Самара: ОАО «Моторостроитель», 1999. – 208 с.

36. Калинина Л.О., Климова И.В. Владимир Климов. – СПб.: Политехника, 2013. – 319 с.

37. Ежов А.О., Ежова Е.Г. Постигая суть титана. 1933-1956. – Верхняя Салда: ОАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА», 2005. – 216 с.

38. Мы – лепсенцы: Очерки истории объединения имени Лепсе. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 383 с.

39. Помнить! – Киров: ОАО «ВМП «АВИТЕК», 2005. – 428 с.

40. История отечественной авиапромышленности. Серийное самолетостроение, 1910-2010 гг. / под общ. ред. Д.А. Соболева. – М.: Русское авиационное общество (РУСАВИА), 2011. – 432 с.

УДК 908

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА НА АВИАЗАВОДАХ СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946-1948 гг.): ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

PROBLEMS OF ORGANIZATION OF PRODUCTION AT AVIATION PLANTS OF THE USSR IN THE FIRST POST-WAR YEARS (1946-1948): THE EXPERIENCE OF SOURCEDEOLOGICAL ANALYSIS

А.А. Краснов

A.A. Krasnov

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории и политики России, аспирант

603600, Нижегородская обл. г. Н. Новгород, ул. Ульянова, д. 2;

МБОУ СОШ № 43 г. Нижнего Новгорода, учитель истории

603138, Нижегородская обл. г. Н. Новгород, ул. Строкина, д. 2

E-mail: oficier13@mail.ru

Аннотация: В статье сделана попытка источниковедческого анализа процесса организации производства на авиазаводах Горьковской области в послевоенные годы (1946-1948 гг.).

Ключевые слова: источник, коллектив, производство, технология.

Summary: The article makes an attempt of source study of the process of production organization at the aircraft factories of the Gorky region in the postwar years (1946-1948).

Key words: source, collective, production, technology.

Переход на режим мирного времени с июня 1945 г. потребовал от трудовых коллективов авиационных заводов Советского Союза ввести организацию

производства на новом техническом и технологическом уровне. Этого требовали как освоение новых изделий, которые кардинально отличались от продукции военного времени, так и новый подход к развитию социальной сферы предприятий. Этот процесс сопровождался новыми идеологическими и массово-политическими кампаниями. В настоящей статье сделана попытка источниковедческого анализа данной проблемы на примере авиастроительного комплекса Горьковской области.

Главным источником по проблеме являются делопроизводственные документы Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО).

Наглядным примером является отчет о работе Горьковского авиационного завода № 21 им. С. Орджоникидзе за 1946 год [1, д. 68]. В нем раскрываются особенности программы завода по оборонной продукции. Основной производственной задачей являлось завершение производства машины Ла-7 деревянной конструкции и переход на выпуск металлического истребителя Ла-9. Согласно отчету, заводу было предложено производство Ла-7 ограничить в 1946 г. цифрой в 306 самолетов, а излишек задела списать с производства [1, д. 68, л. 4].

План по выпуску металлических самолетов Ла-9 заводом не был выполнен по ряду причин, подробно изложенных в отчете. В первую очередь, это конструктивная недоработанность машины и задержка с ее принятием и утверждением Акта государственных испытаний машины. На сдачу машин влияли другие факторы, например, сырая конструкция новых пушек НС-23 и отсутствие боеприпасов для них [1, д. 68, л. 7-10].

Завод выполнил большой объем сверхплановых работ по оборонной продукции, в том числе по подаче запасных частей россыпью и восстановлению самолетов Ла-7 в строевых частях. Оказывалась также техническая помощь заводам №№ 301, 351, 381 и 163 [1, д. 68, л. 10-12].

Окончание войны вызвало увеличение удельного веса гражданской продукции в общем объеме и номенклатуре производства: от клеверотерок до «весов сотенных» [1, д. 68, л. 13]. Завод выпустил 24 сверлильных станка, 1.000 комплектов протезов; по решению Совета Министров произвел ремонт 16 трамвайных вагонов. Начался массовый выпуск изделий «ширпотреба»: славянские шкафы, буфеты, столы, стулья, кровати; детские санки; бельевые баки, алюминиевые штампованные тазы, ведра; тарелки, ложки, стаканы и др. – всего 27 наименований [1, д. 68, л. 17-18].

Из отчета видно, как выполнялось инструктивное письмо Первого Главного управления Министерства авиационной промышленности (МАП) № 02609 от 7 мая 1946 г. Речь шла о совершенствовании технологии сборочно-клепальных работ по металлическим самолетам. Реализация письма выразилась в создании 17 бригад, которые работали по таким основным вопросам, как проверка оставления посторонних предметов в самолетах, проверка качества хранения самолетов, проверка взаимозаменяемости основных агрегатов, герметизация самолета, качество монтажа предкрылков, отделки и полировки самолета [1, д. 68, л. 24-26].

Интересен комплекс мер по обеспечению этих мероприятий, включая разработку системы премирования за высокое качество изготовляемой продукции [1, д. 68, л. 26-27]. Он представляет интерес и для современных организаторов производства.

Эта система была подробно проанализирована в справках инструкторов авиационного отдела обкома ВКП (б) за 1946 год [2, д. 5659]. Из них видно, что заводу в связи с переходом на металлический самолет «тип 48» пришлось провести большую работу по обучению инженерно-технических работников и рабочих. Эта работа шла, как правило, с превышением плановых заданий. Например, переквалификация столяров на клепальщиков по плану составляла 573 чел., выполнено 614; через стахановские школы, тематические кружки для рабочих, школы качества, технический минимум было задано обучить 1.360 чел., обучено 1.510 и т.д. Всего при плане 2.133 чел. было фактически подготовлено 2.691 чел. [2, д. 5659, л. 18].

В справках инструкторов авиационного отдела обкома партии рассматривается система премирования, разработанная специально для быстрейшей подготовки и разработки технической документации по машине тип 48, а также нормирования по этому самолету. Был введен повседневный контроль своевременного изменения норм времени в связи с внедрением оснастки и освоением технологического процесса [2, д. 5659, л. 13-17].

Обращает на себя внимание анализ мер «по снижению себестоимости продукции и улучшению технико-экономических показателей». Из документов следует, что вопросы хозрасчета обсуждались партийными органами предприятий еще с 1944 г. (партком завода № 21 14 декабря 1944 г. впервые обсуждал вопрос о внедрении хозрасчета на предприятии, и по его решению был проведен ряд мероприятий во время войны) [2, д. 5659, л. 17].

Семнадцатого мая 1945 г. партком завода № 21 обсуждал вопросы по улучшению качества и снижению трудоемкости машины в сборочном цехе; в 1945 г. было проведено два партийно-хозяйственных актива по вопросам снижения себестоимости продукции, в январе 1946 г. – еще один.

В 1946 г. проводились производственные совещания с руководящим составом предприятия о значении хозрасчета, с тарифно-экономическими работниками цехов и отделов, а также курсы учетно-бухгалтерского аппарата, экскурсии на Горьковский автозавод по обмену опытом работы по постановке хозрасчета. В цеха были даны лимиты по заработной плате.

Тем не менее себестоимость продукции авиазавода им. С. Орджоникидзе оставалась выше плановой как по основной продукции, так и по гражданской. На хозрасчет удалось перевести лишь отделы №№ 18 и 25 [2, д. 5659, л. 18-20].

Материал вышеназванных документов дополняется приказами директора завода им. С. Орджоникидзе за 1946 год [1, д. 67]. В приказе директора № 14 от 20 апреля 1946 г. анализируются причины неудовлетворительной работы трудового коллектива в 1945 г., и даются указания руководителям цехов и отделов завода по обеспечению внедрения в производство металлического самолета: главному технологу, начальнику производства, заместителю главного инжене-

ра. Важное место директор С.И. Агаджанов отвел работе экономистов и главного бухгалтера, наметив ряд мер по стабилизации финансового положения предприятия [1, д. 67, л. 19-20].

Приказ директора № 17 требовал обеспечить установку на выпускаемые заводом № 21 самолеты Ла-7 современного навигационного оборудования [1, д. 67, л. 27]. Из содержания приказов видно, что руководство предприятия изначально придавало большое значение обеспечению высокого качества новой машины [1, д. 67, л. 39, 53].

Те же подходы к проблеме качества видны из документов завода № 467 в Павлове-на-Оке. Тридцатого мая 1945 г. главный инженер завода Кадышев издал распоряжение:

«Для улучшения качества выпускаемой продукции и устранения возможности попадания на сборку деталей с трещинами ввести следующую поощрительную систему, что любой работник цехов 5 и 7, СГД и экспедиции, а также работники контрольных отделов этих цехов, выявившие деталь с трещиной, получают следующее вознаграждение:

1. При выявлении на собранном агрегате или узле крупной детали с трещиной (корпус, стакан и т.д.) выплачивается 10 рублей.

2. При выявлении на собранном агрегате или узле мелкой детали с трещиной (болты, гайки и т.д.) выплачивается 2 рублей.

Начальнику ОТК завести специальный учет и каждый месяц оформлять через бухгалтерию выплату за обнаруженный брак» [3, д. 11, л. 9].

Четвертого июня 1945 г. директор завода № 467 Авербах издал приказ, в котором отметил прекращение работы по обучению техминимуму в ряде цехов или проведение *«ее крайне нерегулярно»*. В связи с этим начальникам цехов было предписано проводить занятия по техминимуму не реже двух раз в неделю [3, д. 11, л. 13].

Из приказов дирекции видно, что технике безопасности, охране труда и промышленной санитарии на предприятии стало уделяться гораздо больше внимания, чем в военное время, как и жилищному строительству [3, д. 11, л. 19-20, 29].

Девятнадцатого июня 1945 г. директор завода № 467 издал приказ о наведении порядка в хранении горюче-смазочных материалов (изготовлении силами завода новых цистерн для хранения ГСМ) [3, д. 11, л. 31].

Окончание войны вызвало падения трудовой дисциплины, и директор напомнил, что в отношении рабочих продолжают действовать нормы трудового законодательства военного времени.

Приказ № 201 от 29 июня 1945 г. *«в целях укрепления трудовой и производственной дисциплины, а также для поднятия производительности труда на заводе»* потребовал от начальников цехов *«довести до каждого рабочего места твердое сменное задание, требуя его безоговорочного выполнения»*. Параграф 2 приказа гласил: *«В случае невыполнения рабочим сменного задания, начальник цеха имеет право оставлять рабочего в цехе до выполнения им полностью и качественно данного ему задания»*. Ответственным дежурным и ко-

мендатуре предписывалось *«ежедневно с 22 часов проводить обходы цехов и отделов завода, выявляя бездельников и праздношатающихся с составлением на них актов для привлечения к судебной ответственности»* по Указу от 26 июня 1940 г. [3, д. 11, л. 39]. Директор потребовал от начальников цехов *«лично присутствовать при начале работы смены и при сдаче смен, не допуская несвоевременного развертывания или задержки начала работы в смене. Особо строго соблюдая режим работы перед началом и окончанием обеденных перерывов»*. Параграф 9 приказа требовал: *«В цехах немедленно ввести такой порядок, чтобы рабочий отходил от станка или рабочего места только с ведома своего мастера»* [3, д. 11, л. 40].

А.Ф. Авербах писал: *«Предупреждаю всех рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода, а особенно руководителей цехов и отделов, что лица, замеченные в нарушении трудовой дисциплины или прикрывающие нарушителей, лодырей и дезорганизаторов производства будет немедленно подвергаться строгому дисциплинарному взысканию, включительно до отдачи под суд»* [3, д. 11, л. 41]. 30 октября 1945 г. директор издал приказ об укреплении табельного учета на заводе [3, д. 11, л. 125-127].

Острой оставалась топливная проблема предприятия [см.: 4]. Несмотря на мирное время, с завода не снималась заготовка топлива, особенно дров [3, д. 11, л. 57, 74].

В 1946 г. началось сокращение численности персонала предприятий в связи с уменьшением производственной программы. Первый приказ о приведении численности работников в соответствии с новым штатным расписанием директор завода № 467 С.И. Кадышев издал 4 января 1946 г. [3, д. 13, л. 3]. В августе директор вновь вернулся к проблеме соответствия численности персонала завода штатному расписанию [3, д. 13, л. 179].

Летом 1946 г. на заводе был проведен анализ себестоимости выпускаемой продукции. Было отмечено, что *«фактическая себестоимость единицы всех видов изделий значительно превышает плановую себестоимость, утвержденную Главным управлением, что приводит к еще большему ухудшению и без того тяжелого финансового положения завода»*. Приказ директора завода № 467 от 17 июня 1946 г. наметил ряд мер по улучшению ситуации [3, д. 13, л. 119-120].

В 1946 г. на заводе в Павлове началась работа по запуску в производство нового воздушного винта «В-4». Новое изделие осваивалось с трудом, о чем свидетельствует приказ № 318 от 13 ноября 1946 г. *«В целях немедленного улучшения работ в цехах по новому винту»* директор приказал всем начальникам цехов с 13 ноября 1946 г. на деталях «В-4», отстающих по графику, организовать круглосуточную работу. До выполнения оперативного задания руководство вторыми сменами предписывалось осуществлять начальникам цехов или их заместителям. Начальникам цехов на период выполнения оперативного задания было разрешено применять прогрессивную оплату труда рабочим за выполнение в срок работ по «В-4», а также оплату по нарядам руководящему составу цеха, выполняющим конкретные работы. Заместителю директора по отделу рабочего снабжения было приказано выделить в распоряжение начальни-

кам цехов необходимое количество промтоварных ордеров для выдачи рабочим, занятым на изготовлении деталей винта «В-4» [3, д. 14, л. 76].

Аналогичные вопросы отражены в документах партийной организации завода № 119 им. Г.М. Маленкова первых послевоенных месяцев. 6 сентября 1945 г. партбюро завода № 119 заслушало вопрос «Об освоении выпуска продукции мирного времени». Отметив, что *«полученное нашим заводом задание на выпуск в текущем году мотоциклетных вилок и гильз насоса для нефтяной промышленности и успешное выполнение его является для партийной организации и всего коллектива завода важнейшей хозяйственно-политической задачей»* [5, д. 13, л. 55], партбюро наметило комплекс мер к обеспечению производства.

От руководителей цехов требовалось в сентябре полностью окончить монтаж и модернизацию оборудования для гильзы насоса и полную отладку линии. Важным условием было признано применение премиально-прогрессивной системы оплаты труда конструкторов, технологов, работников отдела снабжения, рабочих цеха № 80 и производственных цехов за разработку и изготовление технологии, отладки процессов и оснащения в процессе освоения [5, д. 13, л. 55-55 об.].

Заседание партбюро завода от 15 октября 1945 г. было посвящено *«выполнению плана организационно-технических мероприятий по повышению качества продукции (доклад и.о. главного инженера завода тов. Ирд)»* [5, д. 13, л. 58-59].

Важные сведения содержатся также в документах профсоюзной организации завода № 119. Например, из них видно, что предприятие сохраняло кооперационные связи с заводом № 21 по оснащению самолетов Ла-9 и Ла-11 комплектами шасси [6, д. 8, л. 12].

Таким образом, источниковедческий анализ документов нижегородских архивов послевоенного периода представляет большой интерес для исследования истории данных предприятий, а также и для специалистов в области архивного дела.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2066. Оп. 8.

2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 3. Оп. 1.

3. ЦАНО. Ф. 6218. Оп. 2.

4. Подрепный Е.И. Топливные проблемы предприятий авиационной промышленности и пути их решения в 1941-1945 гг. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XII Региональной научно-практической конференции (4 декабря 2014 г.). Выпуск XI / под общ. ред. В.И. Грубова; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО г. Арзамас. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015. – С. 160-166.

5. ГОПАНО. Ф. 3321. Оп. 1.

6. ЦАНО. Ф. 5185. Оп. 6.

УДК 93/94

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АПРОБАЦИИ МЕТОДОВ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ В СССР В ФОНДАХ ЦАНО (1950-1990-е гг.)

SOURCES OF THE HISTORY OF TESTING METHODS OF CHINESE MEDICINE IN THE USSR IN FUNDS OF THE CENTRAL ARCHIVE OF NIZHY NOVGOROD REGION (1950-1990s)

О.С. Нагорных

O.S. Nagornykh

Нижегородская государственная медицинская академия, кафедра социально-гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент

603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, д. 10/1

E-mail: aldan12@yandex.ru

Аннотация: На примере анализа архивных материалов ЦАНО о профессоре Горьковского медицинского института В.Г. Вогралике, а также об особенностях работы института в 1950-1990-х гг. автор статьи показывает, что историко-биографические данные об ученом позволяют воссоздать картину развития советско-китайского сотрудничества в сфере медицины, здравоохранения и медицинского образования. Рассмотрены материалы личного дела сотрудника, стенограммы заседаний ученого Совета, переписка с Пекинской национальной больницей и Министерством здравоохранения КНР. Сделано предположение о приоритетном формировании на базе ГМИ первой советской школы чжэнь-цзю терапии. Сделан вывод о том, что изучение биографических сведений, основанное на междисциплинарном подходе, предполагающем работу с архивным материалом, может предоставить ценные данные для последующего исторического анализа проблемы.

Ключевые слова: источник, советско-китайское сотрудничество, история медицины, архив.

Summary: Using an analysis of archival materials about professor Gorky Medical Institute V.G. Vogralik and about institute's activity in 1950-1990 author of the article propose that historical and biographical information about this leading scientist can present a fuller picture about Soviet-Chinese relations in medicine, healthcare, medical education. Privet material of teacher, the materials of scientific counsel meeting, correspondence with Beijing Governmental Hospital and Health Ministry of PRC are examined in the article. The author suggested about the priority Gorky soviet school of acupuncture. It is concluded that studying his data. Based on a multidisciplinary approach and working with archival materials, can provide valuable data for future medical history analysis.

Key words: source, Soviet-Chinese cooperation, history of medicine, archive.

В последние годы вопрос сотрудничества и взаимного влияния Китая и России в сфере медицины только начал институционализироваться и оформляться в качестве объекта исследований в области исторических наук. Вместе с тем, появление исследований в рамках «отечественной истории», «истории науки и техники» обусловливает понимание недостаточной изученности данного вопроса. Разумеется, что уже имеющиеся исследования, отвечая на поставленные в них вопросы, открывают перед наукой новые, мало изученные обла-

сти контактов Китая и России в сфере медицины. Одной из таких перспективных областей, на наш взгляд, является вопрос внедрения советского опыта применения китайских методик лечения и диагностики заболеваний в медицине.

Советско-китайские межгосударственные отношения в различных направлениях (культура, идеология, образование, экономика и пр.) интенсивнее всего развивались в 1950-х гг. Осмысление истории советско-китайских отношений в одной из областей – медицине – в этот период является важным фактором для понимания развития российско-китайских отношений и на сегодняшний день. Объектом внимания в данном вопросе является не только помощь СССР в создании системы национального здравоохранения КНР, что было обусловлено исследованием материалов, связанных с частыми поездками советских специалистов в Китай в 1950-е гг. Интересной и, на наш взгляд, мало изученной проблемой как в истории медицины, так и в истории нашей страны стала проблема обратного влияния китайских медицинских традиций в отечественной медицине. Таким образом, исследование опыта китайской медицины в СССР в XX веке, несомненно, имеет научную значимость и актуальность.

В начале XX века сотрудничество российских и китайских медиков укрепляется ввиду хотя бы того обстоятельства, что была сформирована врачебно-санитарная часть КВЖД. Российская медицина в Китае в 1920-1945 гг. была частью возникшего после Октябрьской революции 1917 г. Российского медицинского зарубежья. Российские врачи – представители Российского медицинского зарубежья в Китае – в 1920-1940-х гг. вносили весомый вклад в медицину: проводили обширную лечебную работу, вели научные исследования, создали ряд медицинских образовательных учреждений, в которых обучались как русские, так и китайцы. Научно-практические связи медиков СССР и Китая стали особенно интенсивными в 1950-е гг. Широкомасштабная поддержка, оказанная Советским Союзом КНР в сфере здравоохранения, была комплексом системных мероприятий по созданию современной национальной системы здравоохранения. Среди различных форм военного, идеологического и политического сотрудничества медицина заняла особое место.

Безусловно, при изучении становления горьковской школы иглорефлексотерапии и одной из командировок советских медицинских специалистов в КНР по линии Минздрава СССР главное внимание было уделено источникам Центрального архива Нижегородской области. В центре нашего внимания находился фонд Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова Министерства здравоохранения РСФСР [1]. В фонде имеются следующие виды документов: планы и отчеты о выполнении научно-исследовательских работ, протоколы заседаний Ученого Совета, пятилетние планы развития института, докторские и кандидатские диссертации, личные дела студентов и лиц, защитивших кандидатские и докторские диссертации. Одним из основных источников исследования стали материалы личного дела профессора ГМИ Вадима Габриэлевича Вогралика [2, д. 936]. Основу этого дела составили несколько видов документов: личные листки по учету кадров, позволяющие документально вос-

становить профессиональную деятельность ученого [2, д. 936, л. 3]; автобиографии, содержащие дополнительный материал биографии и научных интересов профессора, что позволяет понять истоки потенциального интереса к китайской вспомогательной методике [2, д. 936, л. 5-6]. Интересную информацию содержат многочисленные характеристики Вогралика, подписанные директорами и ректорами института в различные периоды, как до командировки, так и после [2, д. 936, л. 13, 21]. В них Вогралик предстает профессиональным ученым, квалифицированным терапевтом, талантливым педагогом. В силу определенных обстоятельств Вогралик был вынужден трижды сменить место работы (медицинские вузы). География его профессиональной деятельности обширна – от Томска до Горьковского мединститута им. С.М. Кирова, где он проработал большой период времени – с 1947 по 1997 гг. При этом каждый раз Вогралик занимал не только лечебные, но и административные, руководящие должности. С опорой на материалы ЦАНО нам удалось воссоздать отрезок профессионального пути профессора Вогралика до того момента, как он сконцентрировал свою научную и академическую деятельность в стенах Горьковского мединститута. Это представляется необходимым для понимания того, почему Вадим Габриэлевич сменил нескольких клинических баз и сконцентрировался на работе именно в Горьком. Также мы считаем необходимым исследование предыдущих мест учебы и работы В.Г. Вогралика, что поможет лучше понять его научные интересы, которые могли стать основой для дальнейшего увлечения именно иглорефлексотерапией.

«Советская врачебная миссия» была направлена в терапевтическое отделение Пекинской правительственной больницы КНР, где медики (в том числе, профессор Горьковского мединститута В.Г. Вогралик) осуществляли возложенные на них Министерством здравоохранения задачи диспансеризации высшего командного и партийного состава, внедрения структуры и основ системы высшего медицинского образования по советскому образцу. Также советские медики (в частности, Вогралик) знакомили пекинских врачей с основными вопросами организации терапевтической службы в СССР. Согласно отчету о двухлетней работе профессора Вогралика в этом отделении, врачи проводили консультации и клинические разборы, осуществляли систематическое ведение научных конференций, на которых рекомендовали передовой опыт советской медицины. Архив Учебно-исторического центра НижГМА содержит переписку ГМИ с Министерством здравоохранения КНР и администрацией Пекинской Правительственной больницы, которая позволяет выстроить особенности профессионального сотрудничества двух государств [3, д. 7, л. 238, 250].

В 1950-е гг. Советский Союз передал Китайской Народной Республике самые передовые на то время медицинские и фармацевтические технологии. Утверждать это позволяет анализ документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. В данном случае мы имеем в виду фонд Министерства здравоохранения СССР (1936-1991 гг.), описи Управления внешних сношений (1934-1967 гг.). При анализе данной проблемы нами были проработаны материалы о научно-техническом сотрудничестве КНР и СССР (контрак-

ты, протоколы, отчеты, акты передачи техдокументации, переписка) [4, д. 173, 266, 394, 395]. Опыт советского здравоохранения во многом был успешно внедрен в КНР. Полную картину данного сотрудничества дает детальный анализ материалов о командировках советских ученых в КНР для внедрения методов лечения и обеспечения создания системы национального здравоохранения [4, д. 247, л. 4.]. Руководителем одной из важнейших подобных командировок в середине 1950-х гг. стал В.Г. Вогралик. Основной массив материалов, позволяющий реконструировать особенности этой работы и внедрения методов китайской медицины в СССР, обнаруживается при анализе именно локальных архивов.

В должности заведующего кафедрой госпитальной терапии ГМИ (1947-1984) Вогралику удалось сконцентрировать внимание на основных медицинских вопросах и, вернувшись из командировки в Пекин (1954-1956), заложить основы горьковской (а в дальнейшем – и советской, в целом) школы иглорефлексотерапии. Последние восемь лет, уже не будучи заведующим, Вадим Габриэлевич был профессором названной кафедры и руководил созданным им первым в стране курсом иглорефлексотерапии для врачей, характеристика и результаты которого отмечались в планах работы кафедры. Проблема пунктурной рефлексодиагностики и терапии постепенно стала доминирующей в трудах В.Г. Вогралика и его коллектива. Его привлекла безвредность и эффективность метода чжэнь-цзю терапии. Кроме того, по мнению профессора, иногда она способна превзойти возможности, например, лекарственной терапии. Но ученый, безусловно, не остановился только на механическом переносе положений восточной медицины в современную ему науку. Он стал развивать и интегрировать эти методы с возможностями западной медицины, фундаментальной науки и техники. В процессе научной разработки и внедрения в практику здравоохранения методов рефлекторной терапии анализировались и интерпретировались с позиций современной науки ряд философских и общетеоретических положений традиционной восточной медицины. Это системно и поэтапно апробировалось в 1990-е гг. при новых политических условиях. Особенности работы кафедры госпитальной терапии лечебного факультета с курсом иглорефлексотерапии с конкретными клиническими результатами возможно проследить на материалах ЦАНО [1, д. 5051, л. 4; д. 5157, л. 7; д. 5394, л. 6].

Еще один важный источник для изучения апробации китайской медицины в г. Горьком – это работы самого профессора Вогралика. Причем в данном случае мы имеем в виду не его научные публикации с клиническим описанием применения метода чжэнь-цзю терапии (иглоукалывания и прижигания), а воспоминания Вадима Габриэлевича, опубликованные в конце 1950-х гг. Речь идет о двух работах профессора, содержащих ценные и уникальные (для середины XX века) данные о состоянии китайской медицины, здравоохранения и, в целом, истории Китая. В процессе изучения данной темы исследователи редко обращались к этим работам, не анализировали их комплексно. Безусловно, как и все документы личного происхождения, эти книги являются весьма тенденциозным источником. Однако эти работы, по сути воспоминания, можно отнести к нарративным источникам, поскольку образ Китая транслируется через

призму личного восприятия пусть и врача-профессионала, но человека. «Два года в Китае» – практически литературное описание Пекина, первых впечатлений о людях и жизни, характеристика народной мудрости, традиций и праздников китайского народа [5, с. 156-186]. Вторая книга – «Слово о китайской медицине» – является своеобразным пособием для дальнейшей апробации китайской методики лечения. Автор анализирует теорию китайской медицины, методы диагностики, способы и средства лечения, показывая, как можно применять лечебное питание, гимнастику, массаж, иглоукалывание и прижигание как вспомогательные реабилитационные средства в условиях классической медицины в европейском ее понимании. Особо ценным материалом работы является составленные автором таблицы топографии точек для иглоукалывания и прижигания [6, с. 143-175]. Таким образом, данный вид источников дополняет картину апробации китайской медицины в СССР на примере горьковской школы иглорефлексотерапии.

Советско-китайское сотрудничество периода 1950-х гг. в сфере здравоохранения предполагало и передачу китайского научно-технического опыта в СССР (количество научных материалов СССР, по подсчетам специалиста по российско-китайскому сотрудничеству профессора П.Э. Ратманова, в 30 раз превысило китайские поставки). Этот процесс фактически не состоялся, но опыт деятельности советских врачей в Китае и совместная работа медиков двух стран продемонстрировали возможность совместной научно-лечебной работы даже в условиях «холодной войны» [7, с. 44]. Региональные архивные документы оказались способными выявить интересное исследовательское поле в сфере советско-китайского сотрудничества, а также существенно дополнить недостающие факты особенностей регулярных командировок в КНР в 1950-х гг.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2533. Оп. 3.

2. ЦАНО. Ф. 2533. Оп. 3 а.

3. Учебно-исторический центр НижГМА, г. Нижний Новгород. Ф. 79. Оп. 3.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8009. Оп. 34.

5. Вогралик В.Г. Слово о китайской медицине. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1959.

6. Вогралик В.Г. Два года в Китае. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1959.

7. Ратманов П.Э. Вклад российских врачей в медицину Китая (XX век): автореф. дис. … доктора медицинских наук. – М., 2010.

УДК 930.25

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЗДАНИИ БАЗ ДАННЫХ

THE APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGY IN CREATING DATABASES

В.С. Саечников

V.S. Saechnikov

Корпорация «ЭЛАР», кандидат исторических наук

127015, Москва, Бумажный проезд, д. 14, стр. 2

E-mail: umo_afruk@mail.ru

Аннотация: В статье показана работа с использованием современных компьютерных технологий по увековечиванию памяти воевавших в годы Великой Отечественной войны, а также награжденных солдат и офицеров. Это уникальный проект Министерства обороны РФ, реализуемый посредством корпорации «Электронный архив».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военно-мемориальная работа, архивная работа, компьютерные технологии.

Summary: The article illustrates the use of modern computer technology to perpetuate the memory of those who fought in the Great Patriotic war, and was awarded the soldiers and officers. This is a unique project of the Ministry of defense of the Russian Federation, implemented by the Corporation «Electronic archive».

Key words: the Great Patriotic war, war memorials, archival work, computer technology.

Современные компьютерные технологии и коммуникации позволяют применять новые методики архивной работы, благодаря переводу документов в электронный формат. Это способствует не только обеспечению сохранности исторических свидетельств, расширению доступности к ним, но и оперативности работы, проведению познавательно-информационной, исследовательской и аналитической деятельности.

Особую актуальность и своевременность в связи с этим приобретает работа с персоналиями. Среди населения популярны запросы, связанные с поиском родственников, составлением генеалогии и тому подобное. Например, в Центральном архиве Нижегородской области, по данным статистики за 2016 г., наблюдался ажиотажный спрос на метрические книги, ревизские сказки, исповедные росписи и, как следствие этого, повышенная нагрузка при подготовке к выдаче в читальный зал дел и принятию их назад [1].

Поэтому перед архивами стоит задача перевода такого рода документов в цифровой формат и, по возможности, обеспечения доступа к нему через интернет-ресурсы.

В этом плане интересен опыт создания базы данных участников Великой Отечественной войны.

В 2003 г. Президент Российской Федерации дал поручение правительству разработать план мероприятий по вопросам организации военно-мемориальной работы. Результатом стал указ по увековечению памяти погибших при защите Отечества [2], а также законодательное обязательное закрепление результатов поисковой работы в информационных системах [3].

В настоящее время в общероссийском масштабе функционируют в режиме открытого бесплатного доступа два интернет-ресурса: обобщенный банк данных «Мемориал» и электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Оба ресурса ведутся Министерством обороны РФ.

Первый ресурс, созданный в 2007 г., содержит информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период.

Главная цель этого проекта – дать возможность миллионам граждан установить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения.

Военно-мемориальным центром Вооруженных Сил РФ проведена уникальная по масштабам и технологии работа, в результате которой создана информационно-справочная система глобального значения, не имеющая аналогов в мировой практике.

Выполнение технической части проекта было поручено специализированной организации – корпорации «ЭЛАР».

Данные для наполнения Обобщенного банка данных взяты из официальных архивных документов, хранящихся в Центральном архиве Минобороны РФ, Центральном военно-морском архиве Минобороны РФ, Российском государственном военном архиве, Государственном архиве РФ и его региональных отделениях, Управлении Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Основной массив документов – это донесения боевых частей о безвозвратных потерях, другие архивные документы, уточняющие потери (похоронки, документы госпиталей и медсанбатов, трофейные карточки советских военнопленных и т.д.), а также паспорта захоронений советских солдат и офицеров.

Представим полный перечень источников информации:

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Дела фондов 58 и 33, в которых собраны документы о безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне, Картотека военнопленных офицеров, фонды ВПП, отдельные дела из других фондов.

Управление Министерства обороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Документы фонда «Паспорта воинских захоронений».

Центральный военно-морской архив Министерства обороны РФ (ЦВМА РФ). Фонды документов о безвозвратных потерях.

Российский Государственный военный архив (РГВА). Фонды безвозвратных потерь войск НКВД, трофейные фонды, содержащие информацию о советских военнопленных, фильтрационная картотека.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Дела фондов 7021, 7077, 7317, 9526 с информацией о советских военнопленных, погибших в плену и о возвратившихся на Родину.

Областные филиалы ГАРФ. Информация о советских военнопленных, погибших в плену и о возвратившихся на Родину.

Документы районных военкоматов, содержащие похоронные извещения и книги учета извещений.

Филиал ЦАМО РФ (военно-медицинских документов). Книги учета умерших и книги погребений медицинских учреждений.

На сайте можно найти информацию о звании погибшего, части, в которой он служил, дате и причине смерти (убит, умер от ран, пропал без вести) и месте захоронения. Более того, на сайте выложены отсканированные копии всех обработанных документов-первоисточников, содержащих информацию о персоналиях. Эти документы позволяют с большой точностью идентифицировать павших, поскольку в них часто содержится дополнительная информация, в частности имена и адреса родственников, которым отсылались похоронки.

В рамках проекта отсканировано и предоставлено в интернет-доступе почти 17 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях и 20 млн именных записей о потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне, обнародованы первичные места захоронений более чем 5 млн солдат и офицеров, обработано свыше 45 тыс. паспортов воинских захоронений [4]. Впервые можно ознакомиться с реальными документами, самостоятельно провести поиск и исследование.

Сегодня ведется работа по поиску и оцифровыванию списков и картотек ранений, дел санчастей и медсанбатов. Кроме того, благодаря оцифровке документов уже восстановлены имена 1 млн военнослужащих-узников фашистских лагерей. По немецким данным, всего в плену находилось всего более 5 млн советских граждан, то есть свыше 4 млн имен еще предстоит восстановить.

Сайт «Подвиг народа» наполнен всеми имеющимися в военных архивах документами о ходе и итогах основных боевых операций, подвигах и наградах всех воинов Великой Отечественной. Основными целями проекта стали увековечение памяти всех героев Победы, независимо от звания, масштабов подвига, статуса награды, военно-патриотическое воспитание молодежи на примере военных подвигов отцов, а также создание фактографической основы для противодействия попыткам фальсификации истории войны.

Строчки из наградных листов с описаниями подвигов, представлений к наградам – это самые красноречивые свидетельства судеб солдат и офицеров. Таких записей на портале «Память народа» – более 18 млн. Номерных награждений оцифровано свыше 12,5 млн, или более 80%. Описания подвигов дополняются обстоятельствами их совершения по записям журналов боевых действий и документам оперативного управления [5].

В настоящее время не установлено примерно 1,8 млн имен захороненных в первичных местах захоронений. Продолжается поиск и оцифровка документов о потерях в делах частей ЦАМО, медицинском архиве. По безномерным наградам на портале опубликовано 5,88 млн награждений, а всего в указах Президиума Верховного Совета СССР значится 8,33 млн таких награждений.

Оцифровка этих данных, а также наградных листов и приказов после 1946 г. – одна из приоритетных задач проекта.

На сегодняшний день ни в одной стране мира нет подобных банков данных. Осуществление такого проекта требует построения многоэтапной цепочки по сбору, проверке, оцифровке бумажных массивов, исчисляющихся миллионами листов, загрузке данных в мощную поисковую систему, обеспечение глобального многопользовательского доступа к документам.

Источники и литература

1. Мониторинг востребованности баз данных, установленных в читальных залах государственных казенных учреждений, подведомственных комитету по делам архивов Нижегородской области // Государственная архивная служба Нижегородской области: официальный сайт. – Режим доступа: http://www.archiv.nnov.ru/?id=9485

2. Указ Президента РФ от 22.01.2006 № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 4. – Ст. 357.

3. Закон РФ от 14.01.1993 № 4292-1 (ред. от 05.12.2017) «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Российская газета. – 1993. – 17 февраля.

4. ОБД «Мемориал»: сайт. – Режим доступа: http://obd-memorial.ru/html/index.html

5. Память народа. 1941-1945 гг.: сайт. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/about/

Раздел III
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 929.52

НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕМИДОВЫ В РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

THE DEMIDOVS FROM NIZHNY NOVGOROD PROVINCE IN THE REVOLUTIONARY AND POST-REVOLUTIONARY YEARS

Н.А. Пакшина

N.A. Pakshina

Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексеева, кафедра «Прикладная математика», кандидат технических наук, доцент

607227, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Калинина, д. 19.

E-mail: Nataliapakshina@mail.ru

Аннотация: К изучению темы «Нижегородские Демидовы» обращались многие авторы. В то же время жизнь потомков этого рода в революционный и послереволюционный период освещена очень скупо. Об этом опубликовано совсем мало информации. На основе архивных документов и литературных источников автор рассматривает жизнь и трагичную судьбу детей и внуков Платона Александровича Демидова.

Ключевые слова: Демидовы, революция, биографии, трагичная судьба, дворянство.

Summary: There are many authors who researched the theme of “Demidovs from Nizhny Novgorod Province”. But life and activity of descendants of this genus in the revolutionary and post-revolutionary years are considered very small. There is little published information about this. Basing on the archive documents and literary sources the author examines the life and tragic fate of children and grandchildren of Platon Demidov.

Key words: Demidovs, revolution, biographies, tragic fate, nobility.

Нижегородские Демидовы − не однофамильцы и не боковая ветвь рода Демидовых, а прямые потомки тульского оружейника Никиты Демидова. Как они оказались на Нижегородской земле? В 1720 г. Никита Демидов начал скупать земли в Нижегородской губернии, и не только земли, но целые деревни с крестьянами. Главной целью было снабжение уральских заводов рабочей силой. Вскоре он был возведен в «благородное дворянское достоинство». Его сыновьям Акинфию, Григорию и Никите был выдан диплом как дворянам «по Нижнему Нову Городу».

Та семья Демидовых, о судьбе которой пойдет рассказ, происходит от Прокофия Акинфиевича Демидова, мецената, создателя Нескучного сада, Воспитательного дома в Москве и большого чудака. Многие исследователи обращались к теме «Нижегородские Демидовы» [см., например: 1-4]. В этой ситуации трудно не повториться и отыскать что-то новое, но все же попробуем это сделать. Большинство авторов акцентируют внимание на личности Василия

Львовича Демидова. Именно он первым обосновался, обустроился и создал недалеко от Воротынца родовое гнездо, построил там церкви, разбил парки, которые радуют глаз до сих пор. У него было многочисленное потомство, но мы ограничимся рассмотрением только семьи одного его внука Платона Александровича Демидова, т.е. несколько сузим область исследований.

В воспитании Платона и других детей принимали участие не только родители, но и дед. Будучи человеком строгим и набожным, он определенным образом повлиял на становление своих внуков. Впоследствии (в 1852-1859 гг.) П.А. Демидов учился в Нижнем Новгороде, в Дворянском институте Императора Александра II. И, возможно, благодаря воспитанию деда, годичный экзамен по Закону Божьему в 1854 г., проходивший в присутствии Епископа Нижегородского и Арзамасского Иеремии, третьеклассник Платон Демидов выдержал на «отлично» [5]. Если смотреть на успехи Платона, самой характерной для него отметкой была твердая четверка, причем по языкам (славянскому, немецкому, французскому) преобладали пятерки.

Затем он окончил юридический факультет Московского университета [6]. Женился на Ольге Владимировне Даль (дочери знаменитого писателя, лексикографа, создателя первого в России толкового словаря В.И. Даля). В их семье росло пятеро детей: дочери Ольга, Евгения, Неонилла и сыновья Лев и Игорь. Все дочери окончили Московскую женскую классическую гимназию С.Н. Фишер, в которой на высоком уровне преподавались древние языки, математика и даже теология. Сыновья образование получали в Нижнем Новгороде в Александровском дворянском институте, где некогда учился их отец.

Платон Александрович был достаточно успешным помещиком, содержал молочную ферму и маслозавод. Его хорошо знали многие люди в Нижнем Новгороде и губернии, причем люди самых разных сословий, занятий и возрастов. Он состоял членом губернской ученой архивной комиссии, одно время являлся почетным попечителем Дворянского института. В 1888 г. он стал организатором, а позже и председателем кружка любителей физики и астрономии. К сожалению, Платон Александрович безвременно скончался от рака в возрасте всего 52 лет. Ольга Владимировна намного пережила мужа, но также умерла, не дожив до 1917 г. и тех роковых событий, что за ним последовали. Беды и лишения вплотную коснулись детей и внуков. Расскажем о том, как сложилась судьба их потомков в революционные и послереволюционные годы. Начнем рассмотрение по старшинству, со старшей дочери Ольги.

Она проявляла способности к языкам и в совершенстве владела как новыми, так и древними. Занималась стихотворными переводами [7]. Была очень музыкальна. После окончания гимназии занималась преподавательской деятельностью. Ольга Платоновна возглавляла Ярославское училище девиц духовного звания с 1905 г. и до его закрытия в 1918 г., после отделения церкви от государства. Белогвардейское восстание в Ярославле (иногда именуемое мятежом) вспыхнуло 6 июля 1918 г. На его подавление были стянуты немалые силы, состоявшие преимущественно из венгерских, латышских, польских и китайских наемников. Город непрерывно обстреливали не только с земли, но и с

бронепоездов и даже аэропланов. Интенсивность воздушного обстрела была такой, что «*за два полета сброшено более 12 пудов динамитных бомб»* [8]. Здание училища девиц духовного звания располагалось меньше чем в километре от бывшего губернаторского дома, где размещался штаб восставших. С другой стороны от здания выгорел целый район. Обстрел не был хаотичным, улицы и кварталы уничтожались планомерно, по немецкой системе. Пожар охватил всю близлежащую территорию.

Воспоминания людей, переживших этот кошмар, различаются по причине разных взглядов и политических пристрастий. Чтобы попытаться объективно оценить и представить, как там все было, обратимся к воспоминаниям человека, оказавшегося в Ярославле в июле 1918 г. совершенно случайно. Это был певец Юрий Спиридонович Морфесси, приехавший в город на гастроли. В своей книге он рассказал: «*Весь Ярославль был в огне... Население дни и ночи проводило в подвалах и погребах. ...Обыкновенной воды не было − красная артиллерия разрушила весь сложный аппарат водопроводов. ....Тысячи семейств, побросав дома и квартиры, под открытым небом разбили на берегу Волги какой-то исполинский табор цыган. Но это не был табор веселья и удалых песен, − это был табор голода, горя и слез...*» Пережитое так потрясло Ю.С. Морфесси, что спустя годы он написал: *«…умирая не забуду*» [9]. Ольга Платоновна Вейсс (урожденная Демидова), покидая мятежный Ярославль летом 1918 г., вынуждена была бросить некоторые семейные реликвии, перешедшие к ней от деда и дяди (В.И. Даля и Л.В. Даля). Это очень печально, но вполне оправдано. Просто ужасает то, что пережили О.П. Вейсс и ее дочь Софья Арсеньевна. На руках у них было двое маленьких детей, причем младший − Лев − появился на свет в самый разгар восстания, 13 июля 1918 г. [10]. После подавления Ярославского мятежа (21 июля) в городе начался массовый террор. Причем расправа коснулась не только восставших, но и горожан «*с малейшим проблеском внешней интеллигентности*». Ольга Платоновна с дочерью и внуками покинули Ярославль. Им в те годы удалось уцелеть, чего нельзя сказать о семье второй сестры − Евгении Платоновны.

Ее мужем был выдающийся музыкант, пианист, дирижер и композитор Сергей Михайлович Ляпунов. Семья жила преимущественно в Санкт-Петербурге, но имела самое непосредственное отношение к Нижегородской губернии. Сам С.М. Ляпунов, как его отец, дед и прадед, был нижегородским потомственным дворянином, а с 1913 г. и все его дети, о которых пойдет речь далее, были присоединены к дворянской родословной книге Нижегородской губернии [11]. Мужская половина их большой семьи полностью была уничтожена, и их гибель непосредственно связана с революцией, Гражданской войной, последующими гонениями и репрессиями.

Сын Сергея Михайловича и Евгении Платоновны Андрей (1896-1919) в 1916 г., не окончив курса классического отделения гимназии св. Анны, поступил в Михайловское артиллерийское училище. Через год он был направлен на Юго-Западный фронт, позже служил в Белой армии и погиб в 1919 г.

Другой сын − Юрий (1893-1920) − был филологом-лингвистом, являлся ученым секретарем Эрмитажа, подавал большие надежды в области античной истории. Был призван в Красную Армию и на фронте умер от тифа.

Отец семейства − профессор Петербургской консерватории Сергей Михайлович Ляпунов, будучи ктитором консерваторской церкви, был арестован за отказ отдать властям церковные ценности и провел в заключении три недели. Он был подвергнут суду по групповому «Делу митрополита Вениамина» и осужден на шесть месяцев лишения свободы условно. По решению суда ему было запрещено печатать свои произведения и работать в советских учреждениях. Невозможность в подобных условиях прокормить большую семью вынудила его уехать осенью 1923 г. в Париж. Была и еще одна причина эмиграции: он очень надеялся отыскать там своего сына Андрея, о судьбе которого родственники долгое время ничего не знали. Прожил на чужбине Сергей Михайлович недолго, в ноябре 1924 г. он скончался от инфаркта.

Третий его сын − Борис (1901-1937) − учился в Петроградском университете. С 1919 по 1921 год служил в Красной Армии по призыву. В последующие годы работал в библиотеке Академии Наук. С 1928 г. стал монахом, позднее иеромонахом, служил в Александро-Невской Свято-Троицкой Лавре до 1932 г. Был арестован, умер от туберкулеза в лагерной больнице Сибирского лагеря станции Яя Томской железной дороги. Долгое время местом его гибели называли лагерь в Потьме, но теперь, получив от родственников неопровержимые свидетельства, мы можем утверждать, что это произошло в Сибири.

Что касается других членов семьи Платона Александровича, известно, что его старший сын Лев Платонович Демидов жил в Москве, служил по ведомству МВД, являлся уполномоченным Главного Комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, был председателем Пресненского районного общества потребителей «Кооперация». Л.П. Демидов был расстрелян в Москве в 1919 г. К сожалению, о нем и об обстоятельствах его гибели известно очень мало, в этом направлении еще предстоит большая работа.

Дочь Неониллы Платоновны – Екатерина Николаевна Гуменская (урожденная Аристова) после революции переехала в Харбин, откуда в 1921 г. перебралась в США. Она работала переводчицей, занималась живописью, собрала обширный архив.

Младший сын четы Демидовых Игорь известен как крупный общественный деятель и журналист. Он был членом ЦК кадетской партии, депутатом IV Государственной Думы, принял активное участие в Февральской революции, состоял во Временном правительстве. Позднее участвовал в Белом движении, эмигрировал в Париж, куда вывез и свою семью.

Далее обратимся к судьбам других нижегородских Демидовых и убедимся, что рассмотренная нами история не была исключительной, ее скорее можно назвать характерной и типичной для дворянских семей Нижегородского края. В июле 1918 г. в родном имении Быковка был застрелен родной брат П.А. Демидова Александр Александрович. Судьба сына его двоюродного брата – Павла Аркадиевича Демидова – на удивление похожа на судьбу внука Бориса.

Они были практически ровесниками: Аркадий Павлович Демидов родился в 1902, Борис Сергеевич – в 1901 г. Аркадий после революции тоже стал иеромонахом (по имени Руфин), тоже был арестован, а в 1937 г. расстрелян, т.е. погиб в том же роковом году [12].

Мы кратко рассмотрели историю семьи Платона Александровича Демидова. Многих ее членов Революционные и послереволюционные события погубили, других раскидали по миру. Но не хотелось бы заканчивать повествование на столь трагичной ноте. Что же осталось? Церкви и парки в Воротынском районе. Основанный П.А. Демидовым Нижегородский кружок любителей физики и астрономии, который существует уже 129 лет! А главное, остались потомки, продолжение. В Париже живут трое правнуков Игоря Платоновича Демидова, т.е. по мужской линии род не прервался. В Твери сейчас проживают потомки дочери Ольги Платоновны: врач Александр Львович Журавский и его дочь Анастасия Александровна Журавская. В Санкт-Петербурге живет внук Евгении Платоновны и Сергея Михайловича Ляпуновых Андрей Николаевич Ляпунов и его дочь Анастасия Андреевна, а недавно родилась и внучка Оля.

Большую признательность хотелось бы выразить А.Н. и Г.П. Ляпуновым за уникальные материалы семейного архива, с которыми они позволили познакомиться. Автор благодарит также А.М. Дюжакова за предоставленные редкие фотографии семьи Демидовых.

Источники и литература

1. Краснова Е.И. Нижегородские Демидовы в родовом имении Быковка (Васильсурский уезд) // Записки краеведов. – Н. Новгород: Книги, 2004. – 368 с.

2. Дюжаков А.М. Нижегородские Демидовы // Открытая Нижегородская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nnov.ec/Нижегородские_Демидовы (дата обращения 14.09.2017).

3. Филимонова Г.В. Места памяти. Неизвестные усадьбы Нижегородской области. – Н. Новгород: Дать Понять, 2010.

4. Смирнова Л.М. Крест. Краеведческие очерки (в двух книгах). Кн.1. – Н. Новгород: Дятловы горы, Бегемот, 2001. – 288 с.

5. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 522. Оп. 459. Д. 34а. Аттестаты и таблицы годичных испытаний учеников на 1854 год.

6. Книга Нижегородской епархии Васильской округи, с. Быковки. Обыск № 17 от 21 мая 1863 г. // Находится в музее с. Быковка.

7. Пакшина Н.А. Внучка В.И. Даля: история двух посвящений // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом: сб. науч. трудов по итогам IV МНПК, г. Новосибирск, 2017. − С. 10-14.

8. Государственный архив Ярославской области (ГА ЯО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 68. Л. 27. Оперативные сводки «на ярославском фронте» от 18.07.1918. Документ № 127 [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/64339 (дата обращения: 14.09.2017).

9. Морфесси Ю.С. Жизнь, любовь, сцена: Воспоминания русского бояна. – Париж, 1935. − С. 122-130.

10. Пакшина Н.А. Ольга Платоновна Вейсс – потомок Демидовых и Далей // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. LII Междунар. науч.-практ. конф. – 2015. – № 8 (48).– С. 49-59.

11. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126. Д. 8796. Дело по прошению потомственного дворянина С.М. Ляпунова о присоединении детей его: Георгия, Ксении, Андрея, Людмилы, Бориса, Анастасии, Ольги к дворянской родословной книге Нижегородской губернии к фамилии Ляпуновых.

12. Крюкова Е.Н., Згеева В.А., иеромонах Антоний (Петров). Жизнеописание священномученика Киприана (Нелидова) // Нижегородская старина. – 2017. − № 51-52. − С. 53-64.

УДК 929 (908)

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР С.И. АРХАНГЕЛЬСКИЙ (1882-1958): НОВЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ

CORRESPONDING MEMBER OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES S.I. ARKHANGELSKY (1882-1958): NEW BIOGRAFICAL FACTS

Р.В. Кауркин

R.V. Kaurkin

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, департамент социально-экономических наук, кандидат исторических наук, доцент

603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12

E-mail: rad-kaurkin@mail.ru

Аннотация: В статье приведены новые факты из жизни С.И. Архангельского, основанные на документах дореволюционного и советского периодов.

Ключевые слова: С.И. Архангельский, дворянство, договора с издательствами, заработок.

Summary: The article touches upon the facts S.I. Arkhangelsky`s life based on the prerevolution and Soviet period documents.

Key words: S.I. Arkhangelsky, the nobility, the contracts with publishing houses, the income.

Жизнь и деятельность Сергея Ивановича Архангельского ***(Приложение 7, фото 1)*** – удивительного ученого, организатора образования, педагога – достаточно полно представлены в многочисленных публикациях конца XX – начала XXI вв. Хорошо изучено его творческое наследие. Однако за рамками публикаций осталась рутина жизненного быта – та атмосфера обыденности, в которой жил российский, затем советский преподаватель, ученый, ис-

следователь и которая нередко доминировала над научными штудиями и изысканиями.

Волею судеб в распоряжении автора этих строк оказались документы и разновременные личные записи С.И. Архангельского (его документы и прижизненный портрет нам любезно предоставила внучка А.М. Архангельской Н.И. Иванова), которые позволяют несколько приоткрыть эту сторону ремесла историка прошедшего века. Наиболее ранним по времени оказалось документальное подтверждение его дворянского происхождения (копия протокола Нижегородского Дворянского собрания о «присоединении» С.И. Архангельского «в дворянской родословной книге Нижегородской губернии»). Документ гласит:

«1890 года апреля 25 дня, по указу Его Императорского Величества, в Нижегородском Дворянском Депутатском Собрании слушали дело, начатое по прошению Коллежского Секретаря Ивана Андреевича Архангельского, при котором представив копию с формулярного списка о своей службе и метрическия свидетельства о своем браке и о рождении и крещении сына Сергея, с копией с последняго свидетельства, просил присоединить помянутаго сына его в дворянской родословной книге Нижегородской губернии к фамилии Архангельских и выдать ему документ о дворянском его происхождении. Справка: Проситель Иван Андреевич Архангельский по определению Нижегородскаго Дворянскаго Депутатскаго Собрания, состоявшемуся 26-го февраля 1865 года, внесен при отце его Титулярным Советником Андрее Павловиче Архангельском в 3-ю часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии и в дворянском достоинстве утвержден указом Правительствующаго Сената по Департаменту Герольдии 26-го мая 1865 года за № 1763. Из представленных им документов видно: 1) копии с формулярнаго списка о его службе за 1890 год, что он имеет чин Коллежскаго Секретаря, состоит Дворянским Заседателем Семеновской Дворянской Опеки, под следствием и судом не был, вдов, имеет сына Сергея и 2) метрических свидетельств Нижегородской Духовной Консистории от 14-го марта 1890 года за № 1879 и от 22-го декабря 1889 года за № 10811, что Коллежский Секретарь Иван Андреевич Архангельский с девицею Верою Константиновною Успенскою повенчаны 12-го февраля 1878 года и что сын их рожденный десятого января тысяча восемь сот восемьдесят втораго года. Определили: Сына Коллежскаго Секретаря Ивана Андреевича Архангельского Сергея... присоединить в третьей части дворянской родословной книги Нижегородской губернии к фамилии Архангельских, выдать ему документ о дворянском его происхождении и возвратить подлинное метрическое свидетельство о его рождении и крещении...

...выдана эта копия с протокола сыну Коллежскаго Секретаря Ивана Андреевича Архангельского, – Сергею Ивановичу Архангельскому, в доказательство дворянскаго его происхождения, для представления этого документа куда встретится надобность.

Нижегородский Губернский
Предводитель Дворянства *[подпись]*
Секретарь Дворянства *[подпись]*
Столоначальник *[подпись]».*

После окончания Московского университета С.И. Архангельский начал свою трудовую деятельность в 1907-1908 учебном году с преподавания в Мариинской женской гимназии, а с 1912 г. – в Нижегородской губернской гимназии. Его должностной оклад в то время составлял около 900 руб. в год. Значительная часть этих денег шла на содержание собственного дома, доставшегося ему по наследству. Об этом говорят сделанные рукой С.И. Архангельского «расходные записи» за 1911 и 1912 гг. Согласно им, общий расход в 1911 г. составил 224 руб. 64 коп., а в 1912 г. – 385 руб. 21 коп. Увеличение произошло, в основном, за счет расходов на ремонт (172 руб. 39 коп.). Помимо этого, определенных затрат требовала также недвижимость в г. Семенове. Сохранился «окладной лист» за 1918 г., в котором указана сумма годового государственного налога в размере 10 руб. 61 коп.

Стоит отметить, что обучение в Нижегородском учительском институте в то время стоило 50 руб. в год, а стипендия студента составляла 16 руб. 66 и 2/3 коп. в месяц [1, с. 8].

После Октябрьской революции С.И. Архангельский потерял право собственности на строения как в Нижнем Новгороде, так, видимо, и в Семенове. Продолжая трудиться в системе образования, он занимал ряд руководящих должностей и одновременно преподавал в Нижегородском институте народного образования, Нижегородском госуниверситете, Нижегородском отделении Московского архитектурного института, Нижегородской литературной студии и др. Выступал с публичными лекциями, руководил исторической секцией нижегородского научного общества по изучению местного края, публиковал научные статьи…

На основной доход преподавателя, зарплата которого не превышала 400 руб. в месяц [1, с. 59], в то время сложно было прожить и обеспечить семью. Особенно остро это проявилось с введением «всесоюзной карточной системы» в начале 1930-х гг. По «Нормам спецснабжения интеллектуальной элиты», установленным в 1932 г., С.И. Архангельский мог получить в месяц: муки – 2 кг, мяса – 3 кг, рыбы свежей – 2 кг, сельди – 1 кг, сахара – 2 кг, крупы – 2 кг, риса – 1 кг, масла растительного – 0,5 л, чая – 0,1 кг, колбасы – 1 кг, макарон – 0,5 кг, сыра – 0,7 кг, яиц – 15 шт., кондитерских изделий – 1,3 кг, мыла – 3 куска, папирос – 750 шт., хлеба – 0,8 кг (дневная норма), молока – 0,5 л (дневная норма). Дополнительно на каждого иждивенца полагалась половинная норма [2, с. 330]. Поэтому С.И. Архангельскому, как и многим его коллегам, приходилось подрабатывать. Сохранились рукописные записи «добавочного заработка» С.И. Архангельского за 1932-1933 и 1933-34 учебные годы:

«Мой добавочный заработок за 1932-33 уч. год

1. Аванс за статью 25 р.

2. За лекцию учителям [города] 110 р.

3. За лекции в Канавине 250 р.

4. За лекции ИПКНО 45 р.

5. Командировка в Ленинград 250 р.

6. ИПКНО 360 р.

Статья – 225 р.
Статья – 75 р.
Лекции – 250 р.

Мой добавочный заработок в 1933-34 году
Рецензия работ з. сектора – 30 р.
12 часов лекций з. сектора – 120 р.
30 часов лекций на курсах Ш.К.М. – 180 р.
40 часов лекций в ИПКНО – 600 р.
30 часов лекций в ППКНО в Сергаче – 450 р.
30 часов лекций в ИПКНО – 240 р.
10 часов лекций в З.С. – 80 р.
15 часов лекций в З.С. – 120 р.».

Итоговая сумма за 1932-33 учебный год составила 1.590 руб. Всего за 1933-34 учебный год С.И. Архангельский прочитал, помимо основной работы, 167 часов лекций и заработал 1.820 руб., с оплатой в среднем по 10 руб. 70 коп. за час, что существенно улучшало положение. В первой половине 1932 г. средние по стране цены на продукты (в открытой торговле) были следующими: мука пшеничная – 3-5 руб./кг, мясо – 4,68-6,84 руб./кг, рыба – 2,69-3,14 руб./кг, молоко (литр) – 1,45-1,47 руб., масло сливочное – 19-20 руб./кг, сахар – 4-9 руб./кг, яйца (десяток) – 9-10 руб.) [2, с. 332]. Для сравнения: в середине 1917 г. фунт черного хлеба стоил 10 коп., фунт белого хлеба – 40 коп., пуд сахара – 16 руб. [3, с. 3; 4, с. 3]. Милиционер за восьмичасовое дежурство получал 8 руб., т.е. 240 руб. в месяц [5, с. 4]; один час преподавателя Нижегородского учительского института оценивался в 150 руб. [1, с. 27].

Помимо преподавания, С.И. Архангельский вел большую общественную работу. Вот выдержка из его записной книжки за январь 1932 г.:

«...2/I 32. 10 до 12 был в школе... беседа... о кабинетах..., о мастерских. С 6 до 8 ½ в школе был...

5/I 32. С 12 до 2 ½ на заводе...

8/I 32. Ходил в школу в 6 часов на собрание...

10/I был в школе с 11 до 12 ½ беседа с заведующим о делах...

12/I был на заводе для переговоров о практике с 12 до 3 ч.

18/I был в школе на открытии кабинета...

19/I был в школе на производственном совещании с 3 до 5 ½...».

Вероятно, к голодному 1932 г. относится «Дневник огородника», сохранившийся в записной книжке Сергея Ивановича:

«15/V Пасмурно; потом разгулялось [;] был на работе с 8 до 5; копал землю

16/V солнечно; был на работе с 8 утра до 5; копал землю. Устал меньше [,] чем первый раз

19/V начал посадку картофеля [,] копал; были Аня и Рита с 4 до 10

20/V копал и сажал картофель с 4 до 10

22/V копала Аня; сажал картофель с Ритой с 3 до 10...»

Вчитываясь в эти записи, невольно поражаешься стойкости нашего народа.

Несмотря ни на какие бытовые сложности, С.И. Архангельский активно занимался научно-исследовательской работой. Двадцать пятого марта 1940 г. он заключил договор с Институтом истории АН СССР о подготовке материала для VI тома «Всемирной истории» – «Западная Европа в XVII-XVIII вв.» (главы VI «Подавление Ирландии» и главы VII «Внешняя политика Республики»).

Как видно из текста договора, гонорар автора составил 2.450 руб. Окончательные суммы Сергей Иванович получил в 1941 г. Эти деньги были далеко не лишними для семьи. *«В январе 1939 года были повышены цены на ткани, готовое платье, трикотаж, стеклянную посуду, в июле 1940 года – на обувь и металлические изделия. В январе 1940 года выросли государственные цены на сахар, в апреле – на мясо, жиры, сыр, молочные продукты, картофель и овощи. Быстро росли цены на винно-водочные изделия... Цены на водку выросли с 11 руб. за литр в 1938 году до 21 руб. 20 коп. в 1941 году»* [2, с. 279-280]. В 1940 г. среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в СССР составляла 331 руб. Торгпред СССР во Франции получал около 1.350 руб., заплата председателя райисполкома составляла чуть более 1.400 руб., первый секретарь ЦК ВЛКСМ – 2.000 руб. [6].

Восемнадцатого июня 1947 г. Институт истории АН СССР вновь заключил договор с С.И. Архангельским о написании материала для «Всемирной истории» (разделов «Английская революция», «Итоги экономического развития Англии в 40-50-х гг.», «Аграрное законодательство Долгого парламента», «Крестьянские движения в 40-50-х гг.», «Ирландское и Шотландское землеустройство», «Внешняя политика Республики и Протектората») общим объемом 10 печатных листов. Пункт 8 гласит: *«При условии выполнения упомянутых в договоре работ Институтом выплачивается автору по 2,5 тысячи р. за печ. лист /40.000 печ. знаков/ в следующие сроки:*

По одобрении Институтом работы – 60%

По выходе работы из печати – 40%

ПРИМЕЧАНИЕ: Окончательный расчет производится по фактически принятому редакцией объему рукописи».

В следующем году С.И. Архангельский подписал договор с Горьковским издательством. Пункт 1 договора гласит: *«Автор передает Издательству исключительное право на издание и переиздание своего труда под названием “История развития нижегородского пролетариата” размером до 15 печ. листов...»*. В пункте 4 указывался гонорар автора *«...из расчета по 1200 руб. за печатный лист»*.

Общая сумма дохода С.И. Архангельского за эти издания составила 43 тыс. руб. – сумма по тем времена более чем внушительная.

Как вспоминает профессор В.А. Торгашев, в 1946 г. на 20% были увеличены должностные оклады лиц с высшим и средним специальным образованием (ИТР, работники науки, образования и медицины). Была поднята значимость ученых степеней и званий; зарплата профессора, доктора наук повышена с 1,6 тыс. до 5 тыс. руб., доцента, кандидата наук – с 1,2 тыс. до 3,2 тыс. руб., ректора вуза – с 2,5 тыс. до 8 тыс. руб. В это же время зарплата союзного министра

составляла 5 тыс. руб., а секретаря райкома партии – 1,5 тыс. руб. И.В. Сталин как Председатель Совета Министров СССР, имел оклад 10 тыс. руб. В декабре 1947 г. произошло событие, которое по эмоциональному воздействию на людей было соизмеримо с окончанием войны. Совместным постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) с 16 декабря 1947 г. была отменена карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами, отменены высокие цены по коммерческой торговле и вводились единые сниженные государственные розничные цены на продовольствие и промтовары. В течение 1949-1951 гг. (с 1 марта ежегодно) происходило дальнейшее снижение цен, в среднем на 20% в год. Каждое воспринималось как всенародный праздник. Когда 1 марта 1952 г. очередного снижения цен не произошло, у людей возникло чувство разочарования. Однако 1 апреля того же года снижение цен все же состоялось. Последнее снижение цен произошло уже после смерти Сталина, 1 апреля 1953 г. За послевоенный период цены на продовольствие и наиболее ходовые промтовары снизились в среднем более чем вдвое [7].

В феврале 1956 г. С.И. Архангельский подписал договор с АН СССР на издание монографии «Крестьянское движение в Англии в 40-50 гг. XVII в.». Объем работы определялся в 23 печатных листа с выплатой гонорара по 1,5 тыс. руб. за один печатный лист. Таким образом, общая сумма составила 34,5 тыс. руб. Однако за год до этого (точнее, 24 мая 1955 г.) Сергей Иванович подписал «Трудовое соглашение» с некоей С.М. Драбкиной, в котором *«автор* (т.е. С.И. Архангельский – ***Р.К.***) *поручает, а исполнитель принимает на себя... работу по подготовке к выпуску в Издательстве... вышеназванной монографии* («Крестьянское движение в Англии в 40-50 гг. XVII в.» – ***Р.К.***)*:*

1. Общее наблюдение за прохождением рукописи...

2. Обсуждение замечаний литературного и издательского редакторов и информация автора о всех возникающих вопросах.

3. Наблюдение за изготовлением карт...

4. Следить за своевременной пересылкой издательством автору корректур».

За указанные в соглашении работы С.И. Архангельский обязался *«уплатить исполнителю аккордно 2500 рублей»* (!). Суть этого соглашения не совсем ясна. Все перечисленные «работы» носят более чем формальный вид и имеют лишь относительный характер: *«общее наблюдение», «наблюдение за изготовлением», «следить за пересылкой», «информация* (т.е. информирование – ***Р.К.***) *автора»*. Сложно себе представить, что один из ведущих мировых специалистов по истории Англии, член редколлегии сборника «Средние века», член-корреспондент АН СССР мог доверить *«обсуждение замечаний»* по своей монографии, материалами которой он занимался не один десяток лет, какому-то третьему лицу, кандидату исторических наук. Это больше похоже на некий «откат». Возникает вопрос: а кому предназначались эти деньги на самом деле?

Несмотря на вычет указанных выше 2,5 тыс. руб., подоходного налога и других выплат, у С.И. Архангельского оставалась достаточно внушительная по тем временам сумма. Вот порядок цен 1955 г.: ржаной хлеб – 1 руб./кг, булка –

1,5 руб./0,5 кг, мясо – 12,5-18 руб./кг, живая рыба (карп) – 5 руб./кг, осетровая икра – 180 руб./кг, обед в столовой – 2-3 руб., ужин в ресторане с вином на двоих – 25 руб., кожаные туфли – 150-250 руб., билет в кино – 0,5-1 руб., билет в театр или на концерт – 3-10 руб., трехскоростной велосипед «Турист» – 900 руб., мотоцикл «ИЖ-49» с двигателем 350 $см^3$ – 2,5 тыс. руб., автомобиль «Москвич-400» – 9 тыс. руб., «Победа» – 16 тыс. руб., «ЗИМ» – 40 тыс. руб. [7].

Из представленных материалов следует вывод, что ремесло историка не принесло С.И. Архангельскому «ни злата, ни серебра, ни палат каменных». И только на закате своей жизни он мог позволить себе не думать о хлебе насущном для себя и своих домочадцев. Своим родным С.И. Архангельский смог оставить в наследство лишь уникальную библиотеку, которую после его кончины выкупил Горьковский государственный университет за 20 тыс. руб.

Источники и литература

1. Век на педагогической ниве. К 100-летнему юбилею НГПУ / под общ. ред. Л.Е. Шапошникова. – Н. Новгород: НГПУ, 2011.

2. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927-1941. – М.: РОССПЭН, 2008.

3. Голос нижегородца. – 1917. – № 17.

4. Голос нижегородца. – 1917. – № 15.

5. Голос нижегородца. – 1917. – № 11.

6. История России XX – начала XXI века / под ред. Л.В. Милова. – М.: ЭКСМО. 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://coollib.net/b/275683/read#t52; http://newsruss.ru/doc/index.php/

7. Торгашев В.А. Вспоминая СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/dejavu57/post279220405/

УДК 908

ПАМЯТЬ АРЗАМАСЦЕВ О ВЫДАЮЩЕМСЯ ЗЕМЛЯКЕ: к 150-летию со дня рождения Патриарха Сергия (Страгородского)

ARZAMAS PEOPLE' MEMORY ABOUT OUTSTANDING COUNTRYMAN (to the 150th anniversary of the birth of Patriarch Sergius (Stragorodsky))

В.В. Архипова

V.V. Arkhipova

Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, студентка

607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

E-mail: arkhipovav199@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются различные проявления памяти арзамасцев о своем выдающемся земляке – Патриархе Сергии (Страгородском), возглавлявшем Русскую Православную Церковь в один из самых сложных периодов ее существования.

Ключевые слова: член Святейшего Синода, Местоблюститель Патриаршего престола, Патриарх Сергий (Страгородский), памятник.

Summary: The article discusses the various manifestations of Arzamas people' memory about their outstanding countryman, the Patriarch Sergius (Stragorodsky), the head of the Russian Orthodox Church in one of the most difficult periods of its existence.

Key words: a member of the Holy Synod, Locum Tenens of the Patriarchal throne, Patriarch Sergius (Stragorodsky), a monument.

У каждого народа есть свои памятники – символы национальной славы и гордости. Они – яркое свидетельство любви и уважения соотечественников к выдающимся людям – государственным и политическим деятелям, полководцам, писателям, ученым. В Арзамасе, среди прочих, теперь есть и памятник нашему выдающемуся земляку, Патриарху Сергию (Страгородскому).

Кем был этот человек? Какую роль он сыграл в истории РПЦ? Будущий Патриарх родился в 1867 г. в городе Арзамасе в семье протоиерея. Он внес огромный вклад в духовное развитие не только своей малой родины, но и всей России. Известен Сергий (Страгородский) как философ и богослов, ректор Петербургской духовной академии, архиепископ Финляндский и Выборгский, член Святейшего Синода, митрополит Владимирский, затем Нижегородский, заместитель Патриаршего Местоблюстителя. С 1927 г. он фактически возглавлял Русскую Православную Церковь, а в 1943-1944 гг. был Патриархом Московским и всея Руси. На долю этого архипастыря пришлись самые тяжелые годы XX века, когда богоборчество стало официальной идеологией, когда государство преследовало цель уничтожить православие на Русской земле. Несмотря на аресты, ссылки и репрессии, Сергий до конца отстаивал сохранение церковной жизни.

Уже в первый день Великой Отечественной войны митрополит Сергий, как Местоблюститель Патриаршего престола обратился к гражданам нашей страны с призывом встать на защиту Родины. Владыка Сергий произнес в храме исповедь, текст которой в тот же день был разослан по приходам: *«…Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину… Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой..»* [1, с. 194]. На протяжении трех оставшихся ему лет жизни Сергий (Страгородский) вел активную деятельность, всеми силами помогая поднятию русского духа.

В сентябре 1943 г. Архиерейский Собор избрал митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси [2, с. 417-420]. За короткий срок своего патриаршества Сергий сумел сделать многое: урегулировал отношения с Грузинской Православной Церковью, прерванные еще в 1917 г.; интенсивно восстанавливал епархии; подготовил восстановление богословского образования; способствовал открытию храмов (в частности, в ноябре 1944 г. в Арзамасе вновь был открыт Воскресенский собор, в котором возобновились богослужения. В этом соборе служили еще дед и отец Патриарха Сергия). Последнюю в

своей жизни Божественную литургию Сергий совершил 14 мая 1944 г. в Ризоположенском храме Москвы, а на следующий день скончался.

В начале XXI века на родине Патриарха Сергия, в Арзамасе началось возрождение исторической памяти о выдающемся уроженце нашего города. Сегодня в Арзамасе есть несколько памятных мест, связанных с Патриархом. Так, в сентябре 2004 г. состоялось открытие памятного знака и мемориальной доски. Памятный знак – камень – установлен на месте не сохранившегося до наших дней дома, в котором родился святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский). Сюда он часто приезжал при жизни. Также на сохранившейся стене бывшего Алексеевкого женского монастыря (ныне воинская часть на ул. Советской) была открыта мемориальная доска деду, отцу и сестре великого священнослужителя. Дед Патриарха Сергия – Иоанн Дмитриевич – более 20 лет служил в монастыре. Его сын Николай и дочь Евгения способствовали возрождению арзамасской общины.

Кроме того, мемориальная доска была открыта на здании Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара. Ранее в историческом здании института располагалось духовное училище, в котором учился будущий Патриарх (ныне ул. К. Маркса, д. 36).

В 2017 г. Русская Православная Церковь отмечала 150-летие со дня рождения Патриарха Сергия (Страгородского). В честь этого события 13 августа в историческом центре города, на площади имени Патриарха Сергия был открыт памятник выдающемуся церковному иерарху [3, с. 7]. Высота бронзового памятника (3,6 м) вместе с гранитным постаментом составила более 7 м.

История его создания началась еще в 2005 г. Тогда по благословению Патриарха Алексия II администрация города Арзамаса и руководство Нижегородской епархии учредили конкурс на лучший проект памятника Патриарху Сергию [4, с. 1]. Участие в конкурсе приняло множество талантливых художников, архитекторов и скульпторов. Итоги были подведены 29 ноября 2005 г. По решению авторитетного жюри премию I степени не получил никто из участников. Премия II степени была присуждена Ю.Н. Карцеву и В.М. Потапину; им и поручили создать проект площади и самого памятника. Известно, что В.М. Потапин взял за основу портрет Сергия (Страгородского), написанный П.Д. Кориным в 1937 г.

Памятник был отлит уже в 2013 г., но проект долгое время оставался нереализованным. Более трех лет скульптура пылилась под плотной материей на ступенях Воскресенского собора [5, с. 4].

В том же 2013 г. по инициативе митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия в Арзамасе на Соборной площади был открыт Музей Русского патриаршества, где одна из экспозиций посвящена Патриарху Сергию [6]. В 2014 г. на совещании у мэра города М. Бузина рассматривался вопрос об устройстве площади имени Патриарха Сергия (Страгородского). Мэр города дал установку – завершить все ремонтные работы до 2015 г. [7, с. 1]. Было принято решение закончить постройку памятника и площади к 150-летию со дня

рождения Патриарха Сергия. В начале лета 2017 г. началось активное строительство площади. За два месяца она была достроена.

Многие отмечают огромный вклад Арзамасской ассоциации промышленников и предпринимателей, оказавших финансовую помощь. *«Основная сложность заключалась в сроках и погодных условиях,* – говорит заместитель генерального директора ООО «Жилищно-коммунальный холдинг» В. Климачев, – *люди работали с утра до утра»*.

Открытие памятника состоялось 13 августа после Патриаршей Божественной литургии в Воскресенском кафедральном соборе. Чин освящения монумента совершил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Гостями мероприятия стали митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий, губернатор Нижегородской области В. Шанцев, управляющий делами Московской Патриархии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий, руководитель Административного секретариата Московской Патриархии архиепископ Солнечногорский Сергий. Почетными гостями праздника стали родственники Сергия (Страгородского) [3, с. 7]. Мэр Арзамаса преподнес Патриарху Кириллу в память о пребывании в нашем городе картину А. Маркеева, на которой изображен вид старой площади Арзамаса. В ответ Кирилл подарил Воскресенскому собору икону преподобного Сергия Радонежского [8, с. 2].

Историческая память вновь возвращает арзамасцам имя Патриарха Сергия (Страгородского). Открытый в 2017 г. в Арзамасе монумент заставляет вновь обратиться к личности этого выдающегося человека и церковного деятеля, более детально изучить его роль в истории Русской Православной Церкви и нашего государства в целом.

Источники и литература

1. Архимандрит Тихон (Затёкин), Дёгтева О.В. Рожденный на Земле Нижегородской. Патриарх Сергий. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского Вознесенского Печерского мужского монастыря, 2007.

2. Титков Е.П. Патриарх Сергий (Страгородский): подвиг служения Церкви и Родине / Е.П. Тиков; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2007.

3. Дружкова М. Возвращение к истокам // Арзамасские вести. – 2017. – № 32.

4. Андреева Л. Новый экспонат // Арзамасские новости. – 2017. – № 9.

5. Булыгин В. Арзамасцы – бронзовые и каменные // Арзамасские новости. – 2015. – № 141.

6. Музей Русского Патриаршества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://arzblag.ortox.ru/prosveshhenie/kultura/muzej-russkogo-patriarshestva/

7. Астрова Н. Площади – быть // Арзамасские новости. – 2014. – № 14.

8. Фадеева М. Великий подвижник // Арзамасские новости. – 2017. – № 67.

УДК 82

«АРЗАМАССКАЯ ПРАВДА» НА СТРАНИЦАХ ОБЛАСТНОЙ ПЕРИОДИКИ 1920-1930-х гг. (К 100-ЛЕТИЮ ГАЗЕТЫ)

"ARZAMASSKAYA PRAVDA" ON PAGES OF REGIONAL PERIODICALS 1920-1930s (TO THE CENTIONARY OF THE NEWSPAPER)

Г.И. Родина

G.I. Rodina

Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания,
доктор филологических наук, профессор
607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: grodina@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются помещенные на страницах нижегородской (горьковской) периодики 1920-30-х гг. материалы о газете «Арзамасская правда», в которых в аспекте «большевистской критики» освещается тематика газеты (колхозное строительство, культурная и спортивная жизнь города и района, жизнь школы и др.), содержание «литературной страницы», фиксируются достижения и ошибки в работе редакции.

Ключевые слова: газета «Арзамасская правда», большевистская критика, колхозы, коллективизация, социалистическое строительство, воспитание нового человека, мордовская газета, «Союз безбожников».

Summary: The paper focuses on the materials that Nizhny Novgorod (Gorky) printed media of the 1920-30s carried about the *Arzamasskaya Pravda* newspaper. Written from the viewpoint of the "Bolshevik criticism", these materials reviewed the topics covered by the *Arzamasskaya Pravda* (such as organization of collective farms, cultural and sports life in the town and district, school life, etc.), as well as the contents of its literature page, and achievements and mistakes of the editorial board.

Key words: the *Arzamasskaya Pravda* newspaper, Bolshevik criticism, collective farms, organization of collective farms, socialist construction, the development of a "new man", Mordovian newspaper, Union of Atheists.

Листаю подшивку газеты –
Горячую летопись дней…
М.В. Шестериков. «Наша летопись»

В Нижегородской областной библиотеке сижу в зале периодики и внимательно листаю подшивки всех областных газет 1920-30-х гг. Труд весьма тяжелый: требуется сосредоточенность и умение видеть на больших газетных листах нужные ключевые слова. Цель моих поисков – любая по объему информация, связанная с деятельностью Нижегородской ассоциации пролетарских писателей (НАПП) и с творчеством ее активного представителя – поэта и публициста Михаила Васильевича Шестерикова (1906-1974), нашего земляка.

Нередко попадаются интересные статьи и заметки об Арзамасе, о работе газет «Арзамасская деревня» и «Арзамасская правда», о Хватовке и окрестных селах. Авторы этих материалов – аккредитованные в городе корреспонденты областных газет «Нижегородская коммуна», «Горьковская коммуна», «Ленинская смена» и др. Благодаря их публикациям читатели Нижегородчины узнава-

ли о социалистическом строительстве на арзамасской земле, о его успехах и проблемах.

Из областных газет очевидно, что окружная газета «Арзамасская деревня» (первый номер вышел 5 июля 1929 г.), переименованная с 1 января 1932 г. в районную «Арзамасскую правду», в своем информационном пространстве выполняли важнейшую идеологическую и просветительскую функцию, сообщая о разных аспектах жизни города, уезда, округа. В 20-30-е годы XX века здесь, как и по всей стране, шел трудный и тяжелый процесс коллективизации сельского хозяйства. Газета отслеживает ростки нового мира – ***успехи социалистического строительства в деревне*** – и рекламирует их на своих страницах. «Нижегородская коммуна» (1929) сообщала, что в ноябре-декабре редакция «Арзамасской деревни» выезжает в два района *«сплошной коллективизации – в Тепло-Станский и Больше-Болдинский»*, где *«коллективизировано соответственно 17,5 и 15 процентов хозяйств»* [1, с. 3]. При этом *«газета ставит себе целью определить степень развития колхозного движения и настроения крестьянских масс, дать толчок к развертыванию новых колхозов, помочь работам специально выделенной комиссии по выявлению экономического состояния районов, организовать общественное мнение крестьян вокруг вопроса коллективизма намеченных районов на 50 процентов.*

Первый выезд редакции в Тепло-Станский район намечен во второй половине ноября. На 15 ноября редакция в селе Теплый Стан созывает широкое совещание рабселькоров района совместно с активом села, чтобы после совещания селькоры разъехались по местам и занялись сбором предложений крестьян и выявлением всех тормозов, мешающих организации колхозов. В помощь себе редакция намерена привлечь всех агрономов и земельных специалистов для ответов и разъяснений по колхозному строительству и земельному переустройству деревни» [2, с. 3]. На март 1930 г. по Арзамасскому округу насчитывалось *«310 колхозов, 23920 хозяйств на площади в 239208 га»* [3, с. 2].

В конце зимы в областных газетах появлялась постоянная рубрика о приближении ***весеннего сева***. Для активизации подготовки колхозов к посевной «Арзамасская деревня» (1930) объявила на 22 марта *«массовый смотр готовности и проведения весеннего сева; при окружкоме создана окружная комиссия по смотру»*. Считалось, что в привлечении внимания к севу *«всей пролетарской общественности кроется успех этого мероприятия»* [3, с. 2].

Однако в начале апреля спецкор «Нижегородской коммуны» в Арзамасе с тревогой констатирует бездействие местных властей и газеты: *«Организация смотра развертывается слабо. Окружная комиссия провела только одно заседание. Плана работы нет. Положение краевой комиссии о смотре "Арзамасской Деревней" не опубликовано. Районные комиссии к работе не приступили, планов не имеют, а в некоторых районах не созданы даже комиссии. Кроме одной телеграммы от окружной комиссии на места не дано никаких указаний»* [4, с. 1].

Критика подействовала, о чем спецкор и сообщает через несколько дней в областной газете в заметке «Перелом сделан» (*«за последние дни окружная ко-*

миссия по смотру готовности к севу значительно оживила свою работу. Две комсомольские бригады выезжают для проведения смотра в Пильненский и Т.-Станский районы») [5, с. 4].

«Арзамасская деревня» освещала не только производственные дела. Работа редакции шла в унисон с поставленной партией задачей – усилить ***значение культуры*** как *«действенного оружия социалистического строительства»*. Поощрялась склонность к творчеству, устраивались выставки, конкурсы, социалистические соревнования в сфере культуры.

В этом контексте, по информации «Нижегородской коммуны», газета «Арзамасская деревня» с апреля 1930 г. *«приступает к изданию в округе мордовской газеты. Необходимость выпуска газеты признана всеми организациями и самим мордовским населением. В округе более 60 тысяч мордвы. Центральная мордовская газета выходит на таком мордовском наречии, который мордве арзамасского округа совершенно не понятен. В округе существует несколько мордовских говоров (наречий). Есть мордва-мокша, мордва-эрзя и др. Несмотря на разность говоров всё же они понимают друг друга. Новая мордовская газета берет в основу говор Лукояновского района. Газета будет выходить три раза в месяц (каждую десятидневку). Подписная плата 10 коп. в месяц. Первый номер выйдет 10 апреля»* [6, с. 5].

О месте художественной культуры в жизни крестьян Арзамасского района сообщала своим читателям «Ленинская смена» (1935), подчеркивая активность арзамасской газеты: *«В Арзамасе по инициативе районной газеты “Арзамасская правда” подготовляется районная выставка картин художников города и деревни. Художники района, приветствуя инициативу газеты, деятельно готовятся к выставке. Колхозный художник-самоучка тов. Юдин выставит картину “Горький в Арзамасе” и ставит задачей до выставки кончить картину “Пушкин в Болдине”. Он пишет эту картину по материалам (фотосъемки, исторические данные, предания и т.п.), полученным во время специально с этой целью сделанной им поездки в Болдино. Городской художник Мелентьев приступает к работе над картиной “Молотьба в колхозе”. В выставке примут участие около 20 художников города и района»* [7, с. 4].

В газете появилась ***литературная страница*** («молодежная страничка»; ее наиболее удачные тексты, например, стихотворение В. Рыбина «Письмо девушке» (1935), заимствует «Ленинская смена» [8, с. 4]. Здесь же *«печатаются произведения, разнообразные по тематике и вполне современные»*, и, по мнению литературного критика А. Елисеева, *«хорошо делает газета “Арзамасская правда”, печатая очерки и стихи о колхозах»*. Однако в духе требуемой временем *«смелой большевистской критики»* он обнажает недостатки в работе редакции: *«Когда газета пропускает на страницы такой материал, как рассказы тов. Фешина “Настасьино сознание”, “На конном дворе” и др., она делает плохое дело и для себя, и для автора, не говоря уже о том, что в рассказах этих мы находим такие обороты, как “уздечки шарахаются о края кормушек”, “у забора зашуршали шаги”, “полуденное солнце, спуская свои лучи, сушило солому”, “полуобруч месяца” и т.д. Содержание рассказов настолько*

примитивно, что рассказы кроме досады ничего у читателя не вызовут. Тов. Фешин, рассказывая, как у одной колхозницы куры залетели на колхозный огород, строит на этом факте обобщение о перевоспитании сознания колхозницы Настасьи, понявшей разницу между "мое" и "общее". "Арзамасская правда" довольно часто давая очерки, стихи на своих страницах, мало борется за качество этого материала. Очень наивен, надуман рассказ тов. Рыбина "Колхозница Настя", в части своей перепевающий неверовскую "Марью большевичку". Поверхностность в подходе к действительности, неумение глубоко, аналитически понять явление, шаблон в показе действительности – характерны для очерков и рассказов о колхозной жизни» [9, с. 2].

«Большевистская критика» А. Елисеева касалась, однако, не только «Арзамасской правды», но и «литературных страниц» всех районных газет области.

Однажды газета подверглась жесткой критике за напечатанную непроверенную информацию о совершенном в городе преступлении, оклеветав невинного человека, чему и была посвящена статья в «Горьковской коммуне» «Следователи из "Арзамасской правды"» (1934) [10, с. 4].

Важнейшей стратегической задачей, стоявшей перед молодой советской страной, было ***формирование человека нового типа***: *«Рождается новый человек, человек периода социализма, освобождающийся от пережитков эксплоататорского общества»*, поэтому нужна *«идейная переделка и воспитание трудящихся в духе социализма»* [11, с. 4]. Однако особое внимание партия уделяла молодым поколениям, которые должны вырастать как *«здоровые, жизнерадостные, трудолюбивые люди, честные строители коммунистического общества, стойкие борцы за дело Ленина-Сталина, мужественные советские патриоты»* [12, с. 3]. Но все они безоговорочно обязаны отказаться от Бога, вступить в «Союз безбожников» (*«мы строим новый мир, без попов и веры в бога, на началах коллективного подлинно коммунистического труда»* [13, с. 4]).

Начинать «правильное воспитание» следовало с ясельного возраста, чтобы контролировался весь процесс становления личности. Матери должны были работать, а дети – воспитываться в коллективе. Поэтому в партийных документах уделялось особое внимание состоянию детской литературы, ее идейно-художественному содержанию, учебникам, школе. Арзамасская газета отвечает и на эти вызовы времени. «Коллективный корреспондент "Арзамасской правды"» сообщает по телеграфу в «Горьковскую коммуну» (1934) об успехах и недостатках в подготовке городских и сельских школ к новому учебному году: *«Начались занятия в школах города и села. Наиболее организованно началась учеба в педагогическом техникуме: план комплектования перевыполнен, преподавателями техникум обеспечен, учебная подготовка проведена образцово. Здание отремонтировано, создана своя продовольственная база. В первый день учебы явка студентов составляла 96 процентов.*

Во всеоружии встретила новый учебный год Выездновская неполная средняя сельская школа. Здание отремонтировано, вновь выстроена столовая и политехническая мастерская, в классах чисто, цветы, лозунги, портреты.

Учеба в полном составе началась в 9 часов утра с физкультминутки. В первый же день дети получили бесплатный вкусный обед.

Хуже началась учеба в начальных школах города. Школа № 2 (заведующая Бурянина), № 4-5 (заведующая Бабайкина) заранее не были укомплектованы. Первый день вместо плановой учебы происходило комплектование. Дети вместо учебы гонялись из школы в школу. В четвертой школе, например, во 2-й класс нужно было принять 84 человека, пришло 120; 36 человек были возвращены обратно. В 3-й школе ввиду недостатка помещения установлены двухсменные занятия. Например, в 3-м классе будет по 5 уроков, в результате дети будут задерживаться в школе до темного вечера» [14, с. 1].

«Большевистская критика» «коллективного корреспондента» газеты безапелляционна в констатации выявленных недостатков.

Газета выступала с критикой и по другим вопросам. Например, о состоянии физкультурной работы в городе. В связи с этим «Ленинская смена» (1937) писала: *«Раньше в Арзамасе говорили, что причина развала физкультурной работы объясняется отсутствием человека, отвечающего за это. В мае при РИКе создано учреждение с громким названием – Комитет по делам физкультуры и спорта. Возглавляет его некто Кузовцов, вся работа которого заключается в том, что он аккуратно расписывается в ведомости на зарплату. Сигналы печати (“Арзамасская правда” и “Красный спорт”) не встревожили бездельников. На одном из совещаний председатель РИКа тов. Порхунов заявил, что стадион нужно передать в надежные руки, но надёжных рук в Арзамасе, по-видимому, не оказалось»* [15, с. 4].

Редакция газеты откликалась (как и все общество) на ***призывы партии***. Из «Ленинской смены» (1935) читатели области узнали о реакции арзамасцев на призыв партии и правительства построить взамен трагически погибшего 18 мая 1935 г. в небе над Москвой самолета «Максим Горький» (построен к 40-летию творческой деятельности писателя) три новых: *«По инициативе партизана Кузнецова в районе развернулся добровольный сбор средств на постройку этих воздушных гигантов. Работники редакции “Арзамасская правда” внесли 80 руб., пед. институт – 245 руб., райзо – однодневный заработок. Работники Кожинского сельсовета – 65 руб., из них 20 рублей внес председатель сельсовета тов. Строков»* [16, с. 2].

Пятого июля 1939 г. в «Горьковской коммуне» помещена статья «10-летие “Арзамасской правды”», подведены итоги деятельности газеты, названы ее достижения: *«5 июля исполняется 10 лет со дня выхода первого номера районной газеты “Арзамасская правда”. В связи с 10-летием газеты райком ВКП (б) решил провести на предприятиях и крупных колхозах районные конференции читателей. 7 июля созывается собрание партийного, комсомольского и профсоюзного актива совместно с рабселькорами. К совещанию организуется выставка “Арзамасской правды” и стенгазет района. 5 июля выходит 2756-й номер газеты.*

“Арзамасская правда” пользуется большим авторитетом среди трудящихся района. Тираж газеты 8 тысяч экземпляров. Ежедневно в газету по-

ступает 15-20 писем. Районная газета имеет 370 селькоров, из них 66 агрономов и техников сельского хозяйства, 54 учителя и 74 стахановца. Большую работу газета провела по организации в районе стахановского движения в колхозах и борьбы за высокий урожай.

В газете опубликовано 35 теоретических статей в помощь изучающим «"Краткий курс" истории ВКП(б)» и 25 корреспонденций о самостоятельном опыте учебы. Обком ВКП (б) выдвинул "Арзамасскую правду" кандидатом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку» [17, с. 2].

Таким образом, в 1920-30-е гг. газета активно и успешно транслировала в широкие народные массы идеологию исторического оптимизма и патриотизма, социалистической «перестройки человека и общества», достойно выполняя свою социальную и профессиональную задачу.

Источники и литература

1. Растут колхозы // Нижегородская коммуна (далее – НК). – 1929. – 28 декабря (суббота).

2. Выездная редакция газеты «Арзамасская деревня» в районах сплошной коллективизации // НК. – 1929. – 13 ноября (среда).

3. НК. – 1930. – 25 марта (вторник).

4. Суханов. Окружная комиссия не руководит // НК. – 1930. – 5 апреля (суббота).

5. Суханов С. Перелом сделан // НК. – 1930. – 10 апреля (четверг).

6. НК. – 1930. – 30 марта (воскресенье).

7. Готовится районная художественная выставка // Ленинская смена (далее – ЛС). – 1935. – 10 июня.

8. Рыбин В. Письмо девушке. Стихи // ЛС. – 1935. – 22 октября.

9. Елисеев А. За качество литературных страниц в районной газете // Горьковская коммуна (далее – ГК). – 1934. – 18 июня.

10. ГК. – 1934. – 18 сентября (пятница).

11. Рюриков Б. За творческий рост! // ЛС. – 1934. – 17 июня.

12. Бушкова Е.А. О воспитательной работе // ЛС. – 1940. – 10 мая.

13. А.Д. На развалинах церквей создадим очаги культуры // ЛС. – 1929. – 26 декабря (четверг).

14. Начальные школы еще комплектуются // ГК. – 1934. – 2 сентября.

15. Добролюбов, Левин. Есть и в Арзамасе стадион // ЛС. – 1937. – 15 августа.

16. Вклады нашего края // ЛС. – 1935. – 24 мая.

17. 10-летие «Арзамасской правды» // ГК. – 1939. – 5 июля (среда).

УДК 908

ОБ ИСТОРИИ ЗВАНИЯ «ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ГОРОДА АРЗАМАСА»

ABOUT THE HISTORY OF THE TITLE "HONORARY CITIZEN OF THE CITY OF ARZAMAS"

Е.В. Колосунин

E.V. Kolosunin

Арзамасский приборостроительный колледж имени П.И. Пландина, преподаватель

607230, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Жуковского, д. 2

E-mail: pak-725@mail.ru

Аннотация: В статье рассказывается об истории звания «Почетный гражданин города Арзамаса» от его учреждения до наших дней, его лауреатах и их вкладе в развитие Арзамасского края. Материалами для исследования стали публикации в местных средствах массовой информации и краеведческой литературе.

Ключевые слова: Почетный гражданин, Арзамас, награда, звание, краеведение.

Summary: The article deals with the history of the title "Honorary citizen of the city of Arzamas" from it establishment to the present day, its laureates and their contribution to the development of the Arzamas region. Publications in local mass media and local literature became materials for research.

Key words: Honorary citizen, Arzamas, award, title, local lore.

Арзамас, улица Калинина, городская Доска Почета. На ее левой стороне, на граните выбиты имена. Это Почетные граждане города. Среди них наши современники, люди, которых еще помнит старшее поколение, и те, кто давно стал историей. Историей нашей страны, историей нашего провинциального Арзамаса. Есть своя летопись и у традиции присвоения этого звания.

Звание «Почетный гражданин» стали присваивать еще в Российской империи. В 1832 г. при Николае I вышел закон о привилегиях для мещан и духовенства. В этом законе и появилось такое понятие, как «Почетный гражданин». Звание это могло быть личным и потомственным. Если именитый горожанин получал такое звание, оно распространялось и на его жену. В законе были ограничения, но с годами он совершенствовался, почетными гражданами могли стать ученые, получившие степень доктора или магистра в русском университете, артисты императорских театров, художники и врачи. Почетный гражданин имел право на освобождение от рекрутской повинности, подушной подати и телесных наказаний, бритья головы и заключения в оковы при аресте, имели право участия в городском самоуправлении. А вот у дворян звание стало наследственным.

Следует отличать общероссийское звание «Почетный гражданин» от звания «Почетный гражданин города». На местном уровне такой почетный титул присваивала городская Дума. Получали его люди, внесшие значительный вклад в экономическую, культурную и духовную жизнь города, а также имеющие большие заслуги перед Отечеством. Потомственными почетными гражданами

Арзамаса были известные и уважаемые в городе купцы П.И. Подсосов, А.М. Заяшников, И.Д. Попов, И.А. Бебешин (соответственно, и их потомки). Звание личных почетных граждан носили П.И. Серебрянников, А.И. Будылин, И.И. Потехин [1, с. 201].

Закон Российской империи о «Почетных гражданах» был отменен 24 ноября 1917 г. специальным декретом ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Было отменено и звание «Почетный гражданин города». Страна начинала новую историю…

В следующие полвека вопрос о возрождении звания «Почетный гражданин города» не поднимался. Но в середине 1960-х гг. в советской научной и культурной среде возникает интерес к истории малой Родины на государственном и местном уровне. В 1965 г. было образовано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). В Арзамасе в 1967-1968 гг. под авторством А. Одинцова, И. Фешина, С. Кирилюка появляются первые краеведческие сборники, посвященные советскому периоду арзамасской истории. В стране зарождалась традиция празднования Дня города. До 400-летия Арзамаса оставалось десять лет.

В феврале 1968 г. решением Арзамасского горсовета депутатов трудящихся было учреждено звание «Почетный гражданин города Арзамаса». Город вернулся к старой традиции, и в каждом новом присвоении чувствуется дух времени и характер эпохи.

Первым лауреатом возрожденного звания стала Н.И. Николаева – старейший представитель городской партийной организации, работник системы здравоохранения, ветеран войны, кавалер орденов «Красной Звезды», «Трудового Красного Знамени», «Знак Почета». Страна и общество все еще находились на волне 50-летия Октябрьской революции, и выбор отвечал повестке дня [2].

Второе награждение состоялось 26 июня 1968 г. Звания «Почетный гражданин города Арзамаса» был посмертно удостоен А.П. Гайдар – легендарная личность, которой наш город всегда будет гордиться.

Затем наступила пауза на целое десятилетие. Но в 1978 г. город готовился встретить свой юбилей. Решение Арзамасского горсовета по кандидатурам лауреатов было идеологически выверенным: академик, руководитель одного из ключевых предприятий города и представители рабочего класса.

Советскую науку представлял философ, директор Института философии, академик АН СССР Ф.В. Константинов, уроженец с. Новосёлки Арзамасского района. Промышленный «генералитет» был представлен Г.И. Ивановым – строителем, директором треста № 7, а затем СМУ № 1. Под руководством Г.И. Иванова были построены цеха приборостроительного завода, ОКБ «Темп» и «Импульс», проведена реконструкция «Коммаша» и войлочной фабрики, возведен медицинский комплекс центральной районной больницы «Дубки», построены здания школ №№ 4, 5, 6, 10, а также большое количество жилья. Слесарь-сборщик приборостроительного завода В.А. Стрелов (лауреат Государственной премии, ударник коммунистического труда, новатор) и слесарь завода «Коммаш» А.Д. Костров (орденоносец, депутат областного и городского Сове-

тов) были яркими представителями градообразующих рабочих коллективов [3, с. 153, 162].

В те годы никаких льгот Почетному гражданину города не предоставлялось. В торжественной обстановке вручалась Почетная грамота и символический ключ от города.

Двадцатого июля 1989 г. список Почетных граждан пополнился фамилией М.А. Мирошникова – руководителя Арзамасского ОКБ «Темп» в 1958-1992 гг., лауреата Государственных премий (1973, 1981, 1988 гг.), кавалера орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени; обладателя Знака Почета. Этим же решением горсовета Арзамас отдавал дань памяти одному из самых известных людей города – П.И. Пландину.

В 1957 г. П.И. Пландин вступил в должность директора приборостроительного завода. Он стал главным организатором строительства и дальнейшего развития одного из главных предприятий Арзамаса. За создание образцов новой техники в 1984 г. П.И. Пландин был отмечен Ленинской премией. Избирался делегатом XXIV съезда КПСС. Был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени. Лауреатом звания П.И. Пландин стал посмертно [4].

В мае 1990 г. страна отмечала 45-летие Победы. Почетными гражданами города стали заслуженные ветераны войны. Возможно, фамилия А.И. Максименко не была известна широкой общественности. В 1943 г. летчик-истребитель, старший лейтенант А.И. Максименко проходил в Арзамасе летную подготовку и перед отправкой на фронт именно ему был передан самолет Ла-5 «Арзамасский школьник», построенный на средства, собранные ребятами города и района. На нем он совершил более 100 боевых вылетов и лично сбил 11 фашистских машин. Но вот две другие фамилии в городе знали все.

Полковник в отставке И.Д. Литвиненко благодаря своему энтузиазму, энергии и организаторским способностям стал одним из главных организаторов военно-патриотической работы среди молодежи. Под его руководством было установлено свыше 75 памятников погибшим землякам в городе и районе, а в самом Арзамасе зажегся Вечный огонь. В 1978 г. он поддержал идею создания Поста № 1 и стал его бессменным руководителем на протяжении многих лет.

Не менее известной была и фамилия С.Ф. Кирилюка. Член Союза журналистов, редактор радиовещания Арзамаса. «Говорит Арзамас» – эту фразу, которая звучала из радиоприемников, помнят многие поколения горожан. Пожалуй, в городе не осталось ни одного трудового коллектива, даже самого маленького, о котором он не рассказал бы слушателям местного радио [5, с. 223].

Последнее награждение советской эпохи относится к июлю 1991 г. Звания был удостоен И.В. Тутиков, который в 1963-1991 гг. успешно руководил одним из оборонных предприятий – НИИ стандартизации и унификации, создание которого он считал главным делом своей жизни.

После распада СССР местные власти не стали отменять сложившуюся традицию. Решения о присвоении звания, сохранив прежнюю процедуру, отныне принимал городской Совет народных депутатов. 30 декабря 1992 г. в спи-

сок Почетных граждан города была включена фамилия С.В. Жданова с 1979 г. руководившего производственным объединением «Автопровод», где впервые была разработана технология производства для незрячих рабочих.

В августе 1993 г. среди людей, которыми гордится Арзамас, появляется имя врача-хирурга, доктора медицинских наук, профессора, заведующего хирургическим отделением городской больницы им. Владимирского Ю.И. Горшкова.

Политический кризис осени 1993 г. привел к демонтажу системы Советов народных депутатов. Места народных избранников заняли депутаты Думы. В начале 1994 г. решением Арзамасской городской Думы принимается новое Положение о звании, где права Почетного гражданина расширяются. Согласно постановлению, Почетным гражданам вручаются: памятная медаль, лента и диплом, их имена заносятся в Книгу почета города Арзамаса, им выдается удостоверение. Первыми по новому положению осенью 1995 г. процедуру награждения проходят Б.А. Малаховский – директор завода коммунального машиностроения и Д.Д. Верхоглядов – участник Великой Отечественной войны, председатель городского Совета ветеранов.

Самым массовым присвоением почетного звания отмечен 1996 г. Общественность города, восстанавливая историческую справедливость и, видимо, желая напомнить современникам о славном прошлом, присвоило звание Почетных граждан города Арзамаса: А.В. Ступину – академику живописи, организатору первой в Росси провинциальной художественной школы; М.П. Коринфскому – архитектору, автору проекта строительства Воскресенского собора; Н.М. Щеголькову – основоположнику арзамасского краеведения; В.П. Вахтерову – педагогу, ученому, деятелю народного образования; Ф.И. Владимирскому – представителю арзамасского духовенства, по инициативе которого был построен первый городской водопровод [6, с. 458, 494, 526]. Это было мудрое решение, которое вернуло из полузабытья имена выдающихся арзамасцев.

Не забывали местные законодатели и о современности. В июне 1997 г. победу на выборах губернатора Нижегородской области одержал И.П. Скляров. Жители города помнили, как много он сделал на посту председателя исполкома Арзамасского городского совета при ликвидации последствий техногенной катастрофы 4 июня 1988 г. За заслуги перед городом 8 октября 1997 г. И.П. Скляров стал его Почетным гражданином.

Последним лауреатом уходящего XX века суждено было стать представителю арзамасской интеллигенции, заслуженному работнику культуры З.Е. Ерофеевой. Она стояла у истоков создания трех музеев Арзамаса: историко-краеведческого, музея М. Горького и литературно-мемориального комплекса А.П. Гайдара. Только благодаря ее энергии и преданности музейному делу они и появились в нашем городе.

В октябре 2003 г. Арзамасская городская Дума принимает новую редакцию Положения о звании «Почетный гражданин города Арзамаса», где определялись критерии присвоения звания, а именно *«за особые заслуги перед жителями и выдающийся вклад в экономику, общественную, научную и культурную*

деятельность, направленную на благо и развитие города». Учитывая вклад в экономику и общественную деятельность, в 2001-2006 гг. в список Почетных граждан вошли генеральный директор ОАО «Арзамасский приборостроительный завод» Ю.П. Старцев, генеральный директор ОАО «Арзамасское научно-производственное предприятие “ТЕМП-АВИА”» В.Т. Лещёв и директор предприятия «Арзамаспассажиравтотранс» Ю.В. Гаврилов.

Но Арзамас – не только город промышленных предприятий, но и образовательный центр юга Нижегородской области. Научное сообщество всегда было активным участником общественной жизни. В 2008 г. Президент ассоциации ученных г. Арзамаса, кандидат экономических наук, профессор М.Ф. Балакин был удостоен звания «Почетный гражданин города Арзамаса».

Стоит пройти несколько шагов от городской Доски Почета, и ты оказываешься на аллее Славы, где сохраняется память об арзамасцах – Героях Советского Союза. Одним из них был танкист А.М. Фадин, прошедший с боями от Курска до Праги. После войны он стал кандидатом военных наук, профессором Академии военных наук, научным сотрудником Военной академии бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского. И решение Арзамасской городской Думы присвоить ему звание Почетного гражданина стало знаком уважения к заслугам ветерана-фронтовика.

Не забыл город и о своих именитых земляках – участниках войны. Звания «Почетный гражданин города Арзамаса» были удостоены адмирал флота А.И. Сорокин и генерал-майор В.М. Гринин.

По традиции, которая сложилась в последние годы, присвоение почетного звания наши законодатели связывают с празднованием Дня города. Обратившись к гранитным табличкам на Доске Почета, мы увидим там имена легендарного директора завода «Коммаш» В.А. Шилова, первого мэра Арзамаса С.Т. Метлы, академика Международной академии связи, бывшего начальника эксплуатационно-технического узла связи Арзамаса В.Ф. Люлина, руководителя ОАО «СУ-7 СМТ» И.В. Полюхова, Заслуженного работника культуры РФ И.А. Гордеевцева, бывшей работницы горкома КПСС М.А. Шершаковой, которая помогла многим арзамасским семьям в трагические дни июня 1988 г. Это достойные люди, заслуживающие уважения [7].

Последнее (на данный момент) присвоение звания «Почетный гражданин города Арзамаса» состоялось в 2017 г. Лауреатом стал И.Р. Ашурбейли – доктор технических наук, в 2001-2011 гг. – Генеральный директор НПО ОАО «ГСКБ «Алмаз-Антей», а ныне Председатель Президиума некоммерческого партнерства «Вневедомственный экспертный совет по проблемам воздушно-космической обороны» (ВЭС ВКО).

Арзамас, улица Калинина, городская Доска Почета. На граните выбито 37 фамилий. Это Почетные граждане нашего города. Их разделяют столетия, а объединяют дела на благо и развитие Арзамаса. Городу есть кем гордиться.

Источники и литература

1. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас, 1911.

2. Арзамасский историко-художественный музей: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://museum-arzamas.ru

3. Город Арзамас / сост. Г.А. Зимова, И.А. Гордеевцев. – Н. Новгород, 1999.

4. Михайличенко А. Пландин // Арзамасские новости. – 1998. – 29, 31 октября, 3 ноября.

5. Коробашкина Е.Ю., Грубов В.И. «Арзамасский Левитан»: жизнь и творчество (к 90-летию со дня рождения С.Ф. Кирилюка) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XII Региональной научно-практической конференции (4 декабря 2014 г.). Выпуск XI / под общ. ред. В.И. Грубова; Арзамасский филиал ННГУ, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас, 2015. – С. 220-229.

6. Еремеев П.В. Арзамас – городок. – Арзамас, 1998.

7. Арзамас: официальный портал органов местного самоуправления города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://арзамас.рф

УДК 908

К ИСТОРИИ ЦЕРКВИ СЕЛА ВИНЯЕВО АРЗАМАССКОГО РАЙОНА

ABOUT THE HISTORY OF THE CHURCH OF VILLAEVO VILLAGE

Е.И. Маслова[1], А.И. Щетинин[2]

E.I. Maslova, A.I. Schetinin

[1] Музей «Природа» им. С.И. Трофимова,
Музейно-выставочный центр, менеджер
607247, Нижегородская обл., Арзамасский район,
р.п. Выездное, д. 76 А
E-mail: schetinina.katerina@yandex.ru;

[2] Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания,
аспирант
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: aleksej-shhetinin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, относящиеся к истории церкви села Виняево Арзамасского района. Поднимается вопрос датировки первой деревянной постройки, последующем возведении каменного строения, о священнослужителях этой церкви. Особое внимание уделяется внутреннему храмовому убранству.

Ключевые слова: церковь, Виняево, священнослужители, церковная утварь.

Summary: The article deals with issues related to the history of the church in Vinyaevo village, Arzamas district. The issue of dating the first wooden building, the subsequent erection of a stone structure, clergymen of this church is raised. Particular attention is paid to the internal temple decoration.

Key words: church, Vinyaevo, clergymen, church utensils.

В селе Виняево центральное место занимает храмовый комплекс, в который входят две церкви: в честь Успения Пресвятой Богородицы (***Приложение 8, фото 1***) и в честь Вознесения Господня (***Приложение 8, фото 2***). Первая из упомянутых церквей до настоящего времени является действующей, а вторая закрыта для богослужений и нуждается в полноценном восстановлении.

Точная дата постройки первой церкви в Виняеве неизвестна. Из отказных книг Арзамасского уезда XVI века известно, что в 1642 г. деревня Виняево с рядом других селений перешла в вотчину княгини Авдотьи Васильевной Черкасской от ее умершего мужа Ивана Борисовича Черкасского [1, д. 114, л. 1]. Следовательно, к этому времени церкви еще не было. В «Материалах для истории церквей Нижегородской епархии» уже указывается, что в 1652 г. в селе Виняево имеется церковь Вознесения Господня [2, с. 98]. Таким образом, можно говорить, что церковь впервые была построена в промежутке между 1642 и 1652 гг.

О внешнем виде или внутреннем убранстве этой церкви никаких данных не сохранилось. Естественно, она была деревянной, и через определенное время потребовалось ее заменить. Поэтому во второй половине XVIII века была построена новая церковь, тоже деревянная, в честь Вознесения Господня. Исходя из надписи на кресте, датой постройки является 1785 г. [3, д. 49, л. 23]. К этой церкви был пристроен придел в честь Успения Божией Матери для размещения дополнительного алтаря с престолом для богослужений. Судя по информации из ведомостей о церквях за 1795 г., Вознесенская церковь не была бедной, но и не блистала особым богатством, довольствуясь в меру и утварью, и богослужебными книгами [4, д. 176, л. 82].

В 1813 г. рядом с Вознесенской церковью с южной стороны тщанием прихожан была выстроена новая каменная церковь во имя Успения Божией Матери. По всей видимости, как и во многих других селах Арзамасского уезда, постройка новой церкви служила своего рода благодарностью Богу за победу над Наполеоном. Издалека особое внимание к ней привлекал металлический крест с прорезом, украшенный железными цепями. При церкви была построена 20-метровая колокольня [5, д. 986, л. 14] с девятью колоколами, самый тяжелый из которых весил более 950 кг [6, д. 244, л. 2]. Позднее, в 1833 г. вместо деревянной Вознесенской церкви был отстроен каменный храм. Следственно, в этот период в селе действовали две однопрестольные церкви: одна (Успенская) использовалась как зимний храм, вторая (Вознесенская) – как летний.

При Успенской церкви имелось кладбище, на котором до начала XIX века хоронили жителей Виняева, а позднее, когда кладбище было вынесено за пределы села, в церковной ограде могли быть захоронены только священно- и церковнослужители.

О внутреннем убранстве церквей мы можем узнать по описи, учиненной в 1847 г. священником села Стёксово Иоанном Промтовым [6, д. 244, л. 2]. По описи в Успенской церкви значились: образ Распятия Господня, образ Успения Божией Матери, образ Божией Матери Живоносного Источника, Казанская икона Божией Матери, Владимирская икона Божией Матери, Иверская икона

Божией Матери, икона Покрова Пресвятой Богородицы, икона Святителя и Чудотворца Николая, образ Василия Великого, образ Иоанна Златоуста.

В Вознесенской церкви по данной описи значились: храмовый образ Вознесения Господня, образ Успения Божией Матери, образ Божией Матери Печерской, образ Архидиакона Лаврентия, образа святых пророков Аарона и Мельхиседека.

Из скульптурных изображений необходимо отметить старинный образ Распятия Христа и образ Иисуса в темничке.

Иконостас в церквях был деревянный столярной работы, украшен резьбой, покрыт краской и вызолочен. Царские врата сквозные, на них в чеканном сиянии изображен образ Благовещения Божией Матери, в клеймах по углам четыре евангелиста. Стены и своды церквей расписаны сюжетами из Нового Завета. Все образа, как в иконостасе, так и в алтаре и по стенам церкви, живописные (***Приложение 8, фото 3 и 4***).

Кроме этого, в церкви хранилось около 40 различных богослужебных книг, наиболее старыми из которых были Триодь[3] постная 1656 г., и Триодь цветная 1670 г. [6, д. 244, л. 27] Также, согласно вышеуказанной описи, в церкви имелась тетрадь, датированная 1805 г. и озаглавленная «Способ избавляться совершенно от оспенной заразы» – свидетельство того, насколько серьезной проблемой в то время являлась оспа.

Дома для священника и церковнослужителей были построены на церковной усадебной земле тщанием самих священнослужителей в 1880 г. и составляли собственность причта [7, д. 75, л. 34]. Помимо этого, при церкви значилась находившаяся в ограде церковная сторожка, предназначавшаяся для помещения сторожа.

В адрес-календаре Нижегородской епархии за 1888 г. записано, что пашенной и сенокосной земли у церкви 37,5 десятин, на которую имеются план и межевые книги [8, с. 642]. Эту землю причт церкви отдавал в аренду крестьянам, имея с нее доход от 60 до 100 руб. [7, д. 60, л. 31]. Основные же доходы служителей церкви складывались из казенного жалования, составлявшего в 1910 г. 294 руб. у священника и 98 руб. – у псаломщика [7, д. 58, л. 4], а также платы от общества за требоисправления – 150 руб. [9, с. 236]. Таким образом, доход священно и церковнослужителей села Виняево в начале XX века составлял около 620 руб. в год.

В состав причта церкви по штату 1796 г. входил один священник, один дьячок и один пономарь [3, д. 301, л. 16]. С 1877 г. состав причта сократился до

---

[3] ***Триодь*** – богослужебные книги православной церкви, содержащие трехпесенные каноны (трипеснцы), откуда и происходит название. Триоди покрывают круг подвижных праздников года, даты которых находятся в зависимости от дня празднования Пасхи. Изначально Триодь существовала в виде единого сборника, а затем была разделена на две части – Триодь постную и Триодь цветную. ***Триодь постная*** содержит молитволовия на дни Великого поста. ***Триодь цветная*** заключает в себе песнопения от Пасхи до следующего воскресенья после Троицы. Название «Цветная триодь» происходит от праздника Входа Господня в Иерусалим (Вербного воскресенья), называемого также Цветной Неделей.

двух человек – священника и псаломщика [7, д. 75, л. 33]. Самым первым известным на данный момент церковнослужителем села Виняево был дьячок Исачко Микифоров, упомянутый в отписных книгах села Стёксово в 1689 г. в качестве понятого [10, с. 412]. В 1720 г. церковный причт Виняевской Вознесенской церкви был следующим: священник Архип Иванов, дьячок Прокопий Яковлев, пономарь Иван Прокопьев [2, с. 98]. Согласно адрес-календарю Нижегородской епархии 1888 г. в селе Виняево значились священником – Н.С. Дертев и псаломщиком – М.Ф. Державин [8, с. 642]. В адрес-календаре 1904 г.: священник – все тот же Н.С. Дертев, а псаломщик – Ф.П. Стеклов [11, с. 173]. Помимо этого в различные годы священниками служили А.Ф. Успенский, А.Д. Знаменский, И.Л. Полетаев, М.Г. Покровский. Последним священником был А.В. Востоков.

Следует отметить также, что священно- и церковнослужители до начала XIX века не имели фамилии, только имя и отчество. Позднее в документах духовной консистории у священников уже начинают появляться конкретные фамилии. Многие священнослужители и, в особенности, их дети, получали фамилии от названий церквей, где они или их отцы служили: священник, служивший в церкви Троицы, мог получить фамилию Троицкий, а служивший в церкви Успения Богородицы – Успенский [12]. Подобная история была и со священниками села Виняево. Одним из первых служителей церкви, записанный под фамилией, стал священник Андрей Филиппов Успенский. Его отец – Филипп Иванов – служил также в Виняеве дьячком. Не вызывает сомнений, что Андрей Филиппов получил свою фамилию именно от названия церкви села Виняево – Успенской. Этот священнический род, среди которых были и священники, и дьячки, и пономари, служил в селе Виняево более ста лет.

В 30-е годы XX века церкви села Виняева, как и многие другие, настигла волна церковных гонений. На основании решения № 12802 Горьковского крайисполкома от 5 декабря 1935 г. Вознесенско-Успенский храмовый комплекс был закрыт. В связи с прекращением колокольного звона по всему району постановлением президиума Арзамасского райисполкома и бюро РК ВКБ (б) от 16 марта 1936 г. с колоколен в селе Виняево было снято семь колоколов общим весом более 193 пудов (3.165 кг) [13]. Все имущество из Вознесенской церкви было передано в Успенскую, а саму церковь по ходатайству колхозников виняевского колхоза «Отбой» стали использовать под зернохранилище [14, д. 3136, л. 1].

Служивший в это время священник А.В. Востоков вначале был лишен избирательных прав, а в 1937 г. арестован по обвинению в участии в контрреволюционной церковно-фашистской диверсионно-террористической организации. По приговору Особой Тройки Управления НКВД по Горьковской области он был расстрелян 26 ноября 1937 г. в тюрьме г. Горького [15]. Судьба его жены и пятерых детей неизвестна.

Тогда же диакон Иоанн Вязов и псаломщик Василий Корчагин были приговорены к десяти годам исправительно-трудовых лагерей (где и скончались), церковный сторож монахиня Свято-Троицкого Дивеевского монастыря Ефро-

синия (Горбунова) приговорена к восьми годам ИТЛ (после вернулась в Виняево) [16, с. 6-7].

Вознесенская церковь после использования ее под зернохранилище находилась в ветхом состоянии, в связи с чем была закрыта. В Успенской церкви богослужения вскоре возобновились тщанием местных жителей.

В 2004 и 2008 гг. церковь Успения Божией Матери была обворована, похищены семь старинных икон, что явилось огромной утратой для прихожан храма и всех жителей села [17].

В 2017 г. в рамках программы Нижегородской епархии по увековечиванию памяти пострадавших за веру в XX веке на стене у входа в Успенскую церковь установлена мемориальная доска в форме креста с именами пострадавших в годы репрессий служителей и мирян.

В настоящее время Успенская и Вознесенская (не действующая) церкви являются памятниками истории и культуры местного значения и находятся на попечении Благочиния Арзамасского района.

Ежегодно 28 августа во всех семьях сельчане отмечают престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы. Сегодня, как и на протяжении многих лет, сельский храм является объединяющим, организующим и развивающим элементом жизни населения.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 154i. Кн. 8. № 114.

2. Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. Вып. 1. Арзамасской десятины жилые данные церкви и пустовые церковные земли 7136 (1628)-1746 гг. – М.: Типография И.Я. Полякова, 1902.

3. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 570. Оп. 556.

4. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 555.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 33.

6. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557.

7. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559.

8. Снежницкий А. Адрес-календарь Нижегородской епархии на 1888 год. – Н. Новгород: Типография губернского правления, 1888.

9. Нижегородские епархиальные ведомости. – 1875.– 15 июня (№ 12). – Часть официальная.

10. Розыскные дела о Фёдоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. – СПб.: Археографическая комиссия, 1893.

11. Драницын Н.Н. Адрес-календарь Нижегородской епархии на 1904 год. – Н. Новгород: Типо-Литография Т-ва И.М. Машистова, 1904.

12. Семинарские фамилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vgd.ru/genealogical-mailer/seminars-name/

13. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (ГАНО, г. Арзамас). Ф. 207. Предисловие к описи № 1 дел постоянного хранения (1843-1855, 1857-1917 гг.).

14. ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1.

15. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. – Адрес доступа: http://lists.memo.ru/

16. За веру: клирики и прихожане храмов Арзамасского района, репрессированные в годы советской власти / под ред. священника Виктора Дудкина. – Н. Новгород: НП ПЦ «Глагол», 2017.

17. Время и новости Нижнего Новгорода и Нижегородской области (18.09.2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vremyan.ru/news/chetyre_ikony_poxitili_iz_tserkvi_v_s_vinjaevo.html

УДК 908

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ВЛАДИМИРСКОГО СОБОРА В СЕРГАЧЕ

TO THE HISTORY OF CONSTRUCTION VLADIMIRSKY CATHEDRAL IN THE CITY OF SERGACH

Д.А. Соколов[1], Н.В. Хорева[2]

D.A. Sokolov, N.V. Khoreva

[1] Арзамасский филиал ННГУ,
историко-филологический факультет, студент
E-mail: sokoldima20.10.1999@mail.ru

[2] Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания,
кандидат исторических наук, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: n.khoreva2010@yandex.ru

Аннотация: Статья, основанная на краеведческом материале, посвящена истории строительства собора в честь Владимирской иконы Божьей Матери города Сергача. Этот объект историко-культурного наследия является памятником архитектуры, который был построен в память о победе русского народа в Отечественной войне 1812 года.

Ключевые слова: храмовая архитектура, собор, город Сергач, Владимирская икона Божьей Матери, алтарь.

Summary: The article, based on the local history material, is devoted to the history of the construction of the Cathedral in honor of the Vladimir icon of God' Mother of the city of Sergach. This object of historical and cultural heritage is a monument of architecture, which was built to commemorate the victory of Russian people in the Patriotic war of 1812.

Key words: temple architecture, cathedral, the city of Sergach, Vladimir icon of God' Mother, altar.

Сергач – это небольшой город на юго-востоке Нижегородской области. Здесь, близ источника под названием Колоды, в древности была срублена из дуба часовня во имя преподобного Сергия Радонежского. Отсюда пошла и первая улица будущего поселения, получившая название Сергиевской. Первое ле-

тописное упоминание о Сергаче относится к 1382 г., а уже с 1649 г. Сергач фигурирует в документах как центр поташного производства в наказе боярина Б.И. Морозова. В сентябре 1779 г. императрица Екатерина II даровала Сергачу титул уездного города [1, с. 31].

Основными объектами городского облика являлись церкви, торговые лавки и городская ратуша. Многие архитектурные постройки относятся к памятникам истории и культуры Нижегородского края, представляя научную ценность. В XIX веке в городе было лишь две улицы − Базарная и Владимирская и три слободы − Скачиха, Солдатская и Кожино. В 1779 г. в ведомости «О селениях Нижегородского наместничества краткого описания центров округи в Сергаче» упоминаются две деревянные церкви: Владимирской иконы Пресвятой Богородицы и пророка Илии [1, с. 29]. В 1810 г. в ведомости церквей Сергача упоминаются еще две церкви: Владимирская и Иоанна Милостивого с приделом Иоанна Дамаскина, построенная в 1799 г. [1, с. 47]. Ильинская церковь к тому времени из-за ветхости была закрыта.

Центральная часть города находится на вершине холма. Когда в 1802 г. был высочайше утвержден план застройки Сергача (бывшего тогда, как сказано выше, уже уездным городом), здесь образовалась площадь, *«на коей положена быть каменная церковь»*. До Владимирского собора в Сергаче не было столь больших храмов, а сам собор был построен почти два века назад в честь победы России в Отечественной войне 1812 года, как дань памяти погибшим сергачанам. Строительство велось с 1817-го по 1821 г.

В 1817 г., когда началось строительство, в городе, как уже говорилось, на базарной площади, было две церкви. Первая − ветхая деревянная Владимирской Божьей Матери с приделом Сергия Радонежского (1752 г.). Эта церковь, восхищавшая благолепием иконостаса, была *«удовольствована изрядно»* ризницей и прочей утварью; она имела *«пашенной, сенокосной и усадебной земли 33 десятины»* [2]. Рядом с ней была вторая церковь – Ильинская (1737 г.). От времени церкви разрушились, и в середине 1850-х гг. построили новую − Дамаскинскую церковь (сгоревшую в 1936 г.).

В 1816 г. Комиссия духовных училищ выделила на строительство каменного собора в городе Сергаче 37.024 руб. 50 коп. В начале 1817 г. из Духовной Консистории была выдана книга со шнуром и печатью, в которой должны были записываться всякие расходы (кому именно, когда, сколько выдано денег). Оговорено было также, чтобы ежемесячно рапортовать о расходах денежных сумм и об успехах в работе. Подрядчики, получив деньги за разные работы по контрактам, расписывались в этой книге, а избранные и утвержденные ктиторы (церковные старосты) своею подписью подтверждали расход.

В 1819 г. *«строение собора покончено, о чем его преосвященного епископа Моисея донесено митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Михаилу»* [2]. Алтари находились в двух приделах: правом (в честь пророка Божия Илии) и в левом (в честь Сергия Радонежского). Они были освящены в 1820 г., а главный алтарь (в честь Владимирской иконы Божьей Матери) − в 1828 г. Расходные книги были отправлены в Комиссию Духовных училищ. Но в

июне 1828 г. митрополит Новгородский возвратил книги, поскольку они показывали только расход выделенной суммы без пояснения или сравнения со сметой. Он просит епископа Нижегородского Афанасия *«приказать, кому следует составить из оных по установленной форме подробные отчеты, кои доставить в комиссию на ревизию вместе с подлинными сметами и книгами»* [2].

В июле 1828 г. Нижегородская Духовная консистория решила срочно затребовать подробные отчеты о расходе денег. Благочинный города Сергача священник Василий Фёдоров, опросив священнослужителей и крестьян, выяснил следующее: действительно, он лично, будучи в 1817 г. дьяконом, вместе с протоиереем Александром Афанасьевым был при получении денег. Деньги записывались в расходную книгу в присутствии Сергачского уездного казначея Петра Соловьёва, а записи расходных статей велись старшим ктитором купцом Иваном Нефёдовым. Но священник и крестьяне заявили, что *«не видели смет, не знают, где они находятся, подробного отчета составить не могут, тем более, что протоиерея в данное время в городе нет, а казначей уже умер»* [2].

Оказалось, что бывший протоиерей Александр Афанасьев, являясь иеромонахом Благовещенского монастыря, был вызван в Духовную Консисторию, где получил указание о составлении отчета о расходах выделенной на строительство суммы, что он и сделал к ноябрю 1829 г. Из его отчета мы узнаем подробности строительства собора и некоторые имена людей, принимавших в нем участие. Так, кирпича трех видов было изготовлено 600 тыс. штук, за что в разное время было выдано с транспортными расходами 5.729 руб. 50 коп. Извести 20-пудовых бочек для кладки стен и фундамента было закуплено 1.389 штук, за них уплатили 14.571 руб. В расходной книге за 1817 г. записаны сведения *«о поставке связного железа мещанином Андреем Лакшиным и Афанасием Рычиным на общую сумму 17.708 рублей 12 копеек, а также кровельного, полосного железа купцом Ягодинским. У сергачского крестьянина Козьмы Кирпичникова закупили тёс, у мещанина Семена Горланова − лубки. Подрядчику Тихону Молеву для найма на работу людей, всего было выдано 6.479 рублей 45 копеек. За подвоз воды крестьянину Ивану Петрову дали 54 рубля, а Ивану Симонову − 200 рублей. Песок во все время созидания каменной церкви усердием прихожан к строению был привозим безденежно»* [2]. Кровельщикам за покрытие кровли с их краской, гвоздями и проволокой заплатили 937 руб. 50 коп. (с каждого листа в количестве 1.875 штук − по 50 коп.). За очистку мусора по смете положено было заплатить 700 руб., но *«попечением и трудами прихожан всё оное исправлено без денег»*. За настил полов, сооружение двух глав и установку крестов было положено 3.350 руб., но *«в церкви пол сделан из деревянного соснового тёса за счет доброхотных дателей* (жертвователей − ***Авт.***) *и прихожан»*, а *«кресты на церковь и колокольню постановлены усердием прихожан и доброхотных дателей»* [2].

После проверки выяснилось, что купцу Ягодинскому было переплачено 37 руб. 73 коп. Иеромонах Афанасий был вызван для объяснения, но он сказал, что не знает, где контракты и кто передал эти деньги. В январе 1830 г. иеромонах Афанасий умер, а в феврале в Сергач пришло распоряжение: переданные

Ягодинскому деньги *«сыскать из кошельковой Сергачской соборной церкви суммы, которую показать в отчете как оставленную за расходами»*. 30 ноября 1831 г. соборный священник Василий Фёдоров сообщил в Духовную Консисторию, что все сделал по предписанию: деньги списал в расход, а подписи собрать не может, так как все уже умерли. В декабре отчет, сметы и оставшиеся деньги отправлены были в Санкт-Петербург.

Рядом с собором была построена колокольня. Она была *«отделена от церкви на пять с половиною сажен, вышиною 20 сажен, в три этажа, выбелена извёсткой, в этажах полуступы. Купол покрыт листовым железом и зелёною краской. Верхний купол и шпиль по дереву покрыты английской жестью. Под колокольнею между столбом сделана каменная караулка, с двумя для хранения церковного имущества чуланами. На колокольню в верхнем этаже повешено 6 колоколов: первый весом в 89 пудов 30 фунтов, 2, 3 ,4, 5, 6 − без подписи и означения веса»* [2; 3, с. 147].

В описи 1854 г. содержатся интересные сведения о внутреннем убранстве собора. Предалтарный иконостас был столярной работы *«в один ярус с 12 колонными столбами, окрашен сиреневою кубовой краскою, карнизы и резьба покрыты на полимент 1-го номера позолотою. Между святых икон − колонны окрашены сиреневою краскою, а по концам сверху и снизу на полимент позолочены»* [2]. За святым престолом образ Святой Троицы *«в киоте красном, обложен резным золочёным бордюром, за стеклом, на нём оклад и ризы серебряные 84-й пробы, весом 3 фунта и 5 золотников, мерою в длину 1 аршин, а в ширину 3 четверти, стоит на деревянном жёлтом пьедестале»* [2]. За правым клиросом *«в особом иконостасе образ Владимирской Божьей Матери, на ней риза фольговая, низанная бисером, и венец медный посеребрённый весом 48 золотников, длиною 6, шириною 5 четвертей»*. Перед ней находилась медно-серебряная лампада весом 9,25 фунтов. Паникадило было трехярусное медное, посеребрённое, с 24 подсвечниками. В ризнице хранилось Евангелие 1794 г. в четвертую долю листа, *«обложенное малиновым бархатом, средник и наугольники покрыты серебряными чеканными листами 84-й пробы»*. Имелось три серебряных дискоса[4] весом 62, 45 и 36 золотников. В книгохранилище храма находились книги 1766, 1776 и 1784 гг., метрики и духовные росписи хранились с 1797 г.

Владимирский собор в Сергаче был закрыт в 1936 г., колокольня разрушена, а колокола сброшены и переплавлены. Уничтожены были и многие другие ценности, книги, рукописи, старинные иконы. В соборе предполагалось организовать городской театр. В послевоенные годы в храме размещался швейный цех фабрики «Сергачанка», что способствовало сохранению здания в целом.

Источники и литература

1. Громов В.А. Сергачское притяжение: историко-краеведческие очерки. − 2-е изд., доп. − Н. Новгород: Штрих, 2001. − 159 с.

[4] В православной церкви ***дискос*** − один из литургических сосудов. Представляет собой блюдо на подножии с изображением сцен из Нового Завета.

2. Архивные материалы из фондов Сергачского краеведческого музея им. В.А. Громова.

3. Сергач: Литературно-краеведческий альманах / гл. ред. Ю.А. Изумрудов. − Н. Новгород, 2002. − 367 с.

УДК 908

СПЕЦИФИКА ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ (на материалах села Чернуха Арзамасского района)

SPECIFICITY OF UPBRINGING AND EDUCATION IN THE OLD BELIEVER'S CULTURE (on the materials of the village Chernukha in Arzamas area)

Н.В. Хорева[1], Ю.Ю. Шаматова[2]

N.V. Khoreva, Yu.Yu. Shamatova

[1] Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, доцент;

[2] Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, студентка

607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

E-mail: n.Khoreva2010@yandex.ru; julija-shamatova@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена историко-культурным особенностям семейного воспитания в общинах старообрядцев с середины XVII века вплоть до установления Советской власти в России. Особое внимание уделяется образованию представителей старой веры. Приводимые в статье данные основаны на материалах села Чернуха, относившегося до революции к Семёновскому уезду Нижегородской губернии.

Ключевые слова: церковная реформа, раскол, старообрядцы, воспитание, образование.

Summary: The article is devoted to historical and cultural features of family education in communities of believers from the mid-seventeenth century until the establishment of Soviet power in Russia. Special attention is paid to education of members of the old faith. Cited in the article is based on materials of the village of Chernukha, Dating back before the revolution to the Semenov district of Nizhny Novgorod province.

Key words: Church reform, Split, Old Believers, education, upbringing.

«Бунташный» XVII век нашел свое отражение в таком общественном движении, как раскол Русской Православной Церкви. Поводом к расколу послужила религиозная реформа 1650-х гг., проведенная патриархом Никоном. Основой преобразований стало введение новых обрядов, исправление богослужебных книг, назначение чинов и др. Результат преобразовательной деятельности патриарха оказался весьма противоречивым: население страны разделилось на два лагеря: сторонников реформы и ее противников. Многочисленные ревнители «старой веры» – старообрядцы – не подчинились вводимым новшествам и ушли в раскол. Позднее и они разделились на несколько течений и направлений [1, с. 351].

Церковная реформа сыграла большую роль в жизни населения Нижегородчины, где многие деревни и села подверглись старообрядческому влиянию. В конце XVII века, спасаясь от преследований, нижегородские старообрядцы уходили в глухие леса, за Волгу, где ставили свои скиты (объединение нескольких старообрядческих обителей-монастырей). Особенно много их поселилось на берегах реки Керженец. С тех самых пор старообрядцев в Нижегородском крае стали называть «кержаками», а слово «кержачить» стало означать «придерживаться старой веры» [2].

В Нижегородском крае существовало много сел и деревень только со старообрядческой верой, например, села Пустынь, Меньщиково, Григорово. До сих пор старообрядчество является основной формой вероисповедания жителей села Чернуха. Во времена раскола Чернуха стала местом скопления многих старообрядцев со всех концов России. В первую очередь, здесь обосновались приверженцы таких течений, как Белокриницкая иерархия, Спасово и Поморское согласия. Все эти церковные течения, преследуемые еще со времен патриарха Никона, селились целыми общинами, строили свои молельные дома и отправляли богослужения по старым книгам, со старыми обрядами [1, с. 352].

В Чернухе старообрядцы к началу XX века составляли примерно три четверти населения села, православные – одну четвертую часть. Православные здесь появились, когда арзамасский Преображенский монастырь поселил на чернухинской земле монастырских крестьян. В дальнейшем землей в Чернухе по-прежнему наделяли вновь прибывших крестьян-православных, так как земельным фондом распоряжалась православная церковь. В связи с этим православного населения становилась все больше.

В начале XX века в селе имелись две старообрядческие церкви. Одна из них сохранилась и продолжает действовать до сих пор. Она стоит на берегу озера, в «Песках» (***Приложение 9, фото 1***). Другая церковь была построена в так называемом «саду», за бывшей улицей Винопольной, на берегу реки Чернушка. Также существовал старообрядческий монастырь, который стоял в «Ярижках», при нем была церковь. Однако эти постройки не сохранились [1, с. 355].

Вплоть до XX века семейный быт старообрядцев отличался замкнутостью, которая была вызвана их изолированностью от остальных религиозных групп населения. Эта социально-конфессиональная обособленность способствовала сохранению традиционных устоев. Эталоном, по которому организовывали свой жизненный уклад старообрядцы, являлся сборник правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека – «Домострой», созданный в середине XVI века.

Особое место в воспитательном процессе отводилось семье. Именно внутри семьи развивалась и неукоснительно поддерживалась традиционная культура воспитания. Идеал старообрядцев заключался в крепком патриархальном быте, где сильна власть главы семейства и менее значимы личности остальных домочадцев: жены, детей и других родственников [3, с. 86].

Воспитание детей строилось на двух основополагающих принципах: любви и строгости. Главной обязанностью родителей по отношению к молодо-

му поколению была забота об их духовном состоянии. Старшие следили за чистотой души своих детей, оберегали от греха, что чаще всего сводилось к изоляции от иноверцев [4, с. 29]. Целью воспитания являлось формирование традиционной религиозности, нравственности, сохранение обрядов и традиций предков. Видя образ жизни родителей, дети с ранних лет усваивали религиозные нормы: ежедневные молитвы, соблюдение постов, регулярное посещение церкви и др. Немаловажную роль в воспитании играла система бытовых и религиозных табу: *«Не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, на чужое не посягать, не осуждать, не помнить зла, ни на кого не гневаться»* [5].

Родители-старообрядцы, способствуя развитию духовно-нравственных качеств подрастающего поколения, не упускали и материальную сторону воспитания. Труд выступал одним из главных факторов развития личности. Старообрядцы видели в своих детях маленьких взрослых, полноправных помощников по хозяйству. С раннего детства те вставали с первыми петухами и помогали родителям до темноты. За невыполнение требований старообрядцы вполне уместным считали телесные наказания, руководствуясь изложенными в «Домострое» наставлениями: *«Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей. И не жалей, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на нее направь свою строгость…»* [5]. Родители довольно часто прибегали к телесным наказаниям, тем самым указывая детям путь истинный. Старообрядцы верили, что за каждую вину следует налагать телесное наказание, так как иначе грешник не сможет очиститься от грехов.

Обязанностью детей по отношению к родителям было и обеспечение их спокойной старости, а также почитание родителей после смерти, заключающееся в непрерывном церковном поминовении. Память о своем роде, выраженная в почитании умерших родственников, – важный фактор сохранения старообрядческой идентичности.

Изолированное существование старообрядцев заставляло их передавать знания из поколения в поколение, чтобы сохранить свои традиции и вероучение. Старообрядцы были людьми грамотными, всегда стремились к знанию и свету. Многие дети получали домашнее образование от родителей, а также (в большинстве случаев) от своих бабушек и дедушек. Обучали их преимущественно чтению и начальным знаниям грамматики. Более зажиточные имели возможность нанять «мастериц», которые обучали детей на дому или, собирая по несколько учеников в своем доме, открывали своеобразные школы [6, с. 56].

Огромное духовно-нравственное значение для древлеправославных христиан имели старообрядческие монастыри и скиты. В XIX веке на территории села был создан Чернухинский женский скит (***Приложение 9, фото 2***), куда родители отдавали на некоторое время своих дочерей. За определенную плату их, помимо чтения и письма, учили крюковому пению и богослужебным обрядам. Сюда же попадали на воспитание сироты [6, с. 58]. По словам иерея

А. Думнова, *«в женском монастыре, находившемся в “Ярижках”, была школа, где обучали девочек церковному чтению и пению – всё, что пригодилось бы затем для понимания богослужения и службы в храме»* [7]. Однако обучение старообрядцев не афишировалось, так как носило нелегальный характер и преследовалось властями.

Для старообрядцев основными учебными книгами были буквари Московской Синодальной типографии, Азбуки, Псалтырь, Часослов и др., использовавшиеся в церковном богослужении. С их помощью осваивали грамоту, учились читать. Они давали примеры жизни, святости, конкретные образцы поведения [7].

В светские школы родители-старообрядцы своих детей не отдавали. Тем не менее правительство Российской империи пыталось организовать учебные заведения для совместного обучения детей как новообрядческой, так и старообрядческой вер. Так, еще в 1844 г. в Чернухе было открыто училище в связи с тем, что в селе была *«видна наклонность более к “расколу”, чем к православию».* Для исправления такого положения власти решили начать с формального образования малолетних детей, которые, *«внемля наставлениям, в училище преподаваемым, и получив понятия о Христианской вере и деятельности от Наставника более верные, удобные, могут уклоняться от грубых и нелепых понятий и толков, слышимых ими от домашних и других посторонних людей, зараженных “расколом”»* [6, с. 62]. Но желаемого результата это не принесло, поскольку родители-старообрядцы редко отдавали своих детей в училища, а по окончании обучения учащиеся практиковались в чтении на книгах, *“противных православию”* [6, с. 63].

Средних и уж тем более высших учебных заведений для старообрядцев в Российской империи не существовало. Таким образом, у старообрядцев перспектива дальнейшей судьбы детей была такова: либо оставлять их малограмотными, либо отдавать в светские государственные школы, где воспитание велось в духе, чуждом старообрядческой вере [3, с. 87]. Однако в самом начале XX столетия наступила новая эпоха, когда древлеправославные христиане получили возможность на легальной основе создавать собственные школы. Тогда были легализованы школы при женском Чернухинском ските и в женском монастыре. Эти учреждения продолжали свою деятельность вплоть до установления Советской власти.

Меры большевиков в сфере образования, вызванные активной деятельностью местных учителей и масштабами развития старообрядчества, имели крайне слабый результат. Старообрядцы не подчинились новому правительству и продолжали обучать своих детей, как и делали это ранее. Несмотря на все трудности, которые старообрядцы испытывали на протяжении XX столетия, они сумели сохранить традиции семейного воспитания и образования, которые продолжают существовать и по сей день.

Источники и литература

1. Хорева Н.В. Морально-психологический аспект старообрядчества (на материалах села Чернуха Нижегородской области) // Карповские чтения: сбор-

ник статей. Вып. 4 / отв. ред. С.Н. Пяткин; АГПИ им. А.П. Гайдара – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 351-359.

2. Старообрядчество в Нижнем Новгороде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rpsc-nn.ru/nizhegorodskoe-staroobryadchestvo/82-istoriya-nizhegorodskogo-staroobryadchestva.html

3. Сачкова Е.В. Старообрядчество и народное духовно-нравственное просвещение в Нижегородской губернии XIX века // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов региональной научно-практической конференции (9 декабря 2011 г.). Вып. VIII / под общ. ред. В.И. Грубова; АГПИ, ГАНО, г. Арзамас.– Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 82-88.

4. Климова С.М., Хирьянова Л.В. Традиционные основы семьи как главный фактор формирования идентичности старообрядчества в эпоху модернизации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – №6. – С. 28-35.

5. Домострой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://librebook.ru/domostroi/vol1/1?mature

6. Тарасов И.И. Записки краеведа (рукопись) // Из фондов Чернухинского музея природы.

7. Запись беседы с иереем Алексеем Думновым, служителем Русской Православной Старообрядческой Церкви г. Арзамаса во имя Николая Чудотворца // Из личного архива Ю.Ю. Шаматовой.

УДК 908

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СОКОЛЬСКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (XIX-XXI вв.)

THE SPIRITUAL LIFE OF SOKOLSKY DISTRICT NIZHNY NOVGOROD REGION (XIX-XXI CENTURIES)

А.В. Харчевников[1], Н.А. Харчевникова[2], С.В. Завьялова[3]

A.V. Kharchevnikov, N.A. Kharchevnikova, S.V. Zavyalova

[1] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, студент;

[2] Пушкарёвская библиотека Сокольского района Нижегородской области, ведущий библиотекарь

606680, Нижегородская обл., Сокольский р-н, д. Пушкарёво, ул. Новая, д. 16;

[3] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, кандидат исторических наук, преподаватель

603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а

E-mail: zavyalova_sv@mail.ru

Аннотация: В статье рассказывается об истории строительства церкви в селе Цыкино и о храме-часовне в честь Андрея Первозванного в селе Селянцево.

Ключевые слова: Нижегородская область, Сокольский район, село Цыкино, деревня Селянцево, церковь, храм-часовня.

Summary: The article tells about the history of the construction of the Church in the Tzykino village and the temple-chapel in honor of St. Andrew in the Selyancevo village.
Key words: Nizhny Novgorod region, Sokolsky area, Tzykino village, Selyancevo village, Church, temple-chapel.

В селе Цыкино Сокольского района Нижегородской области (до революции Сокольский уезд входил в состав Костромской губернии) до сих пор стоит церковь Вознесения Господня, охраняя мир, покой, особую духовную благодать земли русской.

В 1642 г. в селе Цыкино была построена деревянная церковь, а в 1822 г. на деньги прихожан – каменная церковь площадью 116 м^2, без алтаря. Среди сельчан до сих пор из уст в уста передается легенда о строительстве этого храма.

Костромская епархия дала разрешение на строительство каменного храма. *«Собрались миряне на сход и решили строить его на Вшивой горе, на берегу реки Ломни, это место еще называли "гари" (здесь раньше горел лес и весь выгорел), в полутора-двух километрах от настоящего местонахождения церкви. Начнут строительство фундамента утром, строят день. Сторожа на ночь остаются, а на другой день их работы не видно: уходит все, что сооружено, в песок, поглощается зыбуном. Среди строителей был старец, который и посоветовал к строительству фундамента церкви икону Божьей Матери приставить. На второй день долго не расходились строители, боялись, как бы опять все не повторилось. Утром проснулись – икона Божьей Матери и начатая ими церковь стоят на долу (в сыром месте, в долине, больше похожей на болото). Община решила, что негоже стоять святому храму в "гиблом" месте и фундамент опять перенесли на возвышенность. Снова люди переносили строительство на "гари", и опять церковь и икона "возвращались" в низину (икону Божьей Матери наутро находили на том месте, где сейчас стоит Цыкинская церковь). Так было три раза. – "Так Бог решил". Люди смирились и стали строить церковь на выбранном Ею самой месте. Как только началась работа, долина высохла, болота не стало и в помине, и до сих пор это сухое, песчаное место»* [1].

Храм строился восемь лет. Кирпичи скрепляли смесью из негашеной извести и яичного белка. Яйца для раствора собирали «всем миром», возили телегами. Чугунные плиты на пол для храма отливали на Уральском заводе купца Зворыкина. Контора и все управление находились в городе Муроме Владимирской губернии. Плиты возили на лошадях. В 1970-х гг. эти плиты заменили более современными, а подлинные железные плиты с ажурным рисунком и клеймом промышленника отправили в храм «Всех скорбящих радость» в поселок Сокольское. Их можно увидеть также на улицах, на подъезде к домам у жителей Цыкина и Пушкарёва [2].

Церковь в Цыкине имеет три престола: главный, центральный был освящен в честь Вознесения Господня, северный – в честь Архистратига Михаила и Всех Небесных Сил Бесплотных, южный – Первоверховных апостолов Петра и Павла. Алтарь украшен резьбой по дереву, которую произвел Г. Абаимов. Резьбой по дереву для церкви занималась и артель сокольских плотников под руко-

водством Емельяна Зиринова. В зимней церкви врезаны две иконы Божьей Матери: по правую и по левую стороны.

Колокольня достраивалась в конце XIX века. Первый колокол подняли только при советской власти в 1925 г. Недолго он своим звоном созывал православных в храм. В 1937 г. колокол сбросили, а церковь закрыли, передав Сокольскому районному совету под учреждение культуры. Имущество церкви было расхищено, уничтожено, частично передано областной конторе «Вторцветмет». Храм чудом уцелел и не был полностью разрушен, как в селе Покров.

Ничего неизвестно о первом настоятеле церкви, но люди помнят отца Михаила Горского, которого забрали в 1927 г. как «врага народа», и больше он не вернулся. Вновь церковь открыли в 1944 г., когда по приказу Сталина по всей стране открывали церкви и служили молебны за спасение России от фашистских захватчиков. После войны храм снова закрылся на какое-то время [2].

Тринадцатого августа 1945 г. настоятелем и председателем культового совета церкви села Цыкино был зарегистрирован Д.И. Парвицкий. Вот что он писал о себе: *«Я, нижеподписавшийся священник Парвицкий Дмитрий Иванович родился в 1890 г. 23 октября в селе Михайловка-Пустынь – Ковровского района Ивановской области. Происхождения состою духовного – сын умершего о. диакона. Образование получил и имею среднее, обучался и окончил шесть классов Владимирской духовной Семинарии в 1913 г. Практический светский стаж работы с 1913 по 1919 гг., я состоял народным школьным учителем в д. Мехавицы Шуйского района Ивановской области. С 1919 г. перешел на духовную службу, состоял о. диаконом в с. Махавицах Ковровского-Савицкого района, пробыл здесь до 1921 г. Семейное положение имею следующее: в законном браке с 1913 г. и имею жену и двух детей. В 1921 г. принял сан священника – благодать рукоположения епископа Павла Суздальского. По духовной службе священника состоял в том же своем Имени, я работал и исполнял запросы и требования религиозных верующих по разным селам и районам Ковровском, Владимирском и Лежневском в течение 20 лет до настоящего 1945 г. В политическом и гражданском отношении я никакими штрафам не подвергался. Священник села Цыкино Парвицкий Дмитрий Иванович, 16 августа 1945 г.»* [3].

Подлинный иконостас церкви поражает филигранной резьбой и красотой. Иконы из потемневшего дерева, которым несколько веков. Среди церковных реликвий есть одна икона, которая заслуживает особого внимания. Бытует поверье, что икону Долинской Божьей Матери нашли давным-давно в пелеговских лесах у ключа, который бил из-под земли. Икону перенесли в храм села Цыкино. А родничок с тех пор считается святым, и вода его целебна. У родничка сделали колодец и назвали его Бодунавым – возможно, по имени человека, который его сделал. Жители окрестных деревень приходят на колодец за святой водой [2].

После Великой Отечественной войны икона Долинской Божьей Матери преобразилась: ее вышила бисером монахиня мать Секлетея из Богулевского монастыря, ныне затопленного Волгой. Она и монастырские послушницы имели ризы и прочее облачение для служителей храма. Когда монастырь закрыли,

мать Секлетею забрали правоохранительные органы по подозрению в антисоветской деятельности, но за неимением улик отпустили. Монахиня несколько лет жила около церкви, помогая по мере сил в церковных делах [2].

Бисер для иконы Долинской Божьей Матери давала Прасковья Доведина, жительница деревни Яблонное. Эта икона до сих пор находится в летней церкви на иконостасе.

Долгое время работал в церкви батюшка – Валерий Филиппович Макаров.

В 2002 г. в Сокольскую церковь приехал батюшка Михаил Викторович Акинфин, который с 2003-го по 2010 г. служил в Цыкинской церкви. Вместе с женой и шестью сыновьями он жил в Цыкине, а его старшая дочь Дарья с детских лет воспитывалась в Саровском монастыре.

Затем года два церковь пустовала, службы велись редко и разными батюшками.

С октября 2012 г. в церкви утвержден на постоянную службу батюшка Сергей Брэде.

Цыкинская церковь открыта и доныне, молятся в ней прихожане за страну нашу, за детей, за мир и покой на земле.

Постановлением Законодательного собрания Нижегородской области от 21 февраля 1995 г. церковь объявлена памятником архитектуры областного значения.

Далее речь пойдет о храме-часовне в честь Андрея Первозванного, построенном в деревне Селянцево Сокольского района. Строительство церкви началось по инициативе Дмитрия Зотикова, бывшего морского офицера, учредителя ООО «Тайга». Купив в Селянцеве дом, он решил построить здесь церковь в честь святого покровителя Российского флота апостола Андрея Первозванного.

В июне 2008 г. в центре деревни в основание будущей церкви был заложен камень и отслужен молебен. На торжественной церемонии закладки камня присутствовали руководство района, глава Пушкарёвского сельского поселения. И все были единодушны во мнении – начато благое дело. *«Православная церковь пережила много потрясений. И это событие символизирует то, что духовно возрождается Россия»,* – подчеркнул глава района Игорь Бобров. Вместе с Д. Зотиковым они заложили камень в основание церкви-часовни с памятной надписью для потомков. Чин освящения совершил отец Алексей, благочинный Ковернинского округа. *«Очень хорошее место выбрали для строительства храма*, – сказал священнослужитель. – *Церковь будет стоять в центре деревни, на возвышенном месте. Любой, кто пойдет мимо, сможет зайти сюда и помолиться. А те, кто близко живет, выглянув из окна – перекрестятся, и Божия благодать их не оставит. Духовный и благородный порыв сегодня встретишь не часто. Спасибо тем, кто воплощает эту идею в жизнь»* [4].

Сотрудники ООО «Тайга» изготовили сруб храма (общая его площадь составила 250 м^2 [5]), столяр Владимир Назарычев больше месяца трудился над деревянным куполом. Из Греции привезли старинную святыню с изображением Андрея Первозванного, которая должна была занять достойное место в новой церкви.

Девятнадцатое августа 2008 г. Храм построен. Люди пришли не просто посмотреть, как на храм будет воздвигнут купол с православным крестом, а больше для того, чтобы разделить друг с другом радость от близкого к завершению благого дела, которого они все так долго ждали. И вот в деревне Селянцево, на берегу волжского залива, взметнулась ввысь деревянная церковь рукотворной работы. Издалека виден блестящий купол с крестом, ежеминутно напоминающий каждому о долге живущих на земле перед Всевышним. После молебна и обряда освящения крановщик Сергей Никулин отрывает купол от земли и осторожно, с ювелирной точностью, устанавливает его на место. Купол установлен. Жители близлежащих деревень искренне благодарны Д. Зотикову за то, что он и рабочие его предприятия подарили им возможность не ездить в церковь за многие километры, как было раньше, а иметь свою. Храм-часовня в честь Андрея Первозванного отныне и украшение, и главная достопримечательность Селянцева – это шаг к возрождению истинных духовных ценностей [6]. Церковь в Селянцево является точной копией храма в честь Андрея Первозванного на Заячьем острове Соловецкого архипелага, в котором Петр I освятил Андреевский флаг.

Сейчас служба в храме проходит почти каждое воскресенье, служит отец Валентин.

Прошли годы, и несмотря ни на какие преобразования, в христианские праздники, о которых долгое время в нашей стране было говорить не принято (хотя отмечали их многие), на всю округу раздается малиновый звон церковного благовеста, помогая обрести душевный покой и умиротворение.

Источники и литература

1. Воспоминания жителей деревень Сокольского района Нижегородской области (А.М. Белковой, жительницы д. Пушкарёво; В.Ф. Макарова, жителя с. Цыкино) // Из личного архива Н.А. Харчевниковой.

2. Церковь «Вознесение» села Цыкино 1822 г. // Из личного архива Н.А. Харчевниковой.

3. Автобиография священника Парвицкого Дмитрия Ивановича (Архивная копия) // Хранится в отделе культуры администрации Сокольского района Нижегородской области.

4. Куликова Е. Возводится храм // Сельская новь. – 2008. – Июнь.

5. Качирина Н. Растет православный храм // Сельская новь. – 2008. – 25 марта.

6. Облачкова С. Православные ценности возрождаются // Сельская новь. – 2008. – 19 августа.

УДК 908

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС ПО СТРАНИЦАМ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

HISTORICAL REVIEW THROUGH THE PAGES OF THE FAMILY ALBUM

Ю.М. Дмитриев[1], С.В. Завьялова[2]

Yu.M. Dmytriev, S.V. Zavyalova

[1] МБОУ «Школа № 91 с углубленным изучением отдельных предметов»
г. Нижний Новгород, ученик 11 класса
603132, г. Нижний Новгород, ул. Голубева, д. 4а;
[2] Филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения» в г. Нижнем Новгороде,
кандидат исторических наук, преподаватель
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5а
E-mail: zavyalova_sv@mail.ru

Аннотация: В статье на основе воспоминаний представителей старшего поколения семей Сенотрусовых и Дмитриевых рассказывается о событиях их жизненного пути.

Ключевые слова: фотографии; Юрий Николаевич Сенотрусов; Таисья Борисовна Сенотрусова (Власова); Ирина Юрьевна Сенотрусова, Владимир Константинович Дмитриев; Римма Ивановна Дмитриева.

Summary: The article based on the memories of the older generation of the Senotrusov' and Dmitriev' families tells about the events of their life journey.

Key words: photos; Yury Senotrusov; Taisiya Senotrusova (Vlasova); Irina Senotrusova; Vladimir Dmitriev; Rimma Dmitrieva.

Памяти нужны пристанища, она не может быть бесприютной.
Если мы не будем по-настоящему чтить память
наших духовных предков – забудут нас.
Д.С. Лихачев.

Наверное, нет такой семьи, в которой не хранились бы фотографии – самые разные: незамысловатые или сделанные в модном ателье, любительские или официальные. Каким бы ни был этот семейный архив, со всех снимков глядят на нас лица людей, живших когда-то и живущих сейчас, знакомые и полузабытые, с каждой фотографии смотрит на нас сама история…

Фотоархив хранится и в нашей семье Дмитриевых. Есть здесь и старые пожелтевшие фотографии, и новые, «вчерашнего дня».

Вот портрет мужчины с волевыми чертами лица, добрыми и умными глазами, с орденами и медалями на пиджаке. Это мой дед Юрий Николаевич Сенотрусов. Он родился 26 апреля 1951 г. в г. Горьком, в рабочей семье. Детство прошло, как и у всех в то время; ясли, детский сад, школа. Летом рыбалка, печеная картошка, поджаренный хлеб, ну и конечно, поездки в пионерский лагерь. Восемь классов окончил в 110-й школе, а девятый и десятый – в 50-й школе.

В старших классах Юрий учился хорошо, особенно по физике и математике. Мечтал поступить в политехнический на радио- или физико-технический факультет. При прохождении приписной комиссии юношу признали годным к службе в подводном флоте. На следующий день его вызвал военком и предложил поступать в летное училище, если дополнительно пройти районную и областную медицинские комиссии. Успешно пройдя комиссии, Юрий был направлен для сдачи вступительных экзаменов в Тамбовское высшее военное авиационное училище летчиков им. М. Расковой. Экзамены сдал на «отлично», кроме русского, и поступил в училище. За время обучения летал на самолетах Л-29 и ИЛ-28. В 1972 г., окончив училище и получив звание лейтенанта, Юрий Сенотрусов был направлен в 127-й учебно-авиационный полк (УАП) на должность летчика-инструктора. Надо сказать, что работать инструктором ему не понравилось, поэтому он просил о переводе в строевую часть. В 1976 г. Юрия Сенотрусова перевели в формируемую боевую часть (288-й отдельный боевой вертолетный полк) на должность штурмана звена. Прослужив на этой должности полгода, он был назначен штурманом эскадрильи. На вооружение получили сначала МИ-24А, затем МИ-24Д. Эскадрилья часто принимала участие в учениях сухопутных войск и даже один раз в учениях Балтийского флота на острове Саарема, обеспечивая высадку морского десанта.

В конце января 1980 г. полк подняли по тревоге, но вместо вылета к ним прибыла комиссия для формирования сводной эскадрильи на МИ-24Д. Подразделение должно было участвовать в боевых действиях на территории Афганистана. Командиром был назначен майор Ю.А. Варочкин, замполитом – В.Н. Очиров (получивший впоследствии звание Героя Советского Союза). Дедушка вспоминает: *«Я стал штурманом этой эскадрильи. Эскадрилья состояла из пяти звеньев. Вертолеты мы перегнали на аэродром Шауляй, где их частично разобрали и на АН-22 перебросили в Ташкент на аэродром Тузель, там их собрали. После нашего прибытия мы их перегнали на аэродром Чирчик, где прошли ускоренную подготовку к полетам в горах. Десятого марта пересекли границу и начали работать с аэродрома Кундуз. Приобрели первичные навыки ведения боевых действий в горах. Через неделю пересекли Гиндукуш и приземлились на аэродром Кабул. С нашим прилетом закончилось формирование 50-го отдельного смешанного авиационного полка. Полк состоял из трех эскадрилий: первая на МИ-24, вторая на МИ-8 и третья (самолетная) – на АН-12 и АН-26.*

Аэродром Кабул стал для нас базовым, но наша зона ответственности включала площадки Газни и Гардез. Боевые действия включали плановые бомбоштурмовые удары (БШУ) по заранее заданным и вновь выявленным целям; сопровождение и прикрытие колонн, перевозящих боеприпасы и продовольствие; прикрытие наших войск при проведении войсковых операций; разведку бандформирований; инженерную разведку дорог и местности.

В середине мая нашей эскадрилье приказали выделить звено лучших летчиков для работы в интересах разведки пограничных войск с аэродрома Джелалабад, с задачей найти (и по возможности уничтожить) тропу, по которой проходили караваны с оружием из Пакистана. Меня включили в состав группы,

командиром назначили замполита военной эскадрильи капитана Очирова. Мы взлетали с аэродрома Джелалабад и шли на северо-восток вдоль афгано-пакистанской границы на полный боевой радиус (это более 200 км). Впереди шел МИ-8 с разведчиками, а мы были ударной группой. Боекомплект у нас состоял из двух бомб БЕТАБ-500. Садились с аварийным остатком топлива. Несколько дней мы не могли найти тропу, но все-таки нам повезло – мы наткнулись на караван, который спускался по тропе от пакистанской границы. Старший всей группы – генерал-пограничник приказал уничтожить тропу и по возможности караван с оружием. Одну бомбу я положил впереди каравана и разрушил тропу, а вторую в центр каравана. Взрывом весь караван был уничтожен, задачу мы выполнили. По ходатайству пограничников я был представлен к ордену Красной Звезды. После этой операции мне довелось участвовать практически во всех мероприятиях нашей эскадрильи. Осенью меня назначили начальником воздушно-огневой и тактической подготовки 50-го отдельного смешанного авиационного полка. Теперь я больше занимался тактической и огневой подготовкой БШУ и обеспечением боевых действий полка, ходил оперативным дежурным на КП полка. В этот период летал меньше (не разрешал командир полка).

В июле 1981 г. мне пришла замена, и я убыл из ДРА к новому месту службы в Белоруссию, аэродром Засимовичи в 330-й ОБПВ. Командиром полка был полковник М.З. Шакиров, на вооружении состояли МИ-24В и МИ-8Т. На новом месте службы мне пришлось руководить полетами на полигонах, а также на учениях сухопутных войск. Летом в полк пришел приказ о направлении личного состава в ДРА. Мне дали право не ехать в Афганистан второй раз, но после раздумий и совета с женой, я дал согласие поехать туда. Десятого августа 1982 г. полк прибыл на аэродром Джелалабад. За год, что я отсутствовал, многое изменилось: появились деревянные модули, в комнатах жило по 4-5 человек, были установлены кондиционеры, развернута стационарная столовая. В тактике произошли небольшие изменения, но в принципе все было знакомо. К моим прежним обязанностям добавилось периодическое руководство полетами на аэродроме Джелалабад и двух-трехнедельное дежурство в качестве старшего на пл. Гардез. Когда командир разрешал, летал на БШУ или ночью на прикрытие аэродрома от обстрелов душманами. Запомнилась операция сухопутных войск, где моему экипажу пришлось применять управляемые ракеты (УР) по зенитной установке (ЗУ) душманов. Войска двигались по дороге, которая на одном из участков делала петлю вокруг небольшой горы. Вот в этом месте душманы и устроили засаду. Внутри горы была большая пещера, где находилась хорошо вооруженная банда. Из узкой амбразуры «духи» открыли огонь по нашей колонне, несколько БТРов и БМП загорелись. Огонь из орудий и удар звена СУ-17 не подавил огонь ЗУ, тогда было принято решение уничтожить установку УРами с вертолета. Полетел я, оператором был старший штурман полка подполковник Н.Н. Лысов. Первая ракета сошла с траектории, вторая попала точно в амбразуру и взорвалась в пещере. Там, видимо, сдетонировали боеприпасы – взрыв был такой, что вся гора покрылась облаком пы-

ли. Поставленная задача была выполнена. За этот вылет экипаж был представлен к орденам. Из ДРА полк вернулся 12 августа 1983 г.

В 1985 г. меня назначили командиром эскадрильи МИ-8. В 1986 г. по замене убыл в ГСВГ (Группа советских войск в Германии – ***Авт.***) *на должность командира отдельной эскадрильи в 35-й МСД. В 1989 г. списали с летной работы по здоровью. Демобилизовался 30 апреля 1990 г. За время службы налетал более 2.400 часов, освоил самолеты Л-29 и ИЛ-28, вертолеты МИ-24, МИ-8 и МИ-9 разных модификаций. Выполнил 430 боевых вылетов, награжден двумя орденами Красной Звезды, дослужился до подполковника. На момент демобилизации у нас в семье было уже две дочери, которые родились в 1973 г. и 1986 г. Жить приехали в Нижний Новгород. В 1990 г. поступил на работу на автозавод. Уволился по здоровью в 2005 г. Сейчас пенсионер»* [1].

На фотографиях из семейного альбома можно увидеть и мою бабушку Таисию Борисовну Сенотрусову (Власову). Родилась она 26 августа 1954 г. в г. Мичуринске Тамбовской области. С 1961-го по 1971 год училась в школе. Учась в 10-м классе, познакомилась с Юрием на вечере танцев. Бабушка вспоминает: *«Он пригласил меня на танец, попытался угадать мое имя – не повезло. Как оказалось, имя Таисия он даже не слышал, но с тех пор мы идем по жизни вместе. Свадьбу справили в день моего 18-летия, в 1972 г. В этом же году поступила учиться в технологический техникум, но учебу пришлось оставить, так как в июне 1973 г. родила первую дочь, Ирину. Впоследствии окончила железнодорожный техникум по специальности "товаровед". Занималась разного рода деятельностью, даже пришлось послужить в армии, но основной работой было воспитание дочери и обеспечение крепкого тыла мужу. В 1986 г. родилась вторая дочь, муж назвал ее Таисией. С Юрием Николаевичем мы вместе 45 лет»* [2]. Их дочь Ирина Юрьевна служит медиком в нижегородском авиационном полку.

Другой мой дедушка – Владимир Константинович Дмитриев – родился 25 февраля 1939 г. в деревне Спасск Вачского района Горьковской области в крестьянской семье. Мать Лидия Васильевна и отец Константин Петрович работали в колхозе. В семье было пятеро детей, четыре мальчика и одна девочка. Учился в школе неплохо, после окончания десятилетки поступил в Горьковское речное училище им. И.П. Кулибина на специальность «судовождение». После окончания училища в 1960 г. отправился по распределению в г. Балаково Саратовской области. Свою трудовую деятельность начал на теплоходе «Удмуртия» третьим штурманом.

В 1962 г. женился и переехал в г. Горький. Перевелся в Ремонтно-эксплуатационную базу (РЭБ) им. 25 лет Октября, где и проработал до 2002 г. За это время работал на разных типах судов, от служебно-разъездных катеров до ледокола. В основном работал на просторах Волги, но нередко приходилось ходить и по другим рекам (Дону, Свири, Неве, Оке), озерам (Ладожскому и Онежскому) и морям (Азовскому и Каспийскому).

Дед вспоминает: *«В 1971 г. пошел я в первую навигацию капитаном. По великой русской реке что только не приходилось перевозить – речной песок,*

лес, помидоры, арбузы, воблу, какао бобы, зерно, автомобили и еще много чего. На нижней Волге, в районе Астрахани всегда к борту подходили рыболовные сейнеры и предлагали рыбу и икру. Черная икра даже там была дорогая, а вот осетрина по карману. Когда открывался на сейнере трюм с рыбой, перед глазами открывалась впечатляющая картина – несколько тон осетров. Один раз купили осетра, а в нем оказалось 12-литровое ведро икры, вот уж поели!

За время работы в транзите были и не очень приятные случаи. В то время навигационного оборудования на судах почти не было – магнитный компас и все. Приходилось смотреть в оба, но не всегда получалось. Сидел на камнях в Ладожском озере. Один раз сдал вахту и пошел в душ, вдруг смотрю – ветки полезли в иллюминаторы. В чем был, побежал в рубку. Оказалось, не горел створ, и штурман зашел не в ту протоку, но все обошлось – медленно раздвигая ветки, вышли куда надо. Много раз приходилось прикрывать плоты в водохранилищах, чтобы их не разогнало ветром. Работа сложная, но интересная: новые города, новые люди. Знаком лично с Евгением Евстигнеевым. Работал на служебно-разъездном катере "Стремительный", дали команду забрать пассажира на площади Ленина. Подойдя, увидел, что пассажир никто иной как Евстигнеев. Представился. Он зашел на катер. Мы отвезли его к Чкаловской лестнице. Вот такая встреча была.

В 1985 г. получили в Ленинграде ледокол "Капитан Зарубин" (он до этого работал в Обь-Иртышском пароходстве). Повели его в финский г. Котка на капремонт. Ледокол впечатлял как внешним изяществом, так и внутренним благоустройством. А мощность его двигателей почти вчетверо превосходила работавшие тогда ледоколы "Ока" и "Дон".

Таким образом, в первый и последний раз попал за границу. Пробыли мы там три месяца. После ремонта работал на ледоколе до 2002 г. К этому времени посчитали, что нам такой ледокол не нужен и продали его в Северо-Западное пароходство. Семнадцать лет ледокол "Капитан Зарубин" бороздил просторы Волги и ее притоки, а также воды Ладожского и Онежского озер. Много доброго было сделано этим судном. Осенью провожали запоздалые караваны с севера на юг и обратно. Весной вскрывали лед, пробивали ледяные заторы. Один раз ледокол использовали в качестве электростанции для завода "Красное Сормово", когда там произошла авария на электроподстанции. Рыбаки, любители подледного лова, до сих пор вспоминают с раздражением этот ледокол. Завидев его за несколько километров, они вынуждены были быстро сматывать удочки и бежать к своему берегу (если кто-то прозевает, потом сложно было туда вернуться). Был случай в Онежском озере. "Капитан Зарубин" сделал колею во льду и ушел дальше. Чуть позже ледокол "Нева", намного меньшей мощности, проводил сухогруз. "Нева" ушла где-то на пару миль вперед, а сухогруз начало сжимать льдом. Пока маломощный ледокол развернулся и подошел – сухогруз погрузился на глубину 23 метра. Команда в полном составе сошла на лед» [3]. После ледокола дед отработал еще одну навигацию и ушел на пенсию.

На протяжении 55 лет бок о бок по жизни с моим дедом бабушка Римма Ивановна Дмитриева. Она родилась 7 октября 1936 г. в деревне Спасск Вачского района Горьковской области. В 1953 г. уехала из деревни в г. Вязники, где работала ткачихой на местной ткацкой фабрике и училась в школе рабочей молодежи. В том же году у нее умер отец – дали знать о себе раны, полученные на фронте. Осталось четыре младших сестры. Римма им помогала всем, чем могла. В 1962 г. она вышла замуж и переехала в Горький. Работала на льнокомбинате «Красный Октябрь», матросом на теплоходе вместе с мужем, больше 20 лет проработала на заводе «Двигатель революции». Родила двоих детей – Марину и Михаила [4].

Это мои самые дорогие, любимые люди. Они меня многому научили: наблюдать за природой и бережно к ней относиться, помогать по дому и хорошо учиться. Иметь такую семью – это счастье, гордость, но в то же время и большая ответственность. И мой долг – жить и учиться так, чтобы быть достойным памяти своих предков.

Источники и литература

1. Воспоминания Ю.Н. Сенотрусова, сост. 30 сентября 2017 г. // Хранятся в личном архиве Ю.М. Дмитриева.

2. Воспоминания Т.Б. Сенотрусовой, сост. 1 октября 2017 г. // Хранятся в личном архиве Ю.М. Дмитриева.

3. Воспоминания В.К. Дмитриева, сост. 20 сентября 2017 г. // Хранятся в личном архиве Ю.М. Дмитриева.

4. Воспоминания Р.И. Дмитриевой, сост. 15 сентября 2017 г. // Хранятся в личном архиве Ю.М. Дмитриева.

УДК 908

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА: ЖИЗНЬ И СУДЬБА ОДНОЙ ТРУДОВОЙ ДИНАСТИИ

THE RAILROAD: LIFE AND FATE OF ONE LABOUR DYNASTY

Т.О. Новикова[1], С.В. Завьялова[2]

T.O. Novikova, S.V. Zavyalova

[1] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, студентка;

[2] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, кандидат исторических наук, преподаватель

603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5а

E-mail: zavyalova_sv@mail.ru

Аннотация: В статье кратко раскрываются основные вехи жизненного и рабочего пути представителей трудовой династии Грачёвых-Новиковых – профессиональных железнодорожников, мастеров своего дела.

Ключевые слова: железная дорога, трудовая династия, Ольга Петровна Грачёва, Аркадий Андреевич Грачёв, Вера Аркадьевна Новикова, Олег Александрович Новиков, Ольга и Татьяна Новиковы.

Summary: The article briefly describes the main milestones of the life and work path of the representatives of the labor dynasty Grachevs-Novikovs – professionals of the railroad and masters of their craft.

Key words: railway, labor dynasty, Olga Gracheva, Arkady Grachev, Vera Novikova, Oleg Novikov, Olga Novikova and Tatiana Novikova.

Слово «династия» в одном из своих значений (как правило, в сочетании с прилагательным «трудовая») – это два или более поколений близких родственников, работающих в одной отрасли на протяжении многих лет и передающих свой опыт младшим. Можно привести многочисленные примеры трудовых династий, каждая из которых интересна по-своему. Лучшим примером стабильности любой организации является сохранение существующих рабочих династий, а также возникновение новых.

Три поколения семьи Новиковых – профессиональные железнодорожники.

Вначале речь о старшем поколении трудовой династии. Бабушка, Ольга Петровна Грачёва, родилась в городе Абакан Хакасской автономной области в 1934 г. Еще до войны их семья переехала в город Муром Владимирской области. Здесь она окончила школу и в 17-летнем возрасте устроилась телеграфисткой в Муромскую дистанцию сигнализации и связи тогда еще Казанской железной дороги. Без отрыва от производства она окончила вечернюю среднюю школу. Через пять лет ее назначили на должность телефонистки местной телефонной станции, а еще через пять лет – телефонистки загородного коммутатора. Окончила курсы электромехаников связи в Казанской технической школе, после чего долго работала электромехаником дальней автоматической телефонной связи в цехе АТС. Много раз за высокие показатели в работе ей объявлялись благодарности, она являлась ударником коммунистического труда, за активное участие в развитии железнодорожного транспорта СССР награждена знаком «150 лет железным дорогам». За долголетний добросовестный труд бабушка награждена медалью «Ветеран труда». Ее общий стаж работы составил 43 года [1].

Дедушка, Аркадий Андреевич Грачёв, родился в деревне Просеницы под Муромом в 1937 г. Школу окончил в Муроме, затем три года служил в рядах Советской Армии в Германии. После демобилизации был принят в Муромскую дистанцию сигнализации и связи на должность рабочего связи. Через год он поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, по окончании которого был назначен электромехаником связи, а год спустя – старшим электромехаником связи участка Муром - Черусти. С 1979 г. работал начальником производственного участка. Не раз дедушка повышал свою квалификацию без отрыва от производства во Всесоюзном заочном институте инженеров железнодорожного транспорта по специальности «Автоматика, телемеханика и связь». За высокие производственные показатели, по итогам работы дорожного социалистического соревнования, за внедрение новой техники дедушка имел поощрения и награждения. Он так же, как и бабушка, являлся

ударником коммунистического труда. Общий трудовой стаж дедушки составил 28,5 лет [2].

Бабушка и дедушка, работая вместе в дистанции сигнализации и связи, познакомились и создали семью. Обе их дочери тоже пошли по родительским стопам. Одна из них, Татьяна Аркадьевна, после окончания Московского института железнодорожного транспорта трудится 29 лет на Приволжской железной дороге.

Мама, Вера Аркадьевна Новикова, родилась в 1969 г. После окончания школы в 1986 г. поступила в Горьковский техникум железнодорожного транспорта по специальности «Проводная связь на железнодорожном транспорте». Получив в 1989 г. диплом с отличием, она продолжила трудовую династию в Муромской дистанции сигнализации и связи в должности электромонтера РТУ СЦБ. Через два года стала электромехаником-приемщиком РТУ СЦБ. В 2005 г. без отрыва от производства она окончила с отличием Российский государственный открытый технический университет путей сообщения (Нижегородский филиал). И по сей день трудится уже в Муромской дистанции СЦБ Горьковской дирекции инфраструктуры Горьковской железной дороги – филиала ОАО «РЖД» в должности электромеханика-приемщика РТУ. В 2013 г. за участие в Дорожном конкурсе «Лучший работник РТУ хозяйства автоматики и телемеханики» она получила диплом за второе место. Также Вера Аркадьевна награждена грамотой за добросовестный и безупречный труд на железнодорожном транспорте, за проявленную инициативу в работе и высокий профессионализм. Мамин стаж работы составляет 28,5 лет [3].

Папа, Олег Александрович Новиков, родился в 1969 г. в п.г.т. Бутурлино Горьковской области. Как и мама, после окончания средней школы он поступил в Горьковский техникум железнодорожного транспорта по специальности «Проводная связь на железнодорожном транспорте». После его окончания и службы в армии, в 1991 г. Олег Александрович устроился на работу в Муромскую дистанцию сигнализации и связи электромонтером СЦБ, а затем – электромехаником СЦБ. Через два с небольшим года он был назначен старшим электромехаником СЦБ. За время трудовой деятельности папа награжден почетными грамотами начальника Муромского отделения Горьковской железной дороги (филиала ОАО «РЖД»), Президента ОАО «РЖД» за высокие достижения в труде, проявленную инициативу при выполнении производственных заданий; также ему объявлена благодарность начальника Горьковской железной дороги за качественное проведение реконструкции железнодорожного моста через Оку. В 2010 г. Олегу Александровичу присвоили звание «Почетный работник Горьковской железной дороги» с вручением медали. Папин стаж работы составляет 26 лет [4].

В июле 2017 г. начальник Горьковской железной дороги вручил Олегу Александровичу и Вере Аркадьевне Новиковым грамоту «За крепость семейного союза, основанного на взаимной любви и верности, за воспитание детей достойными членами общества, за достигнутое благополучие, обеспеченное совместным трудом» и медаль «За любовь и верность».

Для детей, родившихся и выросших в потомственной семье железнодорожников, вопроса, какую избрать специальность, куда пойти учиться после окончания школы, обычно не существует: конечно же, в железнодорожный вуз или колледж.

Старшая сестра Ольга пошла по стопам родителей. Она, в 2016 г. окончив с отличием Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения, уже год трудится в Муромской дистанции СЦБ в группе технической документации. Ее муж Максим, окончив тот же университет, работает электромехаником СЦБ. Они являются молодыми специалистами.

Общий трудовой стаж нашей железнодорожной династии составляет 157 лет.

И мне тоже хочется работать там же, где работали бабушка и дедушка, где работают сейчас мама и папа, где трудится Олина молодая семья, но для этого надо учиться, получать знания, которые пригодятся мне на производстве. Для достижения своей цели я выбрала обучение в Нижегородском филиале Самарского государственного университета путей сообщения на отделении «Автоматика и телемеханика на железнодорожном транспорте».

Источники и литература

1. Биография Грачёвой Ольги Петровны // Хранится в личном архиве семьи Новиковых.

2. Биография Грачёва Аркадия Андреевича // Хранится в личном архиве семьи Новиковых.

3. Биография Новиковой Веры Аркадьевны // Хранится в личном архиве семьи Новиковых.

4. Биография Новикова Олега Александровича // Хранится в личном архиве семьи Новиковых.

УДК 908

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ В ЭКСПОЗИЦИИ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ ПОСЕЛКА МУХТОЛОВО

THE SOVIET PERIOD OF HISTORY IN THE EXPOSITION OF THE SCHOOL MUSEUM OF THE VILLAGE OF MUKHTOLOVO

К.В. Сергачёва

K.V. Sergacheva

Арзамасский техникум строительства и предпринимательства,
преподаватель
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Мира, д. 1
E-mail: kseniasergacheva@mail.ru

Аннотация: В данной статье показано, как события советского периода истории отражены в экспозиции школьного краеведческого музея поселка Мухтолово.

Ключевые слова: Мухтолово, краеведческий музей, экспозиция, экспонат, советский период.

Summary: This article shows how the events of the Soviet period is reflected in the exposition of the school Museum of the village of Mukhtolovo.
Key words: Mukhtolovo, museum, exhibition, exhibit, soviet period.

В настоящее время одним из главных направлений в деятельности школы должно стать духовно-нравственное воспитание обучающихся. Это отнюдь не случайно. Современное общество – общество потребления – во главу угла ставит материальные блага. При этом отсутствие или недостаток духовного развития приводят к нравственному опустошению. В этих условиях залогом развития и укрепления будущего становится обращение к своим истокам. Приобщение к культурно-историческому наследию должно начинаться с познания своего края, своей малой родины.

Историческое краеведение – важный элемент школьного исторического образования. Именно оно является одним из источников обогащения обучающихся знаниями о родном крае, воспитания любви к нему, формирования гражданской позиции. От того, насколько хорошо школьники знают и любят историю своего края, зависит и глубина их патриотических чувств.

В поселке Мухтолово Ардатовского района Нижегородской области формирование духовно-нравственных ценностей, воспитание гражданственности и патриотизма у учеников осуществляется, в том числе, через школьный краеведческий музей. Музей существует с 1987 г. Он был создан Почетным гражданином Мухтолова, ветераном Великой Отечественной войны Григорием Степановичем Ериным (1918-1995), который почти четверть века отдал делу народного образования [1, с. 61].

В конце 1999 г. экспозиции музея были перенесены в Мухтоловскую среднюю школу № 1 и размещены в одной из классных комнат. До 2005 г. краеведческую работу в школе возглавляла учитель русского языка и литературы, завуч по воспитательной работе Татьяна Ивановна Кирячёва [1, с. 90; 2, с. 43]. После ее перевода в другое образовательное учреждение краеведческой и музейной работой стала заниматься учитель истории Елена Николаевна Сергачёва [3, с. 66]. Она же по сей день руководит краеведческим клубом «Истоки».

Советский период истории края в музейной экспозиции представлен довольно большим количеством экспонатов. Посетители музея имеют возможность увидеть гипсовый бюст В.И. Ленина, макет герба СССР, красные флаги, символику детских и молодежных организаций советского времени – октябрятский и комсомольские значки, пионерский галстук, горн, барабан, вымпелы пионерской и комсомольской организаций, журнал «Пионер», газету «Комсомольская правда». Оформлены альбомы и стенды, посвященные местным предприятиям, которые были созданы в период индустриализации. В музее выставлены образцы пошитой на Мухтоловской швейной фабрике спецодежды для работников лесного хозяйства, газовой и нефтяной промышленности, пожарной части. Представлены инструменты для добычи живицы, а также изделия лесных хозяйств: изготовленные из дерева оконные и дверные блоки, шторы, ведра [4].

В фондах музея собран материал о предприятиях поселка, их руководителях и работниках, о передовиках производства. Предприятия сыграли важную роль в становлении и развитии поселка, создании его промышленного статуса.

Развитию здесь лесной промышленности во многом способствовала железная дорога Москва – Казань, проходившая через поселок. Лесозавод, который был создан еще в 1911 г., принадлежал акционерному обществу Тренпеля и Поздняка. Позднее завод купил арзамасец Л.С. Перельштейн, который и являлся его владельцем до Октябрьской революции; затем завод был передан Арзамасскому объединенному управлению. С 1929 по 1935 г. предприятие поставляло продукцию на экспорт в Англию, Бельгию, Египет. Выполняло заказы Арзамаса, Нижнего Новгорода и развивавшейся промышленности СССР. В план вошли и спецзаказы: авиалафет, авиапонтон, авиабрусок, детали для судостроения и вагоностроения, для комбайнов на «Ростсельмаш».

В 1927 г. началась разработка лесных массивов, был организован леспромхоз. В 1936 г. на его базе создали Мухтоловский лесхоз. В открытом здесь столярном цехе изготовляли рамы, дверные и оконные блоки, оконные шторы из деревянной соломки. В 1950-1970-е гг. активно проводилась автоматизация и механизация производства.

В 1936 г. в Мухтолове было создано еще одно предприятие – нефтебаза. В то время было построено шесть резервуаров для хранения бензина, керосина, лигроина, моторных масел и топлива. В военный период и затем вплоть до 1962 г. предприятие обеспечивало горючим не только Мухтоловский, но и соседние (Ардатовский, Дивеевский, Вознесенский, Кулебакский, Выксунский и Навашинский) районы. Основной заботой коллектива было своевременное обеспечение горюче-смазочными материалами колхозов и совхозов юго-запада Горьковской области.

В первые годы Советской власти промышленность Советского Союза испытывала большую потребность в канифоли и терпентине. В 1937 г. в Мухтолове был образован химлесхоз – предприятие по добыче живицы для химической промышленности. В годы Великой Отечественной войны живица использовалась для выработки пороха и взрывчатых веществ.

В 1947 г. был построен новый корпус лесозавода, труд на котором постепенно механизировался. В декабре 1954 г. образована лесозаготовительная контора – ЛЗК, обеспечивавшая деловой древесиной колхозы безлесных районов.

В июне 1955 г. в поселке было организовано автотранспортное предприятие. Главными задачами коллектива были вывозка урожая из районов области и других областей, а также перевозка грузов и пассажиров на обширной территории юго-запада Горьковской области.

В 1957 г. на базе предприятия «Заготзерно» был образован хлебоприемный пункт, а в последующие годы построен хлебозавод.

В 1968 г. был разработан проект строительства в поселке швейной фабрики. К лету 1971 г. швейная фабрика уже выдала первую продукцию: хлопчатобумажные халаты и костюмы. В последующие годы ассортимент товаров расширялся, объемы реализуемой продукции постепенно росли. В 1978 г. при

фабрике был создан учебно-курсовой комбинат для осуществления профориентации и трудового обучения школьников. Предприятие стало флагманом промышленности не только Ардатовского района, но и всей области. Сегодня фирма «Мухтоловская спецодежда» является лидером легкой промышленности региона [5, с. 719-724].

Таким образом, посетители школьного краеведческого музея имеют возможность многое узнать о предприятиях, сыгравших важную роль в создании промышленного статуса поселка Мухтолово [6].

В экспозиции школьного музея отражен и военный период. Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для всего советского народа. В победу над фашистами внесли свой вклад и мухтоловцы. Уже 22 июня 1941 г. многие из них были призваны в ряды Красной Армии для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Всего из поселка за годы войны на фронт ушло 1.200 мужчин; более 600 из них погибли, защищая Родину [7, с. 220]. Отличились в боях и женщины.

В нашем музее представлены экспонаты военного времени: личные вещи солдат (кружка, ложка, фляжка); макет бомбы, осколки снаряда, гильзы от патронов, немецкая каска; письмо с фронта, газеты военного времени. В музее выставлен и бюст великого полководца Г.К. Жукова [4].

На музейных стендах представлены фотографии мухтоловцев – участников Великой Отечественной войны. Двое из них – Н.С. Моисеев и А.И. Попков – стали Героями Советского Союза. Их подвиги описаны в альбомах. Командир батареи Н.С. Моисеев отличился в июньских боях 1944 г. при форсировании Западной Двины. Обеспечив переправу на противоположный берег, батарея Моисеева уничтожила огнем значительную фашистскую группировку. Механик-водитель САУ-152 гвардии лейтенант А.И. Попков в боях по уничтожению окруженной группировки противника в районе польского города Глогува 19 марта 1945 г. вместе с экипажем разрушил 19 больших зданий, превращенных противником в опорные пункты, уничтожил 33 пулеметных точки и до 300 гитлеровцев.

В музее хранятся медали и ордена мухтоловцев – участников войны, а также Книга памяти [4].

Уникальным материалом нашего музея является земля с мест сражений – Халхин-Гола, Ленинграда, Сталинграда, привезенная в свое время создателем музея Г.С. Ериным.

Еще одним экспонатом музея является принадлежность каждого солдата – пенальчик из огнеупорного материала, в который вкладывался лист бумаги с персональной информацией о бойце. Именно по содержимому пенальчиков устанавливают сегодня личности без вести пропавших солдат.

Обращение к военно-исторической тематике, персоналиям, к вопросам военной повседневности путем прикосновения к подлинным предметам способствует пробуждению чувства патриотизма, гордости за своих предков, не щадивших своих жизней и спасших страну в тяжелой борьбе с опасным и жестоким противником.

Во второй половине XX века мухтоловцы принимали участие и в локальных войнах – Афганской и Чеченской, исполняя свой священный долг служения Отечеству. По сведениям поселковой администрации, в Афганской войне принимало участие 10 человек, двое из них погибли. В Чеченской кампании участвовало 46 человек, один из которых погиб.

В музее собран материал о воинах-афганцах – наших земляках. Оформлен стенд с их фотографиями. Информация об участниках боевых действий содержится в альбомах и в Книге памяти. В музее хранится удостоверение № 0114 от 30 мая 2001 г., выданное Александру Михайловичу Самсонову, награжденному (посмертно) медалью «За заслуги в пограничной службе» II степени [4]. Двадцатого октября 2012 г. была открыта мемориальная доска в память о воинах-интернационалистах А.М. Самсонове и В.Г. Макарцеве (в здании школы № 1, где они учились). Оба погибли при выполнении боевых задач. В.Г. Макарцев посмертно был награжден орденом Красной Звезды. Их подвиг увековечен в сердцах земляков, подрастающего поколения, которые должны знать о своих героях [6].

Школьный краеведческий музей с его богатыми фондами, раскрывающими историю нашего края, является не только центром образования и воспитания молодежи, но и важным элементом духовной культуры, хранителем лучших народных традиций. Его фонды не ограничены пространством и временем. Жители поселка заинтересованы в существовании и развитии музея. Главная задача образовательного учреждения, при поддержке местной администрации – сохранить краеведческий музей и его фонды, способствовать продолжению его деятельности на благо всего поселка.

Источники и литература

1. Знаменитые люди Ардатовского края XVI-XXI веков. Биографический словарь-справочник / отв. ред. А.В. Базаев. – Арзамас: АГПИ, 2002. – 250 с.

2. Бугров Ю.А. Мухтолово: от А до Я. – Курск: Издательский центр «ЮМЭКС», 2002. – 104 с.

3. Проняева Е.Л. Культурно-образовательная среда нижегородского села (на примере р.п. Мухтолово Ардатовского района) // Актуальные проблемы современной науки: сборник статей международной научно-практической конференции (19 мая 2015 г., г. Стерлитамак). – Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2015. – С. 64-68.

4. Книга учета музейных экспонатов // МБОУ Мухтоловская средняя школа № 1. Краеведческий музей.

5. Проняева Е.Л. Социально-экономическое развитие поселка Мухтолово в XVIII – начале XXI вв. // Наука молодых: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции, часть 1. 23-27 марта 2015 г., г. Арзамас / Ассоциация ученых г. Арзамас, Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ, Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас, 2015. – С. 719-724.

6. Запись беседы с учителем истории и обществознания Мухтоловской СОШ № 1 Е.Н. Сергачёвой // Хранится в личном архиве К.В. Сергачёвой.

7. Ардатовский край: прошлое и настоящее / сост. Л.В. Гладкова, А.В. Седов. – Н. Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 2000. – 366 с.

УДК 372.893

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ

THE ORGANIZATION RESEARCH ACTIVITY OF STUDENTS IN LEARNING HISTORY

О.В. Воробьева

O.V. Vorobyova

Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, доцент

607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

E-mail: istros2008@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы организации учебного исследования на уроке истории, предлагается возможный вариант формирования одного из сложных познавательных умений аргументации на основе обучения школьников историографическому анализу.

Ключевые слова: исследовательская деятельность, умение аргументировать, методика организации учебного исследования, историографический анализ.

Summary: The article concerns topical problems of organization of educational research in history class, the possible variant of formation of one of the complex cognitive abilities of reasoning on the basis of teaching students of historiographical analysis.

Key words: research activity, ability to reason, methods of organization of educational research, historiographical analysis.

«Школьник должен воспринимать историческую науку не в качестве собрания разрозненных фактов или готовых концепций, чем отягощены современные учебники, а живой наукой, насыщенной спорными вопросами и неразрешенными проблемами», – утверждает В.В. Блохин, участник рубрики «Актуальная тема: исследовательская деятельность учащихся на уроке истории» журнала «Преподавание истории в школе» [1, с. 4]. Следует с ним согласиться, поскольку целостного понимания истории не возникнет, если использовать в преподавании предмета лишь традиционные объяснительно-иллюстративные методы. Обучение основам исследовательской работы способствует решению обозначенной проблемы. Такой вид деятельности обладает более широким спектром возможностей по сравнению с обычной учебной практикой: школьник, решая проблему, находится в состоянии непрерывного поиска, поддерживается высокая степень познавательной активности; происходит преобразование самого субъекта учебной деятельности – формируются сложные умения – понимание задачи, формулирование гипотезы, целеполагание, аргументация.

На сегодняшний день интерес к исследовательской работе учащихся в процессе обучения истории достаточной высок. Это связано с тем, что в соответствии с ФГОС 2010-2012 гг. такой вид учебной деятельности становится обязательным на всех ступенях образования – в начальной, средней и старшей школе. Анализируя последние работы, посвященные методике организации учебных исследований в обучении истории в школе, необходимо остановиться на статье Е.А. Крючковой, которая выявляет особенности внедрения исследовательского метода в школе в разные периоды – начало 90-х, 2004 г., 2010-2012 гг. Указывая педагогические риски, она отмечает необходимость реализации исследовательского подхода через метапредметность [2, с. 17]. Автор обозначает проблему оценивания результатов исследовательской работы школьников, аморфности показателей для оценки; возможно, основой для разработки критериев могут послужить форматы заданий ЕГЭ по истории (на аргументацию и написание исторического сочинения).

Т.В. Шарманова и О.Б. Даутова предлагают традиционные модели организации исследовательской деятельности школьников. Т.В. Шарманова формулирует методические рекомендации по осуществлению каждого этапа работы. Автор настаивает на дифференцированном подходе к обучению, полагая, что лишь одаренные дети способны к исследовательской деятельности в школе. По ее мнению, разумное, дозированное внедрение элементов исследовательского метода в учебную практику позволит включить в активную работу подавляющее большинство школьников [3, с. 41-48].

Коллектив авторов во главе с О.Б. Даутовой выделяет три основные фазы учебного исследования (проектирование, технологическая и рефлексивная фазы), соотнося их со стадиями и этапами. Кроме того, данный коллектив разрабатывает матрицу согласования фаз технологии и универсальных учебных действий для основной школы, что позволяет в деталях понять алгоритм организации исследовательской деятельности школьников [4, с. 21-29].

Среди многочисленных работ А.Н. Иоффе, посвященных проектному методу, следует остановиться на статье, в которой автор указывает на разницу между проектом и учебным исследованием: *«Разработка проекта невозможна без проведения исследования, при этом исследование каких-то вопросов не обязательно воплощается в проект»* [5, с. 9]. Автор анализирует обучающий потенциал различных видов текстовых документов, предлагает формы и вопросы к анализу исторических источников для исследовательской работы учащихся, характеризует основные методы учебного исследования.

Таким образом, в методической литературе накоплен богатый опыт организации исследовательской деятельности школьников. Мы полагаем, что именно активное внедрение его в практику обучения истории позволит сформировать необходимые компетенции учащихся, а также подготовит их к выполнению таких заданий в формате ЕГЭ по истории, как задание 24 на аргументацию и задание 25 – написание исторического сочинения [6, с. 52-54].

Подробнее остановимся на методике обучения аргументации. Среди проблем по выполнению такого задания современные исследователи отмечают

следующее: зачастую в контрольно-измерительных материалах используются надуманные проблемные вопросы, которых нет в исторической науке, и соответственно их аргументация невозможна в принципе. Кроме того, сами разработчики не могут объяснить, что такое конкретизирующий аргумент-факт, который необходимо приводить как доказательство суждения [7, с. 14].

Анализируя работу школьников, необходимо остановиться на сложностях по формированию самого умения аргументировать. Любое познавательное умение развивается на основе чужого опыта. Свои собственные аргументы по решению проблемы учащиеся смогут приводить, если они усвоят алгоритм доказательства профессиональных историков. В этом случае полезен опыт учебного историографического анализа. О.М. Хлынина в своей статье определяет цели изучения историографических сюжетов на уроке, а также предлагает модель анализа [8, с. 34-39]. Во-первых, при знакомстве с оценками исторических событий необходимо научить школьника выявлять структурные элементы научного текста – пространство объекта исторического познания (как автор реконструирует прошлое, отвечая на вопросы «кто? что? где? когда?»; каким образом он его интерпретирует, давая ответ на вопрос «почему?») и пространство субъекта исторического познания (убеждения и ценности историка, круг используемых им исторических источников). Следующий шаг: обучение анализу версий историков (выявление обсуждаемой проблемы, формулирование мнения автора, определение аргументов (ссылки на данные исторических источников, на мнения других исследователей), оценивание степени убедительности мнения историка). Затем предполагается, что ученик подобным образом анализирует несколько различных интерпретаций, сравнивает их, группирует, объясняет причины многообразия, делает свой выбор и по отработанному алгоритму приводит свою аргументацию обсуждаемого вопроса.

На примере решения одного из «трудных вопросов», предлагаемых Историко-культурным стандартом, утвержденным в 2017 г., связанного с оценкой революции 1917 г., необходимо первоначально обратиться к кратким выводам, которые содержатся в одном из школьных учебников. С точки зрения советских историков, Октябрьская революция 1917 г. – величайшее событие, радикально изменившее ход истории, позволившее в дальнейшем стране развиваться быстрыми темпами и преодолеть вековую отсталость; по мнению либеральных историков, октябрьский переворот – трагедия, которая лишила Россию возможности развиваться в рамках демократии и привела к уничтожению миллионов человеческих жизней [9, с. 65-66]. Безусловно, столь краткие формулировки оценок позволят уяснить лишь смысл проблемной ситуации. Для обучения собственно историографическому анализу полезно обратиться к научным публикациям по данному вопросу [см., например: 10, с. 10-15; 11, с. 114-120]. На основе демонстрации анализа одной из позиций исследователей далее предлагаем самостоятельно выполнить задание по изучению противоположной версии в формате «бортовой журнал»:

- Выявите проблемный вопрос, связанный с историей Октябрьской революции в России.

- Определите позицию историка в отношении оценки революционных событий, суждение, которое он доказывает.
- Выпишите аргументы (доводы), доказываемые ученым.
- Укажите круг исторических источников, которые он использует.
- Перечислите факты-события, приводимые историком для доказательства своей оценки революции.
- Определите принадлежность исследователя к одному из историографических направлений (марксистское, либеральное).
- Выскажите суждение об убедительности выводов ученого.

После фронтальной проверки задания полезно предложить школьникам ознакомиться с рядом исторических документов, связанных с историей Октября [12, с. 385-415; 13-14]. Далее ученики по отработанному алгоритму формулируют собственную позицию и приводят аргументы с опорой на факты из изученных источников.

Подобная работа должна проводиться на уроках систематически, при изучении всех спорных вопросов истории. Именно обучение началам историографического анализа как необходимого этапа исследовательской деятельности поможет школьникам не только в выполнении экзаменационных заданий, но и сформирует сложные предметные компетенции.

Источники и литература

1. Блохин В.В. Исследовательская деятельность учащихся: от проблемного обучения к исследовательской работе // Преподавание истории в школе. – 2017. – № 3.

2. Крючкова Е.А. Основные подходы к исследовательской деятельности учащихся при изучении истории // Преподавание истории в школе. – 2017. – № 3.

3. Шарманова Т.В. Научно-исследовательская деятельность по истории как способ формирования ключевых компетенций в соответствии с ФГОС // Преподавание истории в школе. – 2016. – № 1.

4. Технология организации исследовательской деятельности // Современные педагогические технологии основной школы в условиях ФГОС / О.Б. Даутова, Е.В. Иваньшина и др. – СПб: КАРО, 2015.

5. Иоффе А.Н., Фирсова М.М. Проектно-исследовательская деятельность школьников в курсах истории и обществознания // Преподавание истории в школе. – 2017. – № 3.

6. Воробьева О.В., Домахин А.А. Проблемные вопросы методической подготовки к написанию исторического сочинения в формате ЕГЭ // Преподавание истории в школе. – 2015. – №10.

7. Соловьев Я.В. Проблемы задания 24 на аргументацию экзаменационной работы ЕГЭ по истории в отражении методических рекомендаций ФИПИ для экспертов региональных комиссий // Преподавание истории в школе. – 2016. – №10.

8. Хлынина О.М. Обучение приемам историографического анализа в старшей школе // Преподавание истории в школе. – 2011. – № 1.

9. Шестаков В.А. История России, XX – начало XXI века. 11 класс. – М.: Просвещение, 2014.

10. Тихонов В.В. Революция 1917 года в зарубежной исторической науке // Преподавание истории в школе. – 2017. – № 2.

11. Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? // Общественные науки и современность. – 2012 – № 5.

12. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней: учебное пособие. – М.: Проспект, 1999.

13. Зинин Ю.В. Россия – Революция – Гражданская война в оценках и воспоминаниях современников. – Пенза: Пензенская правда, 1993.

14. Клокова Г., Розенталь И. Россия. 1917 год. Учебное пособие. Пакет-комплект документов «История»: учебное пособие. – М.: Изд-во АО «Бюро Денди», 1993.

УДК 574/577

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ АРЗАМАССКОГО ГОСАРХИВА НА ВЫЯВЛЕНИЕ БИОЛОГИЧЕСКИХ ВРЕДИТЕЛЕЙ

RESEARCH OF ARZAMAS STATE ARCHIV'S DOCUMENTS TO IDENTIFY BIOLOGICAL PESTS

А.Д. Петрунина, В.Ю. Седова

A.D. Petrunina, V.Yu. Sedova

Арзамасский филиал, естественно-географический факультет, студентки

607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

E-mail: anas.petrunina2013@yandex.ru

Аннотация: Цель нашего исследования заключается в том, чтобы выявить вредителей, которые могут появиться на архивных документах при несоблюдении правил хранения. В ходе работы были обнаружены некоторые виды насекомых, не характерные для архивных помещений, и сформулированы причины их появления.

Ключевые слова: архивные документы, биологические вредители, условия хранения, грибы-деструкторы, беспозвоночные.

Summary: The aim of our research is to identify pests that may appear on archival documents if storage rules are not met. In the course of our work, some insect species that are not typical for archival rooms were found, and the reasons for their appearance have been formulated.

Key words: archival documents, biological pests, storage conditions, fungi-decomposers, invertebrates.

На протяжении многих столетий люди создают колоссальный объем разнообразной документации, в которой фиксируются все исторические этапы нашей жизни. Государство берет на себя ответственность за сохранность этого документального наследия. Для хранения этих культурно-исторических памят-

ников были созданы архивы. Основными задачами таких учреждений являются:

- сохранение многообразия видов и форм документов;
- сбережение от разрушительного «ветра» времени.

Сложность выполнения этих задач заключается в том, что никто и никогда не создавал документы для вечного хранения. Поэтому они недолговечны и достаточно легко разрушаются, особенно при неправильном содержании [1, с. 5].

Данная проблема на протяжении всего существования человечества будет важной и актуальной. Этот вопрос не обошел стороной и нас. В ноябре 2016 г. директор Арзамасского госархива А.А. Гурьянов обратился в наш университет с просьбой о проведении исследования, которое помогло бы выявить возможность биологической угрозы разрушения документов, хранящихся в Государственном архиве Нижегородской области, г. Арзамас (ГАНО, г. Арзамас).

Проведенное нами исследование заключалось в том, чтобы выявить вредителей, которые могут появиться на архивных документах при несоблюдении правил хранения.

Арзамасский госархив ведет свою историю с 1924 г. В настоящее время на хранении здесь находится 3.228 фондов общим объемом 422.130 дел за период 1681-2014 гг. Справочно-информационный фонд архива насчитывает более 8.000 книг, 636 подшивок газет, более 3.000 журналов. На 1.717 м^2 размещены пять архивохранилищ, помещение научно-справочной библиотеки, рабочие кабинеты, читальный зал. На хранении в архиве имеется уникальный документ «Благословенная грамота патриарха Иоакима на строительство церкви Владимирской иконы Божией Матери», включенный в 2012 г. в Государственный Реестр уникальных документов Нижегородской области.

В 2009-2010 учебном году на базе тогда еще Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара проводилось исследование архивных документов, направленное на выявление грибов-деструкторов. Результаты его были опубликованы в виде статьи [2, с. 5]. На тот момент архивное учреждение находилось в здании бывшего Спасо-Преображенского собора – самого старого из дошедших до нас каменных зданий Арзамаса, являющегося памятником архитектуры XVII века. Помещения, в которых хранились документы, не отапливались, поэтому температура воздуха внутри колебалась примерно от +28°С до –28°С, т.е. зависела от температуры воздуха окружающей среды. Влажность воздуха в помещениях составляла около 80%. Для защиты от естественного света использовались защитные светорассеивающие шторы. Документы, хранящиеся в архиве, находились в специальных коробках или папках, т.е. были закартонированы.

Всего было обследовано десять документов, из них четыре документа в 2009 г. и шесть документов в 2010-2011 гг. В 2009-2010 гг. из исследованных документов микроскопических грибов выделено не было. При изучении документов в 2010-2011 гг. с их поверхности были выделены грибы, относящиеся к таким родам, как Penicillium, Aspergillus, Cladosporium sp., Chaetomium,

Endomyces. Однако дальнейшее исследование по данной теме прекратилось, так как в тот период архив готовил документы к переезду в новое здание.

В 2015 г. Арзамасский госархив переехал в другое место (бывшее здание детского сада, в котором затем размещался филиал Современной гуманитарной академии) по адресу ул. Мира, д. 13А, которое до недавнего времени стояло заброшенным. Данное помещение изначально не было предназначено для хранения документов, поэтому не все условия соответствуют нормам, необходимым для их сохранности. Так, например, температура колеблется от +24°С до –18°С, при норме в +17°-19°С. Влажность воздуха в помещении составляет около 80%, при норме 50-55%.

Эти несоответствия и послужили поводом возобновить исследование архивных документов на наличие грибов-деструкторов и других вредителей.

В ходе исследования нами был проведен посев биологического материала, собранного с документов разного возраста (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Перечень документов, подвергшихся исследованию в первый посев

№ пробы	***Год создания документа***	***Вид повреждения***
1.	Ф-1. Оп. 1. Д. 243 (1858 г.)	Пигментные пятна коричневого цвета, желтый налет на середине страницы, неровные края.
2.	Р-1134. Оп. 1. Д. 145 (1936 г.)	По центру страниц обнаружены пигментные пятна, края не разрушаются.
3.	Р-2899. Оп. 2. Д. 653 (1985 г.)	По углам страниц заметен черный налет, а также пигментные пятна, края не разрушаются.

Для выделения и роста микроорганизмов была использована агаризированная среда Чапека-Докса:

- калий фосфорнокислый однозамещенный – 0,7 г;
- калий фосфорнокислый двузамещенный 3-водный – 0,3 г;
- магний сернокислый 7-водный – 0,5 г;
- натрий азотнокислый – 2,0 г;
- калий хлористый – 0,5 г;
- железо (II) сернокислое 7-водное – 0,01 г;
- сахароза – 30 г;
- вода дистиллированная – до 1000,0 $см^3$;
- пищевой агар – 20 г [3, с. 106].

В результате посева в чашках Петри образовались колонии бактерий. В пробах грибы не были выявлены. Мы предполагаем, что на документах отсутствуют жизнеспособные споры, а появление бактерий может свидетельствовать о том, что документы находились долгое время в условиях повышенной влажности. Доказательством этого могут являться пигментные пятна, встречающиеся на страницах.

Изначально целью нашего исследования было выявление грибов-деструкторов. Но сотрудники ГАНО, г. Арзамас на новом месте хранения документов обнаружили несколько видов насекомых. Они обратились к нам с просьбой: определить их вид и выяснить, могут ли они причинить вред архивным документам.

За помощью в определении видов мы обратились к к.б.н., доценту Н.В. Бусаровой. В результате были определены Скосарь малый черный (Otiorhychus ovatus), обыкновенная мухоловка (Scutigera coleoptrata) и костянка обыкновенная (Lithobius forficatus).

Скосарь малый черный (Otiorhychus ovatus)

Царство: Животные
Тип: Членистоногие
Класс: Насекомые
Отряд: Жесткокрылые
Семейство: Долгоносики
Род: Скосари
Вид: Скосарь малый черный.

Жук длиной 4,5-5,5 мм. Окраска тела варьирует от темно-бурого до черного, блестящая. Усики и лапки красновато-бурого цвета. Надкрылья в серых волосках, сросшиеся в бороздках в виде точек. Крылья отсутствуют.

Это насекомое является палеарктическим видом, т.е. он типичный обитатель горных районов. Центры развития известны в Альпах, в Карпатах, на Кавказе. В России – европейская часть и Прибайкалье.

Малый черный скосарь является многоядным вредителем. Взрослая особь повреждает плодовые деревья, землянику, различные хвойные и лиственные породы.

Мы не можем сказать, каким образом жук попал в здание архива. Возможно, что он жил там и раньше, но, судя по спектру питания, он может питаться бумагой (целлюлозой), особенно старой, поэтому малый черный скосарь вполне может нанести урон документам Арзамасского госархива.

Основные меры борьбы – это сбор насекомых вручную, а также обработка химическими веществами (однако химические реагенты также могут негативно повлиять на документы).

Обыкновенная мухоловка (Scutigera coleoptrata)

Тип: Членистоногие
Подтип: Многоножки
Класс: Губоногие
Отряд: Scutigeromorpha
Семейство: Scutigeridae
Род: Scutigera
Вид: Обыкновенная мухоловка.

Взрослая обыкновенная мухоловка достигает в длину 35-60 мм. Цвет тела желтовато-серый или коричневый с тремя красновато-фиолетовыми или синеватыми полосами вдоль тела, ноги также полосатые.

Ареал ее распространения широк. Она встречается в Южной Европе, Ближнем Востоке, на территории Украины, а также в южных регионах России и в Поволжье.

Это насекомое является хищником на мух, тараканов, пауков, блох и других мелких членистоногих. Очень часто мухоловку можно встретить на стенах домов и сараев.

В период похолодания мухоловка ищет укрытие в доме человека. Насекомое селится во влажных местах: в подвалах и ванных комнатах. Известно, что этот вид многоножек вреда человеку, мебели и пищи не приносит [4, с. 121].

Таким образом, появление мухоловки обыкновенной в здании архива может быть объяснено повышенной влажностью. Также, возможно, она могла оказаться в помещении, охотясь на других беспозвоночных.

Обыкновенная костянка (Lithobius forficatus)

Тип: Членистоногие
Подтип: Трахейные
Надкласс: Многоножки
Класс: Губоногие
Отряд: Костянки
Семейство: Костянки
Род: Костянки
Вид: Обыкновенная костянка.

Взрослая особь достигает 18-30 мм в длину и 4 мм в ширину. Тело имеет темно-коричневый окрас, сплюснуто в спинно-брюшном направлении, поэтому она может проникать в тесные пространства. У нее насчитывается 35-49 сегментов тела, 15 пар крепких ног и длинные усики.

Данный вид можно встретить в лесной подстилке, гнилой древесине и под фундаментом домов на территории Европы. Костянка может появиться даже в обыкновенной квартире, в которой повышена влажность. Костянка является хищником и питается в основном пауками и червями. Она достигает высокой активности при низких температурах, что помогает ей охотиться на крупных насекомых [4, с. 120].

Итак, обнаружение обыкновенной костянки в здании архива можно объяснить тем, что когда-то в здании была довольно низкая температура и повышенная влажность воздуха. Весьма вероятно, что при изменении условий (температура и влажность) это насекомое уйдет из помещения архива.

Таким образом, на основе полученных данных мы можем констатироавать, что в помещениях Арзамасского госархива повышена влажность, которая и является одним из важных факторов появления насекомых. Еще одной причиной увеличения численности биологических вредителей могут быть бытовые коробки и ящики, оставленные в здании после переезда. Изучение особенностей жизнедеятельности позволяет сказать, что обыкновенная мухоловка и обыкновенная костянка не могут нанести вред архивным документам, так как являются хищниками, в то время как скосарь малый черный – это растительно-

ядное насекомое, поэтому бумага (целлюлоза), особенно натуральная, вполне может войти в рацион его питания. Таким образом, данное насекомое способно нанести вред документам.

Подводя предварительные итоги проведенного нами исследования, можно сделать вывод о том, что его результаты не дают полной уверенности в отсутствии грибов на архивных документах (поскольку одного посева недостаточно). Для получения более точных результатов необходимы дополнительные исследования, которые будут проведены в дальнейшем.

Источники и литература

1. Привалов В.Ф. Обеспечение сохранности архивных документов на бумажной основе: методическое пособие / Росархив. ВНИИДАД. – М, 2003. – 112 с.

2. Трифонова С.Н., Климов Е.А. Выявление биоповреждений архивных документов на бумажных носителях в ГАНО, г. Арзамас // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов научно-практической конференции (10 декабря 2009 г.). Выпуск VI / под общ. ред. В.И. Грубова; АГПИ им. А.П. Гайдара, ГАНО г. Арзамас. – Арзамас: АГПИ, 2010. – С. 141-144.

3. Практикум по микробиологии: учебное пособие / под ред. Н.С. Егорова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 307 с., ил.

4. Жизнь животных. В 7-ми тт. / гл. ред. В.Е. Соколов. Т. 3. 5К71 Членистоногие: трилобиты, хелицеровые, трахейнодышащие. Онихофоры; под ред. М.С. Гилярова, Ф.Н. Правдина. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1984. – 463 с., ил.

НАШИ АВТОРЫ

Андронов Алексей Сергеевич – экскурсовод Музея русского патриаршества в г. Арзамасе; магистрант историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Архипова Вера Вадимовна – студентка историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Арясов Николай Васильевич – магистрант Марийского государственного университета.

Балахонова Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, учитель истории МБОУ «СШ № 7 им. А.П. Гайдара», г. Арзамас.

Варенцова Лариса Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Воробьёва Ольга Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Гурьянов Алексей Александрович – директор ГАНО, г. Арзамас.

Давыдова Елизавета Алексеевна – студентка Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ.

Дмитриев Юрий Михайлович – ученик 11-го класса МБОУ «Школа № 91 с углубленным изучением отдельных предметов», г. Нижний Новгород.

Ефимов Олег Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Завьялова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель филиала Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде.

Инжутов Александр Алексеевич – директор Шатковского районного историко-краеведческого музея.

Исаков Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории России Арзамасского филиала ННГУ.

Кауркин Радислав Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических наук Высшей школы экономики, г. Нижний Новгород.

Клюшина Александра Евгеньевна – архивист Российского Федерального ядерного центра – Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (РФЯЦ – ВНИИЭФ).

Колосунин Евгений Викторович – преподаватель Арзамасского приборостроительного колледжа им. П.И. Пландина.

Коннова Ольга Николаевна – научный сотрудник Историко-художественного музея г. Арзамаса.

Косолапова Ирина Сергеевна – научный сотрудник Историко-художественного музея г. Арзамаса.

Краснов Антон Александрович – учитель истории МБОУ СОШ № 43, г. Нижний Новгород.

Кудряшова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Арзамасского филиала ННГУ.

Кузнецова Анастасия Игоревна – студентка факультета гуманитарных наук НГПУ.

Кузнецова Оксана Владимировна – ведущий архивист ГАНО, г. Арзамас.

Кузьмина Ангелина Игоревна – студентка историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Ляпин Дмитрий Александрович – аспирант кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории ННГУ; учитель истории МБОУ «Лицей № 15 им. академика Ю.Б. Харитона», г. Саров.

Маслова Екатерина Ивановна – менеджер музея «Природа» им. С.И. Трофимова музейно-выставочного центра (р.п. Выездное Арзамасского района).

Нагорных Ольга Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук НижГМА.

Неупокоева Валентина Юрьевна – студентка историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Никифорова Валерия Викторовна – студентка факультета гуманитарных наук НГПУ.

Николаев Дмитрий Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Новикова Татьяна Олеговна – студентка филиала Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде.

Пакшина Наталья Алексеевна – кандидат технических наук, доцент кафедры «Прикладная математика» Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ.

Петрунина Анастасия Дмитриевна – студентка естественно-географического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Петряшин Анатолий Сергеевич – кандидат исторических наук, архитектор-реставратор, член Союза архитекторов России (г. Арзамас).

Подрепный Евгений Ильич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Потанин Сергей Николаевич – арзамасский краевед, депутат Красносельского сельсовета Арзамасского муниципального района.

Потороев Андрей Васильевич – учитель истории МБОУ «Берёзовская СШ» Арзамасского района.

Родина Галина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Саечников Владислав Сергеевич – кандидат исторических наук, сотрудник корпорации «Электронный архив».

Свистунова Екатерина Сергеевна – магистрант историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Седова Виктория Юрьевна – студентка естественно-географического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Сергачёва Ксения Валерьевна – преподаватель Арзамасского техникума строительства и предпринимательства; магистрант историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Скрябина Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Историко-художественного музея г. Арзамаса.

Смирницкий Александр Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин НГПУ.

Смирнов Александр Юрьевич – студент факультета гуманитарных наук НГПУ.

Соколов Дмитрий Антонович – студент историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Сочнев Юрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Высшей школы экономики, г. Нижний Новгород.

Субботина Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономика и управление в машиностроении» Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ.

Титков Евгений Павлович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-методического центра по изучению дискуссионных вопросов отечественной истории (Арзамасский филиал ННГУ).

Харчевников Артём Владимирович – студент филиала Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде.

Харчевникова Нина Алексеевна – ведущий библиотекарь Пушкарёвской библиотеки Сокольского района Нижегородской области.

Хорева Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

Шаматова Юлия Юрьевна – студентка историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Щетинин Алексей Иванович – аспирант кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала ННГУ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

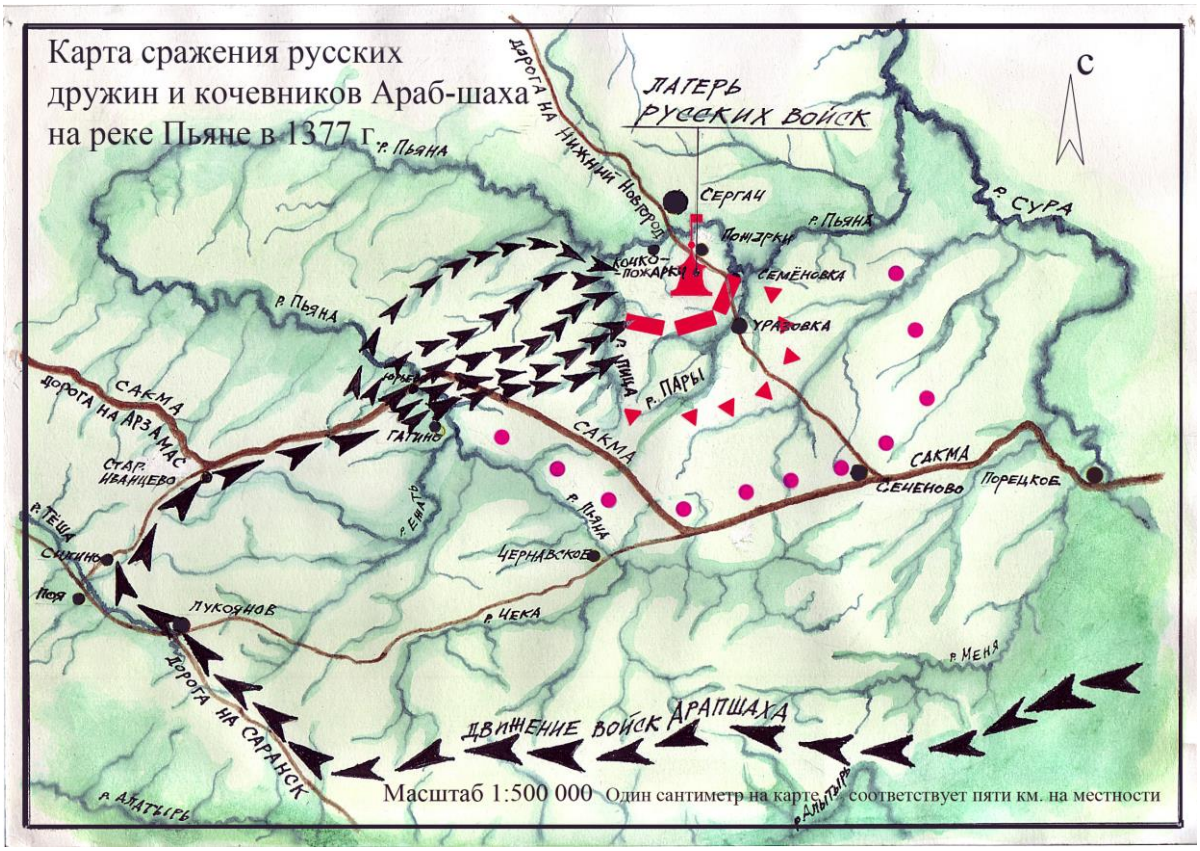

Рис. 1. Карта сражения русских дружин и кочевников Араб-шаха на реке Пьяне в 1377 г.

Приложение 2

Рис. 1. План Нижнего Новгорода 1769 г.
(приводится по изданию: Филатов Н.Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История. Архитектура. – Горький, 1989. – С. 10-11):

К – каменный кремль. Башни: ***1*** – Георгиевская; ***2*** –Дмитриевская; ***3*** – отводная стрельница Дмитриевских ворот; ***4*** – Ивановская;

М.О. – Малый острог; ***Б.О.*** – Большой острог; ***Ч.П.*** – Черный пруд; ***Т*** – район Нижнепосадского торга; ***5*** – Спасо-Преображенский собор (теплый и холодный храмы); ***6*** – комплекс зданий митрополичьего дворца; ***7*** – Михайло-Архангельский собор; ***8*** – собор бывшего Воскресенского монастыря; ***9*** – Георгиевская церковь; ***10*** – верхнепосадские палаты Пушниковых; ***11*** – таможенная палатка Мытного рынка; ***12*** – Мироносицко-Знаменская церковь; ***13*** – «Дом Петра»; ***14*** – церковь Иоанна Предтечи на торгу; ***15*** – Ильинская церковь; ***16*** – церковь Успения на Ильинской горе; ***17*** – палаты А. Олисова; ***18*** – Сергиевская церковь на «Петушке»; ***19*** – палаты Пушниковых; ***20*** – комплекс Строгановских храмов; ***21*** – церковь Спаса (Богоявления) на Гремячьем ручье; ***22*** – Благовещенский монастырь; ***23*** – Никольская церковь на «Гребешке».

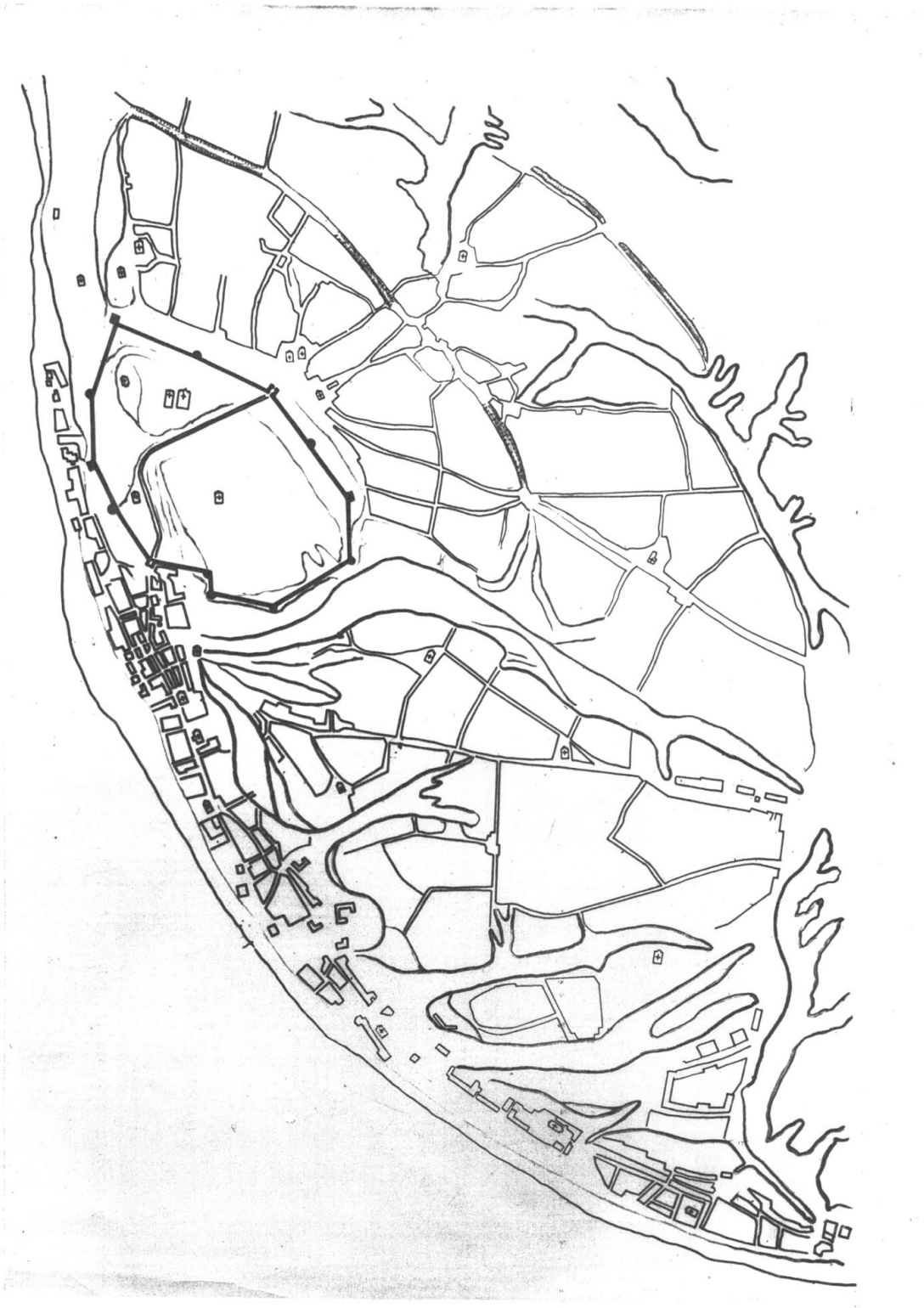

Рис. 2. План Нижнего Новгорода 1770 г.
(из архива В.Ф. Черникова)

Приложение 3

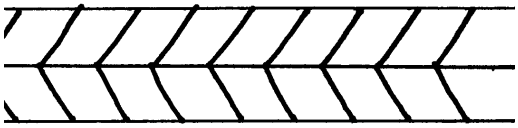

Рис. 1. Вариант орнаментального мотива первой группы («Ёлочка»).

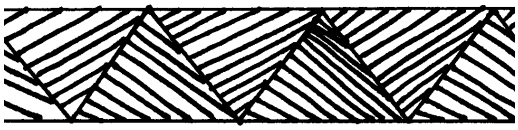

Рис. 2. Вариант орнаментального мотива второй группы.

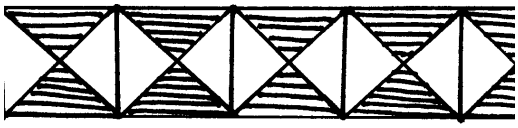

Рис. 3. Вариант орнаментального мотива третьей группы.

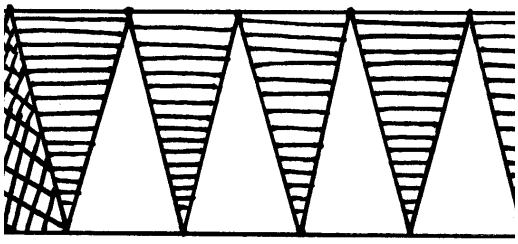
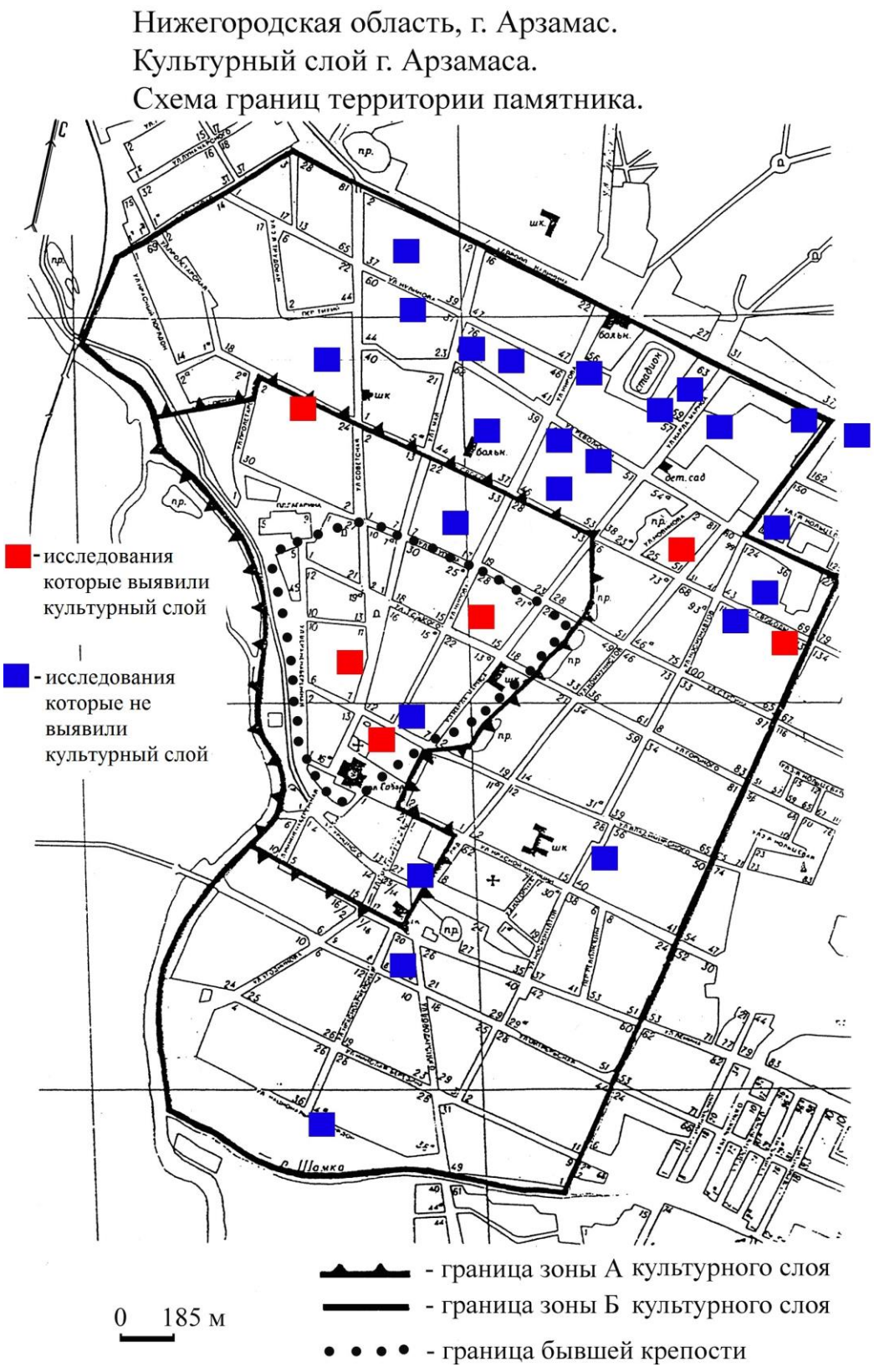
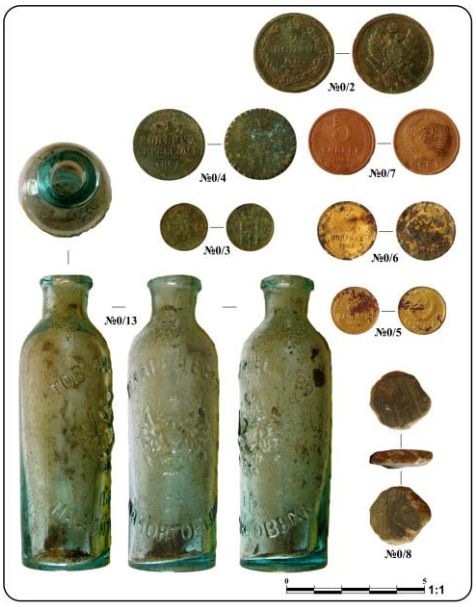

Рис. 4. Вариант орнаментального мотива четвертой группы.

Приложение 4

Илл. 1. Схема границ территории памятника.

Илл. 2. Раскоп 1. Пласт 0. Индивидуальные находки: № 0/1 – монета-пуло (медь), XVII (?) век; № 0/2 – монета 2 копейки (медь), 1814 г.; № 0/3 – монета «денежка» (медь), 1854 г.; № 0/4 – монета «1 копейка серебром» (медь), 1841 г.; № 0/5 – монета 2 копейки (медно-никелевый сплав), 1949 г.; № 0/6 – монета 3 копейки (медно-никелевый сплав), 1949 г.; № 0/7 – монета 5 копеек (медно-никелевый сплав), 1961 г.; № 0/8 – заготовка игральной фишки из стенки сосуда (глина); № 0/13 – бутылочка с гербовым орлом и надписью «Товарищество бр. Мамонтовых», Россия, конец XIX – начало XX вв.

Илл. 3. Раскоп 1. Пласт 2. Индивидуальные находки: № 2/29 – фрагмент курительной трубки (глина), Россия, XVIII век; № 2/30 – фрагмент белоглиняной игрушки-лошадки с росписью красным ангобом (глина), XVIII век; № 2/60 – игральная шашка из стенки сосуда (глина); № 2/27 – фрагмент тигля (глина); № 2/73 – два фрагмента красноглиняных рельефных «муравленых» изразцов (глина), XVII-XVIII вв.

Илл. 4. Раскоп 1. Пласт 4. Индивидуальные находки: № 4/100 – донце тарелки с клеймом «И.Е. Кузнецова на Волхове» (фаянс), конец XIX – начало XX вв.

Приложение 5

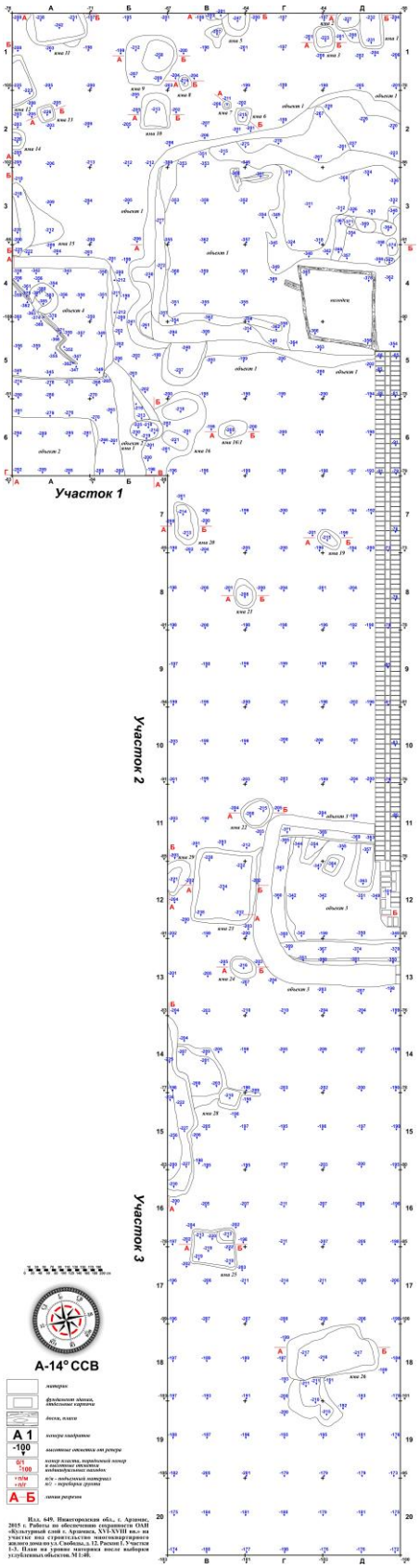

Рис. 1. Расположение объектов на территории раскопа.

Приложение 6

Фото 1. Фрагмент экспозиции.

Фото 2. Экспонаты выставки.

Приложение 7

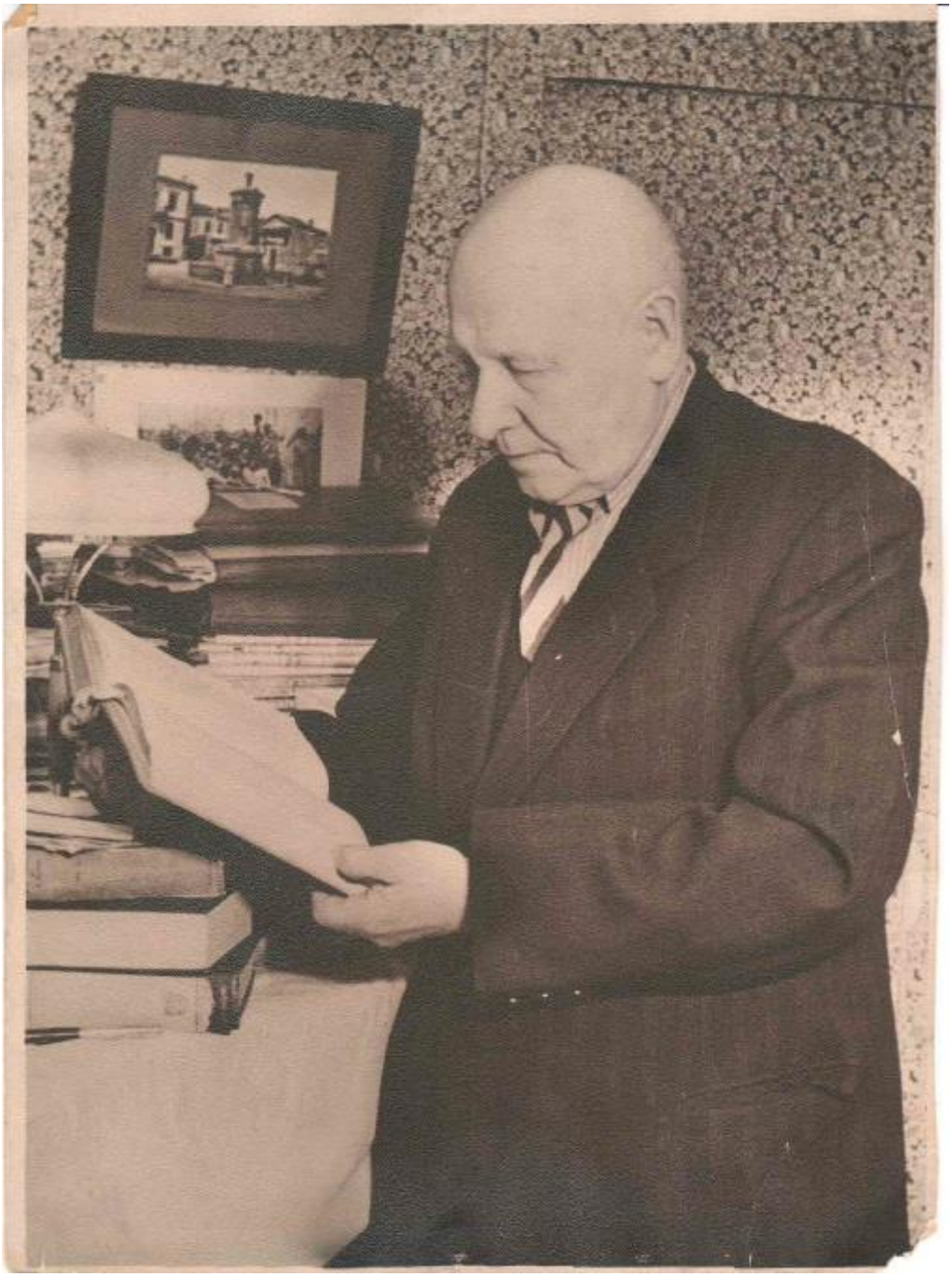

Фото 1. Сергей Иванович Архангельский.

Приложение 8

Фото 1. Старообрядческая церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Чернуха (фото Ю.Ю. Шаматовой).

Фото 2. Чернухинский скит в начале XX века (фото М.П. Дмитриева).

Приложение 9

Фото 1. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Виняево.

Фото 2. Церковь Вознесения Господня в селе Виняево.

Фото 3. Иконостас в церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Фото 4. Фрагмент внутренней росписи
в церкви Успения Пресвятой Богородицы.

На последней странице обложки:
Памятник Патриарху Московскому и всея Руси Сергию (Страгородскому)
в Арзамасе, 2017 г.
(скульптор В.М. Потапин, архитектор Ю.Н. Карцев).

Научное издание
ВОПРОСЫ АРХИВОВЕДЕДЕНИЯ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
Сборник статей участников
XV Региональной научно-практической конференции
7 декабря 2017 г.

Выпуск XIV

Технический редактор С.П. Никонов
Корректор Н.В. Жучкова
Верстка, вывод оригинал-макета З.Ю. Скочигоровой

Подписано в печать 19.03.2018. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 15,6. Тираж 300. Заказ № 10/18

Издательство Арзамаского филиала ННГУ
607220 г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, 36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000 г. Н.Новгород, ул. Б. Покровская, 37